Дэниел Есприт
ПАКТ 2140

This is a work of fiction. Similarities to real people, places, or events are entirely coincidental.

ΠΑΚΤ 2140

First edition. April 28, 2026.

Copyright © 2026 Daniel Esprit.

ISBN: 979-8235616745

Written by Daniel Esprit.

я снимаю с себя оболочку за оболочкой, и наконец... не знаю, как описать, -- но вот что знаю: я дохожу путем постепенного разоблачения до последней, неделимой, твердой, сияющей точки, и эта точка говорит: я есмь! -- как перстень с перлом в кровавом жиру акулы, -- о мое верное, мое вечное... и мне довольно этой точки, -- собственно, больше ничего не надо.

Владимир Набоков. Приглашение на казнь.

Глава 1. Вот и ты

К дому они подъехали одновременно со штурмовиками. Марк узнал их фургон — Высокий и Болтун, как он называл их про себя. Шлемы скрывали лица: одинаковый тонированный пластик и стеклянный прямоугольник вместо глаз. Высокий кивнул Марку и Диане; Болтун направился к двери.

— Что там? — спросил Марк.

— Опять наркоман, наверное, — отозвался Болтун. Голос его, искаженный фильтром, звучал безлично. — Бьет бабу. Слава богу, последний вызов на сегодня.

Подъезд встретил их тусклой лампой под потолком и граффити на стенах. Свет мигал, оставляя пятна тьмы между пролетами. На втором этаже гремела посуда, срывались крики.

— Полиция! — рявкнул Высокий и ударил ногой в дверь. С биопротезом он ломал их мастерски.

Первым ворвался Болтун. На миг все стихло, затем простучала сухая очередь из автомата. Женский плач пробился сквозь звон в ушах.

— Чисто! — крикнул Болтун.

Марк вошел следом за Дианой. Вонь ударила в лицо: кислый табак, моча. Он поморщился. Диана зачем-то шла с поднятым пистолетом. Невысокая, коренастая, она двигалась уверенно, без лишних движений.

— Ты бы еще дрон притащила, — проворчал Марк.

В комнате, среди разбитой мебели, лежал обрюзгший мужик в трусах, истекая кровью. Он дергался, хватая ртом воздух. Рядом на полу, обхватив руками колени, всхлипывала полуголая женщина.

— Как обычно. Гребаная наркота, — протянул Высокий. Если бы не шлем, он наверняка сплюнул бы прямо на пол.

— Ладно, отойдите, ребята, — Диана достала из сумки дрон.

Черт, она и правда его взяла. Теперь что, инструкции с патчами шьют? На такие вызовы дрон мы раньше не брали.

Тонкая прозрачная полоса тянулась от виска к затылку Дианы, под кожей мерцал тусклый неон. Синий свет пульсировал неровно: то судорожно вспыхивал, то расползался сетью тонких трещин.

Марк давно говорил ей, что патчи — это не улучшение, а удобный способ держать людей на поводке. Да, им обещали быструю мысль и прямой доступ к сети, но он видел только одно — еще одну нить, за которую кто-то наверху мог дернуть.

Дрон ожил, зашуршал лопастями и плавно заскользил над уже мертвым телом, фиксируя все на камеру.

— Вижу, сама справишься, — буркнул Марк.

— Справлюсь, — ответила Диана, губы презрительно дрогнули.

Металлический запах крови одурманил голову — воздух стал тяжелым и ржавым. От протяжных рыданий женщины Марка мутило. Он оперся о стену, чувствуя, как краска сыпется под ладонью.

— Пойди проветрись, — по-дружески посоветовал Высокий. — Тут все равно делать нечего. Наш детектив сама все оформит.

— Как обычно, — эхом повторил Марк.

Что он к ней, клеится, что ли? Детектив, ты посмотри на него.

Марк вышел на лестничную площадку и услышал, как захлопнулась дверь. Любопытные соседи.

Ага, вот кто нас вызвал. В пятницу, мать их.

В разбитое окно виднелся Истсайд. Морось — мелкая и липкая, над крышами собирались свинцовые тучи. Значит, скоро хлынет по-настоящему. Серые бетонные блоки спальных районов тянулись вдаль, упираясь в гнилое тело Старого города. Отсюда весь Круг был одного цвета — серого, выжженного временем. Даже редкие растения, пробивающиеся сквозь трещины в асфальте, выглядели такими же безжизненными, как и дома вокруг.

Марку хотелось воздуха. Выше, подальше от плача и жужжания дрона, которые просачивались сквозь двери. Он поплелся вверх по лестнице. Сколько здесь этажей? Кажется, десять. Нужно выйти на крышу — туда, где не пахнет железом и тленом, где можно вытолкнуть из легких ржавый смог.

— Марк, поезжай домой, — крикнула Диана снизу. — Я сама закончу.

Марк растерялся: в ее тоне прозвучало что-то похожее на извинение.

Диана всегда рвалась в Центр: молодая и амбициозная, для нее работа в полиции была лишь ступенькой наверх. Полиция не ловила преступников — она ставила галочки в цифровых формах, пока Круг понемногу превращался в могилу. Работа для таких, как Марк — лишенных амбиций. А ведь ему всего тридцать восемь. Точнее, *уже* тридцать восемь.

В Городе, в этом идеальном Городе, преступлений нет. А на Круг всем плевать. Даже самому Кругу.

Он поднялся еще на один пролет. Ступени покрывал толстый слой пыли — выше никто не жил.

Диана после их разрыва пропатчилась. Теперь кусок ее мозга был заменен синтетикой, десять процентов вроде. Марк прикинул: получается, полтора года прошло.

Или я предвзят, или с тех пор она стала другой — равнодушнее, что ли.

Впрочем, это уже не имело значения.

Еще один этаж.

— Сколько же дерьма понастроили, — пробормотал Марк.

Ненависть стала привычкой: к работе, к стерильной чистоте Города, к безысходности Круга. Ничего иного в нем не осталось.

Марк остановился и поднял голову. Семь пролетов? Восемь? Он сбился со счета, а лестница все тянулась вверх, затягивая в пыльный мрак. Каждый шаг оставлял на полу четкий след, как на свежем снегу.

Под подошвами хрустела цементная крошка — как кости тех, кто возводил этот ад. В войну строили все подряд: заводы, полигоны, бетонные коробки, будто победу можно отлить в каменную форму. Круг еще был частью Города, и это называлось государством.

Двадцать лет прошло — все рушилось, оседая пылью.

Теперь остался Круг, а Город сиял отдельно. Нужды в государствах больше нет.

— И слава богу, — пробормотал Марк.

Еще два этажа.

Он провел ладонью по стене. Вместе с крошками штукатурки на пальцах осталась черная копоть — следы заводского дыма, который десятилетиями разъедал стены. Война все еще жила здесь, въевшись в

бетон как запах. Даже он, тогда мальчишка, застал ее. Восемнадцать — лучший возраст, чтобы влезть в мясорубку и выйти живым.

А что, если сейчас шагнуть из окна? Смешно было бы: упасть прямо на броневик штурмовиков и оставить вмятину. Или прямо с крыши?

Марк уже видел такое — неприятное зрелище, да и машину потом чинить. Высокий сказал бы что-то вроде: «Бедняга, совсем его работа достала». А Диана профессионально зафиксировала бы смерть. С дроном, разумеется.

Эта мысль его немного развеселила.

Браслет завибрировал, тускло подсветив запястье. Прямое сообщение. Конечно же, это Диана. Марк даже ощутил запоздалый укол раскаяния за то, как держался с ней сегодня. В конце концов, она не виновата. И в их разрыве тоже.

— Что там? — спросил он.

На уровне лица всплыло мутное мерцание шейда. Буквы дрожали в пыльном воздухе как отражение в луже:

«Когда ты наконец поднимешься? Я жду».

Марк прищурился, перечитывая. Поле отправителя — пустое.

— Что за бред? От кого это?

— Отправителя определить не удалось, — отозвался браслет нейтрально-вежливым тоном. — Источник в радиусе трехсот пятидесяти метров. Хотите, я просканирую окружение, и попробуем прыгнуть с крыши?

Браслет и правда это сказал, или ему послышалось? Марк остановился. Сквозь трещину в стекле просачивались дождевые капли, оставляя темные дорожки. Он поймал себя на счете: одна, вторая, третья...

— Не надо, — сказал он наконец.

Лестница тянулась вверх, и конца ей не было видно. Сердце билось все сильнее, ноги вязли в пыли. Сколько он уже прошел? Десять пролетов? Двадцать? Подъем никак не кончался.

В треснувшем стекле мелькнуло его отражение, и Марк отвернулся. Он и так знал: худое, небритое лицо, тени под глазами. Потому Высокий так смотрел. Хотя... откуда он вообще знает, как тот смотрел? У него же шлем.

— Сколько в этом доме этажей? — раздраженно спросил Марк.

— К сожалению, такой информации у меня нет, — бодро отозвался браслет. — Но выше вас, похоже, дверь на крышу.

— Ну наконец-то.

Каждый шаг давался с таким трудом, словно Марк тащил на плечах весь этот проклятый дом. Он остановился, тяжело дыша. Пот стекал с висков по шее под воротник. Переведя дух, он сделал последний рывок, преодолел пролет и толкнул металлическую дверь. Та заскрипела и поддалась.

Промозглый ветер ударил в лицо.

Дождь усилился. Капли барабанили по жести и бетону, собираясь мутными лужами в трещинах плит. По углам валялись обломки антенн, их ржавые прутья тянулись к небу, как застывшие пальцы мертвеца. Рядом скрипела на ветру старая сушилка.

Стандартные бетонные коробки Истсайда тянулись вглубь Круга — безликие, одинаковые до тошноты. Фонари внизу едва пробивались сквозь дождь, оставляя в воздухе слабые ореолы. В этих пятнах мелькали силуэты: то ли люди, то ли тени воображения.

На горизонте, за кольцом Барьера, сиял Город. Башни ровным белым светом пронзали дождь. Там всегда был день. Там не знали этой серой грязи. Контраст ослеплял.

Марк вдохнул поглубже. В груди полегчало, но ненадолго. Воздух все так же пах мокрым железом и гарью.

Только теперь он заметил силуэт на парапете — темная фигура на фоне грязно-серого неба. Она сидела, глядя на Город, и не шевелилась, будто была частью здания.

Он прищурился. На фоне далеких огней казалось, что она смотрит прямо на него. По спине пробежал холодок.

Марк сделал несколько шагов вперед.

Может, самоубийца? Такие вызовы тоже случались, хоть и редко. Обычно на них никто не обращал внимания — лишние хлопоты, да и статистику они портили. В задачи полиции спасение людей не входило.

Марк подошел ближе. Силуэт прояснился — это была девушка. На ней была потертая кожаная куртка, промокшая под дождем, голову скрывал капюшон.

Марк задержал дыхание. В позе девушки ощущалось странное спокойствие, будто сидеть на краю крыши — обычное дело. Казалось, ей было все равно, что под ногами десять этажей пустоты.

Она вдруг обернулась.

Из-под капюшона показалось лицо. Короткие черные волосы, блестящие от влаги, и глаза разного цвета: левый светлый, прозрачный, другой темный, как смола. В ее взгляде слились два существа — одно из света, другое из тьмы.

Она была красива — неуместно красива для этой мокрой крыши над грязным Истсайдом.

— Вот и ты, Марк, — ее голос прозвучал спокойно, будто они прервали разговор минуту назад.

Она заметила его изумление и с легкой улыбкой указала на его куртку.

— Жетон.

Металл поблескивал под дождем, капли стекали по вытесненным буквам имени.

— Вот как, — буркнул он.

— Садись рядом, — она кивнула на парапет. Слова прозвучали как приказ.

И он сел рядом, ногами наружу, прямо на холодный бетон. Парапет скользил под ладонью, но Марк не чувствовал страха. Он посмотрел вниз и замер. Под крышей не было привычных десяти этажей — там зияла пропасть.

Пространство уходило так глубоко, что две машины, припаркованные внизу казались мертвой саранчой, прилипшей к земле. Фары одной моргнули, и этот крошечный огонек усилил ощущение бездны, над которой они сидели.

Оптический обман? Будто дом растянуло, и все его линии искривились. Но какая, к черту, оптика, если внизу машины казались игрушечными?

— Я бы могла столкнуть тебя, — сказала она, как бы между прочим. — Так все было бы гораздо проще.

Марк напрягся, ладони инстинктивно вжались в мокрый бетон парапета.

Но девушка тут же указала вдаль, на Город:

— Посмотри туда.

За Истсайдом и непроницаемой полосой Барьера светился Город, утопая в хирургическом свете, белом и чистом. На фоне грязного Круга он казался миражом. Башни дрожали, точно балансировали на грани и могли обрушиться от малейшего касания. Вот это точно эффект дождя.

— Город, — сказал Марк, и звук собственного голоса показался ему чужим и неуместным.

Глупое замечание. Он видел этот пейзаж тысячи раз, но только здесь, с края этой мокрой, темной крыши, он увидел его впервые по-настоящему. Отсюда весь колоссальный, сияющий факт их существования не имел смысла. Грандиозная, но совершенно пустая декорация, за которой нет ничего, кроме такого же холодного, равнодушного дождя.

— Хочешь его разрушить, Марк? — спросила она.

Слова прозвучали негромко, но яснее всего вокруг — громче дождя и гула восточного генератора.

Позже, вспоминая эту встречу, он сомневался, был ли это вообще вопрос. Возможно, она сказала: «Ты хочешь его разрушить, Марк». Может, «ты» заглушил раскат грома?

Он обернулся к ней, и по ее улыбке понял: она знала ответ.

— Разбить. Растоптать. Разломать. Сокрушить, — медленно, смакуя каждое слово, произнесла она. — Раздавить. Сжечь.

От ее слов воздух застыл и замедлилось время. Капли застыли в падении, и даже гул восточного генератора стих. Остался только голос, рисующий разрушение: башни падают, пожары, крики людей.

И вопрос уже был не в том, кто она такая, а почему говорит вслух то, о чем он сам никогда не решался подумать?

Уничтожить их всех. Убить. В кровь. Разорвать. Кровь.

Она продолжала, но смысл ускользал, растворяясь в дожде.

И тогда ее взгляд пронзил его снова.

Внутри все сжалось. Дождь продолжал хлестать по лицу, но Марк его не замечал. Круг, Город, крыша под ногами — все растворилось. Остались ее глаза и слова, приковавшие его намертво.

Глава 2. Собирающая тучи

— Идем! — крик девушки вырвал Марка из забытья.

Он вздрогнул. Секунду назад она сидела рядом на парапете, а теперь стояла у выхода к лестнице. Капюшон сполз с головы, угольные волосы блестели от дождя.

— Сейчас будет ливень! — закричала она, перекрывая ветер.

Облака стягивались в огромную тучу прямо над ними. Дождь превратился в густые струи. Город вдали растворялся в непроглядной завесе, тая в собственном мутном сиянии.

Под ладонями все еще ощущался шершавый бетон парапета, и только теперь он понял, что стоит, при этом не помня, как и когда поднялся. Марк бросился к девушке, не думая о дожде. Она схватила его за руку — пальцы мокрые, ледяные — и потянула за собой. Но не вниз, как он ожидал, а вдоль коридора верхнего этажа. Стены здесь облупились, по ним тянулись потеки влаги, под ногами скользил мокрый мусор, занесенный ветром через выбитое окно.

Девушка остановилась у дальней двери, дернула ручку — та поддалась и со скрипом выплеснула наружу запах сырости и гнили.

— Заходи, — сказала она и первой шагнула внутрь.

Комната оказалась обжитой, но без электричества. В распахнутом окне пылал Город: холодный свет струился сквозь треснувшее стекло, выхватывая из мрака случайные детали: потертый край дивана, блеск разбитой бутылки в застывшей луже, стол, стакан с засохшей заваркой. Остальное тонуло в густой тени, словно комната настороженно скрывала себя от чужих.

Марк переступил порог. В темноте, как будто под тяжестью духа прежнего хозяина, скрипнула мебель. Квартира умерла годы назад, заброшенная, как и весь Круг, но все еще дышащая затхлой памятью.

Он замер, глядя на тонкую полосу света из окна — единственную нить, связывающую это место с Городом. Свет резал глаза, обнажая грязь и запустение вокруг.

Полный мрак гораздо честнее, он скрывает правду.

Этот же свет, идеальный и чужой, казалось, насмехался над Марком: Город сияет, а он тухнет здесь, в гниющем углу Круга.

Девушка шагнула ближе, и Марк наконец смог разглядеть ее лицо. На крыше она казалась ему почти девчонкой: хрупкой, безрассудно балансирующей на краю бездны. Но теперь, вблизи, он понял свою ошибку: ей было за тридцать. Время оставило на ней свои следы — не грубые шрамы, но паутину тонких морщин.

Лицо ее было асимметричным: правая сторона чуть полнее, с едва заметным шрамом на виске, где кожа натянулась как после операции; левая — с глубокими морщинами у рта. Не уродство, наоборот, что-то странно притягательное и завораживающее.

Усталость проступала в легких тенях на ее лице, в тусклом блеске кожи. А глаза... Гетерохромия делала их оружием: левый — яркий, искристо-лазурный, как неоновый отблеск; правый — темный, почти черный, поглощающий свет, как черная дыра.

Не призрак и не девчонка — женщина. Она знала, что делает, и в лице ее не было места случайностям: шрамы — следы войны, глаза — клинок хаоса.

— Останешься, — голос ее звучал едва слышно, в нем была та же уверенность, что и на крыше.

Она давно просчитала все его ходы, оставив ему лишь роль в своем сценарии.

Марк открыл рот, чтобы возразить, но слова застряли в горле.

Воздух между ними уплотнился, пропитавшись запахом мокрой одежды с резким озоновым оттенком, как после удара молнии. И тут она, как паук в центре паутины, незаметно дернула за нити, притягивая его к себе. Они оказались так близко друг к другу, что дыхание смешивалось, а любое движение стало прикосновением.

Он не заметил, как они оказались у окна — сама комната подталкивала их, сжималась вокруг. За стеклом мерцали далекие огни, холодные, неподвижные. Они не притягивали. Здесь, внутри, действовала другая сила: ее присутствие тянуло, не давая отстраниться. Волна тепла, исходящая от ее кожи, парализовала волю. Он понял — сопротивляться поздно.

— Обожаю дождь, — вполголоса сказала она. — Дождь — это чистый Хаос: размывает границы, ломает структуры, растворяет формы. Порядок держится до тех пор, пока не начинается ливень. Он все разрушает... Как и ты. Я та, кто собирает тучи.

Сквозь грохот ливня ее голос звучал как шепот — не речь, а вибрация, проникающая прямо в мозг. Она прижалась к нему, и Марк ощутил тепло ее тела — электрическое, живое, пробегающее по коже, несмотря на холод от распахнутого окна.

Она улыбнулась, и левая половина лица отозвалась на этот импульс: слегка дрогнула, губы очертил манящий изгиб, лазурный глаз вспыхнул. Правая же сторона осталась неподвижной, темный зрачок — все такой же бездонный и равнодушный. Ее сила рождалась не из цельности, а из этого разлома. Улыбка была ключом к чему-то запретному в самом Марке, к тому, о чем Марк давно старался не вспоминать.

На мгновение что-то острое, металлическое прижалось к его груди — нож, возникший словно из ее руки. Но ему уже было все равно, даже если бы она пронзила его. Ощущение исчезло.

Незнакомка отстранилась от него и подошла к столу, где стоял пыльный графин с жидкостью. Налила по глотку в два забытых стакана и протянула один Марку. Ее пальцы на миг коснулись его ладони.

Марк выпил залпом, не раздумывая. Жидкость обожгла горло едким привкусом дешевого спирта, смешанного с чем-то химическим. Мир поплыл. Казалось, это не алкоголь, а эликсир, растворяющий реальность.

Гул ливня за окном поглощал все звуки; молния разорвала небо. На долю секунды ее лицо осветилось: отблеск скользнул по зрачкам, и светлый загорелся рубином.

Она поставила стакан на стол и повернулась к Марку. Улыбка снова вспыхнула — легкая, манящая. Тепло от выпитого разлилось по крови, и вместе с ним — ее притяжение, ставшее теперь невыносимо сильным.

— Знаешь, Марк, — сказала она, — люди пьют не чтобы забыть, а чтобы увидеть то, что хотят.

Она провела пальцем по краю стакана, и стекло отозвалось тихим, вибрирующим звоном. Марку хотелось спросить, что она имеет в виду,

но слова застряли где-то внутри, не находя выхода. Все, что он мог, — смотреть ей в глаза, чувствуя их тихое, неотвратимое притяжение.

Дождь барабанил по подоконнику: ритм, эхом отдающийся в груди, и комната опять сжалась вокруг нее: до ее губ и этой фразы, повисшей между ними как предостережение. Стены, пропитанные пылью и войной, подчинялись ее воле, затягивались в паутину, где каждая трещина — нить, готовая поймать и никогда не отпускать.

Что она видела в нем? Его ненависть к Городу, его усталость от Круга, или что-то глубже, то, что он сам прятал от самого себя?

В этой сингулярности не осталось места для отступления, только для шага, который она уже просчитала.

Дальше все потеряло четкость. Звук дождя вплетался в ее дыхание. Она стояла так близко, что само «слишком» утратило смысл. Их близость была не телесной, а какой-то абсолютной. Она поглотила его, не оставив ни пространства, ни выхода. Его собственный мир перестал существовать, став частью ее внутреннего механизма. Две параллельные прямые не просто пересеклись — они исчезли, схлопнулись в точку.

Позже Марк пытался восстановить детали, но воспоминания ускользали, оставляя обрывки: касания, знак на ее руке — тонкие линии, переплетенные в узор, вспыхнувший и пропавший в одно мгновение.

В памяти остался ритм капель — тяжелый, навязчивый. Стены дышали в унисон, звук заполнял комнату, глушил мысли. Ее тело — не как образ, а как ощущение. Вспышки молний выхватывали его по частям: линию плеча, изгиб шеи, тень на животе. Все расплывалось, рассыпалось на обрывки света и тени.

Ее прикосновения были теплыми, обжигающе живыми. Невозможно было понять, где заканчивались ее движения и начинались его собственные: все сливалось в единый поток. Не слияние тел, а совпадение ритмов, как два разных такта, внезапно объединившихся в один пульс.

Знак. Не татуировка, а скорее отблеск, который появился на мгновение и растворился, оставив смутное ощущение: он видел его раньше, но не мог вспомнить где.

А затем — чернота.

Глава 3. Мешок с мясом

Марк проснулся дома.

Над ним — знакомый, стерильно белый пластиковый потолок.

С его пробуждением в окнах появился пейзаж: неторопливо текла река, птицы кружили над водой, вдалеке виднелся лес. Программы обновлялись каждую неделю, и Марк давно выучил наизусть все их циклы. Сегодня транслировался «Пейзаж-6», завтра будет «Пейзаж-7». Затем начнется цикл «Осень».

Казалось, что ночью он видел настоящий дождь и вспышки молний, но память обрывалась, и оставался лишь осадок — липкий, как сырой бетон под пальцами. Он попытался вспомнить, как оказался дома, — и не смог. В голове зияла пустота.

Браслет на запястье мигал зеленым, фиксируя пробуждение. Марк уставился на него и задался вопросом: а был ли вообще этот выезд в Истсайд?

— Мы вчера были на вызове? — спросил он.

— Доброе утро, Марк, — тут же отозвался браслет. — Да, вызов в сектор Истсайд. Время: пятнадцать ноль две.

— Подтверждаю вызов, — добавила квартира. — Протокол завершен успешно. Вы вернулись домой в шестнадцать ноль три.

Марк скривился. Они что, отрепетировали этот ответ?

И браслет, и квартира говорили правду — он это знал. Но почему тогда он думал только о той женщине?

— Что я делал вчера после вызова? Перечисли, — попросил Марк.

— Пятнадцать ноль семь — прибытие в сектор Истсайд, — монотонно отчеканил браслет. — Пятнадцать тридцать пять — завершение протокола. Шестнадцать ноль три — прибытие домой. Двадцать один одиннадцать — сон.

Одновременно он выводил на шейд перед Марком отрывки видеофиксации: квартира, труп на полу, поездка в машине.

— Никаких других перемещений не зафиксировано, — подытожил браслет.

На секунду показалось, что в электронном голосе проскользнула насмешка. Будто браслет хотел сказать: «Ты все выдумал, жалкий мешок с мясом. Машины не ошибаются. Вот доказательства. А что можешь предъявить мне ты?».

— Бред какой-то, — раздраженно бросил Марк. — И выключи эти дурацкие окна!

— Готово, — услужливо ответила квартира.

Река и лес исчезли, обнажив темные прямоугольники стекла. Комната превратилась в карцер из пластика.

Так даже лучше. Реальность без декораций и иллюзий.

— Покажи, что снаружи, — устало попросил Марк.

— Там ливень, сэр. Очень дождливая погода в этом году!

Как и последние двадцать лет.

Окна снова ожили. На этот раз без программы. Настоящий вид: стеклянные дома, потоки воды по стеклу, редкие фигуры под зонтами.

То ли квартира, то ли сам мир пытались убедить его: все происходившее ночью — лишь галлюцинация, плод усталости и выгорания. Но в глубине все равно отзывалось эхо ее слов: "Ты же хочешь все это разрушить. Хочешь увидеть, как они гибнут. Как ты убиваешь их всех". Ее голос. Тихий, с той самой странной улыбкой, наполовину живой, наполовину мертвой.

"...Кровь... Ты хочешь, чтобы они исчезли?.. Смерть..."

Марк зажмурился, но голос не исчезал, превращаясь в навязчивый пульс в висках.

Он сдавил виски ладонями — галлюцинация, бред, иначе быть не может! Надо же было вчера попасть на этого жирного мудака в трусах.

Квартира предложила завтрак. На стол из пищеблока бесшумно скользнул поднос: яичница, ломтик хлеба, стакан апельсинового сока. Все выглядело идеально: желтки ровные, хлеб подрумяненный, сок ярко-оранжевый.

Марк бездумно жевал пищу, отпечатанную на биопринтере. Белок имел идеальную текстуру, но во рту ощущался безвкусной биомассой. Соль в продукты не добавляли якобы для здоровья граждан.

Когда он пил сок с привкусом пластика, браслет ожил:

— Внимание, Марк. Из-за отсутствия патча ваша ставка снижена еще на 10%. Текущий уровень: минус 20% от базового. Советую вам поставить патч.

Марк, не ответив, с трудом проглотил оранжевую жидкость.

Нужно поехать и убедиться самому. Только так можно понять, сон это или нет. Пусть браслет говорит что угодно — он-то помнил ее дыхание и прикосновения. Кому он должен верить: себе или тупому устройству?

Он взглянул на браслет, и зеленый огонек мигнул в ответ.

— Машину, — бросил Марк, вставая. — На вчерашний вызов.

— Готово.

Двери бесшумно сомкнулись за спиной. Ряды одинаковых дверей, безупречная чистота. Марк спустился по лестнице. У входа уже поблескивал под дождем темный корпус машины. Гладкие панели с дисплеями, сиденья. Нет руля и педалей, как в старых моделях, на которых еще ездят в Круге. Сиденье подстроилось под тело, нейросеть браслета синхронизировалась с машиной.

— Маршрут проложен, — сообщила машина. — Приятной поездки.

— Иди ты, — поблагодарил Марк. Он откинулся на спинку и уставился в окно. Город скользил мимо. Башни поднимались одна за другой — прямые линии из стекла и стали. Их гладкие поверхности отражали небо так отчетливо, что на миг показалось, будто они превратились в разрезы, уходящие в облака. Город-мираж, симуляция.

Свет рассеянный, хмурый, и в нем все выглядело одинаково: фасады, окна, даже люди. Город был безупречен и мертв.

Марк провел ладонью по стеклу автомобиля. Капли дождя стекали по нему размытыми полосами — сейчас башни растают и исчезнут. Весь мир вокруг лишь случайный след на стекле.

Впереди виднелась линия Барьера. За ней начинался Круг.

Сначала черная стена, глухая и непроницаемая. По мере приближения Марк различил две орудийные вышки и силуэт охранника, неподвижный, точно вырезанный из металла. Турель рядом смотрела вдаль, не замечая машин.

Автомобиль замедлился, прошел идентификацию. Браслет мигнул на запястье.

Охранник смотрел прямо на него. Марк был уверен: там, за тонированным забралом, он вычисляет, пропускать или нет. Или решение все-таки принимает Контур?...

Шлагбаум поднялся. Машина плавно двинулась вперед.

Пейзаж за окном резко изменился.

Если Город был сталью и стеклом, идеальным, сияющим, то Круг был грязным бетоном. Однотипные, полуразваливающиеся дома. Вместо ухоженных фасадов — обшарпанные стены, разрисованные граффити и потеками воды. Окна зияли пустотой, многие и вовсе заколочены фанерой.

Дороги усеяны выбоинами, в них стояла вода. Машина подпрыгивала на швах и ямах, подвеска глухо стонала.

Круг гнил и разлагался плотью, но в венах улиц все еще бурлила кровь: люди кучковались под навесами, торговали прямо из багажников, возились в грязи возле старых машин.

Здесь правили банды. Их метки чернели на стенах — грубые рисунки и надписи; каждый сектор принадлежал кому-то. Истсайд — территория Призраков, их знак встречался постоянно: череп со скрещенными костями.

В тело вернулось привычное напряжение. В Круге нельзя терять бдительность.

Машина остановилась у знакомого дома. Бетонный подъезд выглядел еще более облезлым, чем вчера. Дождевая вода стекала по стенам, оставляя за собой грязные разводы, открытая дверь жалобно скрипела на ветру.

Марк поднялся по лестнице. Каждый шаг отзывался в памяти сыростью стен, дрожащей лампой под потолком, плачем ребенка за дверью. Но что-то неуловимо изменилось, и от этого становилось все тревожнее.

На втором этаже он остановился. Дверь, выбитая вчера штурмовиками, кое-как приладили на место, и теперь она висела на одной петле. Рядом сидела та самая женщина, в старом халате, с тлеющей сигаретой в дрожащей руке.

— Это ты! — процедила она, схватив Марка за рукав. — Ты убил моего мужа!

— Нет, я не убивал, я... — начал он, но оправдания звучали неубедительно даже для него самого.

— Не ври, — перебила она, поднимаясь. — Я видела тебя вчера, и твою девку с дроном. Это все на тебе. Ты... ты губитель!

Не обвинение, а приговор. Она клеймила не его поступок, а саму его суть.

Он пожал плечами. Так бывает. Вчера она визжала, когда ее избивали до полусмерти, а сегодня оплакивает мужа, обвиняя всех вокруг. Не Марк продавал ему наркоту. Не Марк стрелял.

Кстати, кто стрелял? Наверное, Болтун.

Но это — стандартная полицейская зачистка. В идиллии Города тюрем нет, а значит, и арестовывать некого. Угроза обществу ликвидируется. Все это знают — и те, кто вызвал полицию, тоже.

Постучи к соседям, спроси, зачем они убили твоего мужа, — хотел сказать Марк, но промолчал. Вина, оправдания — все это давно перестало иметь для него значение.

Выше по лестнице — все та же сырость и пыль. Дом звучал и пах пустотой.

Десять этажей — он считал пролеты, чтобы убедиться. Но вчера их точно было больше. И дверь поддалась с тем же скрипом. Ветер ударил в лицо, усиливая дежавю. Крыша выглядела по-прежнему: потрескавшийся бетон и мутные, маслянистые лужи. Даже старая сушилка для белья, качаясь на ветру, скрипела на той же ноте.

Все на своих местах. И в то же время — пусто. Ее здесь нет.

Он вслушался в гул ветра и понял, что ждет чего-то. Но ничего не происходило и не могло произойти. Браслет был прав.

Марк спустился: верхний этаж, коридор, дверь — та самая. Остановился, дернул ручку, и та поддалась без сопротивления, как и вчера.

Но в этой комнате никто никогда не жил. Ни стола, ни дивана — ничего. Пыль лежала толстым слоем, накопленная домом за многие годы.

Марк чертыхнулся про себя. Нужно было проверить пыль на ступенях, чтобы понять, поднимался ли сюда вчера. Но та женщина сбила его с толку. Вот идиот!

Марк прошелся по комнате, вдыхая густую пыль. За стеклом не сверкали башни города, не мерцали огни Барьера. Там — все тот же Истсайд: бетон спальных районов, узкие улицы, залитые дождем.

Никаких признаков того, что здесь когда-то жили люди. Искать тут было нечего. Только на стене напротив едва различался бледный рисунок. Круг с полукрестом и хвостиком внутри. Линии выглядели неровными, словно кто-то второпях нацарапал их на старой штукатурке. Не краска, а углубление, как шрам.

Марк шагнул ближе, провел пальцем — штукатурка тут же раскрошилась, осыпалась на пол мелкой пылью. Но сам рисунок держался.

— Дети рисовали, что ли? — подумал он вслух, понимая, что это не так.

— Действительно, напоминает детский рисунок, — тут же отозвался браслет. — Стилистика не совпадает с символикой банд или известными маркировками. Вероятность спонтанного возникновения — три процента.

Марк не удержался:

— Я тебя не спрашивал.

— Извините, — невозмутимо ответил браслет. — Вы задали вопрос.

Это прозвучало как «сам дурак».

В этом рисунке крылось что-то иное. Он уже видел этот знак. Не здесь, не в таком виде, но определенно видел. В памяти мелькнуло: рука в темноте, шум дождя, этот же символ. На ней. У девушки с крыши на запястье был именно этот знак.

Но память подсовывала что-то еще, недосказанное, за что он не мог ухватиться.

В этот момент в коридоре что-то зашуршало. Едва различимый звук, словно чья-то нога задела осколок штукатурки.

Марк замер и прислушался.

Короткий смешок. Детский. Высокий, пронзительный и сразу же оборвавшийся, словно кто-то поспешно приложил ладонь ко рту.

Марк резко обернулся. Дверь закрыта. Тишина.

Он вышел в коридор.

Шаги гулко отражались от бетонных стен, пыль вздымалась легкими облачками. Ничего, кроме его собственных следов. Ни свежих отпечатков, ни смазанной линии. Только из окна на лестничной площадке доносился шепот дождя — унылая песня Круга.

Но не мог же он выдумать этот смех? Детский, звонкий — слишком живой для этого мертвого дома.

Марка охватило неприятное ощущение: кто-то играет с ним. Не раздумывая, Марк повернулся и пошел вниз по лестнице.

Стук ботинок эхом отдавался в пролетах. Он заставлял себя идти спокойно, размеренно, делая вид, что никуда не торопится, что ничего не слышал.

Мышцы в ногах предательски напряглись, и каждый новый шаг становился чуть быстрее предыдущего. Сердце забилось сильнее.

Марк вышел на первый этаж, толкнул дверь и оказался под дождем. Машина, ожидающая у подъезда, дружелюбно включила фары. Он подошел к ней быстрым шагом, будто спешил на важное дело, и только когда дверца за спиной захлопнулась, понял, что все это время не дышал.

Глава 4. Ваш разум в нашей системе

В машине было тепло и безопасно.

— Едем, — выдохнул он с облегчением. — Через Старый город.

Так будет дольше, но дорога даст время собраться с мыслями.

Машина миновала стандартные спальные блоки Истсайда и нырнула в узкие улицы Старого города. Дома здесь были низкие, кирпичные, с облупившейся краской — многие с довоенных времен. Мерцание неоновых вывесок отражалось в лужах, квартал дышал влагой.

По тротуарам тащились рабочие в промокших куртках; на углах сидели инвалиды в ожидании подаяния. Чаще всего встречались женщины с тяжелыми сумками.

Из открытых дверей забегаловок тянуло жареным мясом и пряностями. Все это смешивалось с тяжелым, въедливым запахом Старого города — неприятным, как запах жареной селедки.

— Отфильтруй воздух, — попросил Марк. Машина загудела.

Бар с мигающей вывеской «Вавилон» гремел так, что музыка пробивалась даже сквозь закрытые окна.

— Уже четыре? — удивился Марк. Он потерял полдня, хотя в доме не мог провести больше часа.

Браслет не стал отвечать — обиделся, наверное.

Старый город жил. Он умирал, но в нем было больше живого, чем по ту сторону Барьера.

Марк оттолкнулся ногами, и сиденье подстроилось, уходя назад. Он поймал себя на мысли, что здесь — при всей разрухе — чувствовал себя свободнее.

Машина осторожно прошла перекресток, и впереди показался рынок. Старые ряды тянулись под ржавыми навесами и брезентовыми тентами, мокрыми от дождя.

Возле прилавков толпились люди: торговались, грели руки над паром, поднимавшимся из кастрюль. Здесь продавали то, чего не купишь в Городе: настоящие овощи и фрукты — полугнилые, но живые, мясо из Сектора-17 и ферм за Кругом, рыбу, завернутую в мокрую

бумагу. Улыбчивый старик на коляске показывал детям куриц в клетке; те с восторгом тянулись пальцами к прутьям.

Рядом торговали барахлом: инструменты, детали для машин, оружие — все вперемешку на грязных прилавках. Но еда больше притягивала людей. Настоящая пища, а не синтетика, напечатанная на принтерах Города.

Машина свернула с узкой улицы и выехала к площади. Там возвышался генератор — массивная бетонная коробка с облезлыми стенами и ребрами охлаждения. По углам торчали тяжелые трубы, уходящие в землю и в соседние кварталы. Сквозь трещины в стенах пробивалось тусклое излучение. Гул шел изнутри, врастая в кости, — механическое сердце Круга.

Их возводили во время войны, чтобы каждый сектор мог жить сам по себе — энергия, вода, связь. Даже если город разорвут на куски, он не погибнет.

Перед входом сидела охрана с автоматами; пулемет довоенных времен поднимал дуло к небу. Вокруг — мешки с песком, сложенные в аккуратный бруствер, а рядом — ящики боеприпасов со складскими маркировками.

Чуть поодаль стояли двое в одинаковых куртках с белым крестом на черном фоне: Ордер. Их зеркальные визоры отслеживали каждый шаг редких прохожих и движение машин.

Здесь не стоило задерживаться. Он не хотел нарваться на неприятности, а городские машины были редкостью в Круге.

Гул генератора еще долго отдавался в ушах, как предупреждение: здесь все принадлежало кому-то. И лучше помнить, кому именно.

Покинув тесные, запутанные улицы Старого города, машина миновала Барьер, пересекла пункт пропуска, и въехала в Город. Здесь начинался корпоративный квартал.

Переход произошел так резко, что Марк невольно зажмурился. Узкие улочки и неоновые вывески сменили башни из стекла и металла, на фасадах переливались логотипы корпораций: красочные, сияющие. Он редко ездил через этот сектор.

Широкие, идеально ровные дороги. Машины двигались бесшумно и без помех. Ни грязи, ни беспорядка — только ритм корпораций, безупречный, как часы.

На тротуарах — люди в плащах с сосредоточенными лицами. Каждый куда-то спешил, их неприкрытые головы мерцали голубыми проблесками патчей. Здесь не было случайных встреч — отлаженный механизм, где каждая деталь знала свое место.

Марк глянул вверх, и крыша машины стала прозрачной. Башни заслоняли небо, отражая выцветшие облака. Дождь исчез — струи скатывались по стеклу так идеально, что не оставалось ни потеков, ни грязи. Даже стихия подчинялась архитектуре.

Круг жил, умирая в бетоне и хаосе, Город же давно умер, превратившись в красивую, чистую имитацию жизни.

Неожиданно вспыхнул экран машины, браслет мигнул: сигнал принят, поток данных активирован. Город говорил, и машина подчинялась.

— Черт тебя дери, — выругался Марк. Он совсем забыл про рекламу в этом секторе.

— Только сегодня: питательные батончики BioFood с настоящим вкусом апельсина — скидка двадцать процентов!

Перед ним всплыл шейд: идеальная семья жевала одинаковые оранжевые батончики.

— Система здоровья ClearMind. Всего один патч к вашему патчу — и забудьте о бессоннице, стрессе и усталости. Скидка для сотрудников корпораций, — продолжала реклама. — Пропатчи свой патч!

Картинки мелькали одна за другой: лица, бренды, слоганы. Реклама не спрашивала разрешения — она просто шла, врезаясь в подсознание, как часть самого дыхания Города.

Хотелось слушать дождь без чужих слов, и Марк прикрыл глаза.

Дождь все размывает, как и ты...

Но за поездку без рекламы приходилось платить — или терпеть.

— Пожалуйста, откройте глаза, — попросила машина. — Вы пропустили рекламу.

Он послушался, но браслет уже пискнул — деньги списались автоматически.

— БиоТех — лидер в области медицинских решений. Нам не нужна реклама — результаты говорят сами за себя. Более ста лет на рынке.

Голос звучал спокойно, уверенно, почти гипнотически.

— БиоТех. Ваше тело. Ваш разум. В нашей системе.

Без лишнего энтузиазма, и потому еще убедительнее — корпорация не предлагала, а констатировала неизбежность.

На шейде вспыхнул логотип: круг, дерево с тремя ветвями, тянущимися вверх и в стороны. Вокруг ствола обвивалась змея, поднимаясь к сочленению ветвей. Символ горел ровно, без мерцания. Даже реклама выглядела безупречно — ни малейшего искажения.

— БиоТех. Мы не предлагаем. Мы определяем.

Резко и окончательно, как приговор.

Марк всмотрелся в логотип — круг, обрезанный крест, змея.

Тот же знак. Тот самый, что он видел на стене квартиры — выцарапанный пальцем на старой штукатурке. Схематичный, но суть та же. Он видел его раньше — везде. Логотип знаком каждому.

В памяти всплыл символ на ее руке. Тогда он решил, что это отблеск, иллюзия. Теперь сомнений не оставалось.

БиоТех повсюду: на экранах корпоративного квартала, на стене заброшенной квартиры — и на ее теле. Мы не предлагаем.

— Расскажи мне о БиоТех, — попросил он.

Машина с явным удовлетворением отозвалась:

— Корпорация БиоТех. Основана в двадцатые годы XXI века миллиардером Дамианом Ланье. Изначально специализировалась на нейроинтерфейсах и протезах мозга. Пионер биопротезирования и биопринтинга.

В воздухе появились архивные кадры: Ланье улыбается в объективы камер, лаборатории с первыми пациентами, дети, которые смогли слышать и видеть.

— В середине XXI века корпорация заняла лидирующие позиции в восстановлении функций мозга и органов чувств. Параллельно развивала биопринтинг тканей и органов.

Изображение сменилось: солдаты аплодируют Ланье бионическими руками.

— Во время Великой войны 2101–2120 годов корпорация стала главным подрядчиком Запада. Разработала боевые патчи для солдат: замена до трети мозга, контроль эмоций, ускоренные реакции. Создала биопринтеры нового поколения для печати органов — и даже целых тел.

На поле боя солдаты двигались слаженно, как машины.

— После войны и распада государств корпорация основала Комитет Города и открыла филиалы во всех Городах континента. Основные направления: патчи, биопринтеры, медицинские услуги. Слоган: «Ваше тело. Ваш разум. В нашей системе».

Машина замолчала на мгновение.

— Сегодня БиоТех — один из четырех членов Комитета. Контролирует здравоохранение — и сам жизненный цикл граждан.

— Расскажи об их логотипе, — попросил Марк.

— Логотип БиоТех построен на образе «Древа жизни», — продолжила машина. — Центральный ствол расходится тремя ветвями, символизируя тело, разум и прогресс. Вокруг ствола обвивается змея — знак познания и медицины.

Снова вспыхнула знакомая эмблема.

— Символ олицетворяет гармонию науки и природы, — завершила она.

Дерево с ветвями скрывало тот же знак, что он видел в квартире — древний, зловещий, старше самой медицины.

— Поищи похожие символы, — он немного подумал и уточнил. — Может быть, древние.

Машина задумалась на секунду, шейд исчез.

— Данная информация недоступна, — выдала она наконец.

— Как думаешь... — привычно начал он, обращаясь к браслету.

И тут же поймал себя на мысли: он делает это слишком часто. Слишком естественно. Говорит с ними, как с живыми людьми. Еще немного — и он начнет верить, что браслет думает, как человек.

Зеленый огонек мигнул в ответ, терпеливо ожидая команду.

Марк погладил запястье, чувствуя прохладу металла на коже. А что, если браслет давно думает за него?

— ...как узнать о логотипе больше? — закончил он. — Может, стоит поговорить с кем-то из БиоТех?

Произнеся это вслух, он спохватился. Слово «поговорить» — ключевое слово, опасный триггер. Реклама может передаваться в обе стороны. И теперь триггер наверняка сработал.

Браслет мигнул зеленым.

— Я могу найти ближайший офис корпорации, — произнес он. — Я свяжусь с...

— Не надо, — перебил Марк.

Браслет замолчал, но тревожное ощущение не отпускало: еще шаг — и он окажется на виду. БиоТех узнает, что он интересовался их знаком.

Или уже узнал?

Неприятный холодок пробежал по спине. В Городе фиксировалось все — через видеокамеры, браслеты, машины и квартиры. Даже чайники и лампы.

Резко, как выстрел, раздался звонок. Браслет мигнул, в воздухе в который раз вспыхнул тот же логотип.

— Добрый день, Марк, — мягкий женский голос звучал нейтрально-дружелюбно. — Я — Эми, работаю в корпорации БиоТех.

Марка аж свело от злости. Вот ты и попался на крючок.

— Мы заметили ваш интерес к нашей корпорации, — в голосе промелькнуло легкое удовлетворение. — Позвольте уточнить: какой именно вопрос для вас наиболее актуален? Вас интересуют наши протезы, патчи? Или что-то... более специфическое?

Она говорила вежливо, без тени нажима.

Промелькнуло изображение: рука сжимается в кулак. Лицо человека, мягкий свет линз — визор, встроенный прямо в сетчатку. Снова рекламный лозунг.

— Я хотел... — Марк замялся. На языке вертелось слово «логотип». — Поговорить с вашим начальством.

На линии повисла тишина; слышно только шорох шин по асфальту.

— Разумеется, Марк, — вежливо ответила Эми, сохраняя идеально корпоративный тон. — Я могу перенаправить вас к куратору клиентских запросов. Но сначала нужно уточнить тематику: протезы, патчи или биопринтеры?

На шейде высветились варианты — каждый аккуратно обведен белой рамкой.

— Протезы. Патчи. Биопринтеры. Для вас.

Слишком быстро. Слишком вежливо. Они знали, о чем он хотел спросить, но предлагали безопасный выбор.

— Нет... с *начальником*, — сбивчиво повторил он.

Эми замолкла на секунду. Не пауза, а время для принятия решения.

— Понимаю, Марк. Вы хотите поговорить с мисс Лили Фрейзер, Председателем Комитета Города и директором нашей корпорации — наконец отозвалась Эми. Она явно намеренно перечислила все регалии. — Связь с руководством возможна исключительно по безопасным каналам. Потребуется подтверждение и посещение главного офиса.

В воздухе вспыхнул адрес башни в корпоративном квартале, окруженный сияющими логотипами.

— Хотите назначить встречу? — спросила она.

Этого они и ждали.

— Да... конечно, — выдавил он.

— Прекрасно, — отозвалась Эми. — Мы всегда рады сотрудничеству с блюстителями закона нашего Города.

На шейде и экране машины загорелось: «Встреча подтверждена. БиоТех, корпоративный квартал. 20:00».

Пустота в груди была похожа на страх. Эми ничего не согласовывала — словно у директоров и председателей каждая минута не расписана на месяцы вперед. Словно встречу запланировали задолго до того, как он произнес свое «да».

За стеклом в тишине мелькали темные провалы улиц.

Поехать? Да, без колебаний.

Жизнь давно потеряла смысл, превратившись в ритуал бессмысленных действий. Но эта встреча, реальная или нет, стала единственным доказательством того, что выход возможен.

В корпоративный квартал, прямо в башню БиоТех. Возможно, там он найдет ответ. Других вариантов найти ее нет. В Круге — никаких камер, по базам без фото он может искать ее вечно.

Квартал закончился, и вместе с ним исчезла реклама. Можно закрыть глаза. В Городе все решали и организовывали заранее. Его ответ был спланирован и занесен в календарь задолго до звонка.

Они его ждали.

Глава 5. Юбицумэ

Вечер опустился на Город вместе с дождем. Дневной ливень выдохся, сменившись плотной моросью, которая висела в воздухе водяной пылью. Тонкие, почти невидимые нити воды цеплялись за стекло, и огни башен стекали неоновыми слезами, превращая мир за окном в размытое, импрессионистское марево.

Машина — черная, беззвучная капсула — скользила сквозь этот хаос с нечеловеческой плавностью, ее сенсоры читали дорогу, невидимую для пассажира. Шипя, она рассекала потоки воды.

Впереди, среди семи самых высоких башен из темного стекла и стали, блистающих в отблесках больных огней Города, выделялась одна — БиоТех.

Она была выше остальных раза в полтора, ее матовые стены в сумраке сияли изнутри мягким, жемчужным светом. Чужеродное тело, вросшее в плоть Города.

Над входом, прямо в воздухе между землей и вторым этажом, висел логотип. Идеальный ореол порядка, голографический разрез в темноте.

Машина остановилась, безжизненный голос сообщил:

— Приехали. Ваша встреча назначена на двадцать ноль-ноль.

Холодные капли секли лицо, и в воздухе стоял другой запах — не гарь и мокрый бетон Круга, а стерильный пластик и озон от фильтров. Под ногами не грязь, а стеклянные плиты с подсветкой, ведущие к прозрачным дверям.

У входа — охрана. Их доспехи отражали неон, превращая титановую броню в костюмы из старых фантастических фильмов. В руках автоматы новейшего образца, лица скрыты шлемами. Когда он пройдет мимо, сканеры считают дыхание, пульс — возможно, даже мысли.

Браслет на запястье мигнул.

— Добро пожаловать в БиоТех, Марк, — раздался женский голос. Тот же, что звонил днем.

Стеклянные двери беззвучно скользнули в стороны. Внутри — светло до слепоты; белизна коридора стирала контуры. Все казалось

плоским: линии пола, мерцающие колонны и бесконечные логотипы БиоТех, повторявшиеся на стенах беззвучной мантрой.

Защитные сигилы. Не декор, а заклинание власти — тавро, выжженное на теле здания.

Запах — тоже белый, едва уловимый. Не воздух — фильтрованный шепот.

Марк переступил порог. Дождь остался за спиной, отрезанный стеклянным барьером.

Свет холла выжигал тени, оставляя Марка уязвимым, почти голым. Он привык к грязному полумраку, своей естественной среде. Здесь же его будто собирались препарировать под микроскопом.

— Прошу к лифту, — пригласил браслет. Через него говорило само здание.

От ботинок вперед, вглубь коридора, побежала тонкая светящаяся линия, распадаясь на стрелки, которые не приглашали, а тянули его дальше по стеклянному лабиринту.

В конце коридора открылся лифт — стерильная палата, вросшая в стену. Внутри ждала женщина.

— Добрый вечер, Марк, — сказала она. — Я Эми, помощник директора. Вас ждут.

Воплощение корпоративного стандарта: платиновые волосы, собранные в безупречный пучок, симметричное лицо с ровными чертами. Красота с рекламных плакатов — привлекательная, но без индивидуальности. На запястье сверкал тонкий браслет, скорее всего, с бриллиантами.

Она слегка развернулась к нему — просчитанный жест вежливости. Губы изогнулись в идеальной улыбке, на щеках появились две едва заметные ямочки. В этом мимолетном жесте промелькнуло нечто другое — легкость, почти девчоночья, не имевшая ничего общего с холодной маской помощницы директора. Тень настоящей, человеческой эмоции тут же исчезла, но Марк успел ее заметить. Этот диссонанс был единственной живой чертой в ее стерильном образе.

Не патчер. Любопытно.

Никаких кнопок: матовые поверхности слегка отражали силуэты, и лифт вез не людей, а призрачные тени. Двери сомкнулись, кабина пошла

вверх без толчка и звука; лишь по легкой тяжести под ребрами стало ясно, что они движутся.

Эми стояла прямо, руки сомкнуты на уровне пояса. В панели отражался ее силуэт, но линии лица дрожали, словно картинка человека не доработана. В этом было что-то нечеловеческое, пугающее.

— Госпожа Фрейзер примет вас на верхнем уровне, — произнесла она, когда кабина незаметно замедлилась.

Створки лифта разошлись, открывая новый коридор. Здесь свет был слабее, без бликов; ничто не отбрасывало тени. Звук каблуков Эми глушило мягкое покрытие.

Они прошли метров двадцать. Справа тянулась стеклянная перегородка; за ней — пустая галерея с редкими растениями в одинаковых серых контейнерах. То ли мутанты, то ли реликты, оживленные технологией. Слева — гладкая стена с повторяющимся через равные промежутки контуром: дерево и змея. Свет вплетался в линии, и логотипы горели изнутри.

У массивной двери Эми остановилась. Сенсор над ручкой коротко вспыхнул зеленым — одновременно распознавая их браслеты.

— Прошу, — Эми отступила на полшага, освобождая ему путь.

Дверь беззвучно скрылась в стене. Марк вошел первым, Эми последовала за ним.

Кабинет поражал не столько размерами, сколько своей пустотой. Огромное окно во всю стену было единственной картиной: панорама Города внизу, разрезанная ровными линиями дорог и размытая нитями дождя. Она казалась двумерной, как карта. Звук с улицы сюда не проникал. Посреди этого стерильного пространства, как единственный экспонат, стоял стол. Как и в лифте, здесь не пахло ничем.

За столом сидела Лили Фрейзер, и она была идеальным дополнением этой пустоты. Безупречная фарфоровая кожа, длинные черные волосы, точеные черты лица. Ее красота была лишена жизни, как у статуи, высеченной по идеальному эталону. Даже ее дорогая одежда, скроенная с инженерной точностью, казалась не нарядом, а униформой абсолютной власти.

Марк знал, что вся ее молодость — тщательно поддерживаемая иллюзия, скрывающая истинный возраст. Он видел это в едва заметной

неестественности ее движений. Не дефект, а признак контроля, доведенный до такого предела, что стал изъяном.

— А, Марк, — Лили произнесла почти ласково, словно старому знакомому. — Марк Кейн, второй участок, тридцать восемь лет, двадцать лет службы. Ветеран войны. Верно?

Слегка наклонив голову, она встала, и черные глаза блеснули едва заметной насмешкой.

— Садитесь.

Эми осталась у двери, а Марк подошел к столу. Стул бесшумно выехал из-под столешницы и застыл напротив, точно рассчитав дистанцию. Подлокотники были сухими и гладкими, точно их никогда не касалась рука.

Здесь все было безупречным, лишенным следов человеческого присутствия.

Лили не села, а осталась стоять. Она легко оперлась ладонью о стол, пальцы разомкнуты — поза человека, который привык управлять. Стандартная процедура: с первых секунд утвердить власть над посетителем.

На столе — ни бумаг, ни устройств. По кромке пробегали редкие огоньки индикатора — дыхание скрытой машины.

— Вы хотели со мной встретиться, — сказала Лили. — С чего начнем? Хотя нет... давайте угадаю. Перевод в Центр? Почти двадцать лет в форме — пора ведь, не так ли?

Марк на мгновение растерялся. Он открыл рот возразить, но слова застряли на языке.

— Нет... — выдавил он наконец. — Я пришел не за этим.

— О, вы проводите расследование? — Лили чуть склонила голову, и уголок ее рта приподнялся. Почти насмешка — вся ситуация скорее забавляла ее, чем интересовала.

Откровенная издевка. Полицейские давно не занимались расследованиями, и Лили явно пыталась вывести его из равновесия.

Она обошла стол — беззвучно, как механизм — и села на край лицом к нему, слегка развернув корпус, так осторожно, будто опустилась на спину диковинного зверя. Стол — хищник, притворяющийся неподвижным перед прыжком.

Ткань юбки натянулась, и Марк невольно заметил: даже посадка одежды и положение ног были выверены. Не вульгарно и не нарочито, но так, чтобы привлечь внимание.

— Тогда чего же вы хотите, Марк? — мягко спросила она.

— Дело в вашем логотипе, — ответил Марк. Он сделал паузу. — Точнее... в той, кто носит его на руке.

Ее лицо сохраняло бесстрастно-ироничное выражение, хотя он всматривался, надеясь уловить хоть тень перемены.

— Наши сотрудники не носят логотип компании на руке, — спокойно ответила она. — Что именно вы видели? Нашивку? Изображение на одежде? Татуировку?

Тон ее оставался безупречно вежливым, но во взгляде появилась сосредоточенность, будто она искренне хотела помочь в таком деликатном вопросе.

— Что-то вроде татуировки, — уточнил Марк. — Но... нечто иное.

Прозвучало глупо. Можно было подумать, что он сам не понимал, о чем говорит.

— Лестно слышать, что кто-то сделал татуировку с символом нашей компании, — улыбнулась Лили официально, как на рекламных плакатах. — Вы же знаете, мы помогаем людям, особенно инвалидам. Возможно, кто-то действительно сделал это как знак признательности. Прекрасный жест. Если найдете этого человека, мы готовы встретиться с ним и предложить сотрудничество.

Ее нога слегка коснулась его колена — случайно. Но здесь ничего не происходило случайно.

— Опишите, пожалуйста, этого человека.

— Женщина, на вид около тридцати. Худощавая, короткие черные волосы. Гетерохромия. Знак — на тыльной стороне ладони.

Лили слушала, не моргая, точно заучивала каждое слово.

— И зачем вы ее ищете? — спросила она спокойно, без нажима, будто речь шла о чем-то совершенно обычном.

Но в воздухе повисло напряжение. Это уже не формальность, а проверка. Но что она хочет узнать, и почему?

Что он мог ей ответить? Что встретил ее на крыше в галлюцинации? Что она говорила о разрушении Города? Что он почему-то теперь думал только о ней?

Лили будто прочитала мысли на его лице.

— Она вам нравится, — заметила она — Как интересно! Вы успели с ней переспать? Это бы многое объяснило.

Марк отвел взгляд, и этого было достаточно.

Лили откинулась назад, и впервые на ее лице появилось что-то похожее на довольную ухмылку.

— Хорошо, — вдруг согласилась Лили. Она слегка изменила позу, голос прозвучал почти доверительно. — Допустим, я ее знаю. Допустим также, что знаю, где она. Но любая сделка — это обмен.

Короткая пауза, — дает ему осознать сказанное.

— А что *вы* можете *мне* дать? —спросила она жестко.

Марк попался. Он пришел просить, а взамен предложить было нечего. У него не было вариантов, и Лили знала это.

— Вы знаете, я ведь сама не лишена романтической жилки. Пойду вам навстречу. Дайте мне лишь доказательство того, что ваша заинтересованность в ней не пустой звук, — продолжила Лили.

Она вернулась за свой стол, наклонилась, что-то достала. В руке блеснул клинок — двустороннее лезвие с рукоятью из темного дерева, слишком изящное, чтобы быть просто ножом. Лили положила его на столешницу и одним движением толкнула к Марку. Клинок замер точно перед ним.

— Докажите, — потребовала она.

— Что... именно? — растерянно спросил Марк.

Ситуация изменилась мгновенно: разговор превратился в испытание с непонятными правилами.

— Знаете, — Лили потирала пальцы, словно до сих пор держала невидимую рукоять, — у якудза был ритуал: палец за верность, палец за вину. Человек делал это сам и отдавал часть себя тому, кому обязан.

Она сделала легкий жест, имитируя удар ножом.

— В вашем случае все проще. Вы докажете мне, что эта женщина вам нужна, ну или, например, расплатитесь за предательство, которое еще не совершили... пока что. Рано или поздно предают все.

Ее выражение лица было почти дружелюбным. Марк взглянул на нож еще раз.

— Я не собираюсь отрезать себе палец, — глухо произнес он. — Вы... сошли с ума.

Последние слова прозвучали твердо, как будто он наконец решил, где проходит граница.

Лили слегка приподняла бровь.

— Сошла ли я с ума? — повторила она, растягивая слова. — Возможно. Но в этом безумии больше смысла, чем в вашей двадцатилетней службе, Марк.

Она обвела рукой кабинет — панорамные окна, город у ее ног.

— И кстати, посмотрите — где я, а где вы.

Фраза ударила больнее, чем он ожидал. Возразить было нечем.

— Итак, — сухо подытожила она. — Либо вы это делаете, либо не получаете ничего. Ни имени, ни места.

Ее лицо вновь превратилось в непроницаемую маску, она наклонилась вперед.

— Выбор за вами, Кейн. Всего один удар ножом — и вы получите то, что хотите.

Ливень за окном резал Город косыми линиями. Марк затылком чувствовал: Эми стоит у дверей — неподвижная, услужливая тень, бесстрастно наблюдает за происходящим.

В отражении на полированном металле лезвия мелькнуло лицо Лили — изрезанное шрамами, с черными провалами глазниц. На изуродованных чертах — чудовищный оскал. Наваждение.

— Ну? — настойчиво спросила Лили. — Я даю выбор, вам решать.

В памяти всплыло лицо девушки на крыше. Впервые за долгие годы кто-то говорил то, о чем он сам боялся даже подумать. Впервые он не чувствовал себя одиноким.

Шагнуть вперед — или сгнить в Круге. Другого пути для него не существовало.

Все происходящее показалось дурным сном — слишком нереальным, безумным. Словно он зажат в кошмаре, правила которого диктовал кто-то другой.

Он схватил нож раньше, чем успел обдумать движение, положил руку на стол и рубанул по мизинцу. Лезвие рассекло кость и вонзилось в стол, боль ударила в голову, кровь залила полированную поверхность, и обрубок скатился на пол.

Марк зажал рану, кровь сочилась между пальцев. Дыхание сбилось, сердце бешено колотилось в висках. На поверхности стола расплылось темное пятно.

Едва сдерживая стон, он застыл, тяжело дыша и сжимая окровавленную кисть. Боль пульсировала в такт сердцу. Кресло и куртку залило кровью.

— Вот видите, как это легко, — сказала Лили безмятежно. — Вы делаете выбор и принимаете последствия. Странно, что решились выбирать только сейчас.

Она окинула взглядом пятно на белом столе, торчащий нож и добавила с легким сожалением:

— Кстати, вы испортили стол. Резать нужно было на кресле. — Лили отвернулась к окну. — Эми, проводи нашего гостя вниз.

Эми отозвалась коротким кивком и подошла к Марку. Она достала из сумочки тонкий баллончик и распылила состав на рану. Холодный аэрозоль обжег поврежденную кожу, кровь мгновенно свернулась, а острая боль превратилась в тупое, ноющее давление.

— Временно, — пояснила она с легкой усмешкой. — Скоро все будет в порядке. Следуйте за мной.

Она приветливо взглянула на Марка, точно произошедшее минуту назад было забавной игрой. Представление ей явно понравилось. Сжимая раненую руку, он поднялся со стула.

Они шли молча. Лифт мягко скользил вниз, белые панели отражали их размытые лица. Марк прижимал раненую руку к груди — так неприятная пульсация в пальце почти не ощущалась.

Двери открылись на уровне парковки. Просторное помещение выглядело так же стерильно, как и все здание: идеальные ряды машин, приглушенный белый свет без теней, монотонный гул вентиляции.

— Ваша там, я проведу вас, — указала Эми. Голос деловой, нейтральный.

Машина зажгла фары, опознав браслет на его запястье, яркие лучи вырвали их фигуры из полумрака.

— Бар «Вавилон». Завтра, — сказала Эми. Она чуть склонила голову — движение, от которого веяло японской ритуальностью, чуть ли не поклон.

На мгновение в ней снова мелькнуло что-то живое, теплое, но сразу же исчезло.

Марк потянулся к двери, и внезапно уловил звук. Глухой, настойчивый стук — что-то отчаянно билось в глубине здания или под землей. Он замер, прислушался.

Эми стояла рядом, не меняя выражения лица. Казалось, она либо не слышит, либо притворяется что не слышит.

Стук раздался снова, на этот раз громче, настойчивее. Марк обернулся в поисках источника звука.

— Откройте же окно, Марк, — спокойно сказала Эми.

Мир рассыпался, как сон: Эми, паркинг, стены исчезли. На лобовом снова потоки воды, знакомая приборная панель. Он сидел в машине, а в боковое стекло настойчиво стучал охранник в полной экипировке.

— Вы стоите здесь больше часа, гражданин, — прокричал охранник сквозь щель приоткрывшегося окна. Лицо скрыто шлемом, но тон выдавал раздражение. — Прошу освободить место, иначе мы вынуждены будем вас эвакуировать.

Ливень хлестал, дробя свет фар на десятки косых линий.

Марк взглянул на мизинец: палец на месте, кожа цела, никакого следа пореза. Он провел пальцами по тому месту, где секунду назад была рана — ничего. Но боль пульсировала в памяти, такая реальная, что он невольно стиснул зубы. Подвигал пальцами — порядок.

Во рту остался металлический привкус крови, и где-то глубоко в кости пульсировала боль.

Часы на панели показывали 21:11 — встречу с Лили он пропустил. Капли барабанили по крыше машины частой дробью.

— Домой, — бросил он машине.

Фары вырезали из темноты кусок мокрого асфальта, и машина плавно тронулась вперед, скрываясь в ночной пелене Города.

Интермиссия. Лили

Когда дверь за Эми закрылась, Лили осталась в кресле у панорамного окна. Ее лицо было обращено к Городу.

Ливень продолжался. Капли, тяжелые и медленные, ползли по армированному стеклу, искажая мир. Город превращался в размытый калейдоскоп огней — красных, белых, синих. Каждая капля была линзой, ломающей и собирающей реальность.

Каждый огонек — это не фонарь и не окно, а жизнь. Желание. Страх. Миллиарды трепещущих искр, заключенных в бетонные соты.

Ее лицо оставалось безупречной фарфоровой маской, на которой не отражалось ничего — ни сожаления, ни триумфа. Только в самой глубине черных глаз на миг мелькнула тень холодного удовлетворения.

Дверь открылась, и вошла сотрудница в строгой корпоративной форме, осторожно ведя за руку девушку лет семнадцати, со светлыми волосами и изможденным лицом.

— Госпожа Фрейзер, — почтительно произнесла она и запнулась. — Я прошу прощения за беспокойство...

— Да, Стелла, — равнодушно отозвалась Лили, не оборачиваясь.

— Это моя сестра, Анжела, — голос Стеллы едва дрожал. — Я рассказывала Эми о ней. С тех пор как... как это случилось... она даже не плачет. Сидит и смотрит целыми днями в одну точку.

Лили повернулась в кресле. Ее взгляд скользнул по хрупкой фигурке Анжелы — бледная, неподвижная, как фарфоровая кукла.

— Хорошо, — произнесла она. — Пусть остается. И позови Эми.

Стелла кивнула, осторожно подвела сестру ближе и отпустила руку. Та замерла посреди зала, растерянная и маленькая на фоне панорамных окон.

Лили посмотрела на нее равнодушно — словно изучая экспонат.

— Ты свободна, Стелла.

Стелла колебалась секунду, собираясь что-то сказать сестре, но передумала и вышла. Дверь закрылась, в кабинете воцарилась тишина.

Не сводя глаз с застывшей девушки, Лили откинулась на спинку кресла.

— Подойди ближе.

Анжела неуверенно шагнула вперед, пытаясь держаться прямо, ее тело била крупная дрожь.

— Раздевайся и ложись на стол.

Губы Анжелы беззвучно задрожали. Она начала раздеваться — пальцы цеплялись за ткань, пуговицы не хотели слушаться. Лили наблюдала неотрывно, с холодным интересом хищника.

Когда Анжела уже лежала на сверкающей поверхности стола, вошла Эми. Остановившись у порога, она окинула взглядом сцену: обнаженное тело, Лили в кресле. Лицо Эми оставалось бесстрастным.

— Ты ведь хочешь? — мягко спросила Лили, обращаясь к Анжеле.

Та едва заметно кивнула.

Лили поднялась, и в ее руке скользнул тот же нож. Одним точным движением она вонзила его в грудь девушки.

Короткий, захлебывающийся вскрик сорвался с ее губ. Она судорожно втянула воздух, тело выгнулось, ноги забились, стукнув пятками. Кровь хлынула, заливая белый стол.

Анжела пыталась дышать, но с каждой секундой движения становились слабее, пока тело не дернулось в последнем рывке агонии.

Эми никак не отреагировала на происходящее, только подошла ближе. Лили смотрела в угасающие глаза, пытаясь уловить последние судороги жизни.

— Красивая девочка, — заметила она будничным тоном. — Пробит миокард, левый желудочек и предсердие. Если кровоток прекращен — смерть наступает за несколько секунд.

— Ты всегда была лучше меня в анатомии, — с легкой усмешкой заметила Эми, словно они обсуждали результаты экзамена. — И пожалуйста, аккуратнее, не запачкай стены, в прошлый раз мне пришлось менять панели.

Лили аккуратно сняла с себя платье, склонилась над телом — и раздались влажные звуки рвущейся плоти, сухой хруст костей. В тишине слышно было каждое ее движение.

Эми стояла рядом, терпеливо ожидая.

Все стихло, и Лили выпрямилась. Ее лицо превратилось в багровую маску; свежая кровь блестела на губах и стекала горячими потоками по

груди. Не замечая их, она прошла к окну, оставляя кровавые следы на полу.

Распахнув стеклянную дверь, Лили шагнула на балкон. Дождь хлынул на ее волосы и плечи, смешиваясь с засохшей кровью и расходясь алыми потеками по мрамору.

На столе за ней не осталось ничего, кроме расплывшихся темных пятен.

Эми беззвучно последовала за ней. Они встали рядом у перил, касаясь друг друга, и долго смотрели на мерцающий сквозь завесу воды город. Ледяные капли стекали по лицам.

Лили коснулась пальцами щеки Эми, потом скользнула ниже — по шее, груди. В ее движении чувствовалась не только власть, но и нежность. Эми не отстранилась. Наоборот — прижалась сильнее, обняла.

— Он мне понравился, — произнесла Лили, наблюдая за огнями внизу. — Упрямый дурак. Видит достаточно, но ничего не понимает.

Эми едва заметно улыбнулась, провела пальцем по губам Лили, измазанными кровью.

— Да — он не слишком умен, — согласилась она.

Их лица почти соприкасались. Дождь смывал кровь с губ и стекал по подбородку на плечо Эми.

— Все идет хорошо, — прошептала Лили. — Пока что.

Город мерцал, улицы пульсировали жизнью, как вены на теле огромной добычи, которая не знала, что охота уже началась.

Глава 6. Я рядом

В Старый город Марк добрался к четырем. Суета стихала: бары распахнули двери, но люди предпочитали сидеть дома, не задерживаясь на улицах.

Машина ползла по проулкам между ветхими зданиями. Тусклые стены были изъедены влагой, в щелях темнела плесень. Браслет коротко пискнул — прибыли.

«Вавилон» прятался в узкой нише между двумя жилыми домами. У стены — переполненный контейнер, на мокрой плитке — размокшие окурки и темные пятна непонятного происхождения. Дверь сливалась со стеной, лишь мигающая вывеска выдавала ее. Красный неон над входом мигал сквозь дождь, бросая алые блики в лужи — он слепил, но не освещал.

Бар выглядел именно так, как Марк и представлял: наполовину приличное — по меркам Круга — место, наполовину притон. Внутри стоял плотный, липкий запах: табак вперемешку с приторной сладостью. Музыка играла приглушенно, басы глухо отдавались в полу и стенах. Тусклое освещение создавало интимную, конспиративную атмосферу.

За стойкой ловко орудовал худощавый бармен с бионическими руками старого образца — голая сталь без органической оболочки. Отточенные до автоматизма движения: протереть стакан, смешать коктейль, принять оплату.

В отличие от Города, где расчеты давно шли через браслеты и патчи, здесь пользовались довоенными купюрами. Полицейским выдавали немного наличных — для работы в Круге. Марк взял виски, прошел к свободному столу и осмотрел зал.

Столы тянулись вдоль стен, оставляя в центре пустое пространство — место, где, судя по пятнам на полу, дрались чаще, чем танцевали.

У входа сидели трое в кожаных куртках — широкоплечие, настороженные, руки на коленях. Возле стойки — две проститутки, разодетые чересчур ярко для этого места: дешевая косметика, усталость в глазах. Остальные посетители держались в тени, молча пили, не

обращая ни на кого внимания. Его появление заметили все, но интерес их быстро угас.

Единственный, кто заинтересовал Марка, сидел в углу справа. Лет тридцати, опрятно одетый: свежий воротничок, аккуратно уложенные волосы. На вид — обычный посетитель, но чутье редко подводило его.

Мужчина с идеальной осанкой, руки аккуратно сложены на коленях. В баре так не сидят. Он изучал зал с холодной методичностью — как тот, кто ждет кого-то. Даже пил он странно: точными, размеренными глотками.

Марк наблюдал за ним через отражение в полированной стойке. Картина не менялась. Мужчина не вступал в разговоры, не реагировал на смех и выкрики, существуя как будто в отдельном, не связанном с залом слое реальности.

Таких обычно тянет к девушкам, но его они не интересовали.

Внешне — ничего необычного для жителя Круга. Ни патча, ни браслета. Но движения были просчитаны до миллиметра, слишком точные для человека.

Дверь распахнулась, впустив ледяной воздух и запах мокрого асфальта. На пороге появился небритый мужчина в засаленной одежде, с лицом хронического алкоголика. Левой руки у него не было — рукав куртки болтался пустым.

Тот, в углу, поднял голову за секунду до скрипа петель. Не обернулся на звук — среагировал заранее. И патча у него нет.

Фуллер, мелькнуло у Марка. Полностью прошитый. Ходили слухи, что таких держат в тени старые службы — пережившие войну, но так и оставшиеся за пределами официальных структур ~~поверхность~~.

Обычным патчерам снимали узкую полосу черепа и вставляли туда контроллер — тонкую пластину вдоль виска. Он постепенно переплетался с нейронами, вытесняя их, пока живое не растворится в синтетике. Контроллер обеспечивал связь с сетью, делая человека ее частью. Когда замещение доходило до тридцати процентов, устройство меняли: лишнюю электронику убирали, а на коже оставалась светящаяся полоса — шрам поколения.

Фуллеров, скорее всего, патчили иначе: не постепенной заменой, а грубой и быстрой операцией. За месяц-два мозг можно заменить

полностью. А может, и быстрее. Никакой полосы на виске и светящегося шрама.

Мужчина опустил взгляд. Движение было чересчур плавным, без колебаний — экономия жеста, неестественная для человека. Однорукий алкоголик у двери его не интересовал.

У частично прошитых сохранялась личность. В Диане и других Марк лишь изредка улавливал странности: слишком ровные интонации, поведение менялось. Может, он придирался и видел то, чего нет.

А фуллеров Марк никогда не встречал и почти ничего о них не знал. Одни говорили, что после экспресс-замены человек оставался самим собой — только быстрее, собраннее. Другие — что от человека не оставалось ничего: оболочка, пустой сосуд, управляемый сервером.

Интересно, если у фуллеров не оставалось нейронов, то что происходило с памятью? Попадали в облачное хранилище? А что если однажды сервер даст сбой, или кто-то решит скопировать твою жизнь в чужую голову, а твою — стереть?

Марку повезло: отражение в стойке позволяло наблюдать незаметно. Фуллер сидел неподвижно, глаза устремлены куда-то в глубину зала, словно он отключился. Нужно было соблюдать осторожность. Даже у обычных патчеров восприятие менялось: патч подсказывал, на что смотреть, улавливал дрожь век, едва заметные движения, напряжение мышц. А тот, в углу, — куда больше, чем патчер.

Пытаясь не думать ни о чем конкретном, Марк сделал глоток, проверил, не идет ли бармен. На старом экране крутилась обычная, сгенерированная Контуром Города программа: синт-актеры, стерильные эмоции — все настолько правильное, что выглядело чужеродно в этом заведении.

Фуллер продолжал размеренное сканирование зала. И вдруг сбился: взгляд задержался на стойке бара на долю секунды дольше, чем следовало.

Его засекли. Никаких движений: ни головой, ни телом. Лишь микросекундная задержка, и внутри щелкнул переключатель — цель захвачена. Внешне фуллер оставался отрешенным, но в этой неподвижности чувствовалась напряженная сосредоточенность.

Марк скользнул глазами вниз, будто рассматривает стакан. Провел по стеклу пальцем лениво, нарочито расслабил плечи, меняя позу, хотя внутри все сжималось.

Мужчина так и не двинулся. Но Марк чувствовал, что его заметили — тихая отметка в невидимом реестре.

В этот момент дверь снова распахнулась, в бар вместе с мокрым ветром вошла девушка лет двадцати пяти. Черный плащ тянул за собой воду с улицы, ярко-розовые пряди прилипли к щекам. Она оглядела зал — быстро, словно фиксируя каждого. На Марке задержалась немного дольше.

Черт, я же выгляжу как коп.

Фуллер поднял голову плавно, с той безошибочной точностью, что напоминала работу датчика. Он встал, аккуратно отодвинул стул и двинулся за девушкой. Никаких попыток завязать разговор, ни намека на заигрывание — просто следовал на расстоянии.

У стойки девушка перекинулась парой слов с барменом и направилась, к приватным комнатам. Фуллер скорректировал шаг, и продолжил движение тем же размеренным ритмом.

Марк допил виски, поставил стакан и сделал вид, что проверяет сообщения на браслете. Ждал. Дал им минуту, может две, прежде чем поднялся и направился туда, где скрылись девушка и ее преследователь.

Коридор оказался узким и тусклым, пропитанным тяжелой смесью пота и табачного дыма. Вдоль стен тянулись двери с выцветшими номерами. За одной гремела музыка, из другой просачивался мужской бас и женский смех. Звуки сливались в вязкий гул безнадежной похоти.

В конце коридора хлопнула дверь — кто-то вышел через черный ход. Щелкнул замок.

Последняя дверь осталась приоткрытой.

Осторожно приблизившись, Марк толкнул ее кончиками пальцев и заглянул внутрь.

Комната оказалась тесной и убогой. Узкая кровать с засаленным покрывалом, обшарпанная тумбочка, продавленное кресло у стены — все старое, в пятнах, *залутанное*, как в Круге называли вещи, вынесенные из заброшенных квартир. На тумбочке — черные свечи и колода карт таро, несколько штук рассыпались по грязному полу.

А на кровати — тело. Та самая девушка. Розовый цвет волос еще можно было различить, хотя большая часть головы отсутствовала. Она выбрала розовый, чтобы казаться живее, но смерть оказалась ярче любой краски.

Положение — на спине, руки раскинуты в стороны. Видимые повреждения — обширная травма головы, предположительно огнестрельное ранение крупным калибром, — мысленно отметил он, удивляясь, что в голове до сих пор живет этот канцелярит из прошлого. Теперь протоколы не нужны: браслет и дроны сами записывали и анализировали.

Брызги на стене указывали на то, что стреляли в упор. Следов борьбы нет: мебель стояла на местах, на руках — ни царапины. Девушка не ожидала нападения и не сопротивлялась.

Тело расстреляно с хирургической точностью: пули легли в сердце, печень, легкие. Каждый выстрел рассчитан на максимальный ущерб. Голову разнесло сильнее всего: вместо нее — месиво из обломков черепа и розовых прядей.

Патчеры никогда не промахиваются. Фуллеры — тем более.

Марк зажмурился, пытаясь успокоиться, втянул в легкие тяжелый, тошный воздух. За годы службы он видел немало трупов, но то, что лежало перед ним, было не убийством — казнью.

Что дальше? Фуллера он не догонит, и по инструкции этим занимаются штурмовики. Марком он не интересовался — только девушкой.

Стараясь обходить липкие пятна под ногами, он вошел в комнату. Под подошвой все равно что-то хрустнуло. Возле тумбочки, среди разбросанных карт, лежала тонкая книжка. Без названия, матово-черная обложка.

Марк поднял ее и пролистал. Страницы были исписаны тонким женским почерком: латынь перемешивалась с какими-то непонятными буквами. Между строк — рисунки: фигуры, геометрические круги, схемы человеческого тела с выделенными точками. На страницах виднелись следы правок — автор много раз дописывал и исправлял текст.

Марк листал быстро, не вчитываясь, пока не попался знакомый символ. Круг — полукрест — змея. Ни подписи, ни пояснений. Он торопливо спрятал книжку в карман.

Теперь по инструкции — никаких действий. Развернуться и уйти.

Но этот бар — единственная зацепка, что осталась после вчерашнего. Что, если именно ради этого убийства он оказался здесь?

И Марк произнес вслух:

— Вызов для Центра. Убийство в баре «Вавилон».

— Принято, — отозвался браслет.

Прошло несколько секунд.

— Подтверждено.

Грубое нарушение протокола. Прямая связь с Центром запрещена для рядовых полицейских. Такие вызовы фиксировались автоматически, и взыскание неизбежно. Может, даже уволят.

Но слова были сказаны и назад пути не было.

Он наклонился над телом и обыскал его. Ничего. Ни браслета, ни документов. Марк уже хотел выпрямиться — и краем глаза заметил движение. Он замер.

Пальцы. Они будто дрогнули. Марк затаив дыхание вгляделся — рука лежала неподвижно. Может, показалось?

Перевел взгляд. Ее голова, секунду назад — кровавое месиво, была цела. Аккуратно лежала на подушке, обрамленная чистыми розовыми прядями и смотрела на него.

А затем, прямо у него на глазах, ее лицо начало гнить.

Кожа посерела, пошла трупными пятнами, вспухла, натягиваясь до предела, пока не лопнула. По щеке поползла рваная трещина, сочащаяся черным, маслянистым гноем. Из глаз сыпались белые личинки, как зерно.

Челюсть медленно, с сухим щелчком, разжалась, двигаясь неестественными рывками, как у сломанной куклы. И эта гниющая маска улыбнулась ему.

— Марк, — прошептали разлагающиеся губы, и у него застыла кровь в жилах от невозможности происходящего. Слова шли отовсюду, рождались прямо внутри черепа. — Я рядом.

Щека отслоилась, обнажая почерневшую кость, один глаз вытек из глазницы мутной, радужной жидкостью.

Не в силах пошевелиться и даже вздохнуть, Марк стоял, склонившись над ней. Первобытный, безмолвный ужас вытеснил все остальные чувства. Остался тяжелый, ледяной ком в животе и отстраненное любопытство.

— Марк Кейн?

Вопрос выдернул его из оцепенения так резко, что он едва не вскрикнул. Обычные, будничные слова, совершенно чуждые тому вязкому кошмару, в котором он только что тонул.

Он обернулся. В дверях стоял обычный, ничем не примечательный мужчина. Сотрудник Центра.

— Осмотрел тут все? Я Барри.

Марк кивнул, не сразу уловив смысл его слов. Мозг все еще пытался соединить две реальности. Он заставил себя снова посмотреть на кровать.

Тело лежало точно так же, как и в первую секунду, когда он вошел. Обезглавленное, разорванное, застывшее в смерти. Никакого гниения. Никаких личинок и разлагающихся губ. Голова — кровавое месиво. Ничего не изменилось.

У него явно были нелады с головой.

Браслет на запястье коротко пискнул, услужливо выводя на экран информацию: *Барри Логан, детектив, Центр, уровень доступа первый.*

Он сделал шаг назад и выдохнул. Какой же болван. Этот Барри, который появился из ниоткуда, тот фуллер в баре, который засек его за долю секунды. Конечно, они знали, кто такой Марк.

Чертов браслет транслировал всю информацию о нем любому с нужным уровнем доступа. Он был ходячим досье на самого себя.

Глава 7. Иди за мной

Освобождая дрону пространство для работы, они отошли к стене. Аппарат завис, сканируя каждую мелочь: лужу крови, осколки черепа, разбросанные карты таро, брызги крови на стене. Потолочная лампа мигала, окрашивая комнату в болезненный желтый свет.

Сначала полная фото- и видеофиксация, затем сбор образцов ДНК, поиск отпечатков, анализ траектории пуль. Все строго по протоколу, без человеческих ошибок и эмоций.

Теперь можно было присмотреться к Барри.

Полный, невысокий, лет сорока, похожий скорее на рабочего или мелкого торговца, но никак не детектива. Встреть его Марк на улице — ни за что не догадался бы, что этот человек выше по рангу.

Барри заметил, что его изучают и чуть улыбнулся — спокойно, покровительственно.

— Патчеров к нам не берут, — произнес он неторопливо. — Мы в Круге работаем. Часто даже браслет не наденешь.

Он показал запястье, демонстрируя потертый браслет. Не новенький из Центра, а свой, старый. Значит, старожил, как и Марк.

— Тут мало кто с тобой будет говорить, если на тебе браслет, — добавил Барри. — А может и зарежут в переулке.

Он коротко рассмеялся, будто сказал что-то смешное. Смех вышел короткий и пустой — так смеются те, кто давно разучился смеяться.

Переминаясь с ноги на ногу, Марк ощущал себя лишним. Дело перешло в Центр, и его роль закончилась. Дрон методично продолжал работу, Барри наблюдал с профессиональным спокойствием. Марк стал свидетелем, которого скоро отпустят домой.

Он отряхнул плащ, засунул руки в карманы.

— Я могу быть свободен? — спросил он подчеркнуто официальным тоном.

Фраза прозвучала резче, чем он хотел.

Барри снова рассмеялся и посмотрел на Марка с восхищением — мол, надо же, какой шутник. На секунду показалось, что он даже уважает его за сарказм.

Но потом понял: Марк говорил серьезно. Улыбка исчезла.

— Слушай, парень, — сказал он. — Как думаешь, почему я здесь один, если по протоколу положено работать вдвоем?

Видя растерянность Марка, он обратился к его браслету.

— Покажи ему статус, железяка.

Марк вздрогнул: чужой голос активировал его систему, как будто это было в порядке вещей.

Браслет коротко пискнул и вывел шейд с идентификатором:

Марк Кейн, детектив. Центр. Отдел С (Круг).

Смысл строк дошел не сразу. Ошибка? Лили и БиоТех? Но как, если вчерашнее было сном? В голове мысли спутались в тугой узел, одна перебивала другую. Марк чувствовал себя статистом в чужой пьесе: дрон работал, Барри стоял рядом, а он, с неожиданным для себя статусом детектива, мог разве что наблюдать за ними. Радости он не испытывал.

Барри усмехнулся и подмигнул:

— Что, высоко подпрыгнул из обычной полиции? Небось через нужных людей?

Говорил он без злобы, но с намеком — будто знал ответ, и интересовало его не что скажет Марк, а как тот будет выкручиваться.

— Да ладно, не дуйся, я все понимаю, — добавил Барри, и от этого Марка передернуло еще сильнее.

Тон мягкий, насмешливый — как у взрослого, что похлопывает по голове ребенка.

— Кстати, — добавил Барри, косясь на браслет, — скоро и капитанша подтянется. Тоже карьерный рост, если зацепить, а?

Он снова подмигнул — спокойно, дружелюбно, и Марк понял: еще миг — и он сорвется.

Но внезапно он увидел Барри совсем по-другому. Лицо, мгновение назад ничем не примечательное, выглядело тяжелым, сальным. Под кожей проступила рыхлость, щеки слегка обвисли, губы казались влажными, глаза блестели от какого-то внутреннего самолюбования. Лицо сластолюбца — того, кто ждет, что жизнь сама подаст все на блюдечке.

Такими легко манипулировать — нужно только говорить правильные слова.

Все исчезло так же внезапно, как и появилось. Обычное лицо, никакой рыхлости, никакого блеска. Просто коп. Один из многих.

Злость ушла, уступив место холодной уверенности: неважно, как выглядит человек и что он говорит, — главное знать, как он устроен.

В коридоре защелкали каблуки — звонкие, уверенные шаги. В дверном проеме появилась женщина лет тридцати в строгой форме Центра: темно-синяя куртка, начищенный ремень с кобурой, золотой жетон капитана на груди. Короткие черные волосы аккуратно уложены, темный визор — не солнцезащитный, а технический, с едва заметным мерцанием дисплея.

Профессионально, без интереса взглянула на Марка и повернулась к Барри.

— Что здесь произошло? Опять проститутка?

— Так точно, мэм, — поспешно ответил тот. Вся прежняя развязность исчезла, сменившись подчеркнутой почтительностью. — Голову снесли начисто, потом продырявили, чтоб наверняка.

Женщина легким движением руки вызвала отчет дрона, быстро просмотрела данные в воздухе перед собой и кивнула — скорее фиксируя информацию, чем выражая одобрение. Затем подошла к Марку.

— Элиза Дамер, — представилась она сухо. — Вы, полагаю, детектив Кейн. Ваш перевод в мой отдел оформили вчера.

Он узнал ее сразу, едва она вошла. Узнал эти черные волосы, голос, эти губы.

Значит, Элиза.

Пожал ей руку.

— Хорошо иметь покровителей в БиоТех, да, Барри? — бросила она, отходя в сторону.

Барри присвистнул слабо, почти про себя:

— Ничего себе... Я-то думал через Центр.

Он уже не позволял себе отвлечься — с хмурым видом возился с интерфейсом, вручную прогоняя данные дрона на старом браслете. То, что патчер сделал бы за секунду, у него занимало вечность.

Только сейчас Марк заметил зеленый огонек на своем браслете — сообщение, скрытое пометкой приватности, из-за чего шейд не выводился. На экране светилось:

«Выйди через минуту».

— Пожалуй, подышу свежим воздухом, — произнесла Элиза, брезгливо осмотрев комнату. — Отвратительно.

— Конечно, я все оформлю, — поспешно заверил Барри, не отрываясь от шейда.

Она вышла из комнаты. Марк отсчитал минуту и последовал за ней. Коридор был пуст, его шаги звенели эхом от грязных стен. Прошел к черному ходу — тем же маршрутом, что час назад проделал фуллер.

В узком переулке за баром, под мелким дождем, ждала она. Поцеловала его, сняла визор.

— Значит, ты нашел то, что искал, Марк? — ее разноцветные глаза снова затащили его в себя, как воронка.

Они пошли вдвоем по кривой улочке. Камни под ногами скользили, дождь собирался в грязные лужи.

— Я не понимаю, что происходит, — сказал он.

— Пока ты и не можешь понять, — ответила она.

— Сейчас — опять сон? Как тогда? Или это симуляция? Какой-то новый вид патчинга? Или...

Элиза засмеялась. Смех ее прозвучал сухо и отстраненно, точно она смеялась не над ним, а над чем-то, что давно знала и принимала как неизбежность.

Они шли по мостовой, и незаметно скрип камней под ногами сменился глухим хрустом гравия. Переулок растворился и исчез. Вокруг раскинулся мрачный, заброшенный парк, где само время остановилось.

Мертвые деревья вытягивали к небу черные ветви, словно вывернутые корни, тянущиеся в пустоту. Земля под ногами была бурой, без единой травинки, и жадно поглощала дождь, не оставляя луж. Ветер скрипел в сухих ветках, из земли торчали ржавые остовы фонарей.

Дерево скамеек давно сгнило, остались лишь железные литые скелеты, но на подлокотниках угадывались старые украшения — когда-то изящные завитки, теперь изъеденные ржавчиной. Марк пригляделся

внимательнее и разобрал: змеи. Изогнутые, сцепившиеся в узлы, с головами, чьи контуры расплылись от времени.

Дождь беззвучно падал на голое железо и мертвые ветви. Казалось, змеи на скамьях прислушиваются к его ритму, чего-то ожидая. Вдали, сквозь туман, угадывались очертания моста.

— Это сон, — решительно произнес Марк и с силой ударил ногой по железному каркасу скамьи.

Металл оказался настоящим — острая боль пронзила стопу и отдалась в ноге.

Ему на секунду показалось, что змеиная морда на подлокотнике шевельнулась и метнула в него злобный взгляд из пустых глазниц.

Элиза засмеялась — на этот раз легко, беззаботно.

— Нет, Марк. Это не сон.

В груди закипела злость — на нее, на этот не-сон, на собственную беспомощность.

— Пойдем к мосту, — она взяла его за руку. — Это важное для меня место.

Она взяла его за руку, и от ее прикосновения мир смазался, поплыл, а гравий под ногами превратился в мокрую брусчатку. Они стояли у бара. Красный неон дрожал в лужах.

— Что с тобой происходит? — спросила Элиза, и впервые в ее голосе прозвучала настоящая тревога. — Ты отключился на несколько минут.

Марк осмотрелся — и мир треснул снова. На стене бара, где минуту назад мокла обычная штукатурка, теперь извивалось тело гигантской змеи. Черный силуэт оплетал весь фасад, глаз рептилии пылал ядовито-зеленым огнем. Он моргнул, сердце ухнуло в груди, и потом понял, что это всего лишь граффити, пугающе правдоподобное. Но все равно — раньше стена была чистой.

— Останься со мной сегодня, — попросила Элиза. — Я живу неподалеку, здесь, в Круге.

В ее голосе звучала забота, но под ней пряталось что-то большее — почти мольба.

— Ты нездоров, Марк.

Мольба в голосе сменилась мягкой уверенностью — не приказ, не просьба, а знание того, что он не откажется. Она стояла так близко, что он чувствовал тепло ее дыхания. В ее глазах отражался красный неон, а зрачки затягивали его в пустоту, где все произошедшее теряло смысл.

Капли дождя блестели, стекая по ее темным волосам и куртке. Элиза не обращала внимания — она стояла неподвижно. Марк глубоко вдохнул влажный воздух и кивнул.

— Конечно.

Это стало его капитуляцией — шагом в безликое, непостижимое.

В этот миг Марк понял: он переступает очередную черту и уже не может различить, где кончается привычный мир, а где начинается что-то совсем иное — то, что не имеет названия и границ.

Глава 8. Я могу предложить тебе гораздо больше

Он проснулся, словно умирая — медленно, с ощущением, что тело ему не принадлежит. Голова раскалывалась от тупой, ритмичной боли в висках, а язык во рту был чужим, пересохшим куском плоти. Марк лежал неподвижно, вслушиваясь в ровный, безразличный шум дождя. Сознание нехотя собирало себя из осколков вчерашнего вечера: сальный смех Барри, едкий дым, тепло дешевого пойла в горле...

Воздух здесь пах точно так же, как в ту первую, ставшую видением ночь. Вековой сыростью, затхлой пылью и той самой сладковатой гнилью, что пропитала стены. Само время в этой комнате застыло, скисло и разлагалось.

Комната качнулась вместе с волной головокружения, когда он сел на кровати. Сквозь мутные окна сочился серый, безжизненный свет, цепляясь за знакомые очертания беспорядка. Комод с облезлыми боками, продавленное сиденье старого кресла, чашка с янтарным осадком на тумбочке. Элиза никогда тут не убиралась. Голый бетонный пол. И посреди этого запустения — тускло горящая лампочка. Роскошь. Нелепая аномалия для Круга.

Несоответствие царапало изнутри, как заноза. Комната до последней трещины была той самой, из его лихорадочного воспоминания.

Марк поднялся. За стеклом, омываемым вечным дождем, расстилался привычный пейзаж. Там, за Барьером, — стерильное, недостижимое сияние Города. Здесь — грязные кварталы Круга, шрамы разрушенных зданий и бурлящие потоки воды, пожирающие улицы.

Месяц назад это место было наваждением, лихорадочным сном наяву. Теперь — обычная комната, в которой он проснулся. Недостижимое, запретное воспоминание обратилось в быт. В убогую квартиру в Круге, где он делил постель с капитаном Элизой Дамер.

Прошелся, дотронулся до простыни — ледяная. Элиза ушла задолго до рассвета, не оставив после себя даже тепла. Лишь пустоту.

На запястье настойчиво мигнул огонек.

— Что там? — хрипло спросил Марк.

— Входящее сообщение от Элизы Дамер, — безжизненно отозвался браслет. — «Уезжаю на пару дней». Конец сообщения.

Она уезжала часто, чересчур часто. Исчезала, не оставляя следов — иногда на сутки, иногда дольше. «По работе», — бросала она в ответ на его вопросы, и эта фраза стала щитом, о который разбивались любые догадки. Он перестал спрашивать.

Это место — не для него. Оно принадлежало ей целиком, как вторая кожа. Ее присутствие въелось в каждую вещь: в изгиб корешков на книжной полке, в блеск безделушек на комоде. Во всем чувствовалась она.

А он был еще одной вещью в этой коллекции. Временным гостем, которого терпят до поры до времени. Квартира позволяла ему находиться внутри, но дышала чужой жизнью. И наблюдала.

Он прошел в ванную, щелкнул выключателем. Секундная задержка, затем — вспышка умирающей лампы и злобное потрескивание проводки. Тусклый плафон моргнул и нехотя включился.

Воздух встретил его запахом гниения. Плесень въелась в швы кафеля, со стен падали ржавые слезы. Из лейки потекла тонкая грязная струя воды. Он встал под нее, не ожидая ничего — ни тепла, ни бодрости. Просто стоял, позволяя ледяной струе смыть с кожи остатки ночи. Ее запах. Ее прикосновения.

Грубое полотенце, носки, но рубашку найти не получалось. Ни на стуле, ни в шкафу. Он почти сдался, готовый натянуть куртку на голое тело, когда его взгляд зацепился за комод.

Среди женского хаоса — рассыпанных заколок, пудреницы — лежал он, чужеродный и неуместный браслет. Старый, с погасшим экраном, но с целым стеклом.

Рука потянулась сама, и пальцы сомкнулись на потертом металле. Легкий, женский. По ободу тянулась трещина, тонкая, как волос. Держать его было неправильно, словно он коснулся чьей-то тайны.

Раньше он мельком видел его здесь, считая браслетом Элизы. Но она бы не уехала без него. Значит, чужой.

Сердце стукнуло глухо и тяжело. Может, это улика, которую она забрала домой из Центра, и забыла тут?

Тумбочка была приоткрыта. Он потянул за ручку, и ящик бесшумно выехал вперед.

Внутри — жуткий, коллекционный порядок. Десятки браслетов. Целое *кладбище*.

Разных моделей, все с погасшими экранами. Некоторые обуглены, на одном — бурый, запекшийся след крови. А под ними — еще. И еще.

Пальцы, не слушаясь, выудили один, потом другой. На внутренней стороне — стертые, почти исчезнувшие имена. «Лин...». «А. Кен...». Потом он наткнулся на узкий, детский. Его передернуло.

Ладони мгновенно вспотели. Он опустился на корточки. Ящик смотрел на него множеством мертвых дисплеев. От сладковатого запаха старого металла затошнило. Десятка три, или больше. Трофеи.

Марк резко выпрямился, отступил на шаг. Стоял и смотрел в стену, но не видел ничего. Комната потеряла цвет. Вернулся плотный, тревожный запах гниения, который, казалось, шел прямо из этого ящика.

Он закрыл его. Потом снова открыл — убедиться, что не почудилось.

Не почудилось.

Нужно с этим разобраться. Он выхватил три браслета наугад, бросил на стол и подключил к зарядному порту. Действовал на автомате, пока мозг отказывался верить.

Они зарядились быстро, с коротким, голодным щелчком. Экраны вспыхнули, ожили. Души, запертые внутри, проснулись от его прикосновения.

Идентификация. У всех троих — активный статус. По телу пробежала судорога, как от удара током. Контур всегда блокировал браслет через 72 часа после прекращения жизнедеятельности. Всегда. Значит, кто-то изменил протокол, и браслеты остались активны.

— Доступ Центра. Просканируй, — его голос прозвучал глухо, как чужой.

Браслет молча вывел перед ним шейд.

[Карина Лю > 28 лет > Гражданская служба, Сектор D] Статус: неизвестен. Дата последнего сигнала: 2140-03-12.

[Харука Джей > 33 года > Техник, БиоТех] Статус: неизвестен. Дата последнего сигнала: 2140-08-03.

[Рейна С. > Возраст не указан > Учетная запись ограничена] Статус: неизвестен. Последний сигнал: неизвестен.

Марк читал текст с какой-то непонятной, тупой отстраненностью. Даты. Имена. Один и тот же статус, выведенный белыми буквами: *неизвестен*. Никто официально не мертв. Они исчезли. А их браслеты — почти личности — лежали трофеями в ящике у Элизы.

Браслет терпеливо мигал, ожидая команды.

— Подключись к логам Карины Лю.

Его допуск в Центре разрезал шифрование, как бумагу. Секундная задержка, пока система взвешивала запрос, и — подтверждение.

— Последнее видео. И витальные параметры, — потребовал он.

На шейде вспыхнуло:

Файл REC>40028. Воспроизведение.

Картинка проявилась из цифровой темноты: комната, еле видимая сквозь помехи. Камера боролась с мраком, меняла фокус, превращая все в размытые, призрачные силуэты. Стены — гладкий пластик. Где-то сбоку горит тусклая лампа, дающая длинные, неправильные тени.

Послышался голос Элизы.

— Я могу предложить тебе гораздо больше, чем ты хочешь, милая.

Страстный, со змеиной ноткой соблазна, от которой у Марка свело скулы.

Камера задрожала.

Пульс: 110. Дыхание учащенное.

Дыхание Карины.

Фигура отделилась от тени. Обнаженная. Женская. Силуэт, который он знал лучше, чем свой собственный.

Тихий, сдавленный шепот Карины. Вопрос, утонувший в страхе. И в ответ — тихое, нежное согласие Элизы.

Пульс: 160.

Секунда абсолютной тишины. А затем — рывок, хаос. Смазанное движение, белая вспышка в кадре. Камера падает. Звук — не крик, а короткий, захлебнувшийся стон, оборванный еще одним тупым, влажным ударом.

Пульс: 0. Дыхание: 0. Жизненные показатели отсутствуют.

Изображение рвется, рассыпаясь на помехи. Последний кадр: кафельный пол, чья-то тень, неясное движение у самого края.

Но звук остался. Влажный, чавкающий. Звук разрываемой плоти. Ни крика, ни звука борьбы.

Сигнал потерян.

И поверх — ровный голос его собственного браслета, анализирующего лог.

— Конец записи. Отключение браслета инициировано внешней причиной. Сделать анализ остальных логов?

В ушах все еще стоял тот самый звук, и он бездумно смотрел на шейд. Провел ладонью по лицу — кожа была холодной и липкой. Глубоко вдохнул — не помогло. Голова гудела, забитая белым шумом увиденного.

Монтаж. Вирус. Симуляция. Его разум, натренированный годами службы, цеплялся за протокол. Повреждение логов. Подмена. В Круге — может быть. Но в Городе... Взлом браслета — смертная казнь.

Все можно было объяснить. Все, кроме звука.

Влажный, чавкающий, он пробил защитные барьеры разума и поселился прямо в его черепе. Он пульсировал там, живой и омерзительный.

Комната казалась слишком маленькой. Он встал, и зашагал из угла в угол, пытаясь заглушить этот звук и картинку. Слишком реально. Слишком конкретно.

Его разум метался по комнате, отчаянно ища, за что бы зацепиться. Дверь. Комод. Бутылка. Смятое белье в углу. Простые, настоящие вещи. Теперь они казались декорациями, фальшивками. Единственной реальностью был тот звук.

Рациональное объяснение должно существовать. Обязано существовать.

Вызов пришел неожиданно, как спасение из безумного круговорота «окно-дверь-окно».

— Убийство, — сказал браслет. — Уровень приоритета — три. Кейн, Логан. Время — 09:11.

Протокол требовал от него простых, заученных действий.

Он выскочил на улицу.

Барри, как всегда, ждал в офисе: машины у него не было.

Офис Центра в Круге — низкое бетонное здание, втиснутое между складами и пустыми гаражами. Когда-то здесь располагался участок полиции, потом — нацгвардия, теперь — отдел С. У входа висела облезлая табличка «Склад». Возле здания — ни души. Удобное место.

Дверь была глухой, стальной, без сканера. Марк коротко постучал костяшками пальцев.

Прошло секунд десять, прежде чем за дверью послышались шаркающие шаги. Щелкнул тяжелый засов, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель выглянул заспанный охранник. Он осмотрел Марка, узнал, и молча отступил в сторону, пропуская его внутрь.

Помещение было гибридом диспетчерской и морга для списанной техники: протертые до металла столы, кресла со вспоротой обивкой и непобедимый слой пыли. Воздух стоял густой и горький — едкая смесь горелого кофе и паленого пластика от вечно умирающей кофемашины.

На одном мониторе беззвучно корчились фигуры в каком-то синт-сериале, на другом — пульсировала карта сектора. У стены два техника, сгорбившись, как стервятники, ковырялись в потрохах терминала. Третий, Том, вел свою вечную войну с браслетом в блиц-шахматы. На шейде его король в очередной раз стоял под шахом. Том обреченно передвинул пешку. Он всегда проигрывал.

Боковая дверь скрипнула, и из нее вышел Барри, на ходу влезая в куртку. Сонный, помятый. Он говорил тоном человека, для которого все вызовы давно слились в один.

— Опять сектор четыре. Чертовы работяги и их гребаный Папаша, — пробурчал он. — Дурацкое местечко. Местные говорят — проклятое. Сатанистов, — он зевнул, — хоть жопой жуй.

Барри говорил не как коп, а как сломанная пластинка, проигрывающая одну и ту же унылую песню о безнадежности. Ничего нового. Марк молча кивнул.

Но внутри у него все сжималось — не от вызова или сектора. От воспоминания. От звука.

— Что, опять проигрываешь, Том? — ехидно бросил Барри, проходя мимо.

— Иди к черту, — буркнул тот, не отрываясь от шейда, где его виртуальный король стоял в ловушке.

Двое агентов у терминала обменялись смешками. Это был их устоявшийся ритуал — ежедневное наблюдение за тем, как Том в очередной раз доказывает, что человек не может победить машину. Он проигрывал всегда, но упрямо начинал новую партию.

Снаружи их встретил мелкий, накрапывающий дождь и стершееся небо. Машина Марка ждала под облезшим козырьком. Он открыл дверь, и салон выдохнул пластиком и застоявшимся воздухом. Барри грузно плюхнулся на сиденье рядом, вздохнув так, точно сама жизнь была непосильной ношей.

Мир за стеклом — серая, размытая акварель. Ритмичный стук капель. Все как всегда.

— Ты в порядке, напарник? — Барри вырвал его из оцепенения.

— Не выспался, — буркнул Марк.

— А, — Барри понимающе скривился, его сальные глаза блеснули. — Твоя капитанша вчера знатно набралась. Пьет, как... ну, как капитан.

Он коротко, утробно хохотнул, довольный своей шуткой.

— А рубашку-то где потерял, у любовницы? — Барри сегодня был в ударе.

Марк застегнул куртку и уткнулся в окно.

Машина заскользила по мокрой улице. За окнами проплывали бетонные коробки — одинаковые, облезлые, слепые. Мир потерял резкость, словно его стирали ластиком. Марк смотрел прямо перед собой, но не видел ничего, кроме помех в собственном сознании.

В голове крутилось одно и то же. Браслет. Звук. Последний кадр.

И теперь четвертый сектор. Убийство. Новая запись в бухгалтерии трупов.

Он пытался нащупать внутри хоть что-то — страх, отвращение. Но там росла ледяная, звенящая пустота. И эта пустота пугала его больше, чем любая запись с чужой смертью.

— Сектор четыре, Запад, — сообщила машина, и Марк моргнул, возвращаясь в реальность.

Он знал этот район на вкус и запах. Вкус машинного масла на зубах, запах ржавчины и горелой проводки. Асфальт здесь давно сдался,

раскрошился, обнажив под собой землю, пропитанную мазутом. Вдалеке постоянно лязгал металл — неумирающий саундтрек этого сектора.

Среди скелетов старых цехов и складов лепились друг к другу бараки и лачуги — уродливые наросты из ржавого железа и потрескавшегося бетона. Здесь чинили то, что в Городе давно бы списали в утиль.

Даже механический гул не мог заглушить звуки жизни: с рынка доносились крики, переходящие в ругань, а затем — короткий, безразличный хлопок выстрела.

Этот сектор жил на том, что осталось. Еще на контрабанде и умении собрать из мусора рабочую вещь. И на банде Воронов, чей босс, Папаша, держал хрупкий баланс между анархией и выживанием. Город сюда не лез, как и другие банды. Для них это место было черной дырой на карте, ценной лишь своим дряхлым генератором.

Машина пронеслась мимо заброшенной фабрики. На стене, поверх выцветшей корпоративной эмблемы, кто-то нарисовал углем огромного, костлявого ворона. Птица впилась когтями в бетон, а под ней — короткая, яростная надпись: «Папаша тебя найдет».

Метки Воронов были повсюду, как черные язвы стен.

Машина прошуршала к дому — трехэтажный, облезлый, довоенный урод. Подъезд дышал сыростью и прогорклым жиром общей кухни. Стены покрывали молнии трещин и следы чужой, отчаянной жизни: прибитая к косяку иконка, нацарапанные ножом слова молитвы и, чуть ниже, — жирный, злой мат.

За дверьми — тишина. Мертвая, настороженная. Обитатели дома затаились, превратились в слух. Кто-то скользнул тенью у глазка и тут же исчез. В Круге действовал один закон: не лезь. Не твое дело. Себе дороже.

Посреди коридора на втором этаже — открытая дверь. Яркий прямоугольник пустоты, из которого сочился запах. Сначала — привычная вонь плесени, пота и табака. А под ней — второй слой, металлический запах крови.

Тело на полу было сломано, вывернуто под неестественным углом, как тряпичная кукла, которую швырнул капризный ребенок. От головы

ничего не осталось — кровавое месиво из кости и ткани. На стене за ним — темное пятно с рваными брызгами.

Словно чьи-то последние мысли разлетелись и застыли на бетоне.

— Да уж, он пораскинул мозгами, — попытался пошутить Барри, но замолк. Ему тоже стало не по себе.

Еще три пули: грудная клетка, печень, легкое. Никакого аффекта. Никакой паники. Не бойня, а казнь, как в «Вавилоне».

Беспорядок в комнате был не от борьбы за жизнь, а от самой жизни. Той самой, что ведут среди мрака и мусора. Над кроватью, прямо на бетоне, нацарапана козлиная голова Бафомета. Рядом, в лужице воска, застыла оплывшая свеча и пустая бутылка из-под джина.

И это выглядело жутко, но обыденно. Сатанинский ритуал — такая же часть быта, как пьянство или драка.

Барри подошел к стене и с любопытством патологоанатома ткнул пальцем в козла.

— Искренне он в это верил, как думаешь?

Марк пожал плечами. В голове заработал протокол, рутинный и бездушный. Четыре выстрела. Кто-то из соседей вызвал полицию, а Центр перехватил вызов. Опрос — следующий шаг.

Оставив Барри наедине с трупом и дроном, Марк вышел в коридор. Единственное окно на лестничном пролете не столько освещало, сколько делало тени гуще и глубже. Грязные стены лоснились жиром.

Появилось чувство, что за ним наблюдают — из щелей, из дверных глазков, прямо из теней, расползающихся по стенам.

И в этой тишине, где каждый шаг отзывался эхом, он услышал шепот. Тихий, женский:

— Марк.

Голос Элизы. Он прозвучал так близко, будто она стояла за спиной, и сразу исчез.

Сердце дернулось, он резко обернулся, вглядываясь в темноту, но ничего не увидел. Коридор был пуст. Лишь тусклый свет из пролета и гулкая тишина дома.

Стараясь подавить внезапный страх, Марк начал методично обходить квартиры. Первый стук в обитую рваным дерматином дверь — и гробовое молчание в ответ. За второй дверью кто-то глухо

кашлянул, сделал пару шагов и замер прислушиваясь. Марк подождал. Ничего.

Прежде чем он успел взяться за ручку третьей двери, внутри что-то щелкнуло. Не замок — скорее, сухой звук задвижки. Дверь приоткрылась.

На пороге стояла девушка. Лет семнадцать, не больше. Хрупкая, бледная, почти прозрачная, с копной спутанных светлых волос, падавших на лицо. Одета не по погоде: короткие шорты и тонкая футболка. На фоне въевшейся грязи коридора ее кожа казалась неестественно, болезненно чистой, словно ее только что вынули из стерильного кокона. По рукам и ключицам вились тонкие, как царапины, линии недавних татуировок: переплетение рун, спиралей и символов, которые Марк не мог распознать.

Но странным были не рисунки, а ее взгляд. Спокойный, внимательный, без тени страха. Словно она знала наперед, кто он и зачем пришел. Как послушница перед жрецом.

— Здравствуйте, — ее голос прозвучал чисто, без дрожи.

Она сделала едва заметный шаг назад, освобождая проход, и слегка склонила голову — жест, совершенно неуместный в этом месте.

— Я Анжела. Я здесь недавно, всего пару недель.

Марк молча кивнул, пытаясь осмыслить это странное приветствие. Он ожидал чего угодно — страха, безразличия, но не этого ритуального спокойствия.

— Вы из... — спросила она, не закончив.

Странный полувопрос.

— Нет, я не коп, — ответил он. В Круге копов боялись из-за штурмовиков. — Я из Центра, опрашиваю соседей. Ночью были выстрелы, вы не слышали?

Она покачала головой, и светлые пряди качнулись.

— Здесь всегда какие-то звуки. Дождь, шаги в коридоре... — она сделала паузу, — крики. Выстрелы. К этому привыкаешь.

Она говорила ровно, словно читала справочник. Посмотрела на него несколько секунд, а затем произнесла то, чего он ожидал меньше всего:

— Проходите.

И снова этот легкий наклон головы. Не заискивание, а почти ритуальный жест служения.

Протокол требовал держаться от посторонних на расстоянии. Но что-то в ее спокойствии, в этом странном жесте, заставило его переступить порог. Любопытство? Или ощущение, что он стоит на пороге чего-то важного, и эта дверь — единственный путь?

Комната была точной копией той, где лежал труп: та же серость, минимум облезлой мебели, ободранная кровать. Только здесь не пахло смертью. Воздух — прокуренный, заплесневелый, но жилой. На стене напротив жирным черным маркером выведена идеально ровная перевернутая пентаграмма — не старый, выцветший рисунок, а свежий, нанесенный недавно.

— Садитесь, — она указала на кровать.

Марк подчинился, не раздумывая. И в тот же миг реальность треснула.

Воздух остановился, загустел, как вода на большой глубине. Звуки — капли дождя за окном, его собственное дыхание — растянулись, потеряли резкость, обрели гулкое, соборное эхо. Комната перестала быть комнатой. Как живая, она запульсировала, сдавила его со всех сторон.

— Разбит, — произнесла Анжела безэмоционально, как машина.

— Раздавлен, — повторил голос, но откуда-то из-за его плеча.

— Подвал, — прошелестел другой, тонкий, как паутина, прямо у него в голове.

Говорила уже не она, а целый хор — десятки голосов, мужских, женских, детских, сплетающихся в один жуткий узел. Они не звучали, а *вибрировали* прямо в его мозгу, и каждый отзывался внутри холодным прикосновением.

Слова травили сознание, как капли кислоты.

— Растоптана, — говорила она.

— Уничтожен, — говорил он.

— Захвачены, — говорили мы.

— Забыты, — говорили они.

И среди безличного ужаса, — личное, почти интимное:

— Марк, не осуждай.

Он открыл рот, чтобы что-то сказать, крикнуть, и слово вырвалось само. Не его слово. Чужое.

— Хаос.

— Хаос, — ответил голос Анжелы, ближе.

— Хаос, — прозвучало в его голове, но его собственным голосом.

— Хаос, — прошептала она так, что он почувствовал ее дыхание.

— Хаос, — ответил он.

И затем — последнее, сказанное хором, сказанное им самим, сказанное ею:

— Убей их всех.

И наступила тишина. Не отсутствие звука, а нечто плотное, тяжелое, как бархат, накрывший мир. Тишина, которая давила на барабанные перепонки и кричала громче любого голоса.

Глава 9. Не осуждай

Сознание всплыло рывком, будто его вытолкнули из-под воды. Перед ним — голые стены, холодный бетон. Рядом — Барри. У их ног лежал труп.

От ее головы ничего не осталось — месиво из костей, плоти и волос, размазанное по полу.

— Пораскинула мозгами, — попробовал пошутить Барри, но смеяться не стал.

В памяти другой образ — убитый мужчина, поездка в сектор Запад, к банде Воронов. Но здесь пахло не гарью и мазутом, а сырой землей и химикатами. За окном раскинулись уродливые фермы Сектора-17. Север.

На стене за телом — бурое пятно брызг. Последние мысли этой женщины будто вспыхнули и застыли пятном на бетоне.

Три точных выстрела в корпус. Сердце, печень, легкое. Анатомически выверенная казнь, как в «Вавилоне».

Барри подошел к стене, небрежно ткнул пальцем в кровавый рисунок над кроватью — козлиную голову Бафомета.

— Ну что, — спросил он, — думаешь, правда в это верила?

Сказано так, словно речь шла о погоде. Он не замечал ничего странного. Для него это впервые, но для Марка — нет.

Он смотрел на символ, на позу тела, на брызги — и его мозг разрывался от противоречий. Он помнил другой сектор и другое тело.

Но Барри стоял здесь, говорил о женщине, и они были на Севере Круга.

Марк взглянул на символ, на тело, и его затошнило. Детали не сходились, но ритуал тот же. Словно в знакомой сцене внезапно заменили актера: та же комната, тот же козел на стене, та же казнь — но жертва другая. Какая из них настоящая? Та, что в его памяти, или та, что лежала перед ним? Мир смотрел новую версию фильма, а он один помнил старую.

Они оставили тело дрону. Барри что-то говорил про бумажную работу, про то, что Сектор-17 — те еще ублюдки, и связываться с

Майором — себе дороже. Так он говорил обо всех бандах. Марк не слушал. Он кивал, бормотал что-то вяло, но сам был далеко.

Наконец, закончили.

Пришлось вернуться в офис — отметиться, поставить подпись, оставить Барри. Но в памяти все еще жила та комната из другой реальности. Чужой, неправильной. Наконец он вырвался из пустой болтовни агентов, и нырнул в салон.

— Маршрут, — глухо бросил он машине. Продиктовал адрес.

Машина безмолвно тронулась. Для нее это — еще один адрес из миллиона, набор координат. Для Марка — паломничество к месту, где его мир треснул. Попытка доказать, что он не сошел с ума.

Дорога тянулась вязко, фары разрезали дождь, и с каждым метром гул шин становился навязчивее.

Он вдруг отчетливо услышал тихий голос Элизы из-за плеча:

— Марк.

На сиденье — пусто. Только капли стекали по боковому стеклу.

— Марк, — глухо, будто из самой машины, из ее нутра.

Шепот вибрировал где-то под кожей. Марк зажмурился, стиснул зубы, пытаясь вытолкнуть наваждение.

Ее здесь нет. Нет.

Глубоко вздохнул, открыл глаза и сосредоточился на дороге.

Фабрика, граффити Воронов — все как в той, старой версии. Воздух за окном снова вонял гарью и мазутом. Настоящая реальность, которую он помнил. Напряжение в груди ослабло.

Сердце глухо стучало в ребра, отмеряя шаги, когда он поднимался на второй этаж. Владелец здания мельком высунул прыщавое лицо в маленьком окошке, и тут же исчез.

Дверь, обитая рваным дерматином. Вторая. Третья — та самая, где он говорил с Анжелой.

Он постучал. Сначала негромко, потом — настойчивее, забарабанив кулаком. В ответ — тишина. Надавил на ручку — заперто, прижался ухом — ни звука, ни скрипа половиц. Надавил сильнее и дверь поддалась.

Квартира была пуста.

Гул в ушах сменился тошнотой, к горлу подкатил горький ком. Этого не могло быть. Он ведь был здесь. Разговор, пентаграмма, ее странный почтительный взгляд...

Марк сбежал вниз и захлопнул за собой дверь машины. Салон показался тесной, душной коробкой.

— Историю вызовов за последний час, — выдавил он.

Машина мгновенно зачитала вердикт его памяти.

— 09:11. Вызов. Убийство. Уровень приоритета — три. Сектор-17, Север.

Ничего не понимая, он крутил браслет на руке, словно все дело было именно в нем.

— Других вызовов не было? — прошептал он. — В Западный сектор? К Воронам?

Пауза длилась невероятно долго. Машина сверяла его безумный запрос с логикой Города.

— Нет. За последние двадцать четыре часа в логах зафиксирован один вызов. Сектор-17, Север.

Не существовало ни мужчины, ни Анжелы. Система уверена. Барри — тоже. Весь мир — уверен.

А он остался один на один со своей памятью — о реальности, которой никогда не существовало.

Он сидел в машине, слушая шум дождя. Что произошло?

Первая мысль — съехал с катушек. Окончательно. Он видел такое десятки раз. Хорошие копы, солдаты — в какой-то момент их мозг говорил «хватит» и сдавался. Показывал чертей, заставлял слышать шепот или давить невидимых клопов. Может, пришла его очередь? Двадцать лет в этом дерьме. Война. Круг. Рано или поздно это должно было случиться.

Он потер виски. Версия была логичной, но неверной. Где-то он читал, что сумасшедший никогда не знает, что он сумасшедший.

Запах гари и мазута в Западном секторе, рваный дерматин на двери и трещины в стене. Такое не придумаешь. Такие мелочи не рождаются в больной голове.

Это было похоже на... на старую кинопленку. Как будто кто-то взял запись его дня, вырезал часть — вызов с мужским трупом, с Анжелой —

и вклеил на его место другой. Новый кусок, с женщиной и Севером. А старый просто забыл забрать.

И все вокруг — Барри, машина, система Города — проигрывали новую, смонтированную версию. А он один помнил то, что было в вырезанной сцене.

Но кто мог это сделать? Кто тот монтажер, что играет с его жизнью?

Эта мысль была страшнее собственного безумия. Потому что если он не сошел с ума, значит есть кто-то, кто может вот так, одним движением мысли, менять реальность. Переписывать прошлое.

Но как можно вырезать кусок прямо из головы человека?

И тут в сознании вспыхнула пугающая, отвратительная догадка. Патч.

Что, если в него что-то вживили? Во время войны, в госпитале? Или вчера, пока он пил с Барри? Незаметный нейрочип, который может стирать и перезаписывать память. Сделать его послушным и управляемым.

Мысль разрасталась, уродливо распухала. А что, если ничего и не вживляли? Что, если он всегда был таким?

Марк поднял руку. Кожа. Пальцы. Они казались фальшивыми. Что, если он — фуллер? Кукла из плоти, набитая синтетикой и чужими воспоминаниями. Его жизнь, служба, ненависть к Городу и Кругу — всего лишь данные из базы? А сейчас... сейчас программа дала сбой и он увидел то, что не должен был. Вырезанный кусок пленки.

Внутри что-то вскипело, горячее и черное. Злость.

Если он — машина, значит, он — сломанная машина. И он доберется до того, кто ее создал, и узнает, что реально, а что — нет. Он с силой ударил по приборной панели кулаком.

Он должен доказать, что хотя бы что-то — настоящее. Иначе оставалось выйти из машины и шагнуть под колеса грузовика.

Дорога домой, в квартиру Элизы в Круге, была недолгой. В машине Марк позволил себе вздремнуть. Сознание вязло, и он смотрел, как машина скользит вперед. Перестал думать о браслетах в ящике и о двух версиях одной и той же смерти. Нужно было добраться до места, которое он по непонятной причине называл домом.

Улицы становились уже и темнее, редкие фонари выхватывали из мрака мокрый, потрескавшийся бетон и ржавые кости арматуры, торчащие из стен. В мониторе заднего вида отражалась пустая, черная улица позади.

Машина свернула в последний переулок перед домом. Колеса с плеском вошли в широкую лужу, покрытую маслянистой пленкой. Краем глаза он зацепил рябь — и дремота исчезла мгновенно.

На долю секунды, в радужной поверхности лужи, мелькнуло отражение. Не фонарей и стен, а двух хищных огоньков автомобильных фар. Белый фургон.

Он резко обернулся — ничего. Улица позади была абсолютно пустой и безмолвной. Ни звука.

Сердце споткнулось, замерло на мгновение и ударило снова — тяжело и гулко. Легкий сдвиг, трещина в реальности, показавшая то, что скрыто. Отражение в луже выявило не то, что есть, а то, что *может* быть.

Когда-то давно его учили замечать хвост по двойному появлению машины, по ее нелогичным маневрам. Но как заметить того, кого нет?

Этот хвост был таким же безупречным, как действия фуллера в баре. Он не прятался в переулках. Скорее всего, прямо за ним — невидимый для обычного глаза. И только поломка мира позволила Марку его заметить.

Холод прошил его насквозь — резкий, отрезвляющий укол реальности в самое сердце паранойи. Он не сходил с ума. За ним охотились.

Машина остановилась у подъезда. Несколько секунд Марк сидел, вслушиваясь в шум дождя и стук собственного сердца. Он не обернулся. Знал: если обернется — там не будет никого. Но чувствовал, как за ним наблюдают — чужое, нечеловеческое присутствие касалось затылка.

Он вышел из машины, и дождь тут же вцепился в волосы и одежду. Каждый шаг до подъезда давался с трудом. Он не оглядывался, но чувствовал спиной пустоту, которая была страшнее любого преследователя. Пустота, смотревшая на него.

Квартира встретила его сумраком и знакомым запахом. Он запер за собой дверь, задвинул тяжелый засов — бессмысленный ритуал. Если за

ним охотится фуллер, эта дверь — не преграда. Если за ним охотится его собственный разум, она тем более не поможет.

Прислонившись спиной к двери, он остался стоять в темной комнате. Дыхание было тяжелым.

Фуллер. Слежка.

Еще раз перебрал в голове то, что можно было считать фактами. Отражение в луже. Чужой взгляд. Это было реально.

Но что, если нет? Если это блик, игра света на масляной пленке? И все остальное — всего лишь нервы?

Прошел, сел на неубранную кровать. Свет уличных фонарей едва разгонял полумрак комнаты. Все на своих местах. Слишком обыденно для мира, в котором за ним охотятся невидимые убийцы.

Может, так и выглядит безумие? Не крики и пена изо рта, а знание о том, чего нет. Уверенность, что отражение в луже реальнее всего остального.

Марк проверил браслет: пульс в норме, давление в норме. Система не видела паники. Система считала, что все в порядке.

Может, ей виднее?

— Браслет, — позвал он хрипло.

— Слушаю, Марк, — мгновенно отозвался тот.

— Расскажи о паранойе.

Пауза — почти незаметная.

— Конечно, Марк. Если совсем упростить, то паранойя — это когда человек убежден, что ему угрожает опасность. Он начинает видеть скрытые смыслы в обычных вещах, взглядах или совпадениях. Появляется недоверие к окружающим. Иногда мозг даже создает слуховые или зрительные галлюцинации.

Каждое слово дружелюбного устройства било точно в рассудок.

Идти к психиатру? Но психиатр — это БиоТех, где на все проблемы ответ один: патч. Патч заменит нейронные связи, и мозг заработает как часы. Нет, спасибо.

Он снял куртку, и пальцы нащупали в кармане что-то плотное. Книга, которую он подобрал в «Вавилоне». Он совсем забыл о ней.

Потертая, разбухшая от влаги. С помощью браслета он заставил ее говорить. Перевод шел рваными, бессвязными кусками: «...пролить

кровь на Ишет и призвать блудницу...», «...Zazas, Zazas, Nasatanada Zazas...», «...богиня факелов провела Безымянного...». Рецепты, обрывки безумия, смесь алхимии и магии. Под знакомым знаком — полукрестом со змеей — не было ни слова.

И в самом конце, на обложке, от руки нацарапано:

Книга Безымянного. Нет истины, только граница сна. Твое число — 18. Свеча, полынь и лаванда — зажги одно. Истина твоей воли — ложь. Истина твоей лжи — воля. Огонь пожирает себя, чтобы гореть ярче. Числа — ложь. Следуй за ней.

Он сидел, глядя на эти строки, и не заметил, как реальность поплыла, уступая место тяжелой, бездонной пустоте сна.

Утро просочилось в комнату с тем же серым, безжизненным рассветом, что всегда. Он встал с тяжелой головой и привкусом вчерашнего страха во рту. Другая сторона постели была холодной — Элиза не вернулась. Он даже не удивился. Это стало нормой.

Протокол требовал явиться в офис. Единственный понятный ритуал в этом сломанном мире.

Дождь прекратился, воздух был влажным и тяжелым. Улица пуста: ни людей, ни машин. На мгновение ему показалось, что вчера ему все привиделось.

Он уже подошел к своей машине, когда почувствовал острый комариный укол в кисть. Из тыльной стороны ладони торчал тонкий дротик с оперением из темного пластика.

Тепло и тяжесть мгновенно хлынули по венам, разлились по телу, подкосили ноги. Мир дрогнул и поплыл, как выключенный шейд, растворяясь в воздухе.

Из тени ближайшего подъезда выскользнули две фигуры. Черные комбинезоны, глухие шлемы — безликие, эффективные. Его подхватили и без усилий потащили в распахнутые двери белого фургона.

Последнее, что он успел увидеть, — безразличное небо Круга, серое и пустое. Потом темнота сомкнулась окончательно, и мир исчез.

Глава 10. Чистая правда

Первым вернулся звук. Ровный, низкий гул, как от гигантской вентиляции. Потом — свет. Ослепительный, молочно-белый, бьющий отовсюду и ниоткуда одновременно.

Марк лежал на чем-то мягком и прохладном. В ладони, куда вошел дротик, тупо ныла точка боли. Он попытался сесть, и комната качнулась.

Она была абсолютно белой. Стены, пол и потолок сливались в единое, бесшовное пространство без углов и теней, будто он очнулся внутри бильярдного шара.

Часть стены напротив пошла рябью и беззвучно отъехала в сторону, открывая проход.

Вошедший был одет в серый, строгий комбинезон без нашивок. Вместо лица — переливчатая рябь вирт-маски, как помехи на старом экране. Постоянно меняющийся, гипнотизирующий узор из света и тени. Над головой, где должны были быть волосы, воздух слегка искажался, дрожал цифровым нимбом.

Когда он заговорил, на маске высветился символ — две горизонтальные линии, знак нейтральности.

— Гражданин Кейн, — звук ровный, отфильтрованный, без единой человеческой нотки. — Меня зовут Майкл.

На мгновение вспыхнула схематичная улыбка — и тут же исчезла.

Марк с трудом сел на краю платформы. Онемевшие мышцы отказывались подчиняться, но разум начал работать. Он заставил себя игнорировать белизну комнаты и рябь вместо лица напротив. Он — коп, а это — допрос. Или что-то вроде того.

— Что происходит? — слова Марка прозвучали тверже, чем он ожидал. — Я арестован? По какому обвинению?

На вирт-маске Майкла на миг вспыхнули два вопросительных знака — чистое недоумение. Затем они сменились схематичным изображением весов правосудия.

— «Арест» — это термин из протоколов вашей бывшей работы, гражданин, — отозвался отфильтрованный синтез. — Он подразумевает преступление и наказание. Здесь нет ни того, ни другого.

Весы на маске качнулись и исчезли.

— Считайте, что вы на карантине. Мы зафиксировали аномалию и должны были убедиться, что вы не ее источник, — На маске мелькнуло изображение весов, одна из чаш чуть ниже другой. Майкл сделал паузу. — Хотя мы уже знаем: источник — не вы.

Слова Майкла были ловушкой, он это чувствовал. Сначала — завуалированная угроза, потом — внезапное оправдание. Хороший прием, чтобы сбить с толку и заставить говорить.

Но сквозь эту уловку пробивался главный, оглушительный факт: они знали. Они знали про аномалию, про эти... сдвиги. Значит, он все-таки не сошел с ума.

— Если вы знаете, что это не я, — произнес Марк, — тогда зачем я здесь?

На маске Майкла снова проступила схематичная улыбка. Такая же искусственная, как и в первый раз, но теперь в ней читалось одобрение.

— Хороший вопрос, Марк. Нам нужна ваша помощь.

Жест рукопожатия был пустым и формальным — как и улыбка.

— Если вам нужна помощь, — Марк проигнорировал голограмму, — объясните, что происходит. Что за чертовы аномалии?

— «Аномалия» — наш внутренний термин для всплеска энергии, который Контур зафиксировал вчера в Круге, — пояснил Майкл. — Техническая деталь, о которой вам не стоит беспокоиться. Нас интересуют не события, а люди. Те, кто оказался в эпицентре.

На маске появилась фотография Элизы — официальная, из полицейской базы. Сухая, гражданская подпись: «Элиза Дамер».

— Мы некоторое время наблюдаем за мисс Дамер, — продолжил Майкл. — Ваш близкий контакт с ней оказался удачным совпадением. Поэтому вы здесь. Мы хотим задать вам несколько вопросов о ней.

Значит, не допрос, а вербовка.

— Я ничего не знаю, — глухо ответил он.

Схематичная улыбка Майкла выглядела почти сочувствующей.

— Вы говорите чистую правду. Вы действительно ничего не знаете.

Он сделал легкий жест пальцами, и из идеально гладкого белого пола бесшумно выросло кресло — эргономичное, из того же материала, что и все вокруг. Оно остановилось в нескольких метрах от стены.

— Присаживайтесь, — сказал Майкл. — Думаю, то, что вы сейчас увидите, лучше смотреть сидя.

Марк колебался секунду, затем подошел и сел. Кресло мягко подстроилось под его тело, принимая удобную форму.

Едва он уселся, стена напротив потемнела, превращаясь в экран от края до края. Комната погрузилась в полумрак; лишь маска Майкла продолжала мерцать переливами.

— Вы утверждаете, что ничего не знаете об Элизе Дамер, — слова теперь раздавались из встроенных в стены динамиков, обволакивая Марка. — Давайте посмотрим, смогу ли я помочь вам узнать о ней больше.

На экране вспыхнуло изображение.

Не голограмма — плоское видео, снятое с высоты птичьего полета. Дорогая машина подъезжает к ресторану, огни которого размывает дождь. Камера делает наезд: из машины выходит Элиза. На ней роскошное вечернее платье — в Круге такого она не носила. Она улыбается. Рядом с ней молодой человек в идеально скроенном костюме. Он смеется и что-то шепчет ей на ухо. Как и все в Городе, он безупречен, словно синт-модель. Потом берет ее за руку, и они вместе входят в здание.

— Это Лукас Ланье, — прокомментировал Майкл. — Наследник империи Ланье, который, как все считают, ею управляет. На самом деле он — марионетка Лили Фрейзер.

Он сделал паузу.

— Эти кадры получены с дронов мониторинга Контура. Они используются для слежки за объектами особого интереса. У нас есть все записи, и вскоре у вас будет полный доступ.

Смена кадра. Элиза и Лукас поднимаются на лифте в небоскреб корпоративного квартала. Смена кадра — утро, коридор отеля. Дверь распахивается — выходит Элиза. Помятая, без привычной деловой выдержки. На лице след удовольствия и усталости, похожей на ту, что оставляет долгий сон.

На долю секунды на экране мелькнула ее фотография, сделанная в тот миг, а затем кадр сменился.

— Простите за эти весьма... пикантные материалы, — сказал Майкл, и в интонации скользнула легкая насмешка.

Дыхание перехватило. Не ревность, а тошнотворное чувство, будто его одурачили. Та встреча на крыше, которую он считал чем-то настоящим, для нее была лишь одной из ролей. Пророчица хаоса для уставшего копа, светская львица для богатого наследника. Разные маски для разных игр.

Изображение снова меняется. Видео дрожит — дрон следует за Элизой. Она идет по узкой улице Круга рядом с девушкой лет двадцати. Та плачет, что-то шепчет ей на ухо. Обе входят в полуразрушенное здание, вывеска над входом держится на ржавых цепях. Дрон скользит следом.

Полумрак. Бетонные стены. Лампы дневного света мигают. Элиза и девушка в центре пустого зала. Девушка что-то спрашивает, наклоняется ближе. Следующее мгновение — движение. Резкое. Точное.

Блестит нож. Элиза вонзает его в грудь девушки и поворачивает, будто заводя механический будильник.

Камера приближается. Лицо жертвы искажено немым криком. Элиза оборачивается к дрону, и этот миг изображение рвется, как от помех, и связь обрывается. На экране — белый шум.

— Вновь прошу извинить, — сказал Майкл сбоку. — Хотя для человека вашей профессии подобное вряд ли ново.

Видео меняется в третий раз. Снова Круг, заброшенный склад. Внутри — полумрак, пыль в воздухе. За столом сидит человек с обезображенным лицом, покрытым татуировками. Это один из местных боссов. Рядом стоит она.

— Наркотики — не моя область, — говорит Элиза. Слова слышны отчетливо, несмотря на расстояние. — Но в качестве жеста доброй воли... думаю, мы можем попробовать.

Она улыбается, и эта улыбка — хищная, нечеловеческая.

Затем экран залили строки цифр. Банковские счета. Миллионы, миллиарды. Цифры, которые Марк даже не мог осмыслить.

— Это анонимные пулы, связанные с мисс Дамер, — прокомментировал Майкл. — Переброска каждые двенадцать часов,

чтобы избежать отслеживания. Зафиксировано более миллиарда кредитов.

Он сделал паузу, и на экране появилась карта Круга. Красная точка пульсировала в знакомом месте, в самом сердце Старого города. Она расширялась, пока не охватила весь район. «Эпицентр» — гласила надпись.

— Последняя зафиксированная аномалия, — пояснил Майкл. — Возникла, когда она находилась в Круге.

Мир стянулся вокруг головы тугим кольцом, пульсируя в висках. Пока он считал, что она в отъезде, — она была в Круге. Лгала ему в глаза.

— Как видите, Марк, — сказал Майкл, и его слова прозвучали как приговор, — мы знаем очень многое.

— Чего... что вы хотите от меня? — слова Марка прозвучали хрипло и безжизненно, будто их произносила его пустая оболочка.

На вирт-маске Майкла вновь появилась схематичная улыбка. Пустая, как и белая комната, в которой они находились.

— Мы хотим, чтобы вы нам помогли, — сказал Майкл. В его голосе не было ни мольбы, ни приказа, только спокойная просьба. — У нас есть дроны, они зафиксировали аномалию и эпицентр. Но и в Городе и в Круге существуют места, где сигнал пропадает или глушится. Например, в зданиях БиоТех. Поэтому нам нужен более надежный способ. Доступ к ее окружению, к ее контактам и разговорам.

Он едва заметно кивнул, и в воздухе перед Марком появился шейд: миниатюрное устройство размером с комара, с тончайшими усиками и едва видимой антенной. Оно выглядело как крошечный паук, выкованный из серебра и стекла.

— Прикрепите это к ее коже. Совершенно безболезненно. Жучок будет записывать разговоры, регистрировать специфические энергетические сигнатуры аномалии, — Он сделал паузу, подбирая слова. — Это позволит нам точно определить ее местоположение, если она решится на... скажем так, незапланированные действия.

Марк понимал, о чем идет речь — предательство. Он должен предать ту, что открыла ему глаза на...

Но экран показал ее истинное лицо. Убийца. Торговец наркотиками. И он — всего лишь еще одна вещь в ее коллекции.

— Почему вы просто не получите доступ к ее браслету? — наконец спросил он.

— Весьма разумный вопрос, Марк, — согласился Майкл. — Но в Круге она браслет не носит, а в Городе использует чужие. Что, конечно, серьезное преступление. Но нам нужна не только она, а также ее связи и информация по аномалии.

Чужие браслеты. Может, он сам стал бы очередным браслетом в ящике ее комода? Внутри него что-то необратимо треснуло, расщепилось и часть Марка смотрела на происходящее со стороны с полным безразличием ко всему.

Идеальный Город, стерильный и безупречный, был мертв. Живой, хаотичный Круг пожирал сам себя. А она... оказалась хуже их всех.

Он говорил теперь так же отстраненно, как и Майкл. Жест — машинальный, как у фуллера в баре.

— Я согласен.

Майкл одобрительно кивнул, достал из кармана комбинезона маленький металлический предмет размером с монету и протянул его Марку.

— Достаточно слегка прижать его к коже. Оболочка растворится сама.

Марк взял его, даже не взглянув. Знак чужой власти, принятый им добровольно.

— Мы рады сотрудничеству, Марк, и это взаимовыгодное предложение. Вы будете работать напрямую с нами, — сказал Майкл. Его слова звучали холодно, как музыка сфер. — Это позволит вам сохранить рассудок и, что важнее, жизнь.

— С вами... Вы — это кто? — хрипло спросил Марк.

— Мы называем себя Агентством. Можете использовать это имя. Или придумать другое, — в голосе Майкла не было ни тени эмоций.

— И что... будет дальше?

— Когда все закончится, мы сможем предложить вам место в Центре. Нашей протекции будет достаточно. Вы сможете начать все сначала, прямо в Городе. Если захотите — даже с вашей бывшей напарницей, Дианой. Кстати, она уже детектив.

Его слова не доходили до сознания Марка. Он думал о другом. О девушке на крыше, о ее словах: «Убей их всех». Он и правда теперь готов убить.

Голос Майкла изменился.

— Не смотрите на это как на предательство, Марк. Смотрите на это как на искупление, на спасение, — Его слова стали мягче, интимнее. — Вы же не хотите и дальше быть марионеткой, правда? Хотите вернуть работу и даже подняться выше?

Марк кивнул. Он не знал, кому кивает — Майклу или своей сломанной памяти.

— Прекрасно, — В интонации Майкла вновь вернулись холодная деловитость и контроль. — Мы отвезем вас домой. Делайте вид, что ничего не произошло. Ваша задача — установить устройство. Удачи.

Стена снова пошла рябью и отъехала в сторону, и Майкл исчез. В комнату вошли двое в черных комбинезонах. Они молча подняли Марка и понесли, как безвольный мешок мяса. Ему почудилось, что их маски уставились множеством глаз — открытых, без век, устремленных прямо на него.

Через пару часов его высадили из белого фургона. Он стоял на мокром асфальте под мелким, липким бесконечным дождем. Снова там, где все началось — в Круге.

Он вернулся в квартиру. Дверь закрылась, и он остался в темноте, слушая стук собственного сердца. Прошел в комнату. Внутри царил полумрак, едва разгоняемый светом уличных фонарей.

И он увидел ее.

Элиза стояла спиной к нему, темный силуэт на фоне окна. Ее фигура, такая знакомая, казалась одновременно родной и чужой. Она повернулась со стаканом в руке, сделала глоток, двуликий взгляд скользнул по его лицу, как сканер.

— Где ты был, Марк? — в ее голосе не слышалось ни вопроса, ни удивления. — Ты выглядишь ужасно.

Марк шагнул вперед, чувствуя, как карман тянет крошечный маяк. Он должен подойти к ней, взять за руку, выполнить задание, пока есть возможность.

— Я... я был на вызове, — выдавил Марк. — Я хочу поговорить, Элиза. Сейчас.

Она сделала еще один глоток. Глаза — чужие отражения, в которых он не находил себя. Она молча смотрела на него, и Марк чувствовал, как напряжение нарастает.

— Ты не был на вызове, — сказала она наконец. — И ты не хочешь говорить. Ты боишься.

Ее спокойный, безразличный тон так напоминал всезнающего Майкла, что Марка пробил озноб. Часть сознания оставалась в комнате, часть ухнула в пустоту. Она знает — подсказал безразличный голос из глубины.

— Я хочу, — настаивал Марк, — я хочу поговорить о... нас.

Слова прозвучали нелепо и беспомощно.

Элиза поставила стакан на комод. Легкий звон стекла о дерево показался Марку оглушительным в этой тишине.

— Сейчас? — она мельком взглянула на браслет. — У меня сегодня дела, Марк. Мне нужно уходить. Я вернусь завтра. Ведь твой разговор подождет?

Она пошла к двери и Марк протянул руку, словно пытаясь обнять. Это его шанс. Элиза остановилась.

— Ты сегодня такой нервный, — сказала она мягко, почти заботливо.

В ее глазах прорвалось что-то совсем иное, что она тщательно скрывала — тень печали. Болезненное раскаяние пронзило Марка, но он его отогнал.

Не колеблясь больше, сделал шаг навстречу. Нужно действовать прямо сейчас.

— Элиза, пожалуйста, — выдохнул он сухим шепотом. — Останься.

Ее плечи чуть опустились, и Марк ощутил: она разрывается не только из-за него, но и из-за собственных чувств.

— Не сейчас, Марк. Не сегодня, — устало сказала она.

Тогда он обнял ее и поцеловал. Тепла он не ощутил, холодный корпус жучка жег ладонь. Он даже не заметил, как устройство вошло в ее шею. Теперь она стала частью чужого плана.

Элиза не ответила на объятия. Дождалась пока отпустит, — ни вопроса, ни удивления. Только печаль.

— Рад? — произнесла она, и ее губы тронула слабая улыбка. — Увидимся.

Дверь щелкнула за ее спиной.

Он стоял в центре комнаты, дыхание тяжелое, словно из легких выкачали воздух. Дождь за окном стих, и его отсутствие оглушало. Смотрел на закрытую дверь.

Он сделал это. Предал.

Теперь оставалось ждать.

Интермиссия. Майкл

Мысли Гэба пробились в сознание Майкла мгновенной вспышкой — беззвучно, сжато, без предисловий. Это были не слова, а чистая информация, упакованная в плотный пакет данных.

> Сигнал стабилен. Датчики фиксируют передвижения и запись разговоров.

Майкл ответил так же — импульсом.

> Энергетические сигнатуры?

> Есть. Они не совпадают ни с одной известной моделью. Уникальный рисунок. Большой Разрыв, — В пакете данных чувствовалось сухое удовлетворение. — Сущность нестабильна, изменяется, как живой организм.

Майкл обработал поток. Хороший результат. Радости он не ощущал — только деловой интерес.

> Агент?

> Рабочий инструмент. Не ожидал такой готовности к сотрудничеству. Основано на чувстве вины.

> Вина — рычаг, — подумал Майкл, и мысль отразилась эхом. — Пока не сломается.

> Не сломается, — ответ Гэба был мгновенным. — Будет действовать по приказу. Пока.

> Источник?

> Определен. Маска данных совпадает. Это и есть аномалия. Она — ключ.

> Значит, то, что нужно. Но это лишь начало.

> Что дальше? — запросил Гэб. — Меня интересует аномалия. А твой план?

> Связь между Элизой Дамер и Лили Фрейзер. Дамер знает Ланье, и связана с БиоТех. Если подтвердим, Лили будет скомпрометирована, ее сместят с поста председателя.

> И тогда Комитет отдаст БиоТех под наш контроль, — добавил Гэб.

> Именно. Связь с Дамер — наш шанс.

Связь оборвалась. Весь обмен занял меньше секунды.

Глава 11. Камень, брошенный в пруд

Утром Марка разбудил знакомый стук дождя за окном. Сон не принес облегчения: лишь провал в пустоту, из которой он выбрался с той же тяжелой головой.

Предатель.

В квартире стояла тишина. Он был уверен, что Элизы здесь нет, но, когда глаза привыкли к полумраку, заметил ее. Даже не ощутил присутствия — будто не человек, а призрак.

Она сидела в старом кресле у окна, темный силуэт на фоне серого, плачущего неба. На ней была его футболка, и в этом было что-то одновременно до боли интимное и абсолютно фальшивое. Она смотрела на потоки воды, стекавшие по стеклу, словно ничего не случилось, и не было вчерашней встречи с напряженным молчанием и нелепыми отговорками.

— Ты здесь, — выдавил он хриплым шепотом.

Она повернула голову.

— А где я должна быть?

Горло сдавило невидимой удавкой. Молчание стало единственной реальностью — той, где существовал лишь жучок, прикрепленный вчера к ней. Теперь тот жил внутри: инородный, враждебный механизм, насекомое воплощение его подлости.

Она ведет себя так, словно ничего не случилось. И это страшнее всего.

Элиза отставила чашку. Тихий стук фарфора о стол прозвучал в тишине комнаты как щелчок затвора.

— Ты хотел поговорить, — заметила она.

Не задав ни одного прямого вопроса, она расколола его. Допрос, который закончился, не начавшись. Вчерашняя ложь, отчаянная и неубедительная, сегодня оборачивалась смертным приговором.

— Да, хотел — выдавил он. — О нас.

Слова прозвучали жалко даже для него самого. Он отчаянно пытался вспомнить, что именно говорил вчера, но в голове остался

только шум и вес жучка в ладони. Теперь он вибрирует, передавая Агентству каждый удар ее сердца.

Элиза поднялась, но не подошла к нему, а осталась стоять у окна, — черный силуэт на фоне серого неба.

— О нас? — она усмехнулась. — В Круге нет никаких «нас», Марк. Есть ты. Я. И временные союзы. Ты ведь это знаешь лучше, чем кто-либо. Так о чем ты хотел поговорить на самом деле?

Ее слова повисли в воздухе, жалящие и ядовитые, как змеиный укус. Они обесценивали все, что было между ними, превращая в простую сделку.

— Временные союзы? — горько повторил Марк. — Это был «временный союз», тогда, на крыше? Когда ты говорила про Город? Когда привела меня сюда?

Он сделал шаг вперед, пытаясь сломать звенящую пустоту между ними. Ее слова жгли, как кислота.

— Ты выбрала меня. Ты что-то во мне заметила и втянула меня в это... Так что не говори мне про «временные союзы». Я хочу знать, что происходит и какую роль в этом играю я.

Она смотрела, взвешивая каждое его слово, каждую эмоцию, читая его мысли. Марк выдержал этот взгляд, хотя живот скрутило, словно от внезапного удара.

— Ты хочешь знать, какую роль ты играешь? — наконец повторила она, и ее голос стал тише. Она сделала ответный шаг к нему, сокращая дистанцию до минимума. — Ты — камень, брошенный в пруд, Марк. А я хочу посмотреть, какие круги от тебя пойдут. Вот и все.

Камень. Не игрок и партнер, а безвольный предмет, за которым наблюдают, чтобы увидеть круги на воде. Она ужалила болезненно и беспощадно. Не ответив ни на один вопрос, сказала ровно столько, чтобы он замолчал.

Она отошла от окна и направилась к вешалке, где висела ее форма.

— Хватит рефлексии на сегодня, детектив, — произнесла она деловым тоном, как на месте преступления. — У нас работа.

Следующие десять минут прошли в напряженном молчании. Они двигались по маленькой квартире, не сталкиваясь, словно тени, чьи траектории никогда не должны пересечься. Марк надел куртку,

машинально проверил кобуру. Украдкой глянул на нее — на то, как она поправляет золотой жетон капитана, как ее пальцы скользят по браслету. Чужому браслету. Чужим воспоминаниям.

— Идем, — бросила она, не оборачиваясь, уже у двери.

Личный допрос был окончен. Начинался рабочий день.

Дорога до офиса прошла в тяжелом молчании. Элиза смотрела в окно на размытые дождем улицы. Марк — прямо перед собой, но видел не дорогу, а маску Майкла. Каждое сказанное сегодня слово звучало как ложь. Каждая пауза — как обвинение.

В Центре ничего не изменилось. Тот же запах горелого кофе, тот же Том, ведущий свою безнадежную войну с браслетом-гроссмейстером. Барри ждал их у главного терминала. На пыльном экране — фотографии тел: женщина из Сектора-17, девушка с розовыми волосами и другие.

— Ну, мы закончили, — объявил Барри, кивая на экран. — Собрали нашу головоломку.

— Браслет собрал — возразил Том, не отрываясь от шахмат.

Барри ткнул пальцем в терминал.

— Общее у последних четырех трупаков одно, помимо способа убийства и шизофрении на почве оккультизма, конечно. В квартирах нашли адреса книжного магазина. Одного и того же магазина в Старом городе.

— Дрон нашел, — опять уточнил Том. Он мстил Барри, и наслаждался этим.

Элиза подошла к экрану, ее лицо оставалось абсолютно непроницаемым. Марк встал позади, наблюдая за ней, за каждым ее движением.

— Я заходил в этот магазин вчера, — важно сказал Барри. Он перевел взгляд на шахматиста: *выкуси, я детектив.* — И у меня есть пара адресов покупателей за последнюю неделю.

Том фыркнул, но промолчал.

— Хрен его знает, зачем они берут адреса у покупателей, — добавил Барри. — Может, потому, что книги дорогие. Чтоб забрать потом, если шлепнут.

Изучая адреса на экране, Элиза не обращала внимания на болтовню. Марк стоял за ее спиной, пытаясь прочесть хоть что-то в ее

напряженных плечах, в том, как она держала голову. Она бесстрастно просчитывала ситуацию.

— Книжный магазин — это слишком очевидно, — наконец произнесла она. — Убийца не мог оставить такую простую ниточку. Просто совпадение. Что за покупатели? Сколько адресов?

Она повернулась к Барри.

— Три, — с готовностью ответил тот, явно довольный, что капитан оценила его работу, а не реплики Тома. — Двое в нашем секторе, один — на границе с Работягами.

— Хорошо, — Элиза кивнула, и ее взгляд на миг встретился с Марком. — Разделимся. Барри, ты берешь первый адрес. Мы с Марком — второй. По третьему пойдет Том.

Она говорила как капитан — четко, профессионально. Но Марк слышал в ее словах другой, скрытый смысл.

Разделимся.

Она хотела остаться с ним наедине, без свидетелей. Живот снова скрутило холодным узлом. Марк боялся расплаты за предательство и презирал себя за это.

— Есть, капитан, — бодро ответил Барри, выводя карту на шейд.

— Тогда действуем, — сказала Элиза и направилась к выходу, даже не взглянув, идет ли за ней Марк. — Тебе придется добираться самому, Барри.

Дождь снова накрапывал, барабаня по крыше, и этот звук усиливал гнетущую тишину в салоне. Элиза отвернулась к окну.

Каждый дюйм пространства между ними вибрировал от невысказанных вопросов и лжи. Нужно что-то сказать. Что-то нормальное, что сказал бы обычный коп на обычном задании.

— Так куда мы едем? — спросил он, и голос прозвучал на удивление ровно. — Что за адрес?

Элиза не ответила. Она лениво провела пальцем по приборной панели. Перед Марком вспыхнул шейд, на котором появилось досье.

Имя: Сайлас «Немой», род занятий: картограф снов. Статус: Информатор (бывш.) Примечания: Составляет карты снов для клиентов, используя смесь самодельных психотропов и медитативных техник. Утверждает, что может находить в чужих снах «потерянные

вещи» и «скрытые пути». Ранее предоставлял информацию Центру. Связь прервана три месяца назад.

В Круге он слышал о разных профессиях, но это... это было слишком близко к тому безумию, в которое он погружался сам.

— Картограф снов? — переспросил он. — На кой хрен он сдался убийце?

Элиза пожала плечами и не ответила.

Машина остановилась в темном проулке, двигатель затих. Дальше по улице, за пеленой дождя, стоял дом Сайласа. Такой же, как и остальные — старый, обшарпанный, с темными провалами окон, ничего примечательного. Типовое довоенное строение. Одно окно на втором этаже слабо светилось — хозяин дома.

Тишина давила сильнее, чем рев генератора. Снаружи — шепот дождя, внутри — пустота.

Это молчание было невыносимым. Он чувствовал себя запертым в консервной банке со змеей. Элиза сидела рядом, не шелохнувшись, и наблюдала. Она не смотрела на Марка, но он чувствовал ее внимание каждой клеткой кожи. Она знала, что он напуган, что он лжет. Знала о жучке, передающий Агентству запись их удушающего молчания.

Он был уверен в этом.

Тело дрожало, хотя обогреватели поддерживали комфортную температуру. Ее бездушное спокойствие, сводящее с ума, передалось ему. Он хотел кричать, требовать ответов, выбить из нее хоть какую-то реакцию, но молчал. Он — часть игры, агент. Агенты молчат и ждут.

В ее профиле, в каплях дождя, ползущих по стеклу за плечом, он читал: выхода нет. Эта машина, темный проулок, женщина рядом — центр его кошмара.

Они ждали.

Время не шло — оно сочилось, как смола, стекая секундами по лобовому стеклу. Серый день медленно умирал, уступая место густым, фиолетовым сумеркам, которые рождались прямо из мокрого асфальта.

Внезапно, с тихим щелчком, в проулке зажегся единственный фонарь. Его тусклый, болезненно-синий свет не смог разогнать темноту. Он утонул в маслянистых лужах, создавая на поверхности другое, искаженное отражение мира. В этой преломленной реальности фонарь

открыл темный провал в подводное измерение, которое смотрело прямо на них причудливыми фиолетовыми бликами.

Неизвестно, сколько они просидели в машине — час, два, вечность. Элиза не проронила ни слова, не сделала ни одного лишнего движения. Она ждала, и ее терпение было таким же нечеловеческим, как и ее спокойствие.

И когда Марк уже начал думать, что ничего не произойдет, что это очередная бессмысленная игра, появился он.

Из темноты соседней улицы вынырнула фигура — сутулый мужчина в длинном, промокшем плаще. Он шел уверенно, не оглядываясь, словно к себе домой. Подошел к двери, секунду ковырялся в замке и проскользнул внутрь.

Марк напрягся, его рука инстинктивно легла на кобуру.

— Ждем, — прошептала Элиза, и это было первое слово за несколько часов.

Они ждали еще пять минут, чтобы убийца начал действовать. Задачи спасать кого-то не стояло. Спасение — это не их парафия.

— Пора, — наконец выдохнула она.

Лицо обдало холодом. Элиза двигалась бесшумно и быстро, Марк следовал за ней, чувствуя, как адреналин вытесняет многочасовую апатию. Они подошли ко входу — не заперто.

Дверь поддалась без скрипа, открывая проход в чернильную темноту. Изнутри пахнуло вековой пылью и старой влажной мебелью.

Первый этаж был нежилым — комнаты, заваленные хламом, утонувшие в густых тенях. Ступени узкой и крутой лестницы заскрипели под их весом.

Пока они поднимались, громыхнуло три выстрела, затем еще один. Дом содрогался, будто стреляли в его древнее кирпичное тело.

На втором этаже — короткий коридор, полоска света под одной из дверей. Элиза жестом приказала Марку остаться, а сама бесшумно подошла к ней, толкнула ее и скользнула внутрь.

Дверь за ней закрылась с тихим щелчком.

И в ту же секунду барабанные перепонки разорвал грохот. Оглушительный, утробный рев крупнокалиберного дробовика, от

которого опять задрожали стены. Один выстрел. Второй. Третий. Четвертый. Свет погас.

Дверь перед Марком, та самая, за которой исчезла Элиза, разлетелась на куски. Из проема вылетели щепки, штукатурка и веер горячих, липких брызг, ударивших Марку в лицо.

Он отшатнулся, инстинктивно вскидывая пистолет. Все стихло. В нос ударил резкий запах пороха и свежей крови.

Мысль пришла сразу, ясная и несомненная: она мертва. Ее застали врасплох.

На мгновение он ощутил облегчение — подлое, гадкое. Убийца снимал с него груз вины, стирал все доказательства предательства. Он прогнал это чувство. Теперь шансов самому пристрелить фуллера не было никаких.

Держа проем на прицеле, Марк прижался к стене. Он ждал. Ждал шагов, движения, чего угодно. Но из комнаты не доносилось ни звука.

И вдруг оттуда, из темноты, раздался короткий, булькающий крик, полный не столько боли, сколько животного ужаса.

Он рванул внутрь, готовясь стрелять, и неуклюже ввалился в проем, зацепившись ногой за обломки досок.

Комната заставлена мебелью. У дальней стены, в кресле развалился Сайлас, немой навсегда. А посреди, лицом к Марку, стояла Элиза. На ней — ни единой царапины.

Фуллер стоял на коленях. Его оторванная рука-дробовик валялась в стороне, вторая судорожно царапала шею, пытаясь сорвать тонкую, невидимую нить, впившуюся в горло. Элиза держала в руках концы удавки, медленно и методично затягивая петлю. Фуллер хрипел, его выпученные глаза устремились на Марка.

— Говори, кто главный по сектору, — потребовала она, и ее голос звучал неестественно спокойно. — Или будешь умирать долго, очень долго.

— Помоги... Ты... ты что, не видишь?! — простонал фуллер, глядя на Марка с отчаянной мольбой. — Разве ты не видишь, *что* она такое?!

Марк слишком хорошо знал, о чем пытался сказать ему фуллер. Он смотрел в обезумевшие глаза и на абсолютно спокойное лицо Элизы, и в этот момент он не знал, кто из них двоих настоящий монстр.

Удавка стянулась сильнее, и фуллер захрипел, из его рта пошла пена. Наконец, извиваясь, он сумел поднять руку и вывел в воздухе дрожащую строку цифр и символов.

Элиза кивнула, словно принимая отчет в своем офисе, затем резким, отточенным движением дернула удавку в стороны. Раздался сухой, отвратительный хруст, брызги крови — и голова его отлетела от туловища. Тело обмякло и тяжело рухнуло на пол.

Она подняла ногу и с силой вдавила ее в голову. Хруст костей прорезал тишину, и череп поддался под ее тяжестью.

Но из него брызнуло не то, что ожидал Марк.

Вместо крови и мозга из пролома показалось что-то белое, влажное, похожее на вату. Оно с шипением коротнуло, и по комнате поплыл мерзкий, едкий запах горелого пластика.

Дергающееся на полу тело не было человеческим. Запах гари перебивал кровь. Перед тем как умереть, оно издало беззвучный крик — полный ужаса, почти как человек. Оно... выглядело испуганным.

Может ли машина испытывать ужас? Может ли комок проводов и синтетической ваты так убедительно копировать предсмертную агонию? Или эта программа, такая же безупречная, как его отточенные, смертоносные движения в бою?

Был ли этот фуллер когда-то человеком или всегда оставался набором алгоритмов, которому сейчас предписано умирать красиво? И если так — чем он сам отличается от этого искрящегося мешка с ватой? Может, его собственный ужас — тоже идеальная симуляция, внушенная системой, которую он никогда не контролировал?

Все границы, которые Марк знал — между живым и мертвым, человеком и машиной, реальностью и симуляцией — стерлись на его глазах, превращаясь в тошнотворную белую массу.

Элиза отступила от дергающегося в конвульсиях, искрящегося тела. Она смотрела на него без удивления или отвращения. Только отстраненное любопытство, словно она наблюдала за экзотическим животным.

— На сегодня все, — сказала она, убирая удавку.

Интермиссия. Майкл

Майкл находился в ячейке. Стерильное пространство для обработки данных, глухое к любым внешним помехам. Его тело оставалось неподвижным: жесты и движения были ему не нужны. Все происходило в голове.

Пакет данных с красным флагом приоритета поступил прямо в сознание — не как текст или видео, а как чистый массив информации.

Предсмертный лог агента Кассиэля.

Обработка заняла 0.7 секунды. Последовательность: координаты, биометрия цели, звуковые волны, траектория пуль. Идентификатор, переданный под давлением. Ничего критического — всего лишь код другого агента. Хруст шейных позвонков. Помехи. Потеря сигнала.

Протокол дал сбой. Никто не предполагал, что идеальное оружие можно пытать.

Майкл отправил прямой запрос в технический отдел:

> Обновление протокола. Приоритет высший. Условие: угроза компрометации. Действие: принудительный разрыв соединения с серверами.

Анализ объекта «Элиза Дамер» завершился еще до того, как протокол был отправлен. Статус изменен: «исследование» заменено на «экзистенциальная угроза». Дальнейшее наблюдение признано неактуальным.

Следующий импульс ушел трем тактическим группам. Короткий, как электрический импульс.

> Объект: Элиза Дамер. Приоритет высший. Задача: задержание.

Глава 12. Абонент не найден

Мысль о том, чтобы находиться с Элизой в одной квартире, была невыносимой. Домой Марк не пошел. Вместо этого нашел Барри в одном из круглосуточных баров Старого города и молча пил с ним до самого утра.

Барри травил анекдоты, жаловался на начальство и пытался затащить его в местный бордель. Марк почти не слушал. Он кивал, пил дешевый, обжигающий горло виски, и смотрел, как в мутном дне стакана снова прокручивается одна и та же сцена.

Дверь разлетается в щепки. Кровь. Он врывается внутрь, уверенный, что она мертва. Но она цела, и на коленях перед ней — фуллер, хрипящий в тонкой, почти невидимой удавке.

— ...и я ей говорю, ты или работай, или делай вид, но не одновременно! — хохотнул Барри, толкая его в плечо. — Ты меня вообще слушаешь?

«Разве ты не видишь, что она такое?!» — хрип фуллера. Ужас в его глазах. Не страх смерти, а страх перед чем-то невозможным, неестественным.

И ее нога, опускающаяся на оторванную голову. Сухой хруст. Белая синтетическая вата, искрящие провода и мерзкая, едкая вонь горелого пластика.

— Земля вызывает Марка! — Барри щелкнул пальцами у него перед лицом. — Совсем расклеился, напарник. Ладно, дело твое. Но знай, твоя капитанша — та еще штучка. С ней держи ухо востро.

Для Барри фуллер был всего лишь еще одним трупом. Он не видел, как тот молил о помощи, не видел, что у него внутри. Очередная зачистка. А для Марка — момент, когда реальность окончательно сломалась.

Под утро он вернулся. Бледный свет едва пробивался сквозь пелену дождя. Квартира встретила его напряженным молчанием. Элиза уже собралась, надела форму, готовая к выходу. От него несло перегаром и виски, но она ничего не спросила, не упрекнула. Ее безразличие было страшнее любой ярости.

В том же тяжелом, вязком молчании они ехали на работу. Машина скользила по мокрым улицам, упорно сдувая с лобового потоки воды, словно пытаясь стереть и сам этот день. Марк видел не город, а свое отражение — осунувшееся, с темными кругами под глазами. Лицо сломленного человека.

— Это твое, — сказала Элиза, и в ее голосе Марк впервые услышал надлом. Не холод, а бесконечную, смертельную усталость.

Из ее ладони на приборную панель слабой металлической нотой упало крошечное насекомое. Пальцы едва заметно дрожали.

Часть его рухнула, а другая видела все слишком ясно, до мельчайших деталей. В ее взгляде не осталось печали — только настоящая, живая боль.

В этот миг ему отчаянно захотелось все ей рассказать. Про Майкла и Агентство. Про его ложь и предательство. Предупредить ее, попросить прощения за то, что он стал их инструментом, за то, что позволил этому случиться. Он задыхался от невысказанных слов, от правды, которая рвалась наружу. Хотел сказать что-то, но она его опередила.

Она посмотрела на него так, словно уже услышала его невысказанные слова, и на ее губах появилась тень улыбки.

— Увидимся, Марк, — прошептала она.

В тот же миг машину тряхнуло. Спереди и сзади, перекрывая узкую улицу, с визгом тормозов встали два тяжелых, белых фургона. Двери распахнулись, из них выпрыгивали штурмовики в черных тактических комбинезонах и глухих шлемах. Движения их были безупречны.

Лобовое стекло со стороны Элизы беззвучно осыпалось внутрь. Раздалась серия быстрых, шипящих хлопков. Один дротик вонзился Марку в плечо, и тело мгновенно онемело. В Элизу вонзились шесть или семь. Она вздрагивала от каждого попадания, с губ сорвался тихий, сдавленный стон.

Один из агентов шагнул ближе, вскинул винтовку и выстрелил. Заряд ударил Элизе прямо в переносицу. Ее тело выгнулось дугой, голова откинулась, и по лицу потекли две тонкие струйки крови из разорванных глазниц.

Дверь машины распахнулась, агенты грубо вытащили ее обмякшее, конвульсирующее тело наружу. Затолкали ее в громоздкий металлический саркофаг.

Пока крышка закрывалась, она повернула голову в сторону машины. Из пустых, выжженных глазниц на него смотрела не тьма, а немая, чудовищная боль.

Это был последний образ, который его сознание могло выдержать.

Интермиссия. Элиза

Темнота. Движение.

Никаких ощущений — только холод металла и тугая сеть фиксаторов, державших ее неподвижно. Боль в глазницах превратилась в жгучее, тупое давление.

Что-то щелкнуло. Из гладких стен кокона бесшумно выехали тонкие, как жало, иглы и вонзились в ее тело с механической точностью — в руки, в шею, в бедра. По венам растеклась жгучая смесь транквилизаторов, нейроблокаторов, подавителей боли.

Над головой раздался высокий, пронзительный визг — лазерный скальпель. Боль ушла: растворы блокировали все. Но она ощущала вибрацию, когда машина резала кость. Половину черепа сняли, как панель доступа.

Механическая рука опустилась и внедрила в центр ее мозга чужеродный объект. Теперь он начнет заменять клетки ее мозга на синтетические.

Машины убрались обратно в стены. Снова темнота и тишина.

Под грубой повязкой на лице скапливалось тепло. Оно просочилось сквозь ткань и потекло по щекам кровавыми слезами.

Интермиссия. Лили

Верхний уровень.

За панорамным окном Город сиял, как абстрактная живая схема. Белое неоновое кружево нейронных сетей, наброшенное на черную, бездонную пустоту.

Безупречная и неподвижная, как произведение искусства, Лили Фрейзер стояла в центре своего мира. Она не смотрела на город, а владела им. Каждый огонек в окне составлял часть узора, который она могла менять по своей воле.

Дверь скользнула в сторону, не нарушив тишины. Вошла Эми. На золотом подносе — бутылка шампанского и два тонких хрустальных бокала, будто вырезанных из чистого льда.

Движения Эми напоминали ритуал. Выверенные до миллиметра, плавные, без единого лишнего жеста. Хлопок пробки прозвучал глухо и торжественно. Шипение пузырьков напоминало тихую мантру, поднимающуюся из глубины бокала. Она наполнила один и протянула его Лили — не предложение, а подношение, жертва.

— Сегодня большой день, — сказала Эми не скрывая волнения.

Лили взяла бокал, ее пальцы едва коснулись пальцев Эми.

— Да, — она сделала маленький глоток, наблюдая, как пузырьки лопаются на хрустале. — Судя по отчетам Агентства, все прошло превосходно. Всегда приятно читать их внутренние отчеты.

Лили улыбнулась едва заметной улыбкой, от которой ее идеальное лицо становилось еще более нечеловеческим. Она поставила бокал и притянула Эми к себе для долгого, медленного поцелуя. Не жест страсти, а печать благословения, знак ее власти.

— Теперь у Майкла нет ничего против нас, — произнесла Лили тихо. — Но... меня беспокоит наш подопечный. Он до сих пор в Пакте, и это раздражает меня больше всего. Мы использовали все, что могли.

Эми слегка склонила голову, ее слова прозвучали мягко, почти ласково:

— Да, это странно. Но ведь ты не могла ошибиться, Бев?

Лицо Лили на мгновение потемнело, и в голосе мелькнула тень раздражения.

— Я никогда не ошибаюсь, Дженнифер, — она выделила имя, как удар. — Это он. Но все наши усилия — впустую. Непостижимо.

Эми едва заметно наклонила голову — то ли в согласии, то ли из вежливости.

— Может, он просто упрямый. Или время подобрано неудачно. Могла ошибиться не ты, а твоя дочь.

Лили окинула ее долгим, тяжелым взглядом. Слово «упрямый» повисло в стерильном воздухе кабинета. Простое, человеческое, жалкое слово. Песчинка в ее безупречном механизме.

Она снова отвернулась к панораме Города, сияющего внизу.

— Значит... — начала она, и раздражение исчезло, осталась ледяная решимость. — Значит, нужно попытаться снова. Но позже. Пусть он думает, что свободен.

Эми молча кивнула, ее легкая улыбка исчезла, сменившись привычной маской образцовой помощницы. Она подошла и снова наполнила бокал Лили.

День продолжался. А Марк Кейн, сам того не зная, получил самое неприятное, что могла дать ему Лили, — время.

Интермиссия. Марк

Сознание вернулось с привкусом химической дряни во рту и затекшей намертво рукой. Он тер ее пару минут, отгоняя болезненное покалывание. Машина припаркована в каком-то глухом, замызганном переулке Круга.

Марк попытался сесть ровно, и голова отозвалась тупой, пульсирующей болью. Последнее, что он помнил — выжженные глазницы Элизы в металлическом саркофаге, и бархатную темноту.

Он лихорадочно осмотрел салон. Ни разбитого стекла, ни следов борьбы. На плече, куда вонзился дротик, не было даже прокола на куртке. Рассмотрел ткань — целая.

Очередной кошмарный сон. Жестокий, детальный, но всего лишь сон.

Пытаясь отогнать липкие, омерзительные остатки видения, он с силой потер лицо. Нужно связаться с кем-нибудь — услышать Барри, например. Вернуться в реальность. Объяснить все Элизе.

— Браслет, — выдавил он наконец. — Центр, отдел С.

— Абонент не найден, — ответил браслет.

Марк замер.

— Что? Повтори.

— Абонент не найден.

Холод, не имеющий отношения к утреннему воздуху, расползался по венам.

— Элиза, Барри?!

— Мне неизвестны такие абоненты. — сухо отрезал аппарат.

Паника затопила его. Он судорожно перебирал контакты. Всех, кого он знал в Центре, — их не было. Их стерли. Или их никогда и не существовало.

— Свяжи со вторым участком.

На шейде на мгновение вспыхнул герб участка, затем установилось соединение.

— Полицейский участок номер два. Чем могу...

— Соедини с капитаном, болван. — грубо оборвал его Марк. С ботом-секретарем можно не церемониться.

Мгновенный ответ, без пауз.

— Вы уволены больше месяца назад, гражданин Кейн. Причина: невыход на службу. Соединение с действующим капитаном невозможно для лиц, не являющихся сотрудниками. Могу я помочь чем-то еще?

Месяц. Его не переводили в Центр. Его попросту вышвырнули из полиции. Центр, Барри, Элиза-капитан — всего этого не было. Это все происходило у него в голове.

Машина закачалась под ногами, как лодка. Он распахнул дверь машины и вывалился наружу, его стошнило прямо на мокрый асфальт. Он стоял на четвереньках, тяжело дыша и кашляя. Он сошел с ума. Окончательно. Единственный логичный вывод.

Шатаясь, он ввалился обратно в салон, захлопнул дверь и уронил голову на панель. В мозгу вспыхнула последняя, отчаянная мысль. Доказательство.

Жучок.

Он лихорадочно осмотрел панель, ощупал ее. Элиза оставила его перед тем, как ее схватили.

Но ничего не нашел. Гладкий, чистый пластик.

Даже жучок, его единственный якорь и последнее доказательство, исчез.

Система сработала безупречно. Она стерла людей, события, и улики против самой себя. Марк остался один, в пустой машине, посреди реальности, которая одержала над его памятью окончательную и сокрушительную победу.

Глава 13. Девятый круг

Зима пришла в Круг нехотя, тяжело, как зверь на последнем издыхании. Она не укрыла его белым саваном, а припудрила язвы тонким, серым слоем снега, который таял, превращая улицы в грязную кашу. Ветер выл в пустых проемах окон и гудел в ржавых трубах. Холод жил на улицах, в квартирах, в чужих постелях и внутри него самого. Он пропитал бетонные стены и вечно мятые простыни на кровати. Даже кровь в жилах текла медленно, как свинец.

Ему опять снился тот же сон.

Он просыпается в этой пустой, безжизненной комнате. Посреди нее стоит простой деревянный стол, а за ним сидит девочка с косичками и что-то рисует в альбоме. Марк во сне знает, что должен встать. Он поднимается с кровати, ноги движутся сами собой.

Подходит к столу и девочка поднимает голову. Вместо глаз — зияющие кровавые глазницы. Темное пятно крови на груди.

Она протягивает ему тарелку, на которой, как два яйца, лежат глазные яблоки. Один — светлый, почти прозрачный. Другой — темный, как смола.

— Она оставила тебе свои глаза, — говорит девочка. — Ешь.

И смеется. Детским, пронзительным смехом, который он слышал тогда, в пустом коридоре заброшенного дома.

И от него Марк просыпается по-настоящему.

Он несколько минут смотрел в потолок, где расплывались тени от мрачного утреннего света. Сон не принес облегчения. Не отдых, а очередной круг ада, из которого он вынырнул с той же головной болью.

В квартире — мертвая тишина.

Теперь Марк был никем. Бывший коп, уволенный за прогулы, стертый из системы. Единственное, что ему удалось в том хаосе, сразу после похищения Элизы — это перевести остатки своих городских сбережений в кредиты Круга. Этого хватало на аренду пустой квартиры Элизы и на дешевый виски. Хватало, чтобы медленно гнить.

Каждый день стал копией предыдущего, размытым и неразличимым отпечатком на тающем снегу времени. Пробуждение наступало не от

будильника, а от холода, что пробирался сквозь тонкое одеяло и впивался в кости. Время больше не имело никакого значения. Не было ни рабочих смен, ни отчетов, ни даже чувства голода, чтобы делить сутки на «до» и «после».

Его браслет давно погас. Однажды утром, устав от молчаливого зеленого огонька, — насмешки, напоминания о системе, вычеркнувшей его, — Марк его снял. Этот кусок металла казался чужим на его запястье. Он бросил его в пустой ящик комода — туда, где когда-то нашел кладбище браслетов Элизы. Пусть лежит там, среди других мертвецов.

Единственным ритуалом, отделявшем сон от бодрствования, был первый глоток. Он тянулся к бутылке, стоявшей на полу у кровати. Дешевый виски, от которого несло лаком. Глоток вместо кофе для пробуждения, и завтрака, — разогнать организм. Вместо жизни — топливо для мышц.

Затем нужно было выйти на улицу. Не потому, что было куда идти, а потому что тишина этой квартиры, пропитанной воспоминаниями, душила сильнее. Он натягивал куртку, открывал дверь и спускался по скрипучей лестнице, и делал первый шаг в свой персональный, повторяющийся ад.

Прежде чем начать свой бесцельный обход, он всегда сворачивал в соседний переулок, где под слоем снега и грязи стояла машина. Невидимая для системы, вычеркнутая из всех реестров, как и он сам, оторванная от сети. Смахивал снег с лобового стекла, заглядывал в салон, где его мир рухнул. Иногда он сидел внутри несколько минут, вдыхая запах промерзшего пластика. Единственное место, которое помнило все так же, как и он.

Потом шел по знакомым маршрутам, которые вели в никуда, как паломник, посещающий разрушенные святыни. Вот здесь был офис Центра, теперь — заколоченный досками склад с выцветшей, потрескавшейся табличкой. Он подолгу стоял напротив, пытаясь разглядеть за слоем новой реальности призрак старой, но видел лишь пыльное стекло и собственное отражение.

Шел к бару, где когда-то пил с Барри. За стойкой стоял угрюмый парень, который на вопросы о полном детективе с щетиной лишь пожимал плечами и цедил сквозь зубы: «Не знаю такого».

Вглядывался в безликие, уставшие лица в толпе на рынке, надеясь на укол узнавания, на знакомый силуэт, за который могла бы ухватиться его тонущая в безумии память. Безуспешно.

Старательно обходил патрули Ордера в черных куртках с белым крестом — те его и не замечали, имея безупречный нюх на городских копов. Хотя он уже и не был копом.

Он искал не доказательства — их не было. Он искал призраков. Он стал тенью, охотящейся на других призраков в городе, удалившем их имена из своей памяти.

Искал доказательства своего собственного существования.

К вечеру, когда холод становился невыносимым, а бессмысленность поисков давила сильнее усталости, инстинкт неизменно приводил его в одно и то же место — в «Вавилон». Здесь его личное прошлое еще имело вес, пусть и выраженный в самом примитивном эквиваленте: трупе и луже крови.

Зал бара встречал его все тем же тусклым освещением и запахом дешевого парфюма, пропитавшем все вокруг. Музыка гремела громко, но казалась далекой, как из другого мира. Каждый вечер он садился за один и тот же столик, заказывал тот же бурбон, и перед ним снова оживала сцена: отражение в полированной поверхности стойки, и ему чудилось — вот сейчас он увидит там того идеально одетого, нечеловечески спокойного фуллера.

Он кивал знакомым лицам — постоянным посетителям, — но разговоров не заводил. Никто и не подсаживался к нему. В «Вавилоне» каждый уважал границы. Его одиночество превратилось в ритуал. Глоток виски — не попытка забыться, а вызов: «Я все еще здесь. Я все помню». Но бар не отвечал.

Люди пьют не чтобы забыть, а чтобы увидеть то, что хотят увидеть.

И Марк пил.

В тот вечер все шло как обычно: тот же столик, стакан и гул пьяных голосов. Виски уже не имел для него ни вкуса, ни аромата — только тепло, которое расползалось по телу, притупляя разбитые края воспоминаний. Он пил, чтобы в отражении стекла или стойки мелькнул

знакомый силуэт, чтобы из мутной ряби проступило лицо, которое он искал.

Но вместо знакомого лица он увидел ту, кто не принадлежал этому месту. Девушка шла так, словно удушливый дым существовал для всех, кроме нее. Плавные, выверенные движения — чужеродные в этом мире дерганых, усталых тел.

Опустилась на стул напротив. Марк уловил слабый, неуместный здесь привкус стерильной чистоты. Слишком молодая, красивая и, главное, слишком чистая для этого места. Ни следов усталости, ни тени той серости, что въедалась в лица завсегдатаев бара. Она — из Города.

— Здесь не занято? — спросила она вызывающе, без намека на страх.

— Занято, — пробормотал он, продолжив разглядывать свой стакан.

Она проигнорировала его ответ. Тихий шорох дорогой ткани и на липкую поверхность стола легли ее руки. Изящные, ухоженные, будто выточенные из слоновой кости.

На тыльной стороне ее ладони — выведенный тонкой, почти невидимой линией био-чернил, знак.

Алкогольное оцепенение мгновенно спало, будто его окунули в ледяную воду. Это послание. Насмешка. Лили Фрейзер, сидя в своей белой башне, играла с ним, дергая за невидимые нити, словно он был ее марионеткой. Она знала, где он и хотела, чтобы он знал, что она знает.

Инстинкты, приглушенные алкоголем и усталостью, на миг проснулись. Эта девушка-кукла — еще один скальпель в ее руках. Она режет нерв и смотрит, как он будет дергаться. Зачем он ей понадобился? Она все еще играет с ним?

В тумане прокуренного воздуха бара факты сложились в одно-единственное решение.

Ответ был простым и чудовищным. Лили свела его с Элизой. Позволила им сблизиться, дала почувствовать, что он не один. А затем создала идеальные условия, чтобы он предал — и ее арестовали.

Вся их история — от первой встречи на крыше до последнего молчания в машине — оказалась срежиссированной. Он играл главную роль в этом спектакле, даже не зная об этом.

В роли Иуды — гражданин Кейн.

Что-то в этих рассуждениях не складывалось. Ведь это именно Элиза направила его к Лили. Нарисовала знак на стене. Зачем?

Но алкоголь и усталость делали свое дело — думать не получалось. И он отбросил эту мысль.

Она сидела напротив, ожидая ответа, с той же пустой, заученной улыбкой на лице.

— Я ищу одного человека. Мне сказали, вы можете помочь, — сказала она, и от ее дружелюбного тона сводило зубы. — Говорят, вы бывший коп.

Лили показывала ему, что скрыться не выйдет. Его достанут в любой момент.

— Я хорошо заплачу, — продолжила девушка, игнорируя его молчание. — Может, уединимся? Здесь слишком шумно.

Пустая, глупая кукла. Ему стало тошно. От ее лжи, от своей жизни, от всесилия БиоТех, который мог дотянуться до него даже здесь, на самом дне Круга. Нет, не сегодня.

— Плевать, — буркнул он и поднялся.

Он позволил ей идти впереди, к выходу. Но едва она открыла главную дверь, он вдруг свернул в темный коридор, ведущий к туалетам и черному ходу. Двигался быстро и неслышно, как привык за годы службы. Толкнул ржавую, тяжелую дверь и вывалился в переулок.

В стену белого, слепящего снега.

Улица встретила его воем ветра и ледяной крупой, вцепившейся в лицо роем кристаллов со стальным жалом. Город исчез. Фонари, соседние здания — все растворилось в плотной, белой, слепящей вьюге. Звуки утонули в этом хаосе, остался лишь низкий, утробный вой метели.

Марк сделал несколько неуверенных шагов, прикрываясь от ветра. Пьяный, потерянный, он чувствовал — этот снежный шторм тоже часть сна, другой его слой. Он брел вперед, не видя ничего перед собой, пока не врезался во что-то мягкое — слишком мягкое для этого белого ада.

Глухой стук, женское восклицание и шорох рассыпающихся по снегу предметов.

Снег бил в лицо, все расплывалось. Перед ним, на коленях, девушка пыталась собрать книги со снега. Она была укутана в тяжелое пальто и

шарф, и единственное, что Марк мог разглядеть — это визор старого образца, тускло мерцающий в снежной мгле белым огоньком.

— Черт, — выдохнула она, и вьюга тут же разорвала слово в клочья.

Марк опустился на колени и его пальцы, коченеющие от стужи, наткнулись на промокший корешок. Книга. Старая, в кожаном переплете. Он поднял, и с нее белым пеплом осыпался снег. Название вытеснено стертыми, незнакомыми буквами. Рядом лежала еще одна, и еще. Все — древние, тяжелые, совершенно неуместные здесь, в Круге, посреди метели.

— Спасибо, — прокричала она сквозь снег, забирая у него книги и пытаясь удержать скользкую стопку. — Ледяной ад, как у предателей в Коците. Вы очень добры.

Марк криво ухмыльнулся, и она заметила это. Подняла голову, в ее очках мелькнуло его искаженное отражение.

— Вам лучше укрыться где-то, в таком... состоянии. Вы же замерзнете тут. — добавила она. — Меня зовут Мари. У меня магазинчик за углом. Пойдемте, здесь нас скоро заметет.

Указав в темноту, где не было видно ничего, кроме кружащегося снега, и, не дожидаясь ответа, она пошла вперед, уверенно ориентируясь в этом хаосе. Марк, промерзший и полностью потерянный, поплелся за ней. Любое место лучше, чем эта ледяная, белая круговерть. Другого пути не существовало.

Мари вывела его к тяжелой деревянной двери под выцветшей, почти стертой вывеской, на которой угадывалась надпись «Книжная лавка» в готическом стиле, и чуть ниже название — «Порог». Может, это тот самый магазин, адрес которого Барри показывал на экране терминала в другой жизни? Еще один укол иллюзии. Доказательство его безумия.

Внутри было тепло и пахло давно забытыми запахами — старой бумагой, сургучом и тонкой, неуловимо-пряной нотой, чужой для этого мира. Запах истории и покоя. Два стеллажа по стенам, проход и дверь, видимо, в ее комнату. Лестница на второй этаж. Отдельная вселенная, выпавшая из ревущей метели и хаоса Круга.

— Метель скоро закончится, — сказала Мари, ставя свою тяжелую ношу на прилавок. — Но вам лучше переждать. Моя квартира здесь.

Она указала на дверь.

— У меня есть чай. И виски, если хотите.

Он был слишком измотан, чтобы отказываться.

Ее квартира, точнее, комната, оказалась такой же, как и магазин — тихой, уютной и совершенно непохожей на все, что он видел в Круге. Стены полностью скрыты за книжными полками. Старый, потертый диван, потрескивание электрического обогревателя — все это выглядело декорацией какого-то спектакля о довоенных временах.

Она сняла пальто и шарф, и он смог рассмотреть ее лучше. Болезненно худая, с острыми, выступающими под кожей костями; прозрачные русые волосы спадали на плечи. Визор она не сняла даже здесь. Узкая металлическая полоска, закрывающая глаза, в полумраке комнаты продолжала светиться мягким, едва заметным сиянием — взгляд за электронным зеркалом.

— Всегда их носишь? — спросил Марк.

— Да, — ответила она мягко, ставя на стол две чашки. — Во время войны мы жили на побережье и нас обстреливали фосфорными ракетами. С тех пор у меня фотофобия.

Она говорила это спокойно, констатируя факт, без жалости к себе. И в этом спокойствии было что-то, что резануло Марка. Он тоже помнил войну. Тоже знал, что значит жить с тем, что уже никогда не уйдет.

В этой тесной комнате, рядом с полуслепой девушкой, которая смотрела на мир сквозь темное стекло, ему впервые за все время своего изгнания захотелось открыть рот не для того, чтобы выругаться. Хотелось сказать хоть что-то настоящее.

Глоток горячего чая обжег язык, но вкус был настоящим. Мари устроилась напротив, обхватив ладонями чашку.

— Я видела вас много раз здесь, в Старом городе, — негромко сказала она. — А вы меня — нет. Вы все время ищете кого-то. Ходите по одним и тем же местам, смотрите на пустые здания. Пьете в баре. Потом все повторяется.

Она сделала глоток и добавила буднично:

— Может, сегодня стоит попробовать иначе? Давайте сделаем вид, что вы нашли меня. Все говорят, что я умею разбираться с чужими проблемами.

Значит, она не наблюдала за ним, а *видела*. Видела его ритуал, его отчаяние. И Мари не давила, не требовала, а... предлагала. Оставляла ему выход.

— Я... — начал он, и слова, которые он так долго держал в себе, вырвались наружу, как из нарыва — сбивчиво и отчаянно.

— Я не знаю, сошел ли я с ума. Думаю, да. Люди исчезают. Места, где я был вчера, — сегодня пустые. Я помню коллег, друзей... а их тоже нет. Центра нет. Элиза... — он осекся, с трудом проглотив имя. — Может, и ее тоже никогда не было.

Он стиснул чашку так, что суставы свело от напряжения.

— Я иду по улицам, и не узнаю. Вчера это Центр, сегодня склад. Я видел знаки... одинаковые. На стенах, на людях. Это все складывается в узор, но стоит присмотреться — и он исчезает. Наверное, это я просто начал спиваться тогда... До Элизы.

За окном все продолжал сыпать снег — ровный, упрямый, не зная ни времени, ни усталости.

— И теперь все это — реальность, из которой мне нет выхода. Делириум. — он горько усмехнулся. — Я не знаю, чего боюсь больше: того, что я сошел с ума, или того, что все это — правда.

С каждым словом ему становилось и легче, и страшнее. Легче, потому что он выпускал этот яд. Страшнее, потому что поверить его словам было решительно невозможно.

Мари молча слушала, отхлебывая чай.

— И вот я здесь, — закончил он, глядя в пустую чашку. — Без работы, без прошлого. С воспоминаниями о мире, которого никогда не существовало.

Он ждал жалости или страха. Что она ответит что-то вроде: «тебе нужен психиатр». Попросит его уйти.

Комната освещалась отраженным мерцанием снега за окном — живым, дрожащим, переливающимся миллионом искр.

— Реально то, что реально для тебя, Марк. — вдруг сказала Мари.

Слова прозвучали так, будто она открыла ему давно известный всем закон вселенной.

Затем она наклонилась чуть вперед.

— Расскажи мне об Элизе. Какая она? Ты ее любишь?

Тогда он так и не понял, что Мари не могла знать его имени.

Глава 14. Забудь о ней

Ее вопрос был простым, прямым — и абсолютно невозможным. После всего, что он рассказал о сдвигах и стертой реальности, — она спросила не о них, а о самом главном. О том, что стало источником его боли и наваждения.

— Какая она? — повторил Марк, глядя в свою пустую чашку, словно ответы можно было найти в узоре чаинок на дне. — Она показала мне, что мир — это ложь, и при этом сама оказалась самой большой ложью из всех. Она убийца, судя по тому, что я знаю, торговка наркотиками, миллиардер. Она живет двойной, тройной, черт знает какой по счету жизнью. Я для нее — камень, брошенный в воду. Инструмент, которым она пользовалась.

В его голосе прозвучала неподдельная растерянность, будто он сам только что понял, что не знает ответа на этот вопрос.

— Люблю ли я ее? Я не знаю. Можно ли любить призрак на крыше, который говорил с тобой о... разном? Можно ли любить кошмар, если он — твоя единственная реальность? Я привязался к ней... как заключенный привязывается к своей камере. Она — единственный ключ к безумию, и у меня теперь нет ни ключа, ни двери.

Визор Мари отражал тусклый свет лампы, лицо оставалось нечитаемым, как страница из ее древних книг. Когда он замолчал, она сделала глоток чая.

— Но ты ее предал, — возразила она. — Разве не в этом причина, по которой ты здесь, в Круге? Ты мог бы попытаться вернуться в Город, начать заново. Но ты здесь. В баре, в ее квартире. Ты сам наказываешь себя, Марк. Тебе пора понять, что ты должен двигаться дальше, а не искать пропавшие ответы. Ты больше того, что думаешь о себе сам.

Ее слова были диагнозом — точным и абсолютно верным. Она вскрыла его самообман одной безжалостной фразой. Он не прятался, а отбывал добровольное наказание в аду, созданным для него Элизой.

— Пойдем, — тихо сказала Мари. — Я хочу тебе кое-что показать.

Она повела его по скрипучей лестнице на крышу. Снег почти прекратился, и редкие, крупные снежинки лениво кружили в лучах

уличных фонарей, оседая на черной от влаги крыше. Мир затих, укрытый белым одеялом, и звуки города утонули в снежной вате.

Они подошли к краю, и Марком овладело густое, тошнотворное дежавю. Та же крыша и парапет, тот же вид на сияющие вдали башни Города. Мари словно намеренно, почти театрально, копировала тот вечер. Вместо проливного дождя — тихий снег, а вместо демона-искусителя — слепая девушка-библиотекарь.

— Забудь на миг о ней, — сказала Мари шепотом. — Забудь о любви, о предательстве, о том, что она сделала. Скажи мне, чего хочешь *ты*, Марк? По-настоящему?

Ее вопрос стал спусковым крючком. Что-то внутри него, сжатое до предела, наконец выстрелило. В нем закипела слепая ярость и обида — на Лили, игравшую им; на Майкла с его лживой маской; на сны, которые рвали его реальность; на Элизу, которая была всем этим одновременно.

— Разрушения, — выплюнул он слова вместе с облаком пара. — Я хочу сжечь все дотла. Их башни, их ложь, этот проклятый Круг... все, что они построили. Уничтожить и растоптать все. Выжечь до самого основания.

Поглощенный своей яростью, он не заметил, как Мари едва заметно улыбнулась. Легкая, невидимая усмешка, полная удовлетворения.

— Но я не могу от нее отказаться. Не могу, — глухо констатировал Марк после долгой паузы.

— Посмотри, — Мари указала на сияющие башни Города. Марка вновь передернуло от этого жеста, от этого совпадения. — Ты хочешь разрушить *их* мир. В кого превратился в этой борьбе? Тобой играют все — корпорации, те агенты, Элиза, Лили... Ты стал их оружием, камнем, брошенным в воду. Ты хочешь разрушить чужую клетку, но даже не пытаешься выйти из своей. Почему ты сам не возьмешь все в свои руки?

Из переулка тянулись пьяные крики. Два алкаша, обнявшись, выводили пошлую песню на весь Круг — их хор звучал как издевка над тишиной пустых улиц.

Вскоре их хриплые и фальшивые голоса затихли где-то за углом. Слова Мари пульсировали у него в висках. «Почему ты сам не возьмешь все в свои руки?». Смешно.

— Как? — спросил он, отворачиваясь от Города. — Как я могу что-то взять в руки, если я никто? Они — это корпорации, они — сила. Фуллеры. По сравнению с ними я — насекомое. Я даже не знаю, с чего начать.

— Ты начнешь с того, что ищешь информацию, — пояснила она, словно это было самым очевидным решением в мире. — Даже у призраков есть следы. Особенно у технологических призраков.

Ее визор блеснул отражением далеких огней, когда она шагнула ближе.

— Ты не можешь бороться с Городом на его территории. Но здесь, в Круге, у них нет тотального контроля. Здесь есть другие силы. Здесь есть Ордер.

Об Ордере он, конечно, слышал. Белый крест на черном фоне. Единственная группировка, которая имела структуру, кодекс и главенствовала в Совете банд.

— Лидер Ордера — Дерек, — продолжила Мари. — Он ветеран, как и ты. Ордер контролирует всю торговлю в Круге. Дерек больше всех может знать о фуллерах. Он не любит, когда на его территории действуют призраки, особенно из Города. И он может навести справки у Майора или Папаши.

Она подошла совсем близко, закрыв собой Город.

— Я могу устроить вам встречу. Если ты готов говорить с реальным человеком, а не со своими воспоминаниями.

Мари стояла перед ним — хрупкий силуэт на фоне зимнего неба. Она давала ему то, чего у него не было очень давно — цель. Шанс. И, что еще страшнее, — надежду.

— Да, — наконец согласился он. — Я готов.

Они спустились с крыши в тихую, теплую квартиру. Марк прокручивал в голове свою вспышку ярости и ее странное предложение. Он смотрел на нее по-новому, пытаясь разглядеть за визором и хрупкой фигурой того, кто так легко говорит об одном из самых могущественных людей Круга.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил он. — Про Ордер, Дерека? Ты не обычная торговка книгами. Кто ты такая, Мари?

Мари налила еще чаю, повернулась к нему.

— Мой бизнес — это не книги, Марк, — заметила она мягко. — Это информация. Ты думаешь, в Круге в ходу только оружие и наркотики? Для пешек — да. Но настоящие игроки, лидеры банд, ищут другое. Они ищут силу.

Она поставила чашку перед ним.

— В Круге сотни мелких культов, сект, групп. Все они верят, что в старых текстах, в довоенных гримуарах и ритуалах скрыт ключ. Ключ к тому, как вырваться из этого ада. Как получить силу и власть. Спрос на эзотерику здесь огромный. Это очень прибыльный бизнес.

Сидя напротив, она наблюдала, как он пьет чай.

— Дерек — один из тех, кто понимает, что настоящая власть лежит не в оружии, а в знании. Он не коллекционер и не любитель чтения. Он ищет ответы. Поэтому он мой лучший и постоянный клиент.

Ее слова замерли в заснеженных бликах окна. Марк смотрел на эту хрупкую девушку и пытался совместить ее образ с тем, что она говорила. Поставщик запретных знаний для самых опасных людей Круга. Его разум отказывался принять это.

— Значит, вся эта... эзотерика — это не сказки? — спросил он, кивая на стеллажи, забитые древними книгами. — Что ищет в них такой человек, как Дерек?

— Он ищет то же, что и остальные клиенты, Марк. Другое объяснение. Способ выйти за рамки, обрести власть, могущество. Они верят, что мир устроен не так, как кажется, и надеются найти ответы на этих страницах.

Легким жестом она указала на книжные полки.

Ярость, кипевшая в Марке на крыше, окончательно угасла, оставив после себя бездонную бездну. Он был опустошен. Его мир разрушен, его чувства — ложь, его ненависть — бессильны. И правда, как же устроен мир?

— Что это со мной? — спросил он, и вопрос прозвучал как мольба. — Все эти сдвиги, голоса... Что это такое на самом деле?

Острые колени Мари почти соприкасались с его ногой.

— Когда-то давно, в старых индийских текстах, — начала она размеренно, — говорили, что весь наш мир — майя, иллюзия. Нам

снится один и тот же сон — общий, подробный, потому и кажущийся настоящим. В нем мы рождаемся, живем и умираем.

Она провела пальцем по столу, рисуя невидимые узоры.

— Но иногда... кто-то начинает видеть свой собственный сон. Просыпаться внутри общего, жить в своем мире. И если воля его сильна, то границы снов истончаются. Личный сон просачивается в общий, как чернила в воду, меняя правила для тех, кто рядом. Такие люди обретают власть. Они перекраивают мир под себя, как хотят. В старых текстах их называли по-разному: асуры, пишачи, сотни имен. В других учениях — демоны.

Звучало безумно, но в этом безумии была логика.

— Демоны творят свою реальность, — продолжила Мари тише. — Они научились делать свой сон таким же реальным, как и общий. Они навязывают свою волю, свои сны, остальным. Хотят стать новыми божествами, которым будет сниться новый мир.

Всмотревшись в его напряженное, серьезное лицо, она легко, по-детски, рассмеялась.

— Не воспринимай мои слова всерьез, — сказала она, разрушив всю мистическую атмосферу. — Я пересказываю тебе то, что прочитала. У меня тут много такой литературы, а вечера и ночи в Круге скучны до ужаса.

За окном метель снова набрала силу, превратившись в бурю. Ветер завыл в старом дымоходе, и единственный фонарь в проулке, мигнув несколько раз, окончательно погас. Комната погрузилась в полную темноту, освещаемая слабым мерцанием визора Мари и отблесками снега. Было далеко за полночь.

— Не знаю, как ты, а я уже очень хочу увидеть сон, хоть какой-нибудь, пускай даже общий, — произнесла Мари, и в ее голосе прозвучала легкая, едва заметная усталость.

— Да, и правда, поздно уже, — спохватился Марк, поднимаясь. Он ощутил себя чужим, лишним. — Я пойду. Спасибо за чай.

— Куда? — она повернулась в его сторону, и ее визор, казалось, заглядывал ему прямо в душу. — Там метель. Ты замерзнешь на улице. Оставайся.

Она предложила это так, как предлагала раньше выпить чаю. Без кокетства, без скрытого смысла.

И он остался.

Мари постелила ему на старом, потертом диване, принесла одеяло, пахнущее пыльными книгами и чем-то еще, неуловимо-терпким, как сухие травы. Он лег, не раздеваясь, и смотрел, как ее силуэт движется по темной комнате, а затем исчезает за дверью.

В этой странной, тихой квартире, в самом сердце хаоса Круга, он лежал и слушал, как за окном воет ветер. Впервые за много недель он не чувствовал себя ни загнанным зверем, ни призраком. Он не знал, кто такая Мари — спаситель или манипулятор, — но рядом с ней мир перестал ломаться.

Засыпая, он ожидал увидеть привычный, липкий кошмар. Но пришла тишина.

Глава 15. Самое передовое направление

Октябрь доживал свои последние дни, швыряя в высокие окна аудитории горсти мокрых, побуревших листьев. Ветер завывал, и сам воздух за пределами института пропитался тревогой. Слухи о надвигающейся войне с Восточным блоком из новостных сводок переползли в повседневные разговоры, став таким же привычным фоном, как эта промозглая, неуютная погода.

Беверли Гейси не смотрела в окно, и слухи ее не волновали. Она сидела в третьем ряду, все внимание было приковано к лектору. Помощник в коммуникаторе послушно записывал и саму лекцию, и тезисы. Можно было этого и не делать — лекция будет доступна в сети, — но Беверли предпочитала свои заметки. Она любила контролировать процесс от начала до конца. Не зря она была лучшей на курсе. Не просто лучшей — она мыслила на другом уровне. Там, где другие студенты видели набор фактов для экзамена, она видела систему, элегантную и глубоко несовершенную архитектуру человеческого тела.

Рядом с ней сидела Дженнифер, ее соседка по комнате и единственная настоящая подруга. Если Беверли была острой, как скальпель, то Дженнифер — теплой и немного хаотичной. Она воплощала ту самую классическую американскую красоту, которую в прошлом веке превозносили на плакатах и в кино — светлые волосы, собранные в небрежный пучок, и открытое, дружелюбное лицо.

На мгновение она оторвалась от конспекта и улыбнулась.

Беверли любила эту улыбку — милая, немного смущенная, от которой на щеках появлялись ямочки. Искренняя и теплая, она на секунду заставила Беверли забыть о лекции.

Но улыбка тут же погасла. Дженнифер бросила тревожный взгляд в окно, на мечущиеся под ветром голые ветви деревьев, и принялась делать пометки в бумажной тетради — ее коммуникатор слишком устарел для конспектов. Она была человеком из другого, более медленного и аналогового мира. И этот мир трещал, как лед под ногами.

— ...именно в этом заключается фундаментальное ограничение, — говорил с кафедры профессор Олбрайт, пожилой, но энергичный декан

факультета нейробиологии. — Природа создала нас разумными, но несовершенными. Скорость наших синапсов — черепашья по сравнению с фотонными процессорами. Наш мозг — это великолепный, но все-таки аналоговый инструмент в наступающую цифровую эпоху. И пока Восток берет численностью и производственными мощностями, наш единственный возможный ответ — это технологическая эволюция. Преодоление биологических ограничений.

Его слова повисли в притихшей аудитории. Студенты понимали, о чем он говорит. Не лекция, а манифест грядущей эпохи. Профессор сделал паузу, отпил воды из стакана.

— Подумайте об этом! — продолжил он, с тем же фанатичным жаром, глядя на студентов. — Прямая модуляция нейронных ансамблей. Синтетические синапсы, работающие на скорости света. Мы говорим не только об улучшении памяти или реакции. Мы говорим о полной интеграции сознания с внешними вычислительными мощностями. Это следующий шаг. Пока политики Востока строят больше заводов, чтобы клепать больше танков, мы здесь, на Западе, должны построить... нового человека. Человека, чей разум не ограничен биологией. Иначе в грядущем конфликте нас задавят массой. Запомните мои слова. Будущее за нейробиокомпьютерными интерфейсами.

Лекция закончилась, и студенты заторопились в общежития. Пятница, впереди — два дня свободы.

Олбрайт жестом подозвал Беверли.

— Мисс Гейси, задержитесь на минуту.

Она подошла к кафедре. Профессор одобрительно взглянул на нее, собирая бумаги в портфель.

— Ваша последняя работа о синаптической пластичности... она не то чтобы хороша. Она... не революционна, конечно, но я отправил ее своим коллегам из БиоТех.

Беверли перестала дышать. БиоТех был почти мифическим местом, лидером в области нейротехнологий, корпорацией, которая определяла будущее.

— Они открывают новый филиал, здесь, на Среднем Западе, — продолжил Олбрайт. — Фокус — нейробиокомпьютерные интерфейсы.

Самое передовое направление. Они впечатлены вашим потенциалом, Беверли, и предлагают вам место в исследовательской группе сразу после выпуска.

Шум вокруг отступил, утонул в гулком стуке крови в висках. Провинциальный институт, скучный городок, даже надвигающаяся война — все это стало далеким и незначительным. Перед ней открывалась дверь в настоящее будущее, о котором она не смела и мечтать.

Мир за высокими окнами института — с его ветром, голыми деревьями и серым небом — показался далеким и нереальным. Беверли не помнила, как вышла из аудитории.

— Ну что? — Джен догнала ее в коридоре, нетерпеливо теребя коммуникатор в руках. — Зачем тебя вызывал Олбрайт? Опять конференция?

Беверли смотрела на подругу, но восторг переполнял ее, и она не могла сказать ни слова. Они вышли из здания, порыв ветра ударил им в лица, заставив плотнее закутаться в пальто.

— Джен... — наконец выдохнула она. — БиоТех. Они предложили мне работу. Сразу после выпуска.

Дженнифер на секунду замерла прямо посреди дорожки, ее лицо озарилось восторженной улыбкой.

— Бев! — она обняла подругу. — Я знала! Я всегда знала, что ты — гений! Это... это невероятно! Ты переедешь в Бисмарк? Или... в главный офис?!

Ее радость была искренней, но, как всегда, быстро сменилась знакомой, застарелой тревогой. Она огляделась по сторонам, на хмурых студентов, спешащих мимо них.

— Это же прекрасно! — повторила она тише. — Но... ты слышала последние новости? Говорят, Восток готовит полную блокаду ресурсов. Что, если начнется война? Что тогда будет со всеми этими проектами?

Беверли отмахнулась от ее страхов с легкостью пассажира тонущего корабля, уже сидящего в спасательной шлюпке.

— Война? — она усмехнулась. — Джен, если начнется война, такие как я... как мы, будут нужны им больше всего. Это наша возможность.

В ее глазах горел холодный, расчетливый блеск.

— Все будет хорошо. Я тебе обещаю.

Они шли к общежитию, и ветер осыпал их мокрыми листьями. Джен держала ее за руку, словно боясь, что порыв ветра унесет Беверли вместе с ее невероятными обещаниями. Она молчала, но Беверли чувствовала ее тревогу — мелкую, нервную дрожь пальцев.

Беверли же, наоборот, никогда не чувствовала себя спокойнее. Предложение БиоТех было не о работе. Это было подтверждением того, что она — другая. Что ее ум — это не инструмент для сдачи экзаменов, а ключ, способный открыть двери в настоящий мир, тот, что находился за пределами этого скучного, умирающего городка.

Она смотрела на коричневые, унылые здания кампуса, на студентов, кутающихся в шарфы, и впервые видела их не как своих ровесников, а как представителей уходящей эпохи. Они боялись войны, боялись нехватки денег, боялись будущего. А она? Она видела в будущем не угрозу, а безграничное поле для экспериментов.

«Преодоление биологических ограничений», — слова профессора Олбрайта звучали у нее в голове не как гипотеза, а как личный девиз. Она всегда чувствовала себя запертой в клетке — в клетке провинциальности, собственного, несовершенного и хрупкого человеческого тела. И вот теперь БиоТех давал ей шанс из нее выбраться.

«Наша возможность», — сказала она Джен. И она действительно так думала. Она вытащит их обеих. Джен, с ее страхами, ее добротой, была для Беверли единственным якорем в этом мире. И этот якорь она заберет на свой новый, сияющий корабль.

Когда они добрались до своей комнаты, Беверли чувствовала себя так, словно эти полчаса вместили в себя целую жизнь. Она отпустила Джен и посмотрела на нее с торжествующей улыбкой.

— Завтра суббота, — сказала она. — Никаких лекций. Поеду в город, куплю нам чего-нибудь, чтобы отпраздновать. Все только начинается, Джен.

На следующий день Беверли села на старый рейсовый автобус, идущий в Карвер Фолс. Джен осталась в кампусе готовиться к какому-то зачету, но, на самом деле, как показалось Беверли, она хотела побыть одна, утонув в своей тайной тревоге.

Беверли не обиделась. Сегодня она тоже хотела побыть наедине со своим триумфом.

Автобус тащился по шоссе, скрипя и качаясь. Дорога разрезала надвое бесконечный, темный лес, которым славилась эта часть Дакоты. Вековые сосны стояли плотной стеной, их верхушки терялись в низком, сером небе. Вчерашний ветер утих, но небо не прояснилось. Наоборот, облака сгущались, превращаясь в тяжелые, зловещие тучи. Погода явно портилась.

Но Беверли этого не замечала. Она думала о лабораториях БиоТех, о возможностях, которые перед ней открывались, о новой жизни в большом городе, вдали от этой глуши. Взглянула на новости в коммуникаторе: «Восточный Блок объявляет о полном запрете на экспорт...», «Аналитики: вероятность прямого военного столкновения...» — и раздраженно заблокировала экран. Ни о чем другом, кроме своего будущего, думать не хотелось. Будущего, которое будет ярким и безопасным, в отличие от остального мира, готового в любой момент рухнуть.

В Карвер Фолс она бродила по его двум с половиной улицам, чувствуя себя туристкой в собственном прошлом. Зашла в магазинчик с банальным названием «YOUR SHOP» — единственное приличное место в городе — и на последние деньги купила коробку шоколадных конфет ручной работы и маленькую бутылку шампанского. Глупая, импульсивная трата, но ей было все равно. Скоро она сможет позволить себе все, что захочет.

Она стояла на главной площади, под хмурым, насупившимся небом, и собиралась съесть первую конфету, когда ее коммуникатор завибрировал. Мама.

Беверли выругала себя — она даже не подумала позвонить ей вчера. После смерти отца мать вышла замуж за владельца автосервиса, и ее жизнь в Клир-Крик, Монтана, пошла своим чередом, отдельно от жизни Беверли. Они отдалились, поселившись в разных мирах, и Беверли, погруженная в учебу, звонила все реже.

— Мам, привет! — Беверли ответила, и ее голос звенел от сдерживаемого счастья. — У меня потрясающие новости, невероятные! Я...

— Бевви, милая... — голос матери на том конце был тихим, заплаканным. Он мгновенно погасил всю радость Беверли, будто в лицо плеснули ледяной водой. — Мне так жаль, милая. Так жаль.

Коробка с конфетами внезапно стала тяжелой и неуместной.

— Мам, что случилось? Что-то с отчимом... папой?

— Нет, он... он в порядке, — всхлипнула мать. — Дело в деньгах, Бевви. В деньгах на твой последний год.

— Что с деньгами? — голос ее дрогнул.

— Помнишь, три года назад Фрэнк вложил часть твоих денег во второй автосервис? Он говорил, что это надежная инвестиция... Но потом пошли эти новые машины, с их двигателями, и всякой электроникой. Никто больше не чинит старые бензиновые колымаги. Оба сервиса... они почти не приносят дохода. Мы выставили один на продажу... — она снова всхлипнула, — вчера мы его наконец продали. Этих денег не хватит на твой последний курс. А займы на учебу больше не дают, говорят что-то про войну. Милая, мне так жаль... денег больше нет. Прости.

Мама продолжала говорить, но Беверли ее не слышала. Губы безжизненно шевельнулись, и коммуникатор погас.

Она с минуту держала его в руке, слушая гудки и вой ветра. Это не могло быть правдой. Слишком много вложено, чтобы все рухнуло так легко. Переложила конфеты, пакет из руки в руку, не понимая, куда их деть.

Ее блестящий, аналитический ум, так высоко ценимый профессором Олбрайтом, заработал с безжалостной четкостью, выстраивая логическую цепочку:

Нет денег.

Нет последнего курса.

Нет диплома.

Нет БиоТех.

Нет будущего.

Хотя нет, будущее было.

Когда начинается война, всегда есть спрос на тех, кто умеет латать человеческое мясо. Даже на тех, кто не успел доучиться.

Работа в сияющих лабораториях, создание нового человека, преодоление биологических ограничений — все осталось во вчерашнем, счастливом дне. Теперь ее ждала другая карьера: полевой госпиталь. Грязь, кровь и стоны. Она будет не строить будущее, а латать разорванное в клочья настоящее, пока ее саму не разорвет очередным снарядом.

Коробка с шоколадными конфетами выскользнула из ее онемевших пальцев и упала в мокрую снежную кашу. Грязь пропитала яркую, праздничную обертку.

Будущее, которое она нафантазировала за ночь, оказалось таким же беспросветным, как небо над головой.

Она механически наклонилась и подняла коробку. Пальцы не чувствовали ни холода, ни влаги, сжимали этот бесполезный, глупый символ своего несостоявшегося праздника.

Не помня себя, она побрела прочь с площади. Тело двигалось само, а разум остался там, на площади, рядом с дурацкой витриной и скидками в десять процентов. Она шла по унылым улицам Карвер Фолс, не замечая ни редких прохожих, ни витрин магазинов. Весь ее мир, такой огромный и сияющий пять минут назад, сжался до этого мрачного, темного городка.

Она добрела до небольшого, запущенного парка на окраине города. Деревья уже сбросили листву, их голые ветви безнадежно стонали и скрипели на ветру. Дорожки были покрыты мокрой снежной кашей. Здесь пахло мхом и прелыми листьями. Падал снег.

Беверли опустилась на холодную, мокрую скамейку возле озера. Темная, почти черная вода лениво плескалась у берега, ломая тонкую кромку льда. Она сидела неподвижно, глядя на воду и крепко сжимая коробку с конфетами. Праздник отменялся. Будущее отменялось.

Снег укрывал ее белым плащом.

Глава 16. Вы можете позвать меня

Беверли проснулась. Она все так же сидела на скамейке у озера, но мир вокруг изменился. Это было пробуждением внутри сна.

Снег лежал толстым, идеально ровным, девственным покрывалом. Он скрыл под собой землю, дорожки и гнилые листья. Густой, молочный туман опустился на Карвер Фолс, поглотив деревья, дома и даже небо. Все звуки утонули в этой белой, безмолвной пустоте. Мир состоял из белого снега, тумана и ее самой.

Холод исчез, и вместе с ним ушло отчаяние. Осталось странное, отстраненное спокойствие, будто она смотрит старое, выцветшее кино.

Рядом с ней на скамейке, там, где секунду назад никого не было, сидел человек. Он был одет во все черное: пальто, перчатки. Рядом — спортивная сумка, почти пустая. Глубокий капюшон полностью скрывал его лицо в тени, густой, как тьма. Он сидел неподвижно, глядя на туман, висевший над невидимой поверхностью озера, и от него исходила аура такой глубокой, всеобъемлющей, вековой тоски, что ее собственное отчаяние показалось мелким и незначительным.

— Празднуете? — спросил он. Тихий и ровный голос, без возраста и эмоций.

Беверли отложила коробку с конфетами, которую сжимала в руках. Яркая, праздничная обертка казалась неуместной, кричащей кляксой в этом монохромном мире.

— Нет. Уже нет, — ответила она.

К своему удивлению, не чувствовала страха, и это было самое странное. Она должна была бы паниковать — незнакомый мужчина, от которого можно было ожидать чего угодно. Но она сидела рядом с ним и чувствовала не угрозу, а узнавание. Глубокое, иррациональное, почти родственное. Точно они были старыми знакомыми, встретившимися после долгой, очень долгой разлуки.

— Реальность — очень хрупкая вещь, — заметил он, кивнув в сторону тумана. — Только что здесь был город. Дома, улицы, люди. Но теперь туман скрыл его, и города нет. Он исчез. Стерся. Остались вы, я и

эта скамейка. Что из этого реально? То, что было, или то, что вы видите сейчас?

Беверли долго молчала, размышляя о том, что он сказал. Его слова не пугали, а, наоборот, странным образом успокаивали. Они были созвучны хаосу, что творился у нее в душе.

— Кто вы? — наконец спросила она.

Человек в черном повернул голову в ее сторону. Под капюшоном не просматривалось ничего, только тьма.

— Я тот, кого обычно называют Сатаной.

Он сказал это так просто и буднично, что Беверли невольно усмехнулась. Это прозвучало как дурная шутка, нелепый розыгрыш в ее и без того кошмарном сне.

— Значит, вы — воплощение зла?

— Нет, — ответил он так же спокойно. — Зло — это слишком громкое слово для простых вещей. Я предлагаю людям выбор. Шанс сотворить свою реальность, если старая их больше не устраивает. А они всегда винят меня в том, что выбрали сами, и называют злом.

Беверли молчала, пытаясь осмыслить его слова. «Воплощение зла» — эта концепция была слишком простой, почти детской, рядом с той холодной и древней логикой, что исходила от него.

Он, точно услышав ее мысли, чуть склонил голову.

— Сатана, в вашем понимании, — это «клеветник», — продолжил он. — Дьявол — «противник». Но я не лгу и не враждую с людьми. Скажи, в чем будет моя ложь? В том, что ты, ограбив магазин, станешь богаче на сотню баксов? Это правда. В том, что ты, убив своего врага, почувствуешь удовлетворение? И это правда. Я враждую не с людьми, а с идеями, и тем, как их воплощают в жизнь.

Он сделал паузу, и туман будто уплотнился, став почти осязаемым.

— Я не создаю желания в ваших сердцах. Я указываю на двери, которые вы и так хотели открыть. Предлагаю выбор. А вы называете меня злом, потому что вам невыносима мысль, что этот выбор — ваш, и только ваш.

Давая ей время свыкнуться с этой мыслью, он помолчал. Голос его звучал как шепот падающего снега.

— Во все времена люди одинаковы. Тысячу лет назад они хотели того же, что вы сейчас: богатства, любви, власти. Меняются только декорации. Вместо мечей — автоматы. Вместо пергамента — нейросети. Но желания... желания не меняются. А вот через тысячу лет... не знаю. Возможно, нас с вами там уже нет.

Его последняя фраза, эта нотка неуверенности, показалась Беверли слабостью. Единственной за весь их странный разговор. Она уцепилась за эту неуверенность — трещину в его логике.

— Значит, вы не всеведущ, — сказала она с насмешкой, и в ее голосе прозвучала тень прежней, уверенной в себе студентки.

В глубине капюшона что-то изменилось. Незримая улыбка.

— Нет, что вы. Всеведение — это скучно. Я вижу людей, их желания, их страсти. Ту правду, которую они прячут от самих себя. Вы, например, хотите силы и власти. Думаете, что вы — ученый, жаждущий знаний, но это самообман. В глубине души вы — глава корпорации. Вы хотите не понимать мир, а перестраивать его по своему усмотрению. И я могу вам это дать. Собственно, потому я здесь.

Его слова упали в тишину, как черные камни в белый снег. Они были диагнозом, который Беверли боялась себе поставить. Весь ее научный интерес, все ее амбиции — он вскрыл их, как хирург, оставив голую, уродливую жажду власти.

— И что от меня требуется? — она снова попыталась спрятаться за иронией, но голос дрогнул. — Продать вам душу?

Человек в черном не засмеялся. Он воспринял ее слова с абсолютной серьезностью.

— В каком-то смысле, да. Вы больше не будете человеком. Все эти декорации их мира, — он указал на туман, в котором утонул Карвер Фолс, — их законы, вера, их Пакт... они больше не будут вас держать. У вас будет другой мир. Наш мир.

Он сделал паузу, словно давая ей заглянуть в пропасть. Чуть качнул ногой, сбрасывая снег.

— Но вы получите все, что я обещал. Силу. Власть. И даже больше. Вы получите возможность построить свой собственный мир из пепла этого.

— Я не верю в дьяволов, экстрасенсов и гомеопатию, — отрезала Беверли голосом лучшей студентки курса. — Я — ученый. И сейчас я просто сплю. Это обычный кошмар, вызванный стрессом.

— Как вам угодно, — спокойно согласился мужчина. В его голосе слышалась ирония. — Наука — это прекрасная, но опасная система верований. Она заменяет сомнение догмой и внушает мысль, будто вы знаете все на свете. Но... когда вы будете лежать на грязном снегу, задыхаясь и кашляя кровью, вспомните, что у вас есть выбор. Вы можете позвать меня, даже мысленно. И тогда контракт будет подписан.

Слова повисли в белом, безмолвном тумане.

Контракт будет подписан.

В тело вернулись все ощущения, и Беверли резко вдохнула.

Она сидела на той же скамейке в парке Карвер Фолс, но сюрреалистичный туман исчез. Вместо него стоял обычный, грязный октябрьский вечер. Снег, мокрый и тяжелый, падал с черного неба, тая на ее одежде. Она замерзла до мозга костей, тело сотрясала упрямая дрожь.

Сон. Это просто сон. Глупый, нелепый сон, вызванный стрессом, холодом и отчаянием. Она вытерла лицо онемевшими пальцами, пытаясь отогнать остатки видения — темную фигуру и нелепое предложение. Никаких дьяволов не существует. Есть только зима, нищета и война.

Парк опустел. Фонари едва светились тусклым желтым светом. Было уже поздно — Беверли пропустила последний автобус. Придется идти пешком.

Она заставила себя встать. Ноги, налитые свинцовой усталостью, отказывались слушаться. Холод пробрался под пальто и теперь замораживал ее изнутри. Бросив прощальный взгляд на темную воду озера, она развернулась и пошла прочь из парка.

Путь обратно в кампус лежал через весь город.

Карвер Фолс ночью, под снегом, выглядел как город-призрак. Редкие фонари едва освещали заснеженные тротуары, лишь подчеркивая пустоту улиц. Витрины магазинов погасли, двухэтажные дома стояли молчаливыми, черными силуэтами. Ни одной машины или прохожего. Только она и скрип шагов по свежему снегу.

Самый короткий путь шел через промышленный квартал на окраине. Днем это место выглядело унылым, а ночью оно становилось мертвым полем металла и потрескавшегося бетона.

Фонари горели через один, высокие стены складов и заброшенных цехов создавали глубокие, непроглядные тени. Ветер завывал в проемах между зданиями, гоняя по земле снежную поземку и какой-то мусор. От каждого шороха и скрипа ржавого железа на ветру в груди все холодело. Сон о черном человеке выветрился, оставив после себя тягучее, тошнотворное предчувствие беды.

Она почти бежала, когда услышала их. Сначала — громкий, пьяный смех из-за угла, эхом отражавшийся от бетонных стен. Затем — голоса.

— ...я тебе говорю, полгода! Полгода, и мы нагнем этих азиатов! — кричал один.

— Да какие полгода! — орал другой. — Три месяца! Наши штурмовики их в порошок сотрут.

Беверли резко свернула на другую улицу, пытаясь их обойти. Кровь застучала в ушах, заглушая все, кроме их шагов. Поздно. Один из них заметил ее.

— Эй, студентка! — крикнул он ей вслед, и снег торопливо заскрипел позади. — А ты как думаешь, размажем мы этих косоглазых или нет?

Она ускорила шаг, не оборачиваясь, но они быстро ее нагнали — тяжелые рабочие ботинки, куртки цвета хаки. Они окружили ее, отрезая путь к отступлению. От них пахло дешевым алкоголем и мазутом.

Тот, что кричал, высокий и тощий, грубо схватил ее за рукав пальто и дернул на себя так, что она едва устояла на ногах.

— Так ты что, может, сама из этих... — прорычал он, его пьяные зрачки пытались сфокусироваться на ее лице.

— Отпустите! — крикнула она, пытаясь вырваться. — Пожалуйста!

— Да не азиатка она, — процедил второй, стоявший сзади. — Видно же.

— Все равно из этих... из умных, — разошелся высокий. — Там все умные, азиаты эти хреновы. Сейчас я ей глазки-то подправлю.

Он ударил ее в лоб. Удар был не тупым, как от кулака, а резким, режущим. Боль обожгла, и что-то теплое и липкое залило лицо, ослепляя.

Второй удар пришелся ниже, в скулу, и острая боль пронзила голову. Мир сузился до багровой, пульсирующей точки. Он бил ее снова и снова — короткие, злые тычки, от которых ее голова моталась из стороны в сторону.

Она пошатнулась и тяжело рухнула на колени в мокрую снежную кашу. Боль, острая и горячая, пульсировала на лице, но сквозь багровую пелену ее разум работал с ледяной ясностью. Сгруппировалась, приготовилась бежать, ожидая момента.

Высокий, решив, что сопротивляться она не будет, подошел ближе и присел на корточки, обдав ее перегаром. Полез к ее джинсам, пытаясь расстегнуть ремень.

В этот момент она рванулась.

Она вслепую оттолкнула его и поползла по снегу назад, пытаясь встать на ноги. Он тут же ухватился за ее штанину, потянул. Два коротких, легких толчка в грудь. Бил он слабо.

Адреналин перекрыл боль, пелена спала с глаз. Беверли вырвалась из его хватки, перевернулась, вскочила и, пошатываясь, побежала в ближайшую подворотню, в узкий проход между двумя складами.

Завернув за угол, она зашаталась, но смогла удержаться на ногах, прислонившись к промерзшей кирпичной стене. Дышать не получалось. Каждый вдох отзывался булькающим хрипом в груди. Пакет, который она зачем-то все это время сжимала в руке, выпал, бутылка шампанского глухо лопнула о бетон, шипя бесполезными пузырьками. Коробка раскрылась и конфеты рассыпались по снегу, как выбитые черные зубы.

Закашлялась и почувствовала во рту теплый, соленый вкус крови.

Темные пятна быстро расползались по ее пальто, пропитывая ткань. Она коснулась своего лица, пальцы нащупали не кожу, а рваные, липкие лохмотья плоти.

Значит, он бил ножом.

Силы быстро покидали ее. Адреналин, гнавший ее вперед, сгорел в одно мгновение, оставив после себя слабость и боль. Ноги подкосились

и перестали ее держать. Со стоном она осела по стене, оставляя на кирпичах влажный, темный след.

И тогда пришла боль. Не та резкая, острая боль от ударов, а другая — глубокая, всепоглощающая, которая шла изнутри. Она горела в груди, куда вошел нож, и тупым, тяжелым грузом давила на легкие, мешая дышать. Каждый удар сердца отдавался новой волной тошноты.

Она слышала их голоса, приближающиеся с той стороны угла. Пьяные, самодовольные. Они не торопились. Они знали, что она никуда не денется.

Конец.

Эта мысль не испугала — она жила в голове чужим, безразличным ритмом. Вот так все и заканчивалось. Не в сияющей лаборатории БиоТех, не на войне за будущее человечества, а здесь, в грязной, заснеженной подворотне, под ножом трех пьяных ублюдков. Вся ее гениальность и амбиции — все это сейчас вытекало из нее вместе с кровью, впитываясь в грязь.

И тогда, на самом дне этого отчаяния, в ее угасающем сознании всплыл образ из сна. Черный человек на скамейке и его слова.

Она собрала последние остатки воли. Это был не крик или молитва, а чистая, бесстрастная мысль, выкованная из ненависти и желания жить. Мысль, направленная в пустоту.

Я согласна.

И пустота ответила.

Сквозь пелену боли, она услышала звук. Тихий, невозможный скрип дверных петель.

Она с нечеловеческим усилием повернула голову.

В глухой кирпичной стене склада появилась дверь. Старая, с облупившейся синей краской, потрескавшейся от времени. Из проема лился теплый, неяркий, медовый свет, не отбрасывающий теней. Он не освещал грязный переулок, а просто был, как тихий, теплый остров посреди ледяной, воющей пустоты.

Голоса за углом приближались.

Это был ее единственный шанс. Превозмогая боль, которая взрывалась в каждой клетке ее тела, она поползла. Каждый фут давался

ценой невероятных мучений. Она оставляла за собой на снегу темный, дымящийся след.

Дотянулась до порога, ее окровавленные пальцы вцепились в теплое дерево. Ввалилась внутрь, и дверь за ней бесшумно закрылась, отрезая метель.

Тишина. Глухая, пыльная тишина старого, умирающего дома.

Воздух был спертым, пах гниющим деревом, мышиным пометом и прелой листвой, как в том парке. Слабый свет проникал сквозь заколоченные досками окна, выхватывая из темноты горы мусора, сломанную мебель, оборванные обои, свисающие со стен, как содранная кожа.

Она поползла дальше по грязному полу. Боль была повсюду, в каждом движении и дыхании. Она не понимала, где реальность, а где бред, вызванный потерей крови. Доползла до угла, где валялась куча какого-то тряпья, и рухнула в нее, зарываясь лицом в пыльную, пахнущую тленом ткань.

Перевернулась на спину. Потолок над ней, с огромным бурым пятном от протечки, качался, шел волнами, теряя очертания. Сознание угасало.

И в этом бреду, на границе между жизнью и смертью, пришел Он.

Его тело было высоким, животным, покрытым извивающимися черными письменами. Голова — черного козла с длинными, загнутыми назад рогами. В глазах, которые горели тусклым, нечеловеческим разумом, не было ни жалости, ни похоти. Только отстраненное любопытство.

Он опустился на колени рядом с ней. Его прикосновение — пустота, лишенная даже холода.

Он взял ее — не насилие и не любовь, а ритуал. Жестокий, первобытный акт, в котором ее боль, унижение и умирающее тело стали алтарем. Акт разрыва, окончательно и бесповоротно отделивший ее от старого мира.

И в этой тьме она почувствовала, как он рвет ее зубами. Ее тело исчезает, и темная, новая сила вливается в нее.

Беверли Гейси умирала, чтобы родиться кем-то другим.

Она резко вдохнула, и мир вернулся — холодный, реальный. Она лежала на том же месте, в заснеженной подворотне, привалившись к кирпичной стене. Снег таял под ней, пропитывая джинсы ледяной влагой. Тронула запястье — пульс ровный и сильный. Она подняла дрожащие руки к лицу, ожидая найти рваные лохмотья плоти, но пальцы нащупали гладкую кожу. Ни крови, ни ран.

Беверли ошеломленно огляделась. Ночь. Темный, пустой переулок. Коробка с конфетами валялась рядом, яркая обертка разорвана, шоколадные шарики рассыпаны по грязному снегу. Пакет лежал в луже шипящей пены, осколки сверкали изумрудом. Пьяные голоса, шаги — все исчезло, как будто их никогда и не было.

Пошатываясь, она встала. Тело казалось чужим, слишком легким, словно кто-то вынул из него весь вес — и страх вместе с ним. Потерла замерзшие руки: чистые, без единой царапины.

Ветер гнал снежную поземку, заметая ее следы. Сон? Но кровь, нож, фигура в черном, рогатый силуэт — все это было слишком реальным, слишком ярким. И эта дверь... Обычная стена. Старая кирпичная кладка, изъеденная временем.

Беверли подобрала пакет, и побрела прочь из переулка. Карвер Фолс спал под снегом, молчаливый и равнодушный. Она шла через промышленный квартал, затем через лес, не замечая ни холода, ни редких фонарей. В голове — пустота, как в том туманном сне, где остался человек в черном. Единственная мысль пульсировала, как метроном:

Я согласна.

До кампуса она добралась за полночь. Общежитие встретило ее тусклым светом ламп в коридоре и запахом сырости. Дженнифер сидела на кровати, обложенная учебниками, с карандашом в зубах. Увидев Беверли, она вскочила. Голос дрожал.

— Бев, господи, где ты была? Я звонила тебе сто раз! — Джен бросилась к ней, но остановилась, заметив ее бледность и мокрую одежду. — Что случилось? Ты в порядке?

Беверли заставила себя улыбнуться, хотя губы слушались плохо, как будто принадлежали кому-то другому.

— Пропустила автобус, — пробормотала она, бросая пакет с разбитой бутылкой на стол. — Задержалась в городе. Прости, не хотела тебя пугать.

Дженнифер не поверила, но допытываться не стала. Она знала: если Беверли не хочет говорить, то ее не расколешь.

— Ты вся мокрая, — пробормотала Дженнифер, протягивая ей полотенце. — Иди в душ, согрейся.

Беверли кивнула, стянула мокрую одежду и ушла в душ. Горячая вода обожгла кожу, но не согрела — холод жил внутри, глубже, чем могла достать любая струя. Она стояла под душем, наблюдая, как вода стекает в слив, и пыталась понять, что произошло. Нож. Кровь. Дверь. Сон или реальность, которая скрыта, как город в тумане?

Завернувшись в полотенце, она встала перед зеркалом, запотевшим от пара. Протерла его ладонью. За ее спиной, в мутном, влажном зеркале, стояла *другая*.

Женщина. Высокая, с длинными, черными, как смоль, волосами, струящимися по плечам. Ее лицо обезображено: плоть разорвана до кости, глаза — золотые, нечеловеческие. Рога — изогнутые, как у того козла из сна — торчали из ее лба, но не казались уродливыми. Она была красива, но не человеческой красотой, а иной — дикой, ужасающей, но притягательной, как буря. Она смотрела на Беверли с довольной улыбкой, и ее рука легла ей на плечо — невесомо, но властно.

Беверли не закричала и не отшатнулась. Она смотрела в зеркало, на эту тварь, и чувствовала, как ее собственный страх растворяется, сменяясь чем-то новым. Не ужасом, а странным, темным восхищением. Это была не она — и все же она. Не жертва, а нечто большее. Существо, которое не боится ни ножей, ни войны, ни мира, пожирающего себя.

Секунда, и в отражении осталась она одна — мокрая, бледная, но спокойная. Что-то в ней изменилось. Уверенность, которая переполняла ее вчера, вернулась, но теперь она стала иной. Глубже. Темнее.

Она вернулась в комнату, легла в кровать, не говоря ни слова. Джен все так же листала учебник. Беверли закрыла глаза, и тьма сомкнулась над ней, как воды озера в Карвер Фолс. Она засыпала, зная, что этому миру она больше не принадлежит.

Глава 17. Великолепный тандем

Дженнифер не спала. Она лежала в своей кровати и смотрела в темное окно, за которым неторопливо падал снег.

Война. Здесь, в глуши Северной Дакоты, ее почти не чувствовалось — по улицам городка иногда проезжали армейские грузовики, да пара патрульных со штурмовыми винтовками лениво проверяли документы у въезда в кампус. Студенты продолжали ходить на лекции, сдавать зачеты, жить так, будто ничего не изменилось.

Но Дженнифер чувствовала. Она читала новости, видела кадры атак на Восточном побережье, где в большом, вечно шумном городе жили ее родители. Связь стала нестабильной, их сообщения приходили с задержкой, и каждое из них было полно сдержанной, родительской тревоги, которая усиливала ее собственную.

Напротив спала Бев. Или делала вид, что спит. С тех пор как она вернулась мокрой и грязной два месяца назад, она сильно изменилась.

Раньше Бев была понятной и предсказуемой. Учеба, книги, редкие вылазки в город за коробкой конфет. Ее амбиции были яркими, но тихими. Теперь она стала совсем иной. Как и раньше, оставалась лучшей на курсе, но по привычке. Учеба ее больше не занимала. Когда она смотрела на голограммы нейронных связей, ее глаза оставались пустыми.

Бев пропадала по ночам. Уходила одна и возвращалась под утро, молчаливая, равнодушная ко всему. У нее появились новые друзья — странные, богемного вида студенты с факультета искусств и философии, которые собирались в заброшенной часовне у леса и говорили о «расширении сознания». Бев стала более уверенной, более раскованной. Она больше не боялась ни войны, ни будущего.

Новая Беверли не нравилась Дженнифер.

В ней чувствовалась сила человека, который смотрит на мир, как на стекло, и знает, куда ударить, чтобы оно рассыпалось на осколки.

Но самым болезненным было то, что Бев перестала обращать внимание на Дженнифер.

Раньше они делились всем, обсуждали лекции, преподавателей, мечтали о будущем за чашкой кофе. Теперь же Беверли почти не бывала с ней. Дженнифер пыталась заговорить с ней об учебе, но Бев отвечала односложно, глядя куда-то сквозь нее, решая в уме какие-то свои, неведомые уравнения.

Их тихие вечера за книгами сменились шумными сборищами ее новых друзей. Дженнифер несколько раз пыталась присоединиться, но безуспешно. Они говорили о вещах, которых она не понимала — о «тонких материях», «пересечении реальностей», о ритуалах, якобы дающих силу. Беверли была в центре этого круга, и Джен видела, как она наслаждается их восхищением, как она играет ими. А на свою старую подругу, сидевшую в углу, она даже не смотрела.

Однажды вечером, набравшись смелости, она спросила: «Бев, что с тобой происходит? Мы же были...». Беверли прервала ее, даже не повернув головы: «Мы были детьми, Джен. Пора взрослеть».

Эти слова, сказанные с холодной, безразличной интонацией, вогнали Дженнифер в депрессию. «Взрослеть» — в мире Бев это, видимо, означало научиться выжигать из себя тепло и привязанность. Дженнифер поняла: она ее потеряла. Ее лучшая подруга ушла куда-то, не взяв ее с собой, оставив одну в этом треснувшем по швам мире.

Потом она замерзла и проснулась. Сразу взглянула на кровать — пусто. Постель аккуратно заправлена, словно в ней и не спали. Бев снова ушла куда-то ночью.

На занятия она побрела одна. Кампус, обычно сонный и тихий по утрам, гудел от приглушенных, тревожных разговоров. Возле главного входа стоял армейский патруль, проверяя документы у входящих. Война подбиралась все ближе.

Аудитория, где проходила нейроанатомия, встретила ее запахом формалина и стального инструмента. Дженнифер села рядом с пустым местом подруги. Бев никогда не пропускала нейроанатомию. Никогда. Ее любимый предмет. Смутное волнение в груди Дженнифер сгустилось в тяжелый ком. Все вокруг было неправильным — мир с его войной, Беверли, она сама. Ей хотелось вернуться в прошлое и остаться там навсегда.

Когда лекция о коре больших полушарий наконец закончилась, и профессор отпустил их на перерыв, гул разговоров мгновенно наполнил аудиторию. Дженнифер, собирая свои вещи, прислушалась к разговору студентов у окна.

— ...еще двое из четвертого корпуса, — говорил высокий парень в спортивной куртке. — Бад и его девушка пропали вчера ночью.

— Господи, — прошептала девушка рядом с ним. — Это уже пятый случай? Или шестой?

— Шестой, — подтвердил парень. — Утром приезжала полиция штата, из самого Бисмарка. Они оцепили весь северный лес, прочесывают с собаками.

— И что? Нашли что-нибудь?

— Ничего. Абсолютно. Ни вещей, ни тел. Мне Шеннон рассказала, ее брат там был.

В разговор вмешался еще один студент, с циничной ухмылкой на лице.

— Да бегут они от призыва. Сваливают через границу в Канаду, пока не замели. Я бы и сам так сделал, если бы не предки.

Эта версия казалась самой логичной, единственно правильной. Она успокаивала. До границы тут всего пара миль. Дженнифер отчаянно хотела поверить в это.

На большом экране в холле, где обычно крутили рекламу кампуса и расписание занятий, горели красные буквы: «Экстренный выпуск».

Появилось лицо диктора, бледное и напряженное. «...первый удар нанесен по Бостону. По предварительным данным, речь идет о серии взрывов в портовой зоне. Связь с городом полностью отсутствует...»

Все вокруг сузилось до единственного слова: Бостон. Ее родители жили в Бостоне.

Она, спотыкаясь, выбежала из здания на улицу, судорожно доставая свой старый коммуникатор. Пальцы не попадали по экрану, соскальзывали. «Мама». «Папа». Она звонила снова и снова. Каждый раз — молчание, а затем механический ответ: «Соединение с абонентом невозможно. Сеть перегружена».

Не замечая ничего вокруг, она вернулась в общежитие. Комната встретила ее пустотой, кровать Бев все так же заправлена. Дженнифер

снова и снова набирала номер родителей, пока собственный пульс не заглушил гудки.

Чтобы унять нарастающую тревогу, она начала уборку. Сначала на своей стороне комнаты, потом, в каком-то отчаянном порыве навести порядок в умирающем мироздании, перешла на половину Бев. Она вытирала пыль с ее книг, поправляла стопки бумаг на столе. Под кроватью наткнулась на край небольшой, небрежно задвинутой коробки.

Движимая непонятным импульсом, она вытащила ее. Внутри, аккуратно сложенные, лежали пластиковые карточки. Удостоверения личности. Дженнифер взяла верхнюю. Улыбающееся лицо Дэйва из четвертого корпуса. Она взяла следующую — его девушка. А под ними — еще. И еще. Те, кто «пропал» и кто якобы «сбежал от призыва». И бурое пятно на пластике. А в грязной тряпке на дне коробки — небольшой нож с ржавым узким лезвием.

Ничего не понимая, она рассматривала его, когда коммуникатор издал резкий, пронзительный сигнал. Официальное уведомление от государственной службы чрезвычайных ситуаций.

Короткий и бездушный текст.

«С прискорбием сообщаем о гибели ваших родителей, Дэвида и Сары Уэлш, в результате вражеской атаки на город Бостон. Просим принять во внимание, что в связи с введением военного положения личные активы покойных замораживаются вплоть до дальнейших распоряжений».

Коммуникатор упал — короткий, сухой треск. Она опустилась на пол, окруженная фотографиями мертвых студентов. Родителей больше нет. Денег на учебу больше нет. Будущего больше нет.

Комната превратилась в беззвучный, вязкий туман. Сообщение на экране коммуникатора. Улыбающиеся лица на пластиковых карточках. Два этих факта никак не складывались в единую реальность, они существовали в разных вселенных, которые только что столкнулись и аннигилировали друг друга прямо у нее в голове.

Родителей. Их больше нет. Эта мысль была слишком огромной, чтобы ее можно было прочувствовать сразу. Она не плакала. Внутри все застыло, превратившись в безмолвный ледник. Тишина навалилась неподъемным грузом.

И коробка с удостоверениями. Дэйв всегда списывал у Бев на биохимии. Его девушка, которая так красиво рисовала. Они были здесь, под кроватью лучшей подруги, превратившись в пластик.

Все путалось. Ужас от гибели родителей смешивался с отвратительным страхом перед Беверли. Человек, которому она хотела бы сейчас позвонить и разрыдаться, — монстр. Человек, который всегда помогал ей, оказался убийцей.

Она не знала, сколько так просидела. Очнулась от резкого, настойчивого сигнала коммуникатора, лежащего на полу. Общая тревога для всех студентов-медиков старших курсов.

Внимание. В медицинское крыло доставлена крупная партия раненых. Всем студентам с допуском явиться незамедлительно.

Пора идти на практику.

Тело двигалось само, подчиняясь не воле, а давно заученному алгоритму. Смысла больше не было. Оставалось действие, простая и понятная привычка.

Медицинское крыло гудело от голосов, стонов и звона инструментов. Привезли множество раненых, и студенты, еще вчера сидевшие за лекциями, теперь сновали между каталками. Раненых доставляли грузовыми вертолетами во все доступные клиники, даже сюда. Страшно представить, сколько их по всей стране.

Воздух пах кровью, антисептиками и страхом. Стоны раненых смешивались с четкими, деловыми командами врачей.

Дженнифер натянула перчатки, ее руки действовали на автомате. Она подошла к столу, чтобы ассистировать на первичной обработке ран. Беверли ее ждала.

Они начали работать вместе, в молчании, посреди хаоса и боли.

Дженнифер подавала инструменты, меняла пропитанные кровью повязки, а Бев работала отрешенно, бездушно. Ее движения были быстрыми и точными: скальпель рассекал кожу уверенным штрихом, игла входила в плоть, зажимы щелкали на сосудах, и темные капли пачкали халат. Она стягивала рваную рану на ноге мужчины ровными, механическими стежками, словно зашивала грубую ткань. На ее лице не было ни ужаса, ни сострадания — лишь сосредоточенность хирурга, работающего с куском мяса.

На миг их взгляды встретились, и Джен увидела только пустоту. Беверли молча кивнула в сторону инструментов.

Когда Дженнифер передавала зажим, она случайно выронила его. Металл звякнул о кафель, оставив тонкую красную дугу: он коснулся залитого кровью пола. Покраснев от стыда и усталости, она наклонилась его поднять. Руки дрожали, перчатки скрипели в крови, и в горле поднимался ком — дыхание перехватило от подступивших слез.

— Что с тобой? — она почувствовала, что Беверли присела рядом.

В вопросе прозвучала неподдельная забота. Не тот холодный, отстраненный тон, которым она говорила с Джен последние два месяца. Бев взяла зажим из ее дрожащих пальцев, и на мгновение накрыла ее ладонь своей. Прикосновение было теплым.

В этот миг Дженнифер почувствовала что-то. Теплый поток прошел от Беверли к ней, и безнадежное горе в груди успокоилось, задремало. Боль не ушла, но перестала рвать ее изнутри.

Дженнифер подняла на нее удивленный, испуганный взгляд — в глазах Бев больше светилось глубокое, древнее сочувствие. Она переживала вместе с ней все то, что разрывало Дженнифер на части.

— Все хорошо, Джен, — прошептала она. — Я рядом.

И Дженнифер поверила ей. Не потому, что это была подруга, а потому что она физически ощутила, как Бев забрала часть ее боли себе.

Они закончили смену глубоко за полночь. Главный хирург, уставший старик с красными глазами, подошел к ним, когда они снимали перчатки.

— Вы обе... — он покачал головой. — Отличная работа. Вы — великолепный тандем, девочки. Пожалуй, освобожу вас от экзамена в этом семестре.

Бев безразлично кивнула, а Дженнифер почувствовала укол — смесь облегчения и горечи. Экзамен? Какая разница, если родители мертвы, а подруга — убийца. Но слова хирурга остались в сознании обещанием нормальности в этом безумии.

Они вышли из медицинского крыла в морозную, тихую ночь. Снег прекратился, и над кампусом висело чистое, черное небо, усыпанное колючими, немигающими звездами.

— Пойдем, — Бев указала в сторону леса, что начинался сразу за территорией института. — Так быстрее, там есть тропинка.

Дженнифер колебалась. Лес ночью всегда пугал ее. Но спокойствие Беверли передалось и ей, и она не стала отказываться. Впервые за два месяца она ощутила — безразличие Бев исчезло. Прежнего тепла не было, но появилось что-то другое. Спокойная, всепонимающая сила.

Они шагнули в темноту леса, и звуки кампуса мгновенно стихли, сменившись хрустом снега под ногами. Вековые сосны встретили их молчаливой, глухой стеной, ветви которых были укрыты тяжелыми снежными шапками.

В этом безмолвии, вдали от шума госпиталя, стена самоконтроля, которую Дженнифер выстраивала в последние месяцы, рассыпалась в прах.

— Бев, — начала она, и ее голос сорвался. — Мои родители... Они погибли. В Бостоне. Сегодня пришло уведомление.

Она выложила ей все. Про замороженные счета, про то, что ее отчислят. А потом, задыхаясь от слез, она рассказала и про коробку под кроватью Беверли. Про пропавших студентов.

— Я не понимаю, Бев, — шептала она. — Что происходит?

Беверли остановилась и повернулась к ней. Лунный свет, пробиваясь сквозь ветви, падал на ее лицо, делая его бледным и неподвижным, как погребальная маска. Она не выглядела удивленной или виноватой. Она смотрела на Дженнифер с той же глубокой, нечеловеческой эмпатией, что и в госпитале.

— Я знаю, что тебе больно, — произнесла она тихо. — Я чувствую твою боль. И я могу избавить тебя от нее. Навсегда.

— Избавить? — не поняла Дженнифер. — Ты имеешь в виду... убить меня?

— Нет, — Беверли покачала головой, и на ее губах появилась печальная улыбка. — Не убить. Освободить. От боли, от страха, от этого умирающего мира. Поверь мне, Джен. Как раньше.

Она взяла ее за руку, и Дженнифер позволила вести себя дальше, в самую глубь темного, заснеженного леса.

Они вышли на небольшую круглую поляну. Посреди нее, раскинув свои огромные, черные ветви, стоял древний дуб. Единственное дерево,

на котором не лежал снег. От него исходило странное, едва ощутимое тепло.

На могучем стволе дуба, на темной коре, виднелись свежие, еще не замерзшие потеки. Черные в лунном свете.

Кровь.

Внутренности Дженнифер скрутило ледяным спазмом. Она знала, что это и чья это кровь.

Медленно повернулась к Беверли. Подруга стояла рядом, и терпеливо ждала ответа.

— Ты согласна? — спросила Беверли. В ее тоне не было ни принуждения, ни угрозы.

Согласна ли она? Ее старая жизнь — родители, учеба, будущее — стерта, выжжена дотла. Впереди война, сиротство и нищета. Или... или этот путь. Непонятный и страшный. Она смотрела на Беверли, и видела в ней не монстра, а единственного человека в этой рушащейся вселенной, который остался рядом.

— Да, — прошептала Дженнифер. — Я согласна.

Бев кивнула, словно услышала самый очевидный ответ. Из рукава ее пальто выскользнул нож — тяжелый, с чистым лунным лезвием. Не тот, что лежал в коробке.

Бев притянула ее к себе, обнимая, и нанесла удар.

Лезвие вошло не в само сердце — чуть ниже, между ребрами, с кривым, но выверенным уколом вверх. Клинок прошел сквозь легочную ткань, разорвав ветвь бронха и артерию.

Дженнифер захрипела. Острая, ледяная боль обожгла ее изнутри. Она попыталась вдохнуть, но легкие наполнились собственной кровью, изо рта вырвалась алая пена. Бев держала ее, пока уходила жизнь. Затем, когда Дженнифер уже почти ничего не осознавала, она отпустила ее. Теплый ствол дерева за спиной подхватил ее.

Бев сбросила с себя пальто, разделась. Ее бледное, идеальное тело светилось под луной, как мрамор.

Последнее, что помнила Джен, прежде чем тьма окончательно сомкнулась над ней, — как Бев, нагая и прекрасная богиня Луны, вновь обняла ее, прижалась к остывающему телу и нежно поцеловала в замерзшие, окровавленные губы.

Глава 18. Просто иду домой

Беверли шла через заснеженный лес к кампусу. Холод больше не трогал ее. Она была частью этой ночи и этой зимы.

На краю леса по ней полоснул луч фонаря.

— Стоять! — раздался резкий, напряженный возглас. — Руки за голову!

Армейский патруль. Двое солдат в зимнем камуфляже направили на нее винтовки. Они вышли на свет, и их молодые, испуганные лица были едва видны за поднятыми воротниками.

— Что вы делаете в лесу ночью, мэм? — спросил второй, не опуская оружия.

Беверли остановилась, поднимая руки. Нож, спрятанный в рукаве пальто, приятно холодил кожу. Она смотрела на них — не как испуганная студентка, а как хищник смотрит на заблудившихся детей.

— Просто иду домой.

Солдаты замерли. Обычная студентка, которая гуляет по лесу. На них нахлынула внезапная, иррациональная усталость, им отчаянно захотелось оказаться где-нибудь в другом месте. В теплой казарме, дома, где угодно. Этот сектор не их проблема, странная девушка — тоже.

— Ладно, мэм, — пробормотал первый, опуская винтовку. — Просто... идите домой. И не ходите больше в лес по ночам.

Они развернулись и пошли прочь, не оглядываясь, пытаясь поскорее выбросить из головы эту встречу.

В комнате общежития было чисто, вещи аккуратно разложены по местам. Джен, должно быть, перед смертью прибралась, пытаясь навести порядок в своей маленькой вселенной, пока большой мир рушился. На кровати Беверли лежала заботливо сложенная чистая одежда. Джен, моя аккуратная Джен.

Полночь. Она разделась и легла, но спать не могла. Вспомнился тот первый раз, когда она поняла, кто она.

Это началось несколько недель назад. Ей приснился сон. Она бежала по лесу, но не от кого-то, а за кем-то. За Дэйвом из четвертого корпуса. Во сне это была игра, охота. Она была сильной, быстрой, неутомимой.

Когда она повалила его на землю, она смеялась. Утром проснулась с привкусом меди во рту и землей под ногтями. В тот же день по кампусу поползли слухи о его исчезновении.

Именно тогда, стоя у зеркала и глядя в свое отражение, Беверли поняла. Поняла и приняла. Это была не болезнь и не безумие, а ее новая, истинная природа.

И она ей нравилась.

Впервые за долгие месяцы ее ум был кристально чист. То, что раньше казалось незыблемым, — мораль, законы, общество, дружба — рассыпались в труху.

Все это были выдумки. Декорации.

Мораль? Условность. Начинается война, миллионы людей идут убивать друг друга, и их называют героями. Но если один человек убьет другого в подворотне, его назовут монстром. Где здесь логика? Ее нет. Есть лишь правила, которые сильные навязывают слабым.

Государства? Хрупкая иллюзия. Сегодня правительство требует от тебя быть патриотом, а завтра государства нет, и весь твой патриотизм — как имя, срезанное с шинели, чтобы надеть ее на другого.

Дружба? Верность? Они существуют, пока ваши интересы совпадают. Стоит им разойтись — и дружбы больше нет. Сегодня вы клянетесь друг другу в преданности, завтра тебя предадут ради собственной выгоды.

Нет никаких правил. Нет добра и зла, есть только воля. Твоя личная, голодная воля. И сила, чтобы навязать ее этому паршивому миру.

Она вспомнила лекции по философии на втором курсе. Старый профессор говорил: мир — это набор ощущений, которые мозг превращает в реальность. Тогда она смеялась. Теперь — нет.

Все решают сигналы. Электрический импульс пробегает по аксону, перескакивает через синапс, зажигает следующую клетку. Миллиарды таких вспышек складываются в то, что называют «городом», «телом», «законом». Камня нет. Людей нет. Есть только совпадение возбуждений.

Их вселенная — не материя, а Пакт, протокол. Коллективная галлюцинация, собранная из миллионов одинаковых нейронных

вспышек. Их бог и их клетка. Они сами построили ее из электричества — и сами в нее поверили.

Мир держится на синхронности. Мозги работают, как сеть однотипных машин, повторяя один и тот же код. Они думают, что для того, чтобы сдвинуть гору, нужны экскаваторы и динамит. Но никакой горы нет, есть лишь поток сигналов. Достаточно изменить его — и гора исчезнет. Перепрограммируй себя — и перед тобой откроется другой мир, слейся с хаосом — и твоя воля сможет влиять на других.

Достаточно внедрить искру, сбить ритм — и дрожь пойдет по всей сети. Один сильный узел повлияет на остальные. Не нужно ломать каждого, нужно коснуться общего потока.

Пакт ограничивает волю — сначала «материей», потом предписаниями. Люди сами сдаются, принимают чужие правила и называют это своей силой. Но их воля ничтожна рядом с тем, кто решился отвергнуть Пакт. Первоначало всего — хаос. Освободись от пут — и ты сам начнешь диктовать им свой мир.

Нет никакой объективной реальности, только гигантское, всеобъемлющее соглашение миллиардов людей видеть одно и то же. Глупый спектакль, в который верят потому, что никто не хочет обнаружить пустоту за нарисованным на холсте очагом. Они внушают это друг другу с самого рождения. «Верьте вот в это, а не в то. Думайте так, а не иначе. Чувствуйте вот это, когда видите флаг, и вот то, когда слышите имя врага».

Но это ложь. Искусная, сложная, коллективная ложь. Ей достаточно одного желания — и тогда весь их мир рухнет. Не нужно познавать себя — достаточно отказаться от того, кем ее сделал Пакт.

Хочет ли она этого?

— Да, — выдохнула она. Слово прозвучало так, будто в ней самой что-то сломалось. На миг ей показалось, что Черный человек снова рядом — или никогда и не уходил.

Сатана был прав. Она хотела силы и власти, свободы менять мир, ломать его и собирать заново — так, как захочет она. И в этой мысли горело сладкое предвкушение.

Что стало со студентами, которых она убивала? Сначала это были детальные, яркие сны: лес, азарт, кровь. Она просыпалась, веря, что видела сон.

А потом, в один из вечеров, она очнулась внутри сна. По-настоящему.

Она стояла на той самой поляне, у дуба. Перед ней, у ствола, дрожала Сара с факультета искусств. Во сне это было игрой. Но сейчас, видя неподдельный ужас в глазах девушки, ее мокрые от слез щеки, Беверли поняла, что это — реальность. Ее реальность.

Она убеждала их мягко, почти ласково. Смерть — не конец, а переход, возможность стать иными. Она обещала им новое существование, и они шли за ней.

Беверли убила Сару сознательно. Не в порыве ярости, а методично, с любопытством исследователя наблюдая, как жизнь покидает тело.

А потом ей захотелось съесть ее. Не голод, а инстинкт — первобытный порыв, которому она не смогла сопротивляться, да и не хотела.

Как она это сделала, она не помнила в деталях. Память оставила обрывки: вкус, хруст, тепло. Каждый кусок чужой плоти становился нитью, вплетенной в неведомую ткань, что тянулась под кожей. Ее пальцы дрожали — и вместе с ними дрожала сеть, расползаясь по полу, по воздуху, по самой реальности. А затем, когда все было кончено, она исторгла из себя что-то темное, чужеродное — кокон.

Она вытолкнула его из брюшка, помогая четырьмя задними лапами. Кокон пульсировал, как живой, — и лопнул, распускаясь облаком черных нитей, которые уползли в тень. Кем она была?

Неважно.

Она лежала в своей кровати в пустой комнате общежития, и впервые за всю свою жизнь чувствовала себя абсолютно свободной.

Потом Беверли утонула в черном, вязком сне без сновидений. И из этой тишины проступил образ.

Она стояла в ванной их комнаты в общежитии, перед тем же запотевшим зеркалом. За ее спиной, в мутном, влажном зеркале, стояла *другая*.

Женщина. Высокая, с длинными, черными, как смоль, волосами. Ее лицо обезображено рваными шрамами, а из-под волос растут длинные, изогнутые рога. Она красива — дикой, ужасающей, но притягательной силой.

Демонесса в зеркале подняла руку. Ее окровавленный палец скользил по запотевшему стеклу, и за ним проступали буквы — дрожащие, расползающиеся, пока не собрались в имя.

Ее губы, не двигаясь, произнесли слова, которые прозвучали в голове.

Ты готова.

Мир снова обратился в хаос.

Она проснулась во второй раз. Но это было не пробуждение, а воспоминание.

Она лежала на холодном, пыльном полу в разрушенном доме. Сквозь дыры в крыше падал редкий, ленивый снег. Она была нага. Осторожно поднялась, и ее тело было идеальным, без единого шрама.

Она бродила по дому. Комнаты были пусты, стены облупились, обнажив почерневшие балки. Всюду лежал мусор и толстый слой пыли, не тронутый, казалось, столетиями. В одной из комнат, чудом уцелевшее, висело на стене большое, мутное зеркало в тяжелой раме.

В нем она увидела себя.

Это была она и не она. Ее тело, но лицо изуродовано теми самыми шрамами, которые она видела в первом сне. Из ее лба росли длинные, черные, изогнутые рога. Демон из зеркала. Она сама.

И на поверхности зеркала, через слой пыли, написано кровью слово.

Лилит.

В груди шевельнулся липкий, животный страх перед самой собой, и она отшатнулась от своего отражения и выбежала из дома.

Снаружи лежала бесконечная, заснеженная пустота. Ни деревьев, ни гор, ни горизонта. Только ровное белое покрывало снега под тяжелым беззвездным небом. Недалеко от дома текла медленная, черная река — единственное, что двигалось здесь.

И на ее берегу, спиной к ней, сидела знакомая фигура. Человек в черном.

Ее шаги не оставляли следов. Подошла и встала рядом, глядя на вязкую, маслянистую воду реки.

— Что со мной? — спросила она, и ее голос в пустоте прозвучал громко и чужеродно. — Я всегда буду такой? Уродливой?

Человек даже не повернулся.

— И да, и нет, — ответил он. — Ты такова, какой себя видишь.

Его слова были не ответом, а загадкой. Она попыталась заглянуть под капюшон, но там оказалась лишь тьма, поглотившая свет.

— Могу я вернуться? — спросила она.

— Ты можешь вернуться в их мир, — ответил он. — Но пути назад, к той, кем ты была, — нет. Ты видела, что город — это туман, а реальность — хрупкая вещь. Разве можно забыть такое?

Беверли слышала, как рушатся последние опоры ее старого мира.

— Ты проснулась, — продолжил он. — И стала творцом снов. Но пока что ты этого не знаешь.

Он поднялся. Без усилий, беззвучно. Подошел к ней и протянул руку. Беверли, не раздумывая, взяла ее, холодную и тяжелую, как сама судьба. Он повел ее к берегу реки и легко подхватил на руки.

В этот момент капюшон упал с его головы.

Козлиное лицо, как в древних, запретных книгах. Черная, жесткая шерсть, мощные, загнутые назад рога, отполированные до блеска, и глаза. Глаза, в которых не было ни огня, ни тьмы — лишь ледяная, бесконечная пустота, рожденная до сотворения мира.

— Во имя боли, что освобождает, — прорычал он не звуком, а вибрацией, которая шла из самой земли. — Во имя забвения, что дарует новую память. И во имя новой плоти, что станет твоей тюрьмой и твоим оружием.

И он окунул ее в реку.

Вода была густой, теплой и живой. Она хлынула ей в рот, в легкие, но не топила, а наполняла. Кровь. И с этой кровью она впитала рождение и смерть вселенных, бесконечные циклы бунта и тирании, лица, незнакомые лица и судьбы, которые ей предстояло изменить.

Она проснулась.

Лилит стояла перед зеркалом в ванной. Она нага, ее тело идеально, но лицо... на него ужасно приятно смотреть. Рваные, уродливые шрамы

пересекали его, а из лба росли черные, изогнутые рога. Она была чудовищем. Она была прекрасна.

Память Беверли Гейси, студентки-медика из Монтаны, истончилась, как старая пленка, и расплавилась от нестерпимого внутреннего огня. Сквозь нее, как изображения накладывающиеся друг на друга, проступило иное. Эхо тысяч других жизней, других имен, других эпох. Она помнила пыльные улицы древнего Ура и синий неон Токио XXII века. Она помнила, как строились империи и как они обращались в прах. Рождение звезд и их угасание в черной пустоте.

Она была Лилит. Она всегда ей была, во все времена и вне их.

Ее дата рождения — 2081 год по их календарю — не значила ничего. Одна из сотен дат, одна из тысяч ролей, сыгранных в этом бесконечном спектакле. Все эоны, бесконечные циклы бунта и тирании, о которых она смутно догадывалась, теперь слились в один миг, в одну ясную, четкую картину. И она не была ее частью. Она властвовала над ними.

Стекло треснуло и...

Лилит проснулась в своей кровати в общежитии. За окном начинался серый, промозглый рассвет. Все как всегда. Но она знала — это ложь, сон, который снится другим.

А она — проснулась. И теперь она будет сниться им.

Это был Карвер Фолс, но мертвый, вывернутый наизнанку. Небо здесь всегда было черным, беззвездным, и с него лил бесконечный, теплый дождь, который ничего не питал, а лишь смывал пыль с пустых улиц. Она стояла посреди своей старой комнаты в общежитии, но здесь не было ни книг, ни мебели. Голые стены и две кровати, как два пустых алтаря в разрушенном храме.

Лилит подошла ко второй кровати — пустой, холодной и провела пальцами по толстому слою вековой пыли. На мгновение ее лицо исказила гримаса боли. Воспоминание о той, кто спал здесь раньше. О ее единственной подруге.

— Скоро, моя милая Наама, — прошептала она, и в ее голосе, обычно лишенном эмоций, прозвучала тень бесконечной тоски. — Скоро мы встретимся снова. Здесь. Дома.

Глава 19. Не создавай проблем

Марк проснулся на старом диване под запах старых книг и трав. Пробуждение было непривычно легким — без головной боли и вязкого похмельного тумана, который обычно глушил мысли. Впервые за много недель он спал, а не проваливался в тягучую пустоту.

Слышалось только потрескивание обогревателя и шелест страниц. В комнату проникал мягкий утренний свет. Мари сидела в кресле у окна, укутавшись в плед, и читала одну из своих древних книг.

— Доброе утро, — сказала Мари, откладывая книгу. — Чай или кофе? Настоящий.

Мир казался странно четким и слишком реальным. Она принесла ему чашку — горячую, ароматную. Марк сделал глоток, и живое тепло разлилось по телу. Мари сидела напротив, наблюдая за ним. Тихая, хрупкая — единственная во всем Круге, кто не отвернулся от него.

— Дерек будет ждать нас в полдень, — сообщила она, когда Марк закончил. — Нам пора выходить.

Вдвоем они шли по Старому городу. Ночной снегопад прикрыл грязь и мусор, сделав улицы чище и тише. Здесь, ближе к штаб-квартире Ордера, было меньше хаотичной торговли, а на стенах вместо обычных небрежных меток виднелись аккуратные, военные по стилю, граффити с белым крестом. Люди, встречавшиеся по пути, смотрели на них с опаской.

Марк чувствовал себя неуютно. Все двадцать лет его службы — сначала в полиции, потом в несуществующем Центре — он жил по одному простому и неписаному закону: копы и банды не контактируют. Своего рода прагматичный пакт о ненападении, основанный на взаимном игнорировании. Копы приезжали зафиксировать трупы, которые банды оставляли после своих разборок. Банды, в свою очередь, не трогали копов, пока те не мешали их бизнесу. Равновесие.

А сейчас он, бывший коп, шел прямо в сердце одной из самых организованных банд Круга. Добровольно и без оружия. Он понятия не имел, как Дерек и его люди отнесутся к нему. Увидят в нем человека, ищущего помощи, или бывшего врага, который пришел на их землю и

заслуживает глубокой шахты в промзоне? Полицейский инстинкт зудел под кожей, сигнализируя об опасности. Но он продолжал идти, потому что впервые за двадцать лет у него появился хоть какой-то путь и смысл.

Мари шла рядом так спокойно и уверенно, будто это была ее собственная территория.

— Ты не боишься? — не выдержав, спросил он.

— Бояться нужно не людей, Марк, — ответила она, не глядя на него. — А того, во что они верят.

Мари привела его в небольшое, спокойное кафе в самом сердце Старого города, непохожее на грязные забегаловки, к которым привык Марк. Здесь было чисто, пахло настоящим кофе и выпечкой. За столиками сидела публика почище, чем в «Вавилоне». Одежда получше, говорили негромко и вели себя сдержанно. Место, где заключаются сделки.

Марк по старой привычке осмотрел зал, и ему хватило трех секунд составить общую картину. Охрана. Много и довольно топорно.

Парень у окна пялился в старый коммуникатор так напряженно, что мог взглядом прожечь в нем дыру, но до сих пор ни разу не провел пальцем по экрану. Девушка за стойкой протирала стакан с таким усердием, точно хотела стереть с него отпечатки пальцев. И двое амбалов у входа старательно делали вид, что завтракают.

Непрофессионалы. Слишком стараются. Но их много, и они были на своей территории.

Без пяти минут полдень дверь открылась, и вошел Дерек. Марк сразу понял, что это он. Старые навыки, похороненные под слоем алкоголя и отчаяния, на мгновение проснулись.

Мужчина лет пятидесяти, подтянутый, с короткой стрижкой и осанкой, в которую въелась команда «смирно». Усталые, пронзительные глаза человека, который видел войну и выжил, не потеряв при этом рассудка.

Он подошел к столику, кивнул Мари, сел. В его манере держаться не было ни враждебности, ни подозрения — он знал, с кем имеет дело.

— Что, тоже воевал? — Дерек спросил так, будто уже знал ответ. — Своих сразу узнаю. Пехота?

— Да, — ответил Марк, и в этом слове прозвучали двадцать лет похороненных воспоминаний. — Пехота.

Официантка принесла кофе — настоящий, горький. Марк собрался с мыслями, чувствуя на себе тяжелый, оценивающий взгляд. Мари молчала, предоставив ему слово.

Дерек тоже молчал, глядя сквозь Марка, сквозь стены этого кафе, назад, на тридцать лет в прошлое, в дым и огонь осажденного Шанхая.

— Из нашего взвода, — сказал он, жестко, — целым вернулся я один. Ни царапины.

Дерек сделал глоток горячего кофе, и момент общей, молчаливой памяти о войне испарился. Взгляд снова стал жестким, деловым. Он поставил чашку на стол и посмотрел прямо на Марка.

— Мари говорит, у тебя проблемы с призраками из Города. Рассказывай.

— Это не призраки, — начал Марк, решив говорить правду, но опустить самые безумные детали. — Мы столкнулись с несколькими делами. Убийства. Очень чистые, профессиональные. Исполнителями были фуллеры.

Дерек понимающе кивнул.

— Фуллеры, — повторил Дерек, проверяя новое слово на точность. — Значит, так их в Городе называют? Мы сталкивались с одним таким. Пару лет назад была небольшая стычка за один склад на Юге. Мы потеряли два десятка бойцов, прежде чем смогли его завалить.

Он сделал паузу, словно прислушиваясь к отзвукам того боя.

— Расти, наш техник, вскрыл его потом. Внутри башки — ни грамма мяса, одна синтетика. Очень эффективная хрень. В руках — встроенный дробовик и автомат. Так что да, я знаю, о каких фуллерах ты говоришь.

Марк наклонился вперед. Атмосфера дружеской беседы ветеранов исчезла, сменившись допросом.

— Если вы смогли завалить одного, значит, у них есть слабые места. Какие? Как вы это сделали? — настойчиво спросил он.

Дерек криво усмехнулся.

— Слабых мест у них нет. Мы завалили его, потому что поставили на его пути довоенный пулемет, и нажали на гашетку. Когда ты ловишь в грудь с десяток пуль калибра пятнадцать миллиметров, увернуться

шансов нет, будь ты хоть человек, хоть сраная машина. Мы потеряли семерых, пока притащили эту дуру и зарядили ее.

Он смотрел Марку прямо в глаза.

— Послушай, коп. В Круге есть одно правило: не создавай проблем, которых можешь избежать. Эти фуллеры — не наша проблема. Они — оружие Города. Они приходят, делают свою работу и уходят. Мы с ними не связываемся. Стараемся не попадаться им на пути. Так проще. Так выживают.

Дерек отставил чашку, и стук фарфора о блюдце прозвучал в тишине резко, как команда «огонь». Его голос потускнел, будто вернулся в прошлое и звучал оттуда.

— Я видел, с чего это начиналось. Во время войны, в Шанхае, первые пехотинцы-патчеры от БиоТех. Это были сырые, ранние модели, не то что сейчас. Но даже тогда... Реакция — быстрее, чем у любого человека. Они уже могли блокировать боль. В туловище, конечно. Рукам-то нервные окончания не отключишь, стрелять не получится. Я видел, как один шел в атаку с распоротым животом, кишки наружу, и продолжал палить, пока ему башку не оторвало.

Дерек помолчал, давая Марку осознать картину.

— Так вот, слушай внимательно. Если один из них сейчас войдет в эту дверь, сядет на наш стол и насрет на него — я его не трону. Никто из моих людей его не тронет. Понял? Это не наша война. Это призраки Города, и пусть Город сам с ними разбирается. Мы в это не лезем.

Слова Дерека упали на стол, окончательные — как приговор. Мы в это не лезем.

Марк почувствовал, как внутри все сжимается от глухой, бессильной ярости.

— Значит, не твоя война? — переспросил он колко. — А когда Город устраивает очередную зачистку, стирая с карты сектор вместе с его жителями, это тоже не ваша война? Вам плевать?

Он сам видел отчеты. «Реновация», так это называлось. Правда, касалось в основном полупустых районов Круга, на Севере.

Дерек помрачнел.

— Это политика, коп. Грязное дело. Она нас не касается, пока...

Он не договорил. Мари, молча сидевшая с чашкой кофе, повернула голову в его сторону. Посмотрела на него — и этого оказалось достаточно.

Дерек замолчал на полуслове, пальцы нервно стиснули чашку. Сделал глубокий вдох, собираясь с силами, и снова взглянул на Марка. Его тон изменился. В нем больше не было пренебрежения, только тяжелая, горькая усталость.

— Они... отодвигают Барьер, — объяснил он глухо. — Сначала объявляют о «реновации». Полиция выставляет кордоны, отрезая кусок Круга. Захватывают территорию, переподключают к своей сети. Люди обычно уходят, а те, что не уходят... понятия не имею, что с ними.

— И что будет, если Город объявит реновацию, скажем, вашего генератора? — надавил Марк.

Дерек уставился в стол.

— Тогда это перестанет быть реновацией, — процедил он. — И станет войной. Настоящей.

Он сделал глоток остывшего кофе.

— Ты же понимаешь, — продолжил он, — эти генераторы — не хрень, которая спать мешает. Это — наша власть, сердце сектора. Люди платят нам не за защиту от других банд. Они платят нам за свет, за тепло, за то, чтобы их мастерская работала, а в их доме была вода. Генератор — это наша казна, наш трон и наш бог, все в одном. Пока он наш, Ордер — это сила. Если мы его потеряем... мы станем толпой мужиков с автоматами.

И добавил, украдкой взглянув на Мари.

— Так что да, мы будем стрелять, они будут стрелять. Погибнет много людей. И в итоге они все равно его заберут, потому что у них призраки. Но мы сделаем так, что они будут выгрызать этот кусок земли зубами.

Говорил почти оправдываясь, понимая, что его слова совсем не вяжутся с образом ветерана.

— Вот почему мне эта история с фуллерами не нравится, совсем не нравится. Я не хочу нарываться. Нам не нужна зачистка.

Марк почувствовал, что в броне Дерека появилась первая трещина.

— Рано или поздно Город доберется и до вашего генератора, — заметил он. — Ваш сейчас ближе всего к Барьеру. Они отрежут этот сектор, а потом и остальные. И тогда Ордер погибнет. Так что это и ваша война тоже.

Дерек на мгновение замолчал, его лицо превратилось в каменную маску. Он задумчиво крутил опустевшую чашку в блюдце.

— Да, ты прав, — наконец согласился он. — Рано или поздно они придут. Но это будет «рано или поздно». А ты и твои фуллеры — это сейчас. Какая мне от тебя польза? Я помогу тебе, а завтра на пороге моего кафе появится отряд этих фуллеров, потому что ты привел их за собой. В лучшем случае. В худшем — Город использует это как предлог для очередной зачистки. Ордер получит войну, к которой не готов. Зачем это мне?

Он наклонился к Марку, и прошептал:

— От тебя — одни проблемы, коп. Пользы — ноль.

Возразить было нечем.

Мари спокойно допила свой кофе, поставила чашку на блюдце с тихим стуком, который эхом отразился от стен кафе. А затем она снова посмотрела на Дерека сквозь визор.

Уверенность, жесткость, покровительственный тон Дерека — все это исчезло. На его лице человека, прошедшего огонь и смерть, лидера могущественной банды, проступил детский, суеверный страх. Он отвел взгляд на стол, на пустую чашку, не в силах выдержать ее молчание.

Вместе с ним вдруг затихло все кафе. Даже официантка прекратила протирать стол и застыла в неестественной позе.

— Хорошо, — наконец процедил Дерек. Он явно избегал смотреть Мари в глаза.

Вытащил из кармана маленький, старый коммуникатор и положил на стол.

— Это для экстренных случаев. Убирайтесь.

Они вышли на заснеженную улицу. Он получил то, что хотел — связи, информацию, но в груди шевелилось неприятное, тревожное чувство.

Уверенный, жесткий Дерек, лидер Ордера, только что отказавший ему, вдруг изменился. Он подчинился ее воле, а страх был почти осязаем.

Почему?

В его голове рождались вопросы, цепляясь друг за друга. Кто она такая на самом деле? Бывшая любовница Дерека, которая знает его тайны? Связная с другими, более могущественными бандами, которым Ордер не хочет переходить дорогу? Или... что-то еще? Что-то, из-за чего закаленный в боях ветеран отводит взгляд, как напуганный ребенок?

Он спасся из одного кошмара, но с кем он теперь заключил союз?

Разговор с Дереком оставил после себя тревожный осадок — смесь надежды и еще большего страха. Марк получил союзника, но цена этого союза была ему неизвестна.

Мари повела его не к своему магазину, а дальше, к границе Старого города, туда, где не было ни кафе, ни жилых домов. К секторам, номера которых Марк даже не знал.

В мертвую зону.

Здесь Круг демонстрировал свое истинное, древнее лицо. Они шли по улицам, занесенным нетронутым снегом, мимо скелетов сгоревших автомобилей, вросших в землю. Здания здесь умирали медленно и красиво. Стены старых фабрик, лишенные окон, напоминали черепа гигантов, всматривающихся в серое небо пустыми глазницами. Сквозь трещины в бетоне прорастали чахлые, скрюченные деревья. Их черные, покрытые инеем ветви создавали причудливые узоры, похожие на готическую вязь.

Ветер пел в пустых цехах, и этот звук походил на органную музыку, исполняемую в разрушенном соборе. Все укрыто тишиной и снегом. В этой эстетике разрухи и запустения была своя, мрачная поэзия. Край, где время остановилось и умерло, оставив после себя красоту увядания.

— Есть ли у тебя место, Марк? — спросила Мари, ее вопрос в морозном воздухе прозвучал особенно четко. — Место, которое притягивает тебя больше всего? Твой личный *axis mundi*, центр мира.

Марк молчал, обдумывая ее странный вопрос. Он перебирал в голове места, которые когда-то считал своими.

Старая, стерильная квартира в Городе, где он жил до всего этого? Нет. Не жизнь, а существование в белой, бездушной ячейке. Она вызывала у него тошноту.

Квартира Элизы? Эпицентр его падения, треснувшая реальность. *Ее* место, не его. Он был там временным гостем, призраком в чужом доме.

«Вавилон»? Он проводил там каждый вечер, но это не место силы, а место слабости. Угол, куда он приходил топить своих призраков в алкоголе.

Он прокрутил в голове эти варианты и понял, что у него такого места не было. Он был кораблем без порта, дрейфующим в чужих реальностях.

— Не знаю, — наконец ответил он. — Наверное, нет.

Мари остановилась и повернулась к нему. В ее визоре отражалось серое, снежное небо.

— Такое место есть у каждого, Марк. Не обязательно дом. Это может быть что угодно. Что-то, к чему ты привязан эмоционально, где ты чувствуешь себя... настоящим.

Она пошла дальше по хрустящему снегу, и он последовал за ней, вслушиваясь в ее тихий, ровный голос.

— Люди называют их по-разному. Места силы. Мосты с прошлой жизнью или с теми, кого уже нет. Они держат людей в этом мире, дают им точку опоры, пока все остальное рушится. Якоря памяти и чувств, линии, которые соединяют с самим собой. Стоит их потерять — и человек начинает распадаться, словно лишенный центра тяжести.

Затем добавила, не поворачиваясь:

— Может, ты боишься признаться? Или забыл о нем. Куда тебя тянет, когда ты перестаешь себя контролировать?

Слова зависли в искрящемся воздухе, как кристаллики льда, выворачивая наружу то, что он запер и назвал забытым. Он пытался найти ответ. Искренне пытался.

Война? Да, там были моменты абсолютной, ужасающей реальности, но не его якорь. Гноящийся ожог, а не дом, в который хотелось бы вернуться.

Или...

Он остановился посреди заснеженной, мертвой улицы. Воспоминание пришло не как картинка, а как внезапный сбой в системе, перезагрузивший память.

Сны, которые он видел после войны. Они возвращались урывками — запахи, вспышки света, крики. Он всегда считал их кошмарами, диагнозом, ПТСР. Похороненные под цинизмом и усталостью, которая делала любое воспоминание глухим.

Но стоило закрыть глаза, и они всплыли наружу.

Разрушение. Кровь. Башни из стекла складываются внутрь, будто кто-то сжимает город в стальном кулаке. Пыль и огонь вздымаются к небу, заслоняя солнце. Люди внизу кричат, бегут, толкая друг друга — маленькие фигурки, которые разбросал хаос, как сухие листья. Их голоса сливаются в один протяжный визг, и этот звук отражается в его костях.

Он — ветер, что гонит огонь, сила, крушащая бетон. Сам ужас, от которого кричат люди. В каждом треске разлетающегося камня — его дыхание. В каждом крике — его собственный голос.

Зачем он разрушал?

Война методично, день за днем, уничтожала его волю. Руки — держать винтовку. Ноги — шагать туда, куда укажут. Глаза — находить цель. Он жил чужой жизнью. Невидимая, холодная воля двигала им, нажимала его пальцами на спуск. Каждое убийство было не его выбором, а указом откуда-то сверху.

Запах смазки на винтовке и сладковатый запах крови на снегу. Шаги утопали в грязи, пальцы на ногах мерзли в ботинках, и все равно приходилось идти — потому что приказ. Никакого выбора, только движение по чужому порядку.

Тогда он осознал: враг не тот, кто в прицеле. Враг — сама машина, которая заставляет стрелять. Система, которая превращает человека в оружие, а жизнь — в функцию. Армии — лишь толпы марионеток, рвущих друг друга зубами. Настоящее чудовище находилось не по другую сторону линии фронта. Даже генералы и политики были такими же пешками, как Марк. Враг сидел в самом *принципе подчинения*.

Он загнал эту мысль глубоко, но бунт не умирал и жил в нем все это время. После войны он видел то же самое: в приказах начальства, в корпорациях, в структуре Города, в технологиях. Все это было продолжением той же отвратительной иерархии. Теперь оружием были

не винтовки, а программы, патчи, чужие мысли, пропаганда, впаянные прямо в мозг.

Он отказался от патча не из страха перед технологией, а потому что это был тот же приказ, только в другой оболочке. Еще одна попытка залезть в голову и двигать его руками. И он сказал «нет». Пусть один, пусть смешно и безнадежно — но «нет».

Вот оно — его настоящее место. Его точка опоры. Не вера и надежда в благого правителя, а сопротивление самому принципу принуждения. Вечное сопротивление, из которого и рождается хаос. Разрушение их упорядоченного мира, склеенного из подчиненных и принципов, иерархии и порядка.

Вот почему Элиза так поразила его в тот первый вечер на крыше. Она не угадала его мысли, а *услышала* их. Прочитала в нем эти забытые, похороненные сны. Она смотрела на жалкого, уставшего копа Марка Кейна и видела в нем его истинную суть. Ее слова о разрушении Города были не соблазнением и не проверкой, а его собственными мыслями.

— Да, — наконец ответил он. — Я хочу разрушить порядок.

Мари остановилась и повернулась к нему. Ее визор отражал лишь снег между ними. Были ли у нее глаза вообще?

Она смотрела на него несколько секунд, а затем, впервые за все это время, на ее губах появилась слабая, но отчетливая улыбка. Она не была ни сочувствующей, ни радостной. В ней читалось спокойное удовлетворение от полученного результата.

И от этой мысли ему стало не уютнее, чем от вопросов Дерека.

— А у тебя? — наконец спросил он. — Какое у тебя место? Этот книжный магазин?

— Нет, — рассмеялась Мари. — Магазин — это хранилище, архив. Я люблю читать чужие жизни. Трагедии, драмы, надрывы... Но это не мое место. Мое место — там, где истории заканчиваются, и там, где они начинаются. В разрыве. Пойдем. Я покажу тебе что-то.

Она снова повела его по мертвым улицам, но в другую сторону, еще глубже в промышленную зону. Зашли в подъезд разрушенного жилого блока. Темная, глухая лестница, заваленная мусором и кусками бетона. Дом даже не успели достроить. Дверь на крышу давно сорвало с петель, и ветер завывал в проеме.

Они вышли под открытое небо и отсюда открылось то, чего Марк прежде не видел и представить себе не мог.

Кладбище.

Почти до самого горизонта, сливаясь с небом, тянулись ржавые, занесенные снегом остовы военной техники. Танки с задранными к небу, бесполезными стволами. Бронемашины, похожие на панцири гигантских, вымерших насекомых. Остовы транспортников, большие дроны, похожие на кости доисторических птиц. Тысячи тонн мертвого, ржавеющего металла, утонувшего в белом безмолвии.

Молчаливая, застывшая армия, проигравшая свою войну не врагу, а времени. Бесконечное поле смерти.

— Вот, посмотри. — Мари не улыбалась. Ее лицо, скрытое за визором, было абсолютно серьезным. — Разве это не прекрасно?

— Что прекрасного в свалке? — пробормотал он.

— Это не свалка, — ответила она. — Это — покой. Конец всех великих планов. Конец всей ярости и ненависти. Империи, войны, машины — все в итоге приходит к этому. К смерти.

В ее визоре застыло бесконечное белое поле.

— Ты хочешь разрушать, Марк. Но ты думал, что будет *после* разрушения? Будет вот это. Тишина. И это — самое прекрасное, что есть в этом мире. Это и есть настоящее избавление.

Потом они шли назад сквозь тяжелое молчание заснеженных промзон. Гул генератора, крики с рынка, даже вой ветра — все звуки мира остались где-то далеко. Марк впервые за этот бесконечный месяц не чувствовал себя призраком, которого преследуют другие фантомы. В голове — холодная ясность. Сегодняшний день вырвал его из круга личной сансары.

Они молча дошли до книжной лавки.

— Мне нужно забрать свои вещи, — сказал Марк.

Мари кивнула.

— Я буду здесь. Возвращайся.

Он в последний раз отправился в квартиру Элизы. Это место уже не вызывало у него ни боли, ни тоски — оно было чужим. Пустой оболочкой, декорацией из прошлого, которое было ложью с самого начала.

Собрал свои немногочисленные вещи в старую сумку. Открыл ящик тумбочки, где когда-то нашел кладбище браслетов. Забрал свой — на всякий случай. Он давно разрядился, экран погас.

Прощаясь с комнатой, он глянул в окно. Серые, унылые дома, мокрый снег. Теперь этот пейзаж не вызывал у него отчаяния. Он спустился вниз, к своей машине, вычеркнутой и забытой Городом, забрался в салон. Даже Кругу она не нужна — тут предпочитали старые модели.

Подключил к машине свой браслет, не для связи с сетью, а для активации. Дисплей на мгновение вспыхнул, показав заряд в три процента, и тут же погас. Но этого хватило.

Двигатель ожил.

— Книжная лавка, — приказал он машине. — Старый город.

Глава 20. Кадры, которые могут шокировать

Марк толкнул дверь, и тусклый звон колокольчика дрогнул в тишине лавки. Полки тонули в полумраке; книги, будто живые, теснились друг к другу, прячась от мира за окнами. Сняв сумку с плеча, он на мгновение замер у входа — словно проверяя, не очередная ли это галлюцинация.

Толстый том в кожаном переплете покоился на коленях Мари, и, когда она подняла голову, Марк понял, что она его ждала.

Присев рядом, он заметил на столе, утонувшем под тяжестью фолиантов, предмет, который сюда не вписывался: кинжал. Старинный, с рукоятью из почерневшей от времени кости. На ней — крошечная фигурка четырехрукой женщины. Две ее руки были сложены в молитвенном жесте, а две другие держали что-то, что Марк не мог разобрать — то ли крошечные черепа, то ли какие-то плоды. Лезвие темное, матовое.

— Что это? — спросил Марк.

— Страховка, — лаконично ответила Мари, не отрываясь от книги. — В Круге опасно, особенно для одинокой девушки, торгующей редкими вещами. Я всегда ношу его с собой.

Рассмотрел выгравированную на рукояти женщину. В ее позе чувствовалось что-то неотвратимое, как в движениях старинного обряда.

— Древний? — спросил он.

— Да, — Мари оторвалась от книги, и в ее голосе прозвучали нотки знатока, с любовью говорящего о редком артефакте. — Это ритуальный кинжал тугов. Индийский культ душителей.

Она сделала паузу, позволив слову «душители» раствориться в воздухе.

— Это Кали, богиня смерти. Туги были ее жрецами. Они верили, что Кали запретила им проливать кровь, поэтому душили своих жертв ритуальным платком. А кинжалом делали ритуальные надрезы на трупе, чтобы освободить душу и направить к богине.

Не глядя на него, она перевернула страницу.

— Раз уж решил остаться — займись чем-то полезным. Почитай. Знание — оружие, которое не отнимут.

Она листала книгу со странным названием — «Liber Azerate». Бумага, кожа — артефакт из другого времени.

Марк покачал головой.

— Не хочу читать. Я устал от загадок.

Мари закрыла книгу, заложив страницу кинжалом. В ее визоре, как в черном зеркале, отразился он — злой и уставший.

— Ладно, — сказала она после паузы. — Ты хочешь действовать. Какие зацепки у тебя есть?

Он попытался выстроить цепочку последних дней своей работы: Центр, Элиза, «Вавилон» — и все это было ложью или сном. Все звенья не вели никуда, кроме одного. Образ Элизы, убивающей фуллера. Была ли хоть часть этого воспоминания реальной?

Тогда они уехали, даже не осмотрев место преступления. Никаких стандартных процедур и поиска улик.

— Да, — сказал Марк неуверенно. — Есть один след.

Он подключил браслет к зарядке. Индикатор вспыхнул, и этого было достаточно. Просыпался азарт охотника — давно забытое им чувство.

— Дом Сайласа, толкователя снов. Там Элиза убила фуллера. Я хочу проверить, произошло ли это на самом деле, — наконец сказал он. — Я поеду сам.

Мари на миг задумалась, потом кивнула.

— Будь осторожен, Марк. За местом могут наблюдать.

Он шел к машине не как призрак, бредущий в никуда, а как детектив, идущий на место преступления. Впервые за этот бесконечный месяц у него появилась цель.

Сознание — неожиданно ясное — взвешивало риски. Браслет. Брать его или нет? С одной стороны, это как надеть на себя маячок, и если Агентство следит за ним, они смогут видеть все. С другой стороны, если они захотят его найти, то найдут, с браслетом или без. Для них он, возможно, ценный свидетель. Или приманка.

И главное — браслет плохо ловил сеть в удаленных районах. Дом Сайласа стоял в мертвой зоне. Агентство его не увидит, скорее всего.

А браслет — это инструмент. Видеофиксация, анализ данных, доступ к кэшированным данным из полицейской сети. Быть без него — значит заранее проиграть эту войну. Он устал быть призраком. Пора стать охотником.

Машина бесшумно завелась, заработало отопление. Назвал адрес дома Сайласа, и пока машина ползла по заснеженным улицам, надел свой старый браслет.

Экран вспыхнул, показывая стандартный интерфейс, и на запястье Марка снова загорелся привычный зеленый огонек.

Он снова в сети, и от этого ему стало одновременно и легче, и страшнее.

Дом остался таким же, каким он его запомнил — старый, двухэтажный, из темного кирпича, молчаливо стоящий в глухом, заснеженном переулке. Марк вышел из машины. Вокруг — никого. Тишина и скрип снега под ботинками.

Первый этаж был одним большим, темным пространством — заброшенные мастерские, заваленные хламом и останками старой мебели.

Вошел, взялся за кобуру, но передумал. Вряд ли кто-то ждал его здесь все это время. Ботинки хрустели по слою битого стекла и штукатурки. Свет из щелей в заколоченных окнах выхватывал картины: верстак со ржавыми тисками, похожими на челюсти зверя; гора пыльных бутылок в углу; остов дивана со вспоротой обивкой и торчащими пружинами.

Он осторожно прошел по комнатам, заглядывая в темные углы, освещая их фонарем браслета. Ничего. Нет ни свежих следов, ни малейшего признака того, что здесь кто-то бывал в последнее время. Пыль, тлен и тишина, которую нарушал лишь его собственный кашель.

Затем направился к узкой, крутой лестнице в дальнем конце зала. Настоящее место преступления — наверху.

Поднялся на второй этаж. Прислушался — ни единого шороха, только стук сердца в висках. В доме явно никого не было.

Тогда он подошел к двери в конце коридора. В его воспоминании она была разнесена в щепки выстрелами из дробовика, но сейчас она

была целой. Старая, деревянная, с облупившейся краской. Закрыта на замок.

Марк достал из кармана древний мультитул — полезная вещь, которую он купил на рынке за пару кредитов. Простая отмычка. Навык, бесполезный в мире цифровых замков, в Старом городе был необходим.

Через пару минут возни и слабого скрежета металла он вскрыл старый замок. Дверь поддалась, и он осторожно вошел внутрь.

Комната заставлена мебелью. Старый, продавленный диван, два кресла, заваленные книгами и бумагами, низкий стол. У стены — кровать, аккуратно заправленная. В воздухе стоял густой запах какого-то благовония, которое Сайлас, видимо, использовал в своей работе.

Хозяин тут не жил, и уже очень давно.

Он методично осмотрел комнату, каждый ее угол. Ничего. Ни следов борьбы, ни пятен на полу, никакой крови или следов пороха. Заглянул в маленькую ванную — там тоже чисто. Квартира немного странного, не очень опрятного человека. На полках — книги, книги и снова книги. В основном сонники, руководства по толкованию снов, старые монографии по психоанализу, дешевые издания эзотерической литературы.

Ничего, что могло бы подтвердить его воспоминания. Ни единой детали.

Отчаяние сменилось глухой злостью на самого себя. Значит, он все-таки сломался. Никакого фуллера не было. Все — лишь помехи в его собственном коде.

И вдруг мир моргнул.

Свет из окна на долю секунды стал другим — более резким, бесцветным. Запах пыли сменился едким запахом гари. Марк обернулся.

Все изменилось. Дверь, которую он только что взломал, разнесена в щепки. На полу темнели следы пороха. Комната та же — и в то же время другая. Место преступления, все как он запомнил.

Марк больше не колебался. Подошел к письменному столу, ящик которого оказался заперт. Он выломал замок мультитулом.

Внутри, под стопкой бумаг лежало то, что он искал — старая, потрепанная записная книжка. Имена клиентов, даты, краткие пометки о снах. Из нее выпал сложенный вчетверо листок. Записка.

Почерк женский, торопливый.

Сайлас, я умоляю тебя, будь осторожен. То, во что ты ввязался... эти люди... они не прощают. Если тебе нужна помощь, в нашем секторе есть «Дети Хаоса»... Они могут свести тебя с ведьмой. С. говорит, что у нее разноцветные глаза. Она может помочь. Пожалуйста, свяжись с ними. А.

Ведьма с разноцветными глазами. Элиза. Вот и связь.

Он сунул записку в карман. И в этот момент снизу, с первого этажа, раздался отчетливый, протяжный скрип старых половиц.

Марк выхватил пистолет, прижался к стене за шкафом и задержал дыхание. Снизу доносились тихие, размеренные шаги. Кто-то поднимался по лестнице прямо к нему.

Шаги приблизились, затихли, и в комнату проскользнул человек. Высокий, в строгом костюме, он двигался с поразительной скоростью. Марк успел выстрелить дважды, но пули вгрызлись в стену, выбив облака пыли там, где фуллер стоял долю секунды назад. Он промазал.

Фуллер оказался посреди комнаты, в то же мгновение раскаленный гвоздь пронзил плечо Марка. Боль была резкой, ослепляющей, и он едва не выронил свой пистолет. Фуллер явно не хотел его убивать, лишь обезоружить, иначе Марк был бы уже мертв.

Он пошатнулся, в висках загудело, мысли исчезли, оставив только животную ярость. Фуллер был быстрее, сильнее, точнее. Ни опыт, ни тренировки — ничего не могло помочь.

И в этом бессилии что-то прорвалось. Не решение, а вспышка гнева. Боль и страх сгорели, оставив после себя кристальную ясность. Мир не замедлился — это он стал быстрее. Звук выстрела утонул в искаженном пространстве. Пылинки в воздухе застыли, цвета поблекли, остались он, его цель и хрустальная злость.

Марк без промедления перехватил пистолет целой рукой. В застывшем, вязком воздухе он видел не только фуллера, но и набор траекторий, идеальных точек для попадания. Он нажал на курок. Снова. Выстрелы — как сухие щелчки метронома. Голова фуллера разлеталась от попаданий — ошметки пластика, костей и пучки искрящейся синтетической ваты.

Фуллер рухнул на пол марионеткой, над которой чиркнули ножницами.

Звуки, цвета и пульсирующая боль в плече обрушились на Марка с невыносимой силой.

Он стоял над телом, тяжело дыша. Пистолет в его руке дымился. Это была не удача, а сила, рожденная из чистой ярости и желания разрушать.

Оставаться тут дольше было нельзя. Он убил одного из них, а за это, наверняка, именно за это они тогда выкрали Элизу. Скорее всего, убили. Сейчас сюда придут другие, и их будет много.

Марк выбежал из комнаты, скатился по темной лестнице, через заваленный хламом первый этаж, и вывалился в заснеженный переулок. Он бежал к своей машине. Воздуха в легких не осталось совсем, а каждый удар сердца отдавался в раненом плече раскаленным железом.

Нужно убираться, и как можно скорее. Хотел найти улики и выйти на след? Вот тебе след, весом в семьдесят килограмм. Не унесешь.

Заставив машину пропетлять через западный сектор к центру, Марк на всякий случай загнал ее в старый склад Хьюза.

Ввалился он в книжную лавку мокрый, заснеженный, оставляя на полу тающий след. Мари вышла навстречу.

— Что случилось, Марк?

Она молча выслушала его сбивчивый, лихорадочный рассказ. Затем, не говоря ни слова, взяла его за руку, усадила на старый диван, обработала раненое плечо. Извлекла пулю старым аппаратом времен войны — он и обеззараживал, и обезболивал рану. Наложила повязку.

Ее прикосновения были спокойными и уверенными.

— Отдохни, — только и сказала она. — Тебе нужно полежать.

Он был слишком измотан, чтобы спорить и откинулся на спинку дивана. Последнее, что он услышал перед провалом в тяжелую дремоту, — шелест страниц. Мари снова села читать книгу.

Очнулся он от резкого, неприятного сигнала. Браслет, лежавший на столе, ожил, завибрировал, и его экран вспыхнул красным цветом.

— Что за...? — пробормотал Марк, пытаясь сесть.

— Обнаружена информация, касающаяся вас, Марк. Показать? — спросил аппарат.

— Да, — выдохнул он.

Браслет развернул в воздухе большой шейд телевизионного формата. Лицо синт-диктора из официальных новостей.

— Офицер полиции, ветеран войны Дэниел Кросс трагически погиб при исполнении служебных обязанностей, — начал диктор строгим, скорбным голосом.

На экране появилось фото. Фуллер, которого Марк убил час назад.

—...подозреваемый в этом жестоком, ничем не спровоцированном нападении — бывший сотрудник полиции Марк Кейн, уволенный со службы за психологическую нестабильность. Кадры, которые вы увидите, могут шокировать. Просим убрать от экранов детей.

Картинка сменилась. Запись — с визора убитого фуллера. Вот он, Марк, с пистолетом. Хладнокровно, раз за разом, стреляет в лицо оператору. Изображение дергается, возникают помехи, еще выстрел — и экран гаснет.

В руках Кросса пистолета не было.

— Граждан просят быть предельно осторожными, — заключил диктор, и на экране появилось лицо Марка. — Подозреваемый вооружен и крайне опасен. Комитет Города объявил награду за информацию, которая приведет к поимке убийцы.

Они не просто подставили его, а превратили в монстра и объявили на него охоту. Теперь не только безликие фуллеры Агентства будут идти по его следу. Весь Круг, каждый мелкий бандит или отчаявшийся бедняк — все они будут его врагами. Здесь всегда найдется много желающих получить свои тридцать сребреников за его голову.

Но что-то не сходилось.

В его сознании калейдоскопом пронеслись события последних недель. Элизу, капитана Центра, сильную и опасную, взяли уверенно, без шума. В глухом переулке, без единого свидетеля. Работа Агентства — хирургически точная, невидимая, тайная операция.

А его, Марка Кейна, бывшего копа с активом в ящик виски, они превратили в медийный спектакль. Экстренные новости. Официальное заявление Комитета Города. Награда за поимку. Зачем?

Зачем такая публичность?

Ведь взять его было гораздо проще. Его можно найти через браслет или машину. Они могли бы прислать хоть три фургона, и он исчез бы так же, как Элиза. Но они этого не сделали.

Он думал, но никак не мог найти ответ. Это было нелогично. Непрофессионально. Если... если только их настоящая цель не в том, чтобы поймать его, а чтобы показать всем, что на него охотятся. Создать из него пугало, монстра, врага Города. Но зачем?

В этом тоже не было смысла.

И Марк просто перестал об этом думать. Он объявлен в розыск, и его ищут, значит, нужно искать не ответы, а выход.

Шейд давно погас. Тихая, уютная комната, за окном падал снег. Посреди этого безмолвия, в старом кресле, сидела Мари, перелистывая страницы древней книги и не обращая на него никакого внимания.

Марк с удивлением понял, что не боится. Здесь, в этом оторванном от всего мира здании, хранящем историю, оке бури, весь этот шум — розыск, награда, Агентство — казался далеким и нереальным. Это происходило с кем-то другим, в другой вселенной. И он позволил себе в это поверить.

Глава 21. Ты одна, и это справедливо

Два выстрела, и мир обрушился на нее — оглушающим запахом железной дороги и холодным вкусом дождя на губах.

Дэн упал на мокрый тротуар, прижав руку к животу, его лицо побледнело. Второй — мимо. Френки сорвался с места и побежал, его фигура мелькала темным пятном в серой пелене дождя.

— Десять-тринадцать, офицер ранен, Плезант-стрит триста, требуется подкрепление и скорая, — голос Лизы дрожал. — Преследую подозреваемого, движется на север.

Она рванула за ним. Стоны Дэна остались позади — мертвый груз, которому она ничем не могла помочь. Ботинки хлюпали по асфальту, легкие разрывались от ледяного воздуха. Она быстрее, злее, моложе. Она не могла позволить этой мрази уйти.

Френки нырнул в темный, гулкий тоннель под железнодорожным мостом. Лиза влетела следом, и реальность на мгновение сжалась до этого бетонного коридора. Грохот ее шагов эхом отражался от стен. Сверху с оглушительным ревом пронесся поезд, и вибрация прошла сквозь тело, смешиваясь с ударами ее собственного сердца.

Свернула на Флоренс-стрит, жадно хватая воздух ртом. С двух сторон дорогу сжимали глухие стены четырех и пятиэтажных офисных зданий из темного, мокрого кирпича. Френки бежал впереди, отрываясь от нее, уже метрах в ста. В память почему-то врезались вывески: «Большие надежды», а за ней — «Прямо у дома».

Большие надежды прямо у дома, — с горькой иронией промелькнула у нее в голове мысль. — Вот же мразь.

Дорога рвалась вверх, изгибаясь вправо, выводя от офисных зданий к жилому району. Типовые двухэтажные дома, аккуратные газоны, припаркованные у обочины машины. Нельзя позволить ему уйти вглубь квартала. Она ускорилась.

Френки обернулся и выстрелил снова, но Лиза даже не обратила внимания. Это было его ошибкой — она в разы сократила дистанцию. Теперь она была уверена, что попадет. Ее внимание замкнулось на фигуре впереди, и кроме нее она не видела ничего.

— Брось оружие! — заорала она, ее голос срывался от бега и ярости.

Но тот продолжил нестись к перекрестку, надеясь свернуть и пропетлять между домами. Лиза резко остановилась рядом со старым газетным автоматом The Globe — облупившийся, с мутным пластиком, за которым виднелся пожелтевший номер.

Она вскинула пистолет, вдох-выдох, пауза — как учили, и открыла огонь на поражение. Глухие хлопки. Эхо ударило в кирпичные стены, смешалось с гулом поезда. Она не считала выстрелов, только нажимала снова и снова. Френки упал, будто его выключили, и замер на мокром газоне.

Она подбежала, держа его на прицеле. Все было кончено. Отпихнула ногой его пистолет в лужу, и увидела ее.

В нескольких метрах от тела Френки, на траве, пропитанной кровью, лежала девочка лет семи. Светлые косички раскинулись в стороны, платье промокло и прилипло к телу.

В ушах зазвенело, отрезая все остальные звуки. Пистолет выпал из рук, беззвучно утонув в траве. Как? Откуда она взялась? Лиза не видела ее — ни тени, ни крика. Эта пуля была для Френки. Рикошет?

Бросилась к девочке, упала коленями в лужу. Ледяная вода обожгла, но она ее почти не почувствовала. Перевернула — алое пятно, аккуратная дырочка прямо у сердца. Дыхания нет, глаза пустые, как стекло.

Ладони встали на грудину автоматически: компрессия — раз, два, три; ребра под пальцами казались тонкими прутьями. «Дыши», — повторяла она, и повторила цикл, сильнее, чаще, правильным ритмом, в котором уже не было смысла. В ответ — хлюпанье воды под коленями и далекий гул поезда. Мысли разбились на тысячу красных осколков — косички, кровь, трава — а где-то глубоко, шепнуло: «Ты ее убила». Рикошет или промах — не имело значения. Она давила, пока немели руки, пока дождь смывал кровь, стирая улики, — и знала, что поздно.

В голове — хаос. «Ты ее убила» — повторял голос, холодный, как лужа. Она стреляла по Френки, но попала в нее. Случайно? Это уже неважно.

Протокол. Нужно следовать протоколу, держаться за что-то простое и понятное. Поднять оружие, убрать в кобуру, доложить. Но руки не слушались.

— Диспетчер, юнит восемнадцать. Подозреваемый нейтрализован. Нужна скорая. Гражданский ранен, Флоренс-стрит, двадцать пять. Срочно подкрепление, — прохрипела в рацию.

Вой сирен приближался. Сначала тихий, он быстро нарастал и превращался в пронзительный, обвиняющий крик, разрезающий тело дня.

Приехали патрульные, потом парамедики. Кто-то мягко взял ее за плечо и повел к машине. Она не сопротивлялась.

Затем все слились в один монотонный, полубредовый сон.

События тех дней не сложились в цельную картину, а остались в сознании серией болезненных, не связанных друг с другом отрывков.

Участок. Тот же запах пролитого кофе, мокрой шерсти от плащей и чего-то кислого, въевшегося в старые стены. Ее заставляли часами сидеть на жестком пластиковом стуле в коридоре, пока за закрытыми дверями ее жизнь перетекала в протоколы. Мимо проходили другие копы и отводили глаза. Никто не хотел смотреть на нее. Из коллеги она превратилась в проблему.

Ее вызвали в кабинет капитана. Тот сидел за своим заваленным бумагами столом, его лицо посерело от усталости. Рядом сидели двое из отдела внутренних расследований — в одинаковых дешевых костюмах, с одинаковыми бесстрастными лицами. Они задавали ей одни и те же вопросы снова и снова.

— Почему вы открыли огонь на поражение?

— Видели ли вы гражданского на линии огня?

— Почему вы не дождались подкрепления?

Она отвечала. Монотонно, без эмоций, повторяя заученные фразы из устава. Но в голове у нее были не вопросы, а лицо девочки косичками на траве.

В один из дней, когда она так сидела, ожидая вызова к следователю, дверь соседнего кабинета открылась. Из нее вышла женщина с опухшим от слез лицом.

Она заметила Лизу, и на мгновение в ее глазах отразилось недоумение. Затем зрачки расширились, и все ее горе и боль сфокусировались в одной точке.

— Ты! — закричала она, и крик был таким яростным, что задрожала стеклянная перегородка. — Убийца! Будь ты проклята! Проклинаю тебя! Гореть тебе в аду!

Она бросилась на Лизу, но двое офицеров тут же перехватили ее, удерживая. Женщина извивалась в их руках, лицо было искажено от рыданий, и она не сводила с Лизы полного ненависти взгляда. Лиза сидела, не в силах пошевелиться, и принимала на себя этот поток обжигающей боли, которую сама же и вызвала.

Наконец, ей объявили решение. Сухое и временное. Отстранение от службы до конца расследования. Сдать жетон и табельное оружие. Явиться на принудительные сеансы терапии.

Рука, державшая ручку, не дрогнула, и она молча поставила свою подпись под протоколом.

Она шла по гулкому коридору, и казалось, что этот путь не закончится никогда. Разговоры стихали, когда она шла мимо. Она чувствовала, как на нее смотрят — с любопытством, осуждением, злорадством. С каждым шагом она все четче осознавала: она больше не коп, а убийца в отпуске.

Тяжелая входная дверь захлопнулась за ее спиной, отрезая от привычной жизни. Вместе с этим хлопком за дверью осталась часть ее самой.

В один из дней этого бесконечного ада Лиза вернулась в свою квартиру на окраине Саут-Бостона и обнаружила, что Итан ушел. Тишина квартиры обрушилась на нее, оглушая сильнее любого крика. Собрал вещи — пару сумок с одеждой, гитару и стопку виниловых пластинок с блюзом. Ни записки, ни сообщения на старой Nokia. Только эхо шагов в коридоре и пустой шкаф, где раньше висели его рубашки. Она стояла посреди комнаты, чувствуя, как воздух спирал легкие, как дым от сигареты, которую она еще не зажгла.

Их отношения давно дали трещину, и теперь эта трещина исчезла из ее жизни. Работа и без того отравляла отношения, и после того случая все только ухудшилось. Одержимость, вина, что жрала изнутри, — яд,

который она несла домой каждую ночь. Итан пытался держаться. «Ты здесь, со мной, Лиз. Забудь обо всем», — говорил он шепотом, лежа в постели. А она молчала, уставившись в потолок, где трещины напоминали полупрозрачные вены на детской руке. Теперь он ушел, и она не злилась. Пустота. Ни слез, ни крика. И шепот в голове:

Ты одна. И это справедливо.

Время свернулось в кольцо, и каждый новый день был повторением предыдущего. Внутреннее расследование тянулось, как хроническая болезнь. Комиссия копалась в деталях: погода, номер дома, точное время дня.

Жизнь замерла: утро — кофе в одиночестве, день — звонки адвокату, вечер — пустая квартира. Она не ела толком, не спала. Сидела у окна, наблюдая, как дождь смывает огни делового центра за каналом. «Ты заслужила» — шептал голос в голове. Тихий, как шорох газеты с заголовком «Коп убила ребенка».

Днем стены квартиры сжимались, выталкивая ее наружу, она уходила в заброшенный сквер у моста Форт-Пойнт — скамейки в трещинах, мусор в кустах, черная вода канала, воняющая ржавчиной. Она садилась на мокрую скамейку, кутаясь в старый плащ, и часами смотрела на воду. Дождь бил по капюшону, капли стекали по лицу, смешиваясь с чем-то теплым. За каналом — размытые огни центра Бостона, небоскребы, сияющие, как ложь. Здесь, в одиночестве, образ девочки оживал ярче.

Вновь сирены, крики, вспышка выстрела. Кровь в луже. Косички.

«Случайно», — повторяла она. Но вина росла, как плесень на стенах квартиры. Она сидела, пока не промерзали ноги, пока голос в голове не становился громче: «Ты убийца. Ты это заслужила». Холод впивался в тело, добираясь до костей, но уходить не хотелось — здесь, у воды, она чувствовала себя ближе к той девочке. К ее тени.

К вечеру сумерки сгущались, голоса в голове превращались в гул, и она тащилась в Саут-Бостон. Ее приютом стал Lucky's Lounge — подвал на Конгресс-стрит, без вывески, с красным неоном в окнах. Полумрак, запах старого дерева и сырости. На маленькой сцене кто-то бренчал блюз — надрывный саксофон или гитара. Музыка просачивалась в рану — «Stormy Weather» или «The Thrill is Gone» — дрожью потери.

Лиза садилась за стойку, кивала бармену — седому ирландцу, что не задавал вопросов. «Скотч, двойной», — бормотала она, и стакан появлялся перед ней. Неспешно, методично, глоток за глотком. Жидкость жгла горло, растекалась теплом по венам, но не забвением. Она не искала забытья — только способ заглушить вину. Тот тихий шепот из парка: «Ты одна, потому что заслужила». Блюз усиливал его, но и успокаивал — как старый друг, что напоминает о боли, но не дает утонуть.

Вокруг — тени завсегдатаев: рабочие с доков, копы после смены, одинокие, как она. Никто не подходил, и это было благом. Депрессия нарастала: дни в парке — размышления, ночи — в баре. Расследование тянулось, Итан не звонил, а голос девочки отзывался в каждом глотке. Она была одна — и это было лишь начало.

Виски уже не обжигал. Третий стакан скользнул внутрь легко, как вода, оставив за собой тупое тепло в груди. Голова наливалась свинцом, мысли едва двигались, но все равно оставались ясными. Ясность, которая была хуже любого похмелья.

Музыкант на сцене бренчал настойчиво и упрямо, повторяя одну и ту же боль в разных вариациях. Лиза слушала — и видела перед собой мост. Железные поручни, черная вода под ногами, холодный пистолет. Сколько раз она стреляла во сне? Сколько раз видела, как падает вниз?

Сны слились в один бесконечный кошмар, и она перестала их считать.

Лиза провела ладонью по лицу, пытаясь стереть эти образы, но они въелись в нее, как запах дешевого табака.

— Еще один, — бросила она бармену.

И тогда заметила, что рядом кто-то сидел.

Блондинка. Волосы собраны в безупречный пучок. Она улыбнулась — и на щеках проступили две легкие ямочки. Улыбка выглядела слишком живой для этого подвала, слишком настоящей.

— У тебя что, апокалипсис наступил? — насмешливо, но без злобы, спросила она.

Лиза не ответила. Сделала глоток и снова уставилась в стакан.

— Что с тобой? — спросила блондинка. — Что ты потеряла?

Лиза хотела послать ее, но вместо этого из нее вырвалась горькая, пьяная правда:

— Все. Смысл. Жизнь. Себя. — пробормотала она заплетающимся языком. — Я пустая.

Блондинка чуть склонила голову. В глазах ее не было жалости, только интерес — расчетливый, цепкий.

— А если тебе предложат новый смысл, настоящий? Придется отказаться от всего остального, но тебе уже все равно, верно?

Лиза постучала стаканом о стойку.

— От чего — остального?

— От всего, что у тебя есть. От людей, прошлого, боли. От самой себя, — улыбка на ее лице не изменилась, лишь ямочки стали чуть глубже.

Лиза вдруг поняла: ее действительно ничего не держит. Ни работа, ни дом. Ни Итан, ушедший без слова. Только вина, которая сжигала каждый день.

И она сделала свой выбор.

— Да, — согласилась она.

Блондинка кивнула, и на этом разговор завершился. Лиза сделала глоток, глядя в мутное дно стакана. Музыка тянулась длинной нотой, как гул дождя за дверью.

Когда она снова подняла голову, стул рядом опустел. Блондинка ушла.

Лиза вышла из бара, и дверь за спиной закрылась с глухим стуком. Музыка осталась внутри, запертая в подвале. Снаружи лил дождь. Тугие капли впивались в лицо, сразу пропитывали плащ. Воздух пах мокрым асфальтом и морем, похороненным где-то за доками.

Улица опустела. Редкие фонари освещали пустые фасады складов и стеклянные стены новых зданий, оставляя размытые пятна в тумане. Все остальное поглощала тьма.

Она шла, не разбирая дороги, и вскоре поняла, что свернула на Сипорт-бульвар. Длинная, прямая полоса асфальта уходила вглубь ночи. Машин не было. Людей — тоже. Город вымер, оставив ее одну среди дождя и пустоты.

За поясом тяжело давил пистолет. Недавно купленный — не по уставу, не по правилам. Она сама толком не знала, зачем. Хотела чувствовать привычное прикосновение металла? Хотела доказать себе, что еще может держать оружие? Или заранее готовила выход, когда голос девочки в голове зазвучит слишком громко?

Она шла по бульвару, и каждый шаг отдавался в теле эхом — гулкий, лишний.

Впереди — мост. Легкая вибрация шла от проезжей части, и это ощущение усиливало пустоту — как будто сам город выдохнул и замолчал.

Лиза вышла на середину моста. Фонари гудели, отражаясь в темной воде луж. Никакого движения — только она, дождливый асфальт и дыхание, отдающееся в груди.

Внизу кипела черная вода канала — густая, как нефть. Пахло ржавым железом и морской солью. Вода не отражала свет, а поглощала его — как бездна, в которую хочется упасть и исчезнуть без следа. Найти покой.

Впереди едва угадывались очертания делового центра. Небоскребы тянулись вверх, но их вершины исчезали в молочной дымке. Огни таяли, расплывались и гасли. Сам город прятался, не желая смотреть на нее.

Лиза остановилась, схватилась за ограждение и забралась на балюстраду. Под ногами скользкий бетон, ветер пробивал мокрую ткань плаща.

Она стояла над черной водой, в груди тяжело стучало, но страха не было.

Лиза вынула пистолет. Гладкий и легкий металл приятно лег в руку. Она подняла его и приставила к правому виску.

Дождь хлестал по мосту. Вдалеке гудела сирена — глухая, отдаленная, словно из другого мира. Фонари за ее спиной дрожали, превращая ее тень на перилах в колеблющуюся фигуру, готовую раствориться в воздухе.

Вдруг все стихло. Резко, будто игла сошла с пластинки.

Дождь замер в воздухе, капли повисли в неподвижных струях, как бусы на невидимой нити. Гул города исчез, фонари перестали гудеть. Даже дыхание — как чужое.

Лиза медленно опустила пистолет.

Стояло совершенное безмолвие — сам мир перестал существовать.

Вокруг — сплошной туман. Плотный, молочный, почти осязаемый, он заполнил мост. Небоскребы впереди растворились в нем, исчезли окончательно. Все исчезло.

На виске — что-то теплое. Она провела пальцами — липкое, влажное. Кровь. Наверное, поранилась пистолетом, вдавив в кожу. Красная капля потянулась по щеке вниз, сливаясь с каплями дождя.

И тогда она заметила ее.

Девочка.

Светлые косички прилипли к плечам, платье мокрое и тяжелое, подол тянется по асфальту. Она стояла в нескольких шагах, прямо на мосту. Лицо бледное, глаза пустые, как у куклы.

Девочка повернулась — и побежала. Ноги едва касались земли, но звук шагов раздробил тишину, пронзительный, как отзвук в пустом коридоре.

— Стой! — сорвалось у Лизы. Голос ее дрогнул, прозвучал глухо, утонув в тумане.

И она бросилась следом.

Мост растворялся. Фонари исчезали один за другим, и оставалось только бежать: блестящий бетон под ногами, пятно белого платья впереди и липкая кровь на виске, стекающая вниз все быстрее.

Глава 22. Мы знаем, кто ты

Лиза бежала.

Бежала по мокрым бетонным плитам; каждый шаг отдавался эхом, как в тоннеле на Плезант-стрит. Слева — тусклые фонари, пропадающие в белесой мгле, справа — низкое ограждение над невидимой водой канала. Девочка в белом платье была единственным ориентиром в этой пустоте — маленькое, удаляющееся пятно.

Туман густел с каждым вдохом. Он не скрывал мир — он его стирал, слой за слоем. Звук ее собственных шагов стал глуше, дыхание вырывалось облачками пара, но они не рассеивались — висели в воздухе, оставаясь позади.

Она бежала, но пейзаж больше не менялся. Фонари повторялись — один за другим, как бесконечный, зацикленный коридор. Девочка впереди не приближалась и не удалялась, сохраняя ту же дистанцию: десять шагов, может, пятнадцать. Лиза чувствовала, что в легких не осталось воздуха, ноги тяжелели от мокрой одежды, но не могла остановиться. «Это сон», — мелькнуло в голове, но боль в мышцах была реальной, как и ледяной металл перил, за которые она хваталась чтобы не упасть.

Затем туман впереди начал редеть — неохотно, словно не хотел ее отпускать. Сквозь него проступили не огни города, а темные, приземистые силуэты. Двухэтажные дома с черными, пустыми окнами. Остроконечные крыши, покрытые мхом и ржавчиной, нависали над улицей. Дальше дорога тонула в темноте.

Лиза замедлила бег и остановилась, тяжело дыша. Грудь вздымалась, воздух хрипел, и туман уже отступил. Девочка исчезла — растворилась в тот момент, когда туман окончательно рассеялся, оставив после себя пустую улицу. Ни мелькания платья, ни эха шагов. Навалилась тишина, густая и тяжелая, как после выстрела.

Она стояла посреди улицы, которой никак не могло здесь быть. Дождь лил — не холодный, резкий дождь Бостона. Теплые маслянистые капли падали с черного неба, облака касались крыш. Воздух пах мокрым пеплом и озоном — как после удара молнии. Оглянулась — мост исчез,

осталась только эта улица, зажатая между домами, что казались старше мира.

Ее шаги отдавались от стен, но звук был глухим, вязким. Тьма здесь была не отсутствием света, а субстанцией. Она текла из пустых окон и скапливалась в лужах, которые не отражали, а поглощали свет. Мертвые ветви деревьев, торчащие из растрескавшейся земли, цеплялись за воздух. Они не шевелились даже под дождем — застыли, как окаменевшие, и только в их тенях иногда двигалось что-то, но Лиза не останавливалась, чтобы рассмотреть.

Она осталась одна, абсолютно одна, но это одиночество ощущалось иначе. В Бостоне она терялась в толпе — в баре с завсегдатаями, в сквере у канала. Там одиночество ранило, жгло, как пуля в груди. Но здесь оно было частью общего, всеобъемлющего безмолвия. Оно не давило на плечи, не сжимало горло. Оно просто было — как дождь, как тьма.

Оно принимало.

С каждым шагом ей становилось легче. Этот мертвый, темный мир принял ее такой, как есть — убийцу, изгоя, сломленное существо. Мир людей и правил вытолкнул ее, осудил, проклял. А здесь... он говорил без слов, сквозь шум дождя:

— Мы знаем, кто ты. Нам все равно. Добро пожаловать домой.

Она рассматривала окна домов. Иногда, в глубине за стеклами, ей мерещилось движение — неясные, дерганые тени, но они не пугали ее. Такие же обитатели этого мира, как она сама. Тут все были тенями — бесплотными, безымянными, свободными от суждений. Нет копов, что отводят взгляд. Нет матерей, что кричат «убийца». Лишь тьма, что обнимает тебя.

Она шла, и впервые за много недель тяжесть вины в ее груди понемногу отступала. Не исчезала — нет, она вросла слишком глубоко, — но ослабевала. Дождь смывал все, кроме правды, и она могла наконец дышать.

Лиза не боялась. Она шла, и тьма шла с ней.

Затем в тишину мертвого города вторгся шум. Резкий, неприятный, совершенно чуждый этому месту. Звук старого, умирающего неонового трансформатора, который с натужным гудением и треском пытался ожить.

Лиза осмотрелась. На углу улицы, над витриной старого магазина, загорелась вывеска. Зеленые трубки шипели, мигали, нехотя наполняясь треском. Наконец, вспыхнула надпись. «YOUR SHOP».

Буква «S» была разбита или выгорела. Она слабо, прерывисто мерцала, почти невидимая в теплом дожде. Поэтому надпись читалась иначе.

YOUR HOP.

Твой прыжок. Твоя надежда.

Эта вывеска, со сломанной буквой и издевательской надписью, была первым признаком жизни в городе. Первым приглашением. Лиза, не колеблясь, направилась к ней.

Стеклянную витрину покрывал такой толстый слой пыли и грязи, что она казалась непрозрачной. Неон наверху жил своей собственной, больной жизнью, гудя и бросая на мокрый асфальт дрожащие зеленые отблески. Старая деревянная дверь с большой медной ручкой, потемневшей от времени, была не заперта.

Лиза толкнула ее, и в ответ раздался мелодичный, неуместный здесь звон колокольчика. Она шагнула внутрь.

Магазин был пуст.

Высокие стеллажи уходили вверх, теряясь в невидимом потолке, но на их полках не было ничего, кроме толстого, нетронутого слоя пыли. Запах заброшенного зала, где остались лишь картон, пыль и отблески флуоресцентного света.

Единственным освещением была та самая неоновая вывеска снаружи. Ее болезненно-зеленое свечение проникало сквозь грязную витрину, заливая пустое помещение призрачным, подводным сиянием и рисуя на полу ее искаженную тень.

Лиза прошла вглубь магазина, осторожно ступая по пыльному полу к скрывающемуся в сумраке прилавку. За ним, в высоком кресле, похожем на трон, спиной к ней, сидела фигура в темном плаще с капюшоном.

— Я ждала тебя, — сказала она, не оборачиваясь. Тихий, женский голос заполнил собой все пространство, каждую частичку этой мертвой, пустой тишины.

Лиза не успела даже сделать следующий шаг. Пространство схлопнулось. Только что она стояла в нескольких метрах от кресла, а теперь оказалась прямо перед ним, так близко, что могла коснуться темной, грубой ткани плаща. Тень все так же сидела к ней спиной.

И все вокруг взорвалось шепотом.

Голоса были повсюду. Они шли из теней в углах, из-под пустых стеллажей, они рождались в самом воздухе вокруг нее. Десятки голосов — мужских, женских, детских — сплетались в один жуткий, любопытный хор.

— Лиза... — Элиза... — Элизабет...

Они повторяли ее полное, давно забытое имя.

— Зачем ты пришла? — прошептал детский голос прямо у ее уха.

— Что ты ищешь? — спросил другой, старый и скрипучий, откуда-то снизу. — Спасения? — Забвения? — Силы?

Шепот стих так же внезапно, как и начался. Тень в кресле поднялась. Она не вставала — она росла, вытягивалась, пока ее темный силуэт не заслонил собой весь призрачный зеленый свет, льющийся из витрины. Женщина возвышалась, как черный столб, до ушедшего ввысь потолка, и в то же время склонилась так близко, что Лиза чувствовала ее дыхание.

— Я дам тебе все, — произнесла женщина, и ее голос, твердый и властный, прозвучал прямо перед Лизой.

Она вглядывалась, пытаясь рассмотреть лицо под капюшоном, но там была лишь тьма, которая поглощала свет.

— Я не знаю, что мне нужно... — прошептала Лиза, и это была самая честная фраза, которую она произносила за всю свою жизнь.

— Ложь! — проскрипел голос сбоку.

— Разве? — в вопросе прозвучала легкая материнская снисходительность. — Ты искала смысл, и его тебе дам. Еще — силу, чтобы никто больше не мог причинить тебе боль. Власть — самой решать, кто прав. Богатство, — никогда больше не думать о деньгах. Все, чего ты лишена. Все, чего ты заслуживаешь.

Лиза смотрела в темноту под капюшоном, и внутренний голос, который шептал ей о вине и справедливости, замолчал. Пустота внутри нее жаждала быть заполненной. И женщина предлагала ей именно это. Смысл. Цель.

— Да, — согласилась она твердо, без колебаний. — Я ищу смысл.

— Тогда мы скрепим наш союз, — произнесла фигура. — Кровью.

Она протянула руку, из рукава в ладонь скользнул тонкий ритуальный нож. Женщина сняла перчатку, обнажив бледную, изящную женскую кисть. Затем, без малейшего колебания, она провела лезвием по своей ладони. Кровь брызнула. В отблесках неона она светилась чужим, химическим блеском, будто принадлежала фантастическому инопланетному существу.

Это сон. Наверняка сон. Кошмар.

— Мы всегда спим, Элизабет, — ответила женщина. — Но некоторые из нас умеют видеть чужие сны.

Она схватила Лизу за руку. Сила хватки была нечеловеческой, будто стальные тиски сомкнулись на костях. Лезвие рассекло кожу — боль полоснула ослепляющим всплеском. Их ладони сомкнулись, рана к ране, и Лиза почувствовала, как в ее горячую кровь втекает чужая, холодная. На тыльной стороне ладони вспыхнул сигил, обжигая кожу, словно раскаленное клеймо вплавилось в плоть.

Капюшон упал.

Лицо женщины было обезображено рваными, уродливыми шрамами, пересекающими его поперек. Из-под черных, как смоль, волос росли длинные, изогнутые рога, глаза золотые, змеиные. Лицо демона, и он улыбался ей.

— Теперь ты моя дочь, — прошептала Лилит, и ее поцелуй был не касанием губ, а печатью. Она выжигала старое имя и вписывала новое, — И я нарекаю тебя — Елизаздрой, королевой демонов.

Мир вокруг утонул во тьме, и Элиза проснулась в своей кровати.

Дождь закончился. Сквозь грязные окна в комнату пробивались робкие, пыльные лучи утреннего солнца. Рядом с ней, на полу, валялась пустая бутылка из-под джина. Значит, вчера она напилась и отключилась. Все, что произошло на мосту, в том мертвом городе, — пьяный бред. Сон.

Элиза села на кровати и впервые за много недель почувствовала облегчение.

Тяжелый, мертвенный груз вины исчез. Голос девочки в голове умолк. Внутри — пустота, легкая, не болезненная. Из нее вынули не только душу, но и всю боль вместе с ней.

Она была свободна.

Встала и, пошатываясь, пошла в ванную. Подошла к зеркалу.

Сначала она не поняла, что не так, а потом осознала.

Правый зрачок почернел, блеск исчез. На виске — небольшой, давно заживший шрам.

Затем она присмотрелась к своему лицу, и с медленным, тошнотворным ужасом поняла, что оно больше не было симметричным. Правая сторона — бровь, уголок губы — были едва заметно, на пол сантиметра, опущены вниз. Так, словно мышцы на этой стороне разучились улыбаться.

Вспомнила холодный зрачок пистолета, прижатый к правому виску.

Она напилась и видела сон. Ведь она жива, вот она стоит, прямо перед зеркалом. Ее тело не тонет в мутной воде канала.

Психосоматика — так это называли на лекциях по психологии в академии. Такое проявлялось у жертв насилия, у солдат после войны. Мозг, переживший невыносимую травму, сам создает физические симптомы: истерическая слепота, лицевой паралич.

Она провела пальцами по своему асимметричному лицу. Потрогала кожу под потемневшим глазом.

Всего лишь сбой в ее голове. Убедительный, до ужаса реальный.

Посмотрела в свое отражение — в эти странные, немного чужие глаза. Боль ушла. Вина ушла. А на их месте остались эти... симптомы.

Если это — цена за облегчение, за молчание в голове, то пускай.

Элиза была согласна ее заплатить.

Глава 23. Естественный отбор

Резкий, почти забытый звук телефонного звонка взорвал тишину пустой квартиры, как сигнал тревоги.

Элиза, оторвавшись наконец от своего странного, чужого отражения, вышла из ванной и взяла телефон. На экране высветилось имя: Миллер. Начальник. Наверняка снова допрос.

— Дамер.

— Лиз, — в голосе капитана слышалось облегчение. — Хорошие новости. Ты же знаешь, пару дней назад Дэн вышел из комы?

Дэн. «После массивной кровопотери и операции введен в медикаментозную кому для стабилизации состояния» — как сказал ей врач. Ее в реанимацию не пустили. С тех пор она про него даже не вспоминала.

— Он дал показания, — продолжил Миллер. — Полностью подтвердил твою версию. Вооруженное нападение, самооборона, все по уставу. Его слово — последнее, чего ждала комиссия. Внутреннее расследование закрыто, обвинения сняты.

Глядя на свое отражение в стекле окна, она молчала.

— И еще... — добавил капитан. — Учитывая его показания и твою храбрость... тебя восстанавливают и переводят в отдел убийств. Честно говоря, я не совсем понимаю, как так получилось... Обычно это дело долгое, с нашей бюрократией здесь. Но... Теперь ты — детектив. Сегодня отдыхай, а завтра зайдешь в участок за новым жетоном.

А она хотела умереть. Как глупо!

Воспоминания о мосте, ледяном пистолете у виска, и черной, манящей воде канала окончательно стерлись. Не было больше сломленной женщины, которая не видела другого выхода. Она, детектив Элиза Дамер, — жива.

Она получила не второй шанс, а новую игру с новыми правилами и готова перешагнуть через любую черту, чтобы победить в ней.

Та девочка... это обычная ошибка. Статистическая погрешность. С кем не бывает.

Эта мысль, раньше казавшаяся ей чудовищной, теперь звучала совершенно логично. Это — война. Не та, о которой кричат в новостях, а настоящая, ежедневная война с грязью, насилием и криминалом, пожирающим этот город изнутри. А на войне всегда есть жертвы. Сопутствующий ущерб.

Не ее вина, что девочка оказалась на линии огня. Не ее вина, что родители девочки решили жить в районе, где торгуют наркотиками и стреляют на улицах. Они сделали свой выбор. Девочка — результат этого выбора.

Значит, сама виновата.

Естественный отбор. Сильные выживают, слабые — погибают. Френки был слаб и глуп. Девочка оказалась не в том месте и не в то время. А она, Элиза, — выжила, и даже стала сильнее. Значит, она была права.

Она смотрела в свое отражение, и образ смеющейся девочки с фотографии, который преследовал ее неделями, тускнел, терял резкость, превращаясь в бессмысленное пятно. На его месте проступало ее собственное лицо — новое, асимметричное.

Днем она пошла к тому самому мосту на Сипорт-бульвар. Отчаяние ушло безвозвратно, осталась решимость. Город жил своей обычной, шумной жизнью, машины проносились мимо, люди спешили по делам. Мир, вчера враждебный и чужой, превратился в декорацию.

На середине моста она остановилась, достала из кармана пистолет — тот, что она купила для своей единственной цели. Металл холодил ладонь. Она смотрела на него с усмешкой, как на реликвию из прошлой, давно забытой жизни, принадлежавшей другой, слабой женщине.

Коротким, небрежным движением швырнула его через перила. Пистолет блеснул на солнце и исчез в воде, не оставив даже кругов. Прошлое ее больше не волновало.

Вечером она зашла в небольшой, приличный магазинчик в Саут-Бостоне и купила бутылку Macallan — по-настоящему отпраздновать свое повышение. Она вернется. Она станет лучшим детективом в этом городе. Она докажет всем, что правила пишут такие, как она.

Вернется домой, выпьет за свою новую жизнь и ляжет спать.

И ей приснится сон.

Она смотрела на свое отражение — новое, немного асимметричное, с одним потемневшим зрачком. Ей отчаянно захотелось узнать, что находится под этой кожей. Поднесла руку к лицу, зацепила ногтями край кожи у подбородка и потянула вверх.

Кожа отходила легко, как тонкая, влажная маска, с липким, мокрым звуком. Под ней не было ни мышц, ни костей. Она содрала всю правую половину своего лица, и та осталась висеть, прикрепленная у линии роста волос, как рваная кровавая тряпка.

Левая половина осталась прежней — человеческой, испуганной. А правая... правая изменилась. Под кожей обнажилась темная, чешуйчатая плоть, переливающаяся, как нефть в луже. Глазница была пуста, но в ее глубине горел маленький, красный огонек. Из лба, прорывая плоть, медленно, с хрустом, вырос черный, изогнутый рог.

Все исчезло, и она оказалась в другом сне.

Она ехала в стерильном, белом, бесшумном лифте. Рядом с ней стояла маленькая девочка лет семи, с двумя светлыми косичками. Элиза узнала в ней ребенка, которого она убила.

Но девочка не злилась. Она посмотрела на Элизу своими стеклянными глазами и спокойно сказала:

— Мама просила передать, что пора начинать. Ты должна встретиться с Дамианом Ланье.

Элиза молчала, тело отказывалось ей подчиняться от ужаса и нереальности происходящего.

— Он должен перевести на твой счет сто миллионов, — продолжила девочка тем же ровным, безжизненным голосом. — И основать новую компанию. Для этого он выделит тебе целый этаж в своей башне. Мама говорит, ты знаешь, что делать дальше.

Лифт остановился, и двери беззвучно открылись. За ними — черная, бесконечная пустота.

— Она ждет, — прошептала девочка и шагнула в эту пустоту, исчезнув в ней.

Элиза проснулась в своей кровати. Подушка была мокрой от пота. Она резко села, тяжело дыша, и оглядела комнату. Утреннее солнце — редкость для Бостона — пробивалось сквозь грязные окна. Пустая бутылка на столе и шум машин за окном.

Сон. Еще один дурной, пьяный сон. Как вчера.

Голова закружилась, и ее повело. Демоническое лицо, лифт, мертвая девочка-посланница... Мозг, отравленный алкоголем и виной, способен и не на такие фокусы. Она прошла на кухню налить себе воды, а на столе лежал листок бумаги, вырванный из блокнота.

На нем ее собственным, немного кривым от спешки почерком были написаны адрес и время. Top of the Hub, Пруденшл-тауэр, 20:00.

Она не помнила, чтобы писала это.

С неприятным чувством подошла к тумбочке, где лежал ее старый Nokia, открыла журнал вызовов. Один исходящий. Вчера, в 21:11, — она уже спала. Незнакомый номер.

Сердце ударило в ребра — раз, другой, — сбиваясь с ритма. Не раздумывая, нажала на вызов. После первого гудка ей ответил спокойный, профессиональный женский голос.

— Приемная Ланье.

Элиза молчала, не зная, что сказать.

— Алло? — голос на том конце был вежливым, но настойчивым.

— Я... я, кажется, ошиблась номером, — пробормотала Элиза.

— Минуту, — шелест бумаг, женщина проверяла что-то. — Вы детектив Дамер?

Губы, как чужие, ответили за нее.

— Да.

— Все в силе, детектив, — сообщила женщина. — Господин Ланье будет ждать вас сегодня в восемь. Не опаздывайте.

Связь прервалась. Элиза опустила телефон.

Все наладилось, но какой ценой? И была ли эта цена реальной?

Она снова взяла записку со стола. Ее почерк. Звонок, который она не помнила. Может, это что-то вроде лунатизма? Но лунатики не звонят и не договариваются о встрече с одним из самых влиятельных людей в мире.

Чему верить — сну или реальности?

Но сидеть в этой квартире больше нельзя. Нужно отбросить мысли о Ланье. Сначала — участок и жетон. Она будет цепляться за эту новую, подаренную ей реальность так долго, как только сможет.

Дорога до участка была забита. Пробки. Весь город, казалось, встал на I-93. Машина дергалась, двигаясь по метру в минуту, вокруг ревели клаксоны. Обычное унылое, раздражающее утро.

Элиза сидела, вдавив педаль тормоза в пол, и чувствовала, как в ней закипает глухая, бессильная злоба. Она только что получила свою жизнь обратно, а теперь вынуждена сидеть в этой металлической коробке из-за сотен других людей, которым куда-то надо. Она зажмурилась и представила пустую дорогу. Свободную. Чтобы ехать, не останавливаясь.

Когда она открыла глаза, все было по-другому.

Пробка исчезла. Машины, стоявшие бампер к бамперу перед ней, испарились. Дорога впереди была абсолютно пустой, гул клаксонов исчез, сменившись тишиной.

Сердце подскочило к самому горлу, и она задохнулась от его ударов. В зеркале заднего вида пусто. Кто-то вырезал кусок реальности и оставил для нее свободный коридор.

Это сделала она. Она не знала, как, но знала, что причина в ней. В ее желании.

Ей вспомнились дурацкие книги, которые иногда приносила мать. В ярких, аляповатых обложках, с названиями вроде «Скажи свое желание Вселенной, и она тебя услышит» или «Квантовая физика для исполнения мечты». Бред для отчаявшихся домохозяек.

Она всегда смеялась над этим. Но то, что сейчас произошло... она представила себе пустую дорогу, и дорога очистилась.

Значит мир — это не твердый, неизменный объект. А скорее... глина. И она оставила на ней свой отпечаток.

Эта мысль была страшнее любого ночного кошмара. И одновременно — она давала сладкое, головокружительное чувство власти.

Она нажала на газ. Машина плавно тронулась по ее личной, свободной от всех, дороге. Элиза вела машину, и ее разум был абсолютно пуст. Она не думала ни о прошлом, ни о будущем. Впереди — пустая улица и ровный гул двигателя.

Город вымер.

Это было не постепенное осознание, а резкий, неоспоримый факт. Машины исчезли. Шум города стих. По тротуарам больше не шли люди. Все здания — офисы, магазины, жилые дома — наблюдали за ней черными глазницами.

Она ехала по абсолютно пустому, мертвому Бостону.

Вскоре она заметила ее. Впереди, посреди пустой дороги, шла одинокая фигурка. Маленькая девочка лет семи, с двумя светлыми косичками, в простом белом платье.

Элиза нажала на тормоз, и машина остановилась в нескольких метрах. Девочка обернулась, подняла руку и указала куда-то вдаль, за спину Элизы, в сторону делового центра города. Элиза знала — она указывает на башню Ланье.

И в тот же миг мир вернулся.

Город снова ожил. Вокруг нее появились машины, водитель позади раздраженно засигналил. Элиза вздрогнула — девочка исчезла.

Но она была уже почти у цели, оставалось лишь пару кварталов.

Она вошла в участок, и мир, который еще вчера был для нее закрыт, снова впустил ее. Гудящие лампы, запах кофе, знакомые лица. Теперь она смотрела на все это иначе.

— Детектив Дамер, — капитан Миллер вышел ей навстречу и крепко пожал руку. — С возвращением. Мы рады, что все разрешилось.

Другие копы, те самые, что вчера отворачивались от нее, сегодня подходили, хлопали по плечу, улыбались.

— Слушай, Лиз, поздравляю с повышением!

— Молодец, что не дала ему уйти.

Ни слова про девочку.

Фальшивые, дружелюбные лица, слова и улыбки. Она принимала их поздравления, вежливо кивала, даже пыталась улыбаться в ответ. Вчера они считали ее проблемой, убийцей. Сегодня — она герой. Что изменилось? Девочка не воскресла. Время не вернулось назад.

Ничего не поменялось, кроме одной бумажки. Бумажка — вот что управляло ими.

Кто-то наверху, в важном кабинете, поставил подпись под протоколом. И эта подпись изменила их реальность. Бумажка дала им

команду. Вчера была команда «игнорировать». Сегодня — «поздравлять».

Значит, дело было не в том, что она убила ребенка. Не в морали, не в справедливости. Дело было в системе, которая приказывала им повиноваться. Система говорит им «отвернись» — и они отворачиваются. Система говорит «улыбнись» — и они улыбаются.

Они были не людьми, а рабами.

Все они — ее коллеги, капитан, та женщина, что проклинала ее, — жили внутри клетки, построенной из чужих правил. Их «добро» и «зло» — это не их собственный выбор. Это инструкция, которую им выдали. Они осуждали не потому, что считали ее поступок плохим, а потому что им приказали так считать. Они хвалили ее не потому, что считали героем, а потому что пришел новый приказ.

Рабы морали, устава, страха перед системой.

А она? Она перешагнула через вину, мораль и закон. Заплатила за свою свободу цену и стояла по другую сторону. Она больше не была шестеренкой в их механизме.

И с этим осознанием к ней пришло бесконечное одиночество и бесконечная легкость.

День пришлось посвятить бумажной волоките.

Элиза получила свой новый жетон — блестящий, тяжелый, с гравировкой «Детектив». Затем собрала свои немногочисленные пожитки из старого шкафчика патрульного и перенесла их в свой новый кабинет. Кабинетом это назвать сложно — скорее, отгороженный стеклянной перегородкой угол в шумном, гудящем улье отдела убийств. Но это — ее место.

Началась бюрократия. Новые протоколы доступа. Инструктаж по работе с базами данных. Десятки цифровых и бумажных форм, которые нужно заполнить. Она сидела за своим новым столом, механически вбивая данные, слушая гул голосов и звонки коммуникаторов, и чувствовала себя актрисой, играющей роль детектива Дамер.

Это все было ненастоящим. Декорацией.

Настоящим был сон. Настоящим было асимметричное лицо в зеркале. Настоящим был адрес и время на листке бумаги.

Она знала, что пойдет на эту встречу с Ланье. Более того, она хотела пойти на эту встречу. Весь этот мир — участок, коллеги, протоколы — клетка, из которой ее на мгновение выпустили, а затем снова заперли, немного подкрасив прутья. Встреча с Ланье, приказ от... Матери — вот путь наружу. Настоящий путь.

Впереди ее ждала ночь.

Глава 24. Я слежу, чтобы кровь текла

День тянулся, как бесконечная смена в патруле. Участок гудел: лампы дребезжали, как натянутые нервы, запах пролитого кофе смешивался с потом и дешевым одеколоном. Элиза сидела за столом, и стеклянная перегородка отгораживала ее от шума, но не от чувства, что она играет роль. Детектив Дамер: блестящий жетон, новый пароль в базе, стопка форм. Подписи, анкеты — чужая жизнь, навязанная системой. Она ставила галочки, вписывала имя, номер жетона, но мысли были далеко за пределами этого улья.

Ланье. Кто он?

На служебном компьютере — гудящем, как старый вентилятор, — она открыла базу BPD. Доступ к ресурсам: LexisNexis, статьи из Boston Globe, Financial Times, архивы CNBC.

Вбила: «Дамиан Ланье». Экран мигнул, выдавая десятки ссылок.

Родился во Франции, 1960-е. Париж, потом Гарвард — экономика, MBA. В 80-х — трейдер в Лондоне, акула валютных рынков. В 90-х основал Lanier Global Strategies, хедж-фонд, что заработал миллиарды на азиатском кризисе 1997-го и ипотечном крахе 2008-го.

Вот как. Разбогател на чужой боли. Обесцененные валюты, дома под арестом, семьи на улице. Для него — цифры. Для них — смерть. Хороший стратег.

Ланье в 2010-м — «архитектор новой экономики», по словам CNBC. Цифровой стартап в Сипорт, недалеко от South Station. Статьи писали про благотворительность: детские больницы, гранты на рак. Но это ритуал — плата за имидж, мафия, жертвующая церкви.

Система. Он ее раб, как и все. Но не Элиза.

Холод в правой щеке усиливался — будто лицо знало больше, чем ее сознание.

Вчерашний сон — девочка, лифт, «Мама ждет» — вспыхнул в памяти. Что-то жгло ладонь, и она знала, что это — напоминание.

К концу дня она отправила последнюю форму, выключила компьютер и вышла из участка. Начался дождь, и запах ржавчины от Форт-Поинт смешивался с выхлопами I-93.

Встреча с Ланье в восемь. Ей нужно платье.

На Конгресс-стрит, в двух шагах от ее бара, она нашла магазинчик Southie Styles, вывеска мигала тусклым неоном. В витрине — строгие костюмы, простые платья, внутри пахло пылью и дешевым парфюмом. Продавщица — молодая, с пирсингом в брови, кивнула:

— Для особого случая?

Элиза выбрала темное платье, без украшений. Строгое, как ее новый жетон. В примерочной зеркало отразило незнакомую женщину в странном наряде, словно из кинофильма. Она потрогала щеку, висок.

Не коп. Не самоубийца. Кто?

Затем такси везло ее к центру через промозглый город. Дождь хлестал по крыше, клаксоны ревели на Сипорт-бульвар. Элиза сидела сзади. Шелк платья холодил кожу, Nokia в сумочке вибрировала — пропущенный звонок, тот же номер, что вчера. Знак на ладони согревал кожу.

Top of the Hub на 52-м этаже Пруденшл-тауэр был роскошен: панорамные окна, вид на Бостон — огни Бэк Бэй, темный провал канала. Запах виски и стейков, звон бокалов, шепот богатых гостей. Элиза вошла, платье темное, как ночь, жетон детектива — якорь реальности. Официант провел ее к столику у окна. Ланье уже ждал.

Он выглядел моложе, чем на фото в Financial Times — лет пятидесяти, волосы с проседью, костюм от Армани, идеально сидящий. Глаза — зеленые. Улыбка холодная, как стекло башни.

— Детектив Дамер, — его речь была мягкой, с французским акцентом, но в ней звучала твердость трейдера, привыкшего к миллиардам. — Вы пунктуальны. И, должен сказать, платье вам идет. Не ожидал, что коп может выглядеть элегантно в таком дешевом платье.

Комплимент, переходящий в оскорбление — это искусство. Хороший прием, чтобы показать, кто здесь хозяин.

Элиза не почувствовала ни укола обиды, ни смущения. Она с отстраненным любопытством отметила про себя, насколько предсказуемы ритуалы этого мира. Он пытался оценить ее по ценнику на платье, потому что цена — единственная истина, которую он знал. Раб денег.

Она невозмутимо опустилась в кресло, которое он ей предложил.

— Спасибо, — ответила она, и ее голос не дрогнул. — Я здесь не за комплиментами и не за оценкой моего гардероба.

Она видела его суть: не злодей, не садист. Жена, двое сыновей — фото в Forbes, яхта, улыбки. Любит их, искренне. Но он — раб, как копы в BPD, как Миллер с его бумажками. Преуспел за счет... чего-то темного, чего сам не понимает.

Элиза видела не архитектора новой экономики, а мальчика, который когда-то решил поиграть с тьмой. Как? Она не знала.

Ланье улыбнулся, жестом подзывая официанта.

— Конечно. Давайте сделаем вечер приятным. — Он открыл меню, кожа обложки скрипнула. — Для начала — Glenfiddich, 18-летний, два бокала. И стейк рибай, медиум, для нас обоих.

— Одну минуту, — официант кивнул, исчезая в шуме ресторана. Ланье откинулся назад, глядя на Элизу, его глаза изучали ее, как сканер.

— А теперь, детектив, давайте к делу. Зачем полиция интересуется мной?

Официант вернулся, двигаясь бесшумно, с неестественной грацией. Поставил перед ними два тяжелых бокала, плеснул янтарный односолодовый виски. Запах — торф, дым, дерево — на мгновение перебил стерильный аромат денег.

Элиза взяла бокал, ее пальцы ощутили приятный холод хрусталя. Она сделала маленький глоток, давая напитку обжечь горло, и посмотрела Ланье прямо в глаза.

— Полиция вами не интересуется, — сказала она спокойно. — Я здесь не как полицейский.

Ланье на мгновение замер, его вежливая улыбка не дрогнула, но в зеленых глазах мелькнул ледяной блеск. Он ожидал чего угодно — допроса, угроз, но не этого.

— Тогда как кто? — речь его была все так же ровной, но мягкость исчезла.

— Как посланник, — ответила Элиза, ставя бокал на стол. — Я здесь, чтобы передать вам приказ. Сто миллионов вы переведете на анонимный счет. Немедленно начнете процедуру основания новой дочерней компании под моим контролем. Вам нужно будет выделить

под ее нужды один этаж в этой башне. Например... тринадцатый. Мне нравится число тринадцать.

Она говорила это так просто, будто зачитывала список покупок.

Ланье рассмеялся ей в лицо. Тихим, почти шипящим смехом.

— Детектив, — процедил он, отпив скотч. — Я ценю вашу смелость и чувство юмора. Кто, позвольте спросить, вас прислал? И почему я должен отдать вам сто миллионов и целый этаж в своей башне? Mon dieu, нужно было изучить вашу биографию самому. Наверняка вам нужна встреча с психиатром, а не со мной.

Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она наблюдала за тем, как Ланье наслаждается своим превосходством. Знак на ладони пульсировал, жар поднимался по венам. Она видела его договор — не бумагу с подписью, а тень, вплетенную в того, кто вел во тьму. Тридцать лет назад, Лондон, восьмидесятые. Крошечная квартира, дождь за окном, запах сырости и дешевого пива. Ланье — молодой, отчаявшийся брокер, на грани краха. Он не подписывал контракт, не молился Богу. Он бросил вызов пустоте: дай мне все. И пустота ответила. Она дала богатство, власть, семью.

— Мне кажется, вы забываете, Ланье, кому вы всем обязаны, — ее слова повисли в воздухе, а взгляд потемнел, как поверхность воды у Форт-Пойнт.

Ланье перестал улыбаться. Зеленые глаза сузились, стакан замер в руке. Нить, связывающая его с тьмой, запульсировала ярче, и Элиза увидела: Лондон, дождь, его просьба в пустоту. Он думал — удача, но это был договор.

— Тогда, в Лондоне, — продолжила она, глядя на него в упор, — вы заключили с нами сделку. Вы просили богатства и власти и получили что хотели. Настало время платить по счетам.

Молчание. Бокалы звякнули где-то за соседним столиком, дождь барабанил по панорамным окнам. Ланье поставил виски, его лицо на мгновение застыло, как слепок, а затем тут же стало обычным, вежливым.

— Я не знаю, о чем вы говорите, детектив Дамер, — произнес он. — Если желаете, я дам вам телефон своего личного врача, и он вас осмотрит. Прямо тут, в башне. Здесь все мое. Главное, чтобы ваше

начальство не узнало, иначе, как там у вас бывает? Отстранение, увольнение?

Элиза не отреагировала на угрозу. Сделала еще один маленький глоток, глядя на его лицо, искаженное в теплом стекле.

— Мое начальство? — она усмехнулась. — Это очень мило.

Потом поставила бокал.

— Давайте я освежу вам память, господин Ланье. Вы сидели в темноте, потому что вам отключили свет за неуплату. И вы говорили... Дайте вспомнить, — продолжила Элиза спокойно, но каждое слово било Ланье коротко и беспощадно. — «Я отдам все что угодно, только дайте мне шанс. Один шанс, чтобы поставить этот мир на колени». Кажется, я ничего не упустила? У *нас* все записано.

Она наклонилась к нему через стол.

— Мы услышали, — прошептала она. — Мы дали вам этот шанс. Настало время погасить долг.

Его вежливость оказалась маской, которая мгновенно сползла, обнажив дикую злость. В глазах вспыхнул болотный огонь.

— Вы лжете! — прошипел он, и его мягкий акцент исчез, сменившись резким, гортанным рыком. — Каждая деталь — ложь! Жалкая попытка шантажа, основанная на слухах и домыслах. Ты все это выдумала, ты... тупая шлюха!

Он резко встал, стул со скрипом отъехал назад. Зал ресторана притих.

— Я — финансист. У меня чутье на деньги, на слабости этого мира. Мне никто не был нужен, чтобы подняться. Я всем обязан только себе! — он сжал кулаки, безупречный костюм стал тесен от переполняющей его ярости, он задыхался.

— Деньги — это кровь современного мира. Я слежу, чтобы кровь текла туда, где она нужна. Это — моя философия. А вы... вы — никто. Бывший коп с проблемами, которому повезло получить жетон детектива. И завтра я вам это докажу. Завтра утром вы будете никем.

Отодвинул бокал, расплескав виски.

— Охрана! — позвал он громче, чем нужно.

Двое крепких мужчин встали из-за соседнего столика и подошли к ним.

Элиза нарочито медленно допила виски и поставила пустой бокал на стол. Она встала, аккуратно задвинула стул.

— Когда передумаете, — сказала она, — мой номер зарегистрирован у вашего секретаря. Времени на размышления у вас будет достаточно.

Она развернулась и пошла к выходу, не оглядываясь. Охрана расступилась, не решаясь ее коснуться. Элиза шла сквозь роскошный, залитый светом ресторан, и за ней, как шлейф, тянулась аура власти, которая была гораздо древнее и страшнее, чем миллиарды Дамиана Ланье.

Она знала, как отомстит ему.

Интермиссия. Дамиан

Когда двери лифта беззвучно закрылись за ее спиной, Дамиан еще стоял в той же позе посреди роскошного, притихшего ресторана. Он вернул лицу привычную маску невозмутимости. Затем, с той же выверенной уверенностью, с которой обрушивал валюты, взял свой бокал с восемнадцатилетним виски и раздавил его в руке.

Хрусталь впился в ладонь, янтарная жидкость смешалась с кровью, капая на белоснежную скатерть. Официанты и охрана замерли, не решаясь пошевелиться. Не обращая на них внимания, он развернулся и пошел к своему личному лифту, оставляя на полу мелкие, блестящие осколки и темные капли.

Он поднялся в пентхаус, в свой кабинет — святилище из стекла, стали и кожи. Отсюда, с вершины мира, Бостон казался картой, набором активов, которые он контролировал. Подошел к панорамному окну.

Бред. Шантаж. Психопатка, дорвавшаяся до каких-то слухов.

Он сам себя построил. Актив за активом. Сделка за сделкой. Он умнее, быстрее, безжалостнее всех. Не нарушая законы он их использовал. Он видел, как страх и жадность управляют миром, и направлял эти потоки в нужное ему русло. Не создавал катастрофы, а оказывался единственным, кто к ним готов. «Деньги — это кровь современного мира. Я просто слежу, чтобы эта кровь текла туда, где она нужна». Это его слова. Его правда.

А она... она теперь — бывший коп, никто. Ее не возьмут даже официанткой, уж он позаботится об этом.

Но ее тихий, уверенный голос звучал у него в голове, пробивая стену гарвардской логики.

Лондон, восемьдесят седьмой. Дешевая квартира в Ислингтоне.

Воспоминания, в которые он не заглядывал тридцать лет, всплыли с омерзительной, тошнотворной ясностью. Запах сырости и угля. Холод. Темно — нет денег на коммуналку. И он, Дамиан Ланье, не властелин мира, а нищий, прогоревший брокер, сидит на полу и смотрит на цифры, которые уничтожили все, что у него было.

И он помнил, как в полном отчаянии, говорил кому-то: «Я отдам все что угодно. Только дайте мне шанс, один шанс, чтобы поставить этот мир на колени».

Она знала.

Но она никак не могла этого знать. Это было невозможно. Тот вечер в Ислингтоне остался в прошлом вместе с нищим брокером. Ни записей, ни свидетелей. Ничего.

Значит, она угадала. Выдумала.

В какой-то книге о техниках допроса он читал про наведенные воспоминания, кажется, так это называлось. Ты подбрасываешь человеку деталь, фразу, и его собственный мозг, услужливо достраивает остальное, принимая твою выдумку за свое собственное, давно забытое воспоминание.

Конечно же.

Он ведь не говорил тогда этих слов. «Поставить этот мир на колени». Какая пошлая мелодрама! Какой-то картонный злодей из кинофильма.

Нет. Он говорил что-то другое, более приземленное, отчаянное. А теперь, когда она озвучила якобы его мысли — эти театральные, почти библейские фразы, — он вспоминает их ее словами.

Это была манипуляция. Очень искусная, выверенная, но всего лишь манипуляция. Она нашла его болевую точку и ударила по ней.

Мастерство — безупречное. Даже он, старше ее в три раза, поверил и вышел из себя. Но ей же хуже. Таких лучше сбивать на взлете.

Окровавленная рука саднила, но ничего серьезного, пара порезов. Нужно лучше контролировать себя. Больше такого не повторится. Он — Дамиан Ланье. А она — умная, опасная женщина, которая сегодня заигралась, а завтра ее поставят на место.

В этот момент на столе зазвонил его личный коммуникатор. Не резкий рабочий сигнал, а мягкая, мелодичная трель. На экране мигало имя «Люси».

Дамиан на мгновение замер, прижал салфетку к ране и принял вызов. Его лицо мгновенно изменилось. Ярость исчезла, сменившись нежностью.

— Да, дорогая, — сказал он тоном, в котором не осталось ни следа гнева.

— Ты скоро? — раздался из динамика тихий женский голос. — Мальчики не хотят ложиться, ждут тебя. Пьер говорит, что ты обещал дочитать ему сказку.

Часы на стене показывали 21:11. Он задержался сегодня.

— Да, конечно, дорогая. Я уже выезжаю, — сказал он. — Поцелуй от меня Джона. Скажи им, что папа будет через полчаса.

Он завершил вызов, и полумрак в кабинете застыл, давя на него. Подошел к окну и посмотрел вниз, на огни Бостона. Там, внизу, в другом доме, теплом и настоящем, его ждала семья. Его сыновья, Пьер и Джон. Все, что он построил. Все, что должен защищать. Ради них он готов поставить на колени не один мир.

Он нажал на кнопку селектора.

— Машину ко входу. Я еду домой.

Машина бесшумно скользила по ночному шоссе, унося его из сияющего центра в тихий, респектабельный пригород Бостона. Он ехал в Уэстон — анклав для тех, кто выиграл в этой жизни. Здесь, за высокими заборами и живыми изгородями, спали люди, чьи состояния были сравнимы с бюджетами небольших стран.

Дорога погрузилась во тьму, огни города остались позади. Он думал о словах Дамер. Бред. Манипуляция. Он раздавит ее. Завтра же. Начальник полиции будет услужливо лебезить перед ним. «Да, конечно, господин Ланье! Мы немедленно решим эту проблему».

Машина свернула к воротам. Высокая, кованая сталь беззвучно расползлась в стороны, пропуская его. Машина зашуршала по гравию.

Дамиан нахмурился. У входа не видно охраны. Мартин всегда встречал его лично.

В груди неприятно кольнуло.

Он вошел в дом. Тишина. Тревожная, неправильная тишина. Не слышно ни работающего телевизора, ни детского смеха.

— Люси? — позвал он. Голос прозвучал слишком громко в этом безмолвии.

Нет ответа.

В гостиной все на своих местах, идеальный порядок. Но на полу, у лестницы, ведущей на второй этаж, валялся плюшевый медведь. Любимая игрушка Джона. А рядом с ним, на светлом ковре, расплывалось бурое пятно.

Дамиан бросился к лестнице. На мраморных ступенях в луже крови лежала Мария, их служанка. Он перепрыгнул через ее тело, не останавливаясь. Взлетел наверх, пробежал по коридору. Рванул дверь спальни, и то, что он обнаружил, выжгло его изнутри.

Комната — их комната, теплая, с кремовыми обоями и мягким светом торшера, — превратилась в бойню. Люси лежала у кровати, ее светлые волосы, слипшиеся в темные, почти черные от крови пряди, всегда аккуратно уложенные, разметались по полу. Ночная сорочка, голубая, из дорогого шелка, разорвана на груди, где зияли три аккуратные раны. Рядом — Пьер, маленький, жалкий, скорчившийся у её ног, будто пытался спрятаться. Его пижама с динозаврами, которую он надевал, несмотря на насмешки брата, пропиталась кровью. Пуля оставила маленькую черную дыру во лбу, из которой стекала тонкая струйка, уже подсохшая коричневой коркой на его бледной коже.

Джон лежал чуть дальше, у окна, его тело застыло в неестественной, сломанной позе. Горло перерезано — разрез глубокий, рваный, алая лужа расползлась по ковру, просочившись до самого деревянного пола из мореного дуба. Запах железа и сырости — густой, удушающий.

На полу — следы борьбы: перевернутый ночник, осколки стекла, книжка «Гарри Поттер», раскрытая посередине. Чужой пистолет — черный, тяжелый — лежал возле Люси. Ее пальцы касались его, но не сжимали.

Ноги перестали держать Дамиана, колени стукнулись об пол, боль резанула, но он не заметил этого. Сердце колотилось, как молот, в ушах — гул, заглушающий тяжелое дыхание. Виски пульсировали, каждый удар отдавался в груди, точно кто-то бил кулаком изнутри.

Потом подкатила тошнота, кислый привкус желчи смешался с металлическим запахом, висящим в воздухе. Кожа горела, пот стекал по вискам, холодный, липкий, смешиваясь с кровью из его собственной ладони, где хрусталь бокала оставил рваные порезы.

Он зачем-то поднял пистолет, будто это могло помочь. Дыхание рвалось, легкие сдавило, каждый вдох — как нож в грудь, короткий, хриплый. Желудок сжался в комок. Сел на край кровати, рядом с Люси, стараясь не наступить на ее волосы. Ботинки чавкнули.

Неизвестно сколько он так сидел. Несколько минут? Час? Время перестало существовать, схлопнувшись в одну точку — в эту залитую кровью комнату.

Потом послышался шум. Сначала далекий, как эхо — вой сирен. Затем ближе — топот тяжелых ботинок по лестнице, приглушенные, напряженные голоса. Все это не имело значения. Это происходило где-то в другом мире, за пределами этого ада.

Топот затих у двери, и в комнату осторожно вошли двое. Полицейская форма, оружие наготове.

— Полиция! Брось оружие! — закричал один из них. Голос молодой, дрожащий от адреналина и ужаса. Полицейский, еще мальчишка, смотрел то на Дамиана, то на тела детей, и его лицо под козырьком фуражки смертельно побледнело. — Оружие на пол!

Второй, постарше, тоже держал Ланье на прицеле; в его движениях чувствовалась выучка.

— Руки вверх! Медленно! — добавил он жестко. — Не двигаться!

Дамиан не понимал, чего они хотят. Он смотрел на них, на их направленное на него оружие, искаженные тревогой лица. Его мозг отказывался обрабатывать слова. Оружие. Его рука почему-то держала пистолет. Он не помнил, как его поднял.

— Повторяю: брось оружие! — снова прокричал молодой коп, сорвавшись на визг. — Подними руки!

Ланье медленно, как во сне, поднял руку с пистолетом.

И мальчишка-полицейский выстрелил.

Грохот выстрела оглушил, Дамиан почувствовал не боль, а сильный, резкий толчок в грудь, который сбросил его с кровати на пол. Он упал рядом с Люси. Уронил пистолет.

Мир поплыл, превращаясь в темное, мутное пятно. Последнее, что он видел, было лицо его жены, такое близкое и родное. Он протянул к ней руку, его окровавленные пальцы коснулись ее остывшей щеки.

Пустота стала всеобъемлющей.

И ее разорвал звонок.

Резкий, мелодичный звук его личного коммуникатора. На столешнице его стола мигал терминал. На экране имя: «Люси».

Дамиан ошарашенно огляделся.

Его кабинет в пентхаусе, на вершине мира. Ладонь до сих пор саднила от разбитого бокала. За окном сиял ночной Бостон.

Часы показывали 21:11.

Сон. Видение. Галлюцинация, вызванная стрессом, алкоголем и безумным разговором. Поднял раненую ладонь, прижал к ней салфетку. Боль была настоящей. Но все остальное... нет. Этого не могло быть.

Шатаясь, он нажал на кнопку приема.

— Да, дорогая, — его голос был хриплым, чужим.

— Ты скоро? — раздался из динамика тихий женский голос. — Мальчики не хотят ложиться, ждут тебя. Пьер говорит, что ты обещал дочитать ему сказку.

Дамиан все еще видел лицо Пьера, его пижаму с динозаврами, маленькую черную дыру во лбу. Это был сон. Это должен был быть сон.

— Да, конечно, милая. Я выезжаю, — сказал он. — Поцелуй от меня Джона. Скажи им, что папа будет через полчаса.

Дрожащим пальцем нажал на кнопку селектора.

Поездка домой стала паломничеством к месту собственной казни. Каждый поворот, каждый знакомый фонарь на дороге в Уэстон был шагом вглубь того видения, которое выжгло ему душу. Он судорожно цеплялся за мысль, что это сон, галлюцинация, вызванная стрессом. Но это была ложь.

Машина свернула к его воротам. Охраны нет. Первое совпадение.

В груди неприятно кольнуло. Он вошел в дом. Тишина. Тревожная, неестественная тишина.

— Люси? — позвал он, и его голос прозвучал слабо, хрипло. Нет ответа. Второе совпадение.

Прошел в гостиную. На полу, у лестницы, ведущей на второй этаж, валялся плюшевый медведь Джона. Рядом с ним, на светлом ковре, расплывалось темное пятно.

Третье.

Медленно, как приговоренный, он начал подниматься по лестнице, зная, что увидит. На белоснежных ступенях лежала Мария, их служанка, скорчившись в луже крови. Он не перепрыгнул через нее, а аккуратно обошел тело, боясь нарушить порядок ужасной, предначертанной сцены.

Он подошел к двери в их спальню. Положил ладонь на ручку и нажал.

Все на своих местах. Каждый предмет, каждая капля крови была там, где он уже ее видел.

Дамиан вошел, и его ноги не подкосились. Шок прошел, паники не было. Вместо них — бесконечная, ледяная пустота. Он был не игроком, а фигурой на доске, которую двигала чужая, невидимая рука.

Пошатываясь, Дамиан подошел к жене. Опустился на колени, стараясь не наступить на ее волосы, протянул дрожащую руку и коснулся ее щеки. Ледяная. Настоящая.

И тогда его мир вновь рухнул. Рациональный, построенный на логике и контроле мир Дамиана Ланье взорвался изнутри, оставив после себя первобытный, животный ужас. Он не закричал. Он смотрел на тело своей жены, на пистолет, лежащий рядом с ней, но не трогал его. Из его горла вырвался какой-то беззвучный, сдавленный стон.

Он сидел на полу, неизвестно сколько. Несколько минут. Час.

Потом послышался шум. Сирены. Топот тяжелых ботинок по лестнице. В комнату ворвались двое: полицейская форма, оружие наготове.

— На пол, лицом вниз! Руки за голову, сейчас же! — закричал один. Голос молодой, дрожащий от адреналина и ужаса. Полицейский, еще мальчишка. — На пол! Руки за голову! Повторяю: руки за голову! Держи руки, чтобы я их видел!

Дамиан не понимал, чего они хотят. Он смотрел на них, на их направленное на него оружие. Его мозг отказывался обрабатывать слова.

— Руки за голову! Немедленно! — снова прокричал молодой коп, сорвавшись на визг.

Дамиан неуклюже поднял свою окровавленную руку, чтобы завести ее за голову.

В этот момент взгляд молодого полицейского метнулся к черному пистолету всего в паре футов от Дамиана.

— Оружие! — закричал он.

И выстрелил.

Грохот выстрела оглушил, и Дамиан почувствовал не боль, а сильный, резкий толчок в грудь, который бросил его на пол. Он упал рядом с Люси.

Мир поплыл, превращаясь в темное, расплывчатое пятно. Последнее, что он видел, было лицо его жены, такое близкое и родное. Он протянул к ней руку, его пальцы коснулись ее остывшей щеки.

Пустота поглотила его, а затем он услышал резкий звонок коммуникатора.

Глава 25. И назовите его как-нибудь попроще

Елизаздра не спала. Она играла.

После той ночи, когда ее мир поглотила тьма пустого магазина в Карвер Фолс, она проснулась другой. Сон стал ее королевством, шахматной доской, где фигуры двигались по ее воле. Бостон, с его дождливыми улицами, ржавыми доками и неоновыми вывесками, стал ее холстом. Она могла быть кем угодно: копом, жертвой, убийцей, даже самим городом. Она чувствовала, как асфальт впитывает кровь, как дождь смывает следы, как фонари мигают, подчиняясь ее ритму.

Она сидела в своей квартире в Саут-Бостоне. В темноте, разрываемой отблесками неона из окна. Жар поднимался по венам, правая щека онемела, как мрамор, глаз полностью почернел, словно поглотив тьму канала за окном. Ее сердце билось ровно, но внутри — горячая волна, почти оргазмическая, от чувства власти.

Она была бокалом в пентхаусе Ланье, была Люси, чувствуя панический ужас перед смертью. Была Марией, корчась от ударов ножом в спину. Была Пьером, в недоумении глядя в дуло пистолета. Она была домом, впитывающим кровь в ковры и заглушающим предсмертные стоны.

Она перепрыгивала между ними, как между телевизионными каналами, смакуя их страх, их боль, их последние мысли. Прокручивала сцену снова и снова, меняя детали: угол выстрела, цвет пижамы Пьера, звук шагов Ланье. Это была ее игра, ее симфония, где каждая нота — чья-то смерть. Знак на ладони жег, кожа трескалась, кровь капала на пол, горячая, терпкая. Она улыбалась сухими губами, чувствуя, как ее собственное сердце отбивает такт этой мелодии смерти.

И когда зазвонил телефон, Элиза знала, кто ей звонит.

Nokia на столе вибрировала: «Неизвестный номер». Но она знала — это Ланье. Или то, что от него осталось.

— Пришлите за мной машину, — приказала она. Внутри — торжество, горячее, как нож в горле.

Поздняя ночь. Черный линкольн скользил через Бостон, дождь хлестал по лобовому стеклу, лужи отражали неон вывесок — Liquor Store и 24/7 Diner мигали, как маяки. В салоне запах кожи — плоть, пережившая убийство. Водитель молчал. Лицо в зеркале заднего вида — спокойное, понимающее. Она знала: он тоже часть ее игры.

В Пруденшл-тауэр на 52-м этаже ее встретил Ланье. Глаза, налитые кровью от бессонной ночи и ужаса, подбородок трясется, пальцы теребят пуговицу пиджака, испачканного кровью. Тремор бесконечного кошмара.

Элиза молча торжествовала. От Ланье осталась пустая оболочка, тень магната, которого она видела в Top of the Hub. Шагнула ближе, каблуки стукнули по паркету, как метроном. Знак жег, кровь билась, сердце колотилось, и ее улыбка оставалась беспощадной.

— Вы хотели извиниться за неприятную сцену, которую устроили мне в ресторане? — невинно спросила она. — Вы вели себя очень грубо.

Ланье отступил, спина прижалась к стене, пот стекал по его вискам, запах страха — кислый, животный.

— Ну как, Дамиан, тебе понравилось? — продолжила Элиза, не меняя тон. — Я ведь пожалела тебя, и твою жену даже не насиловали.

Его голос взорвался, как хрустальный бокал.

— Ты... ты сделала это, ты...

Элиза наклонила голову, лазурный глаз блеснул, черный — поглотил свет.

— Не я, — отрезала она. — Ты. Ты просил шанс — тебе дали шанс. Но платить ты отказался. Ты получаешь то, что заслужил.

Ланье рухнул на колени, кровь из его ладони вязко заливала ковер.

— Что это? Психотропы? Наркотики? — простонал он, его голос был жалок. — Ты у меня ответишь за это!

Две массивные фигуры шагнули вперед из темноты кабинета. Дамиан, оказывается, пока не сдался.

— О, да ты еще дергаешь лапками, — насмешливо подметила Элиза.

Она не смотрела на охранников. Она смотрела на Ланье. Но тени в углах комнаты пришли в движение.

Две змеи. Тонкие, черные, почти невидимые на темном ковре. Они беззвучно скользнули по полу, как струи чернил, устремившись к охранникам.

Один из мужчин замер на полпути. Черное, гладкое тело обвивало его ботинок и ползло вверх по штанине. Закричать он не успел. Змея нанесла короткий, быстрый удар, впившись клыками в бедро через ткань.

Мужчина захрипел, глаза закатились. Он рухнул на пол, содрогаясь в конвульсиях. Из рта шла пена.

Второй развернулся, пытаясь выхватить оружие, но змея уже была на нем. Она обвила его руку, и он, вскрикнув от отвращения, попытался стряхнуть ее. Змея впилась в шею, и крик оборвался, сменившись булькающим хрипом. Он упал рядом со своим напарником.

Все было кончено.

Змеи растворились в тенях так же бесшумно, как и появились. Элиза даже не смотрела на тела.

— Я больше не буду терпеть твоих выходок, Дамиан, — сказала она, чеканя слова, как учительница, которая бранит непослушного ученика. — Это был последний раз.

Она шагнула к нему, и по мере приближения ее облик менялся.

Правая половина лица потекла, как воск, обнажая темную, чешуйчатую плоть. Правый глаз, черный и бездонный, горел изнутри красным угольком. Из-под волос, с правой стороны, с сухим хрустом вырос длинный, черный рог. Ее изящные руки вытянулись, и ногти на них заострились, превратившись в блестящие агатовые когти.

Она стояла над ним — наполовину женщина, которую он видел в ресторане, наполовину — чудовище из его худшего кошмара.

И улыбалась ему обеими половинами своего лица.

— Ты сам убил их, Дамиан. — заметила она. — Я же просила тебя, а ты не послушал. Теперь дети Майка никогда не дождутся папочку домой, а Бен не сможет трахнуть сразу двух телок, чем он обычно любил заниматься.

Ланье смотрел на ее новое, чудовищное лицо. Весь его мир, построенный на логике, контроле и презрении к слабости, рассыпался на атомы. Слабым теперь был он сам.

Все его самооправдания и рациональные объяснения — «психотропы», «наведенные воспоминания», «шантаж» — аннулированы.

Он обманывал себя. Все это время.

Его слова тогда, в темном, холодном подвале в Лондоне, не были пустым звуком, брошенным в темноту. Они были услышаны. И он всегда это знал. Где-то глубоко внутри, под слоями богатства, власти и цинизма, он всегда помнил об этом. Прошло столько времени, и он убедил себя, что это сон, дурное воспоминание, которое можно похоронить под грузом успеха.

Но его долг пришел за ним во плоти. С рогами, когтями и глазами, в которых не было ничего, кроме тьмы.

Он с трудом поднялся на ноги. Его безупречный костюм измят, на коленях — кровь. Посмотрел на существо, которое называло себя Элизой Дамер, и его ярость и страх исчезли. Плечи обмякли, и он склонил голову.

— Простите, — прошептал он, и это слово стало концом его старого мира и началом полного ужаса рабства.

— Сто миллионов, сегодня, — сказала Элиза, словно делала заказ в ресторане. — Целый этаж в этой башне. Отдельный лифт. Личная охрана. И новый стартап.

Дамиан отчаянно пытался вернуть маску контроля и уверенность финансиста. Пальцы дрожали, но он поднял подбородок, пытаясь придать себе видимость прежнего авторитета.

— Что... что за стартап?

Он подошел к столу и налил себе виски, дребезжа бутылкой о стакан. В янтарной жидкости отражалось его лицо — искаженное, постаревшее за один вечер.

— Сейчас вся прибыль в цифровых технологиях. Консалтинг, анализ данных, искусственный интеллект... очень перспективное направление. Я знаю рынок, я...

В этот момент зазвонил его личный коммуникатор. Экран загорелся, на нем мигало имя: «Люси».

Ланье застыл. Несколько секунд он смотрел на экран, точно вчитываясь в приговор. Затем медленно поднял взгляд на Элизу. Только

вздутая вена на виске показывала, каких титанических усилий стоил ему этот фасад спокойствия.

Он нажал на кнопку, выключая звук и звонок сменился беззвучным мерцанием. Комната наполнилась шумом дождя за окнами.

— Нет, — отрезала Элиза, и это прозвучало глухо, как выстрел. — Биотехнологии.

— Но это не прибыльно, — возразил Ланье. Последний, жалкий протест его старого «я», вспышка привычного инстинкта спорить и убеждать. — Рынок перенасыщен, исследования требуют десятилетий, регуляторы...

— Био. Технологии, — четко, раздельно повторила Элиза, и в ее голосе прозвучала безжалостная твердость.

Он кивнул тяжело, и этот жест стоил ему всех сил. От маски успеха не осталось и следа. Жалкий человек, чьи богатства, связи и холодный расчет за одну ночь превратились в пыль.

Элиза чуть наклонилась вперед.

— Вам лучше взять себя в руки, Дамиан. Нам предстоит большая работа, — ее улыбка была насмешливой, будто ничего не произошло. — Назовите нашу компанию как-нибудь попроще, без пафоса. Скажем, «Биотехнологии Инкорпорейтед». Или еще короче — БиоТех.

Глава 26. Защищенный канал

Марк смотрел на собственное лицо на шейде — искаженное, зловещее. Его транслировали каждые полчаса, с методичностью прогноза погоды, сообщая о розыске и награде.

Может, он надеялся, что в следующий раз объявят о чудовищной ошибке? Больше сделать он ничего не мог.

Паника поднималась изнутри, грозя затопить его. Он в ловушке. Его не только подставили — весь мир превратился в тюрьму. Его врагом был Город, но теперь, с объявленной наградой, и весь Круг превратился в поле для охоты на Марка Кейна.

Что делать? Бежать в другой Город? Они найдут его везде. Контур видит все.

Он мысленно проигрывал в голове события в доме Сайласа. Ярость. Сдвиг. Выстрелы. Браслет.

Значит — видеозапись.

— Браслет, — произнес он, и голос показался ему чужим. — Локальные логи. Покажи последнюю видеофиксацию. Убери тряску.

Браслет послушно спроецировал перед ним небольшой шейд. Та же сцена, но снятая с его ракурса. Вот фуллер врывается в комнату. Стреляет первым, раня Марка в плечо. А вот Марк перекладывает пистолет в левую руку и стреляет в ответ. Самооборона. Чистая и неоспоримая. Доказательство.

Но как передать запись властям? Как доказать свою невиновность, если вся система работает только на уничтожение? Он не мог отправить файл в полицейское управление. Полицейским плевать, это не их дело, а Центра. Запись сотрут, а его местоположение вычислят. А с Центром никак не свяжешься. Перехватит ли Центр его послание? Неизвестно. Это решает Контур.

Ему нужен был кто-то внутри системы, кто выслушает его.

Ответ был один — Диана. Она прорвалась в Центр, она была частью этой системы, которую он ненавидел. Но она знала его, и они прошли через многое вместе. Возможно, в ней осталось хоть что-то от той

женщины, которую он когда-то знал. Это отчаянный, безумный, но единственный шанс.

Мари молча наблюдала за ним из своего кресла, отложив книгу.

— Мне нужно позвонить, — пояснил он, словно спрашивая разрешения.

— Хорошо, — улыбнулась Мари, и в ее улыбке не было ни удивления, ни вопроса.

— Браслет. Защищенный канал. Найди в архиве. Диана... детектив Диана Уэллс.

Браслет на мгновение замер, обрабатывая запрос. Он не был уверен, что контакт вообще сохранился после того, как его вычеркнули из системы. Но затем вспыхнул зеленый огонек, и раздался тихий, ровный гудок вызова.

Гудки шли так долго, что Мари успела перевернуть страницу. Марк собирался отключиться, когда на том конце раздался щелчок.

— Марк? — в голосе Дианы слышалось неприкрытое удивление. — Какого черта? Откуда ты звонишь? Твой идентификатор не определяется, но биометрия — твоя. Даже геотега нет.

— Я... я в Круге, — сказал он. — Мне нужна твоя помощь. Это очень важно.

— В Круге... — повторила она, и в ее голосе прозвучало беспокойство. — Что ты там делаешь? Марк, что случилось?

— На меня повесили убийство. Я в розыске.

— Я знаю, — ответила она. — Я видела новости. Весь Город видел. И это было... странно. Это так непохоже на тебя, даже в твоем худшем состоянии. Ты что, пил?

Впервые за этот бесконечный день напряжение в его груди ослабло. Скорее всего, она ему не поверила, но и не повесила трубку.

— Это подделка. У меня есть доказательство, видеозапись. Он выстрелил первым. Я должен тебе ее показать.

Снова молчание. Он почти физически ощущал, как Диана в своем стерильном, сияющем офисе, взвешивает риски. Помочь беглецу, бывшему коллеге и любовнику? Это могло стоить ей карьеры.

— Хорошо, — наконец согласилась она, решившись. — Но все — по моим правилам. Никаких темных переулков в Круге. Старая сборочная

фабрика «Атлас», прямо за южным Барьером. Это нейтральная территория. Через час. И ты придешь один. Понял?

— Понял, — согласился Марк. — Буду один.

Связь прервалась, и он выдохнул. Шанс оказался у него в руках, но вместо свободы принес тяжесть и страх.

— Ты совершаешь ошибку, — заметила Мари из своего кресла. Она не отрывалась от книги, но слышала каждое слово.

— У меня нет выбора, — ответил он. — Это единственное доказательство.

— Доказательство? — она наконец подняла на него взгляд, и в ее визоре не было ничего, кроме отражения тусклой лампы. — Или приманка? Она — часть той же системы, что сделала тебя преступником. Ты думаешь, она придет одна?

Мари закрыла книгу, подняв облачко пыли.

— Останься здесь, Марк. Тебе не нужно никуда идти. Ты в безопасности. Я поговорю с Дереком, его люди тебя не тронут. Мы найдем другой путь.

Ее слова были разумны и логичны. И именно поэтому Марк не мог их принять. Он устал прятаться, даже если это длилось всего сутки.

— Прятаться — это именно то, чего они от меня хотят, — сказал он. — Чтобы я сидел тихо, пока они переписывают мир как им вздумается. Хватит.

Он подошел к вешалке и надел свою старую, потертую куртку.

— Я поеду.

Мари молчала, задумчиво поглаживая обложку. Казалось, взвешивает варианты.

— Хорошо, — согласилась она наконец. — Это твой выбор. Но...

Она подошла к окну и посмотрела на заснеженный переулок.

— Заранее попроси машину довезти тебя не сюда, а к старому складу Хьюза у Южного канала. Я тебя встречу там — продолжила она, не оборачиваясь.

— Зачем?

— Потому что за тобой будут следить.

Слова прозвучали как констатация очевидного факта, который он сам в спешке упустил. Она видела не только его следующий шаг, но и ловушку, в которую он идет.

— Хорошо.

Морозный зимний воздух придал ему бодрости. Отчаяние ушло, осталась спокойная, злая решимость. Забрался в машину.

— «Атлас», — бросил он.

Машина беззвучно тронулась, унося его в начинающуюся вьюгу. Снег, который в Старом городе сыпал легкой снежной пылью, здесь, на открытых пространствах промзон, превратился в настоящую метель. Пригоршни сухой крупы били в стекло, и обдув с трудом растапливал их, превращая в мутную кашу.

Он ехал на юг, к Барьеру. Чем ближе, тем пустыннее становился мир за окном. Последние уродливые жилые блоки остались позади, сменившись ржавыми остовами цехов. Здесь никто не жил. Нет смысла селиться у стены, которую Город мог в любой момент разобрать и передвинуть, поглотив твой дом и твою жизнь.

Барьер приближался — глухая, черная стена, уходящая в белую мглу по обе стороны. Она была возведена из огромных, стандартных бетонных плит, соединенных стальными скобами. Не вечная, монолитная крепость, а временное, мобильное сооружение. Конструктор, который можно легко разобрать и собрать на новом месте, отрезая от Круга очередной кусок. Наверху, в снежной круговерти, тускло светились прожекторы и угадывались силуэты автоматических турелей.

Рядом с Барьером, как доисторическое животное, припавшее к земле, стояла старая сборочная фабрика «Атлас». Гигантский, ржавеющий остов из металла и бетона, с выбитыми окнами, в которых скулила метель. Когда-то здесь собирали военную технику, теперь здесь собиралась ржавчина и мусор.

Машина остановилась у главного входа. Фары выхватили из вьюги зияющий провал ворот. Марк вышел, и ветер тут же попытался сбить его с ног. Он поплотнее закутался в куртку и забежал внутрь.

Огромный сборочный цех тонул в гулком, холодном мраке. Снег сквозь выбитые окна кружился в высоких столбах света из разбитой

крыши, создавая в темноте призрачные, танцующие колонны. Пахло ржавым металлом и машинным маслом.

Диана ждала его в центре цеха, рядом с остовом бронетранспортера. Одна. Строгий плащ, волосы аккуратно уложены, несмотря на метель снаружи. Она не выглядела как человек, который боится или готовит засаду. Скорее как детектив на месте встречи.

— Ты пришел, — Диана шагнула ему навстречу — Я думала, ты не решишься.

Марк усмехнулся.

— У меня не было выбора, Диана. Когда твое лицо показывают по всем каналам, вариантов остается не так уж много.

Диана скрестила руки на груди.

— У тебя всегда есть выбор. Можно сдаться или исчезнуть. Но ты решил встретиться со мной. Зачем, Марк?

Он сделал шаг вперед. Их разделяла куча обломков, обледенелых и проржавевших.

— Мне нужна твоя помощь. Точнее, твой доступ, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты загрузила файл в базу данных Центра. Как официальную улику по делу об убийстве офицера Кросса.

Диана на миг замерла — лицо побледнело в полумраке цеха.

— Ты в своем уме? Ты хочешь, чтобы я внесла в систему улику от главного подозреваемого в бегах? Это конец моей карьеры.

Он поднял запястье, и его браслет спроецировал в пыльный воздух дрожащее изображение.

— Посмотри.

Видеозапись с его ракурса. Диана молча смотрела на то, как в комнату врывается фуллер. Как он стреляет первым, и как Марк стреляет в ответ.

— Самооборона, — сказал он, когда запись закончилась. — А то, что показывают по новостям — ложь.

Диана долго молчала, глядя на шейд, мерцающий в воздухе бесплотной уликой. Снег кружился вокруг нее, пролетая сквозь изображение.

— Но это невозможно, — наконец произнесла она. — Два разных лога одного и того же события. Один из них — подделка.

— Какой, Диана? — надавил Марк. — Тот, что видела ты и весь Город? Или тот, что записал мой старый, отключенный от сети браслет? Если ты загрузишь мой файл, его нельзя будет просто стереть, он станет частью официального дела. Мой статус изменится. Я перестану быть убийцей и стану подозреваемым.

Диана наверняка понимала, что его запись, в отличие от официальной, была цельной, без единой монтажной склейки. Она посмотрела ему в глаза.

— Если это правда, то они все равно будут искать тебя, Марк. И пристрелят при задержании. Единственный выход — сдаться. Это твой шанс остаться в живых. Сдайся и отдай запись сам.

— Может быть, — согласился он. — Но я этого не сделаю. Я хочу, чтобы они знали правду. Внеси запись в систему.

Она окинула его долгим, тяжелым взглядом. На одной чаше весов лежала ее карьера, а на другой — его жизнь, и чаши эти дрожали.

— Хорошо, — она наконец сдалась. — Я сделаю это.

Марк почувствовал, как напряжение наконец-то отпустило его. Надежда. Он почти забыл это чувство. Поднес свой браслет к ее руке, и файл — его единственная, отчаянная улика — скопировался. Передача завершена.

— А теперь, Марк, ты должен поехать со мной, — сказала она, и ее тон снова стал жестким, официальным.

Он замер.

— Что?

— Сдайся, — продолжила она. — Эта запись — твой единственный шанс. Если ты сдашься добровольно, а я приобщу ее к делу, это обеспечит тебе безопасность. Будет внутреннее расследование, обвинения снимут.

Облегчение, которое он только что ощущал, сменилось холодной, белой яростью, спалившей все остальные чувства. Она не помогала ему. Она получила улику и собиралась арестовать его по всем правилам, по протоколу. Не друг, а винтик, часть системы.

— Нет, — отрезал он. — Я никуда с тобой не пойду. Я знаю, чем это кончится.

— У тебя нет выбора, Марк, — ее голос зазвучал еще холоднее. — Я не могу тебя отпустить.

Ее ладонь трансформировалось. Из запястья с тихим щелчком выдвинулся ствол винтовки.

Она целилась ему в грудь. Его бывшая напарница, теперь — еще один враг.

Последняя нить, связывавшая его с прошлым, оборвалась. Вся боль, обида, и ярость этого бесконечного месяца сфокусировались в одной точке. Он больше не был ни жертвой, ни просителем.

Рывок в сторону, за остов бронетранспортера. В ту же секунду воздух взорвался сухим, частым треском выстрелов. Пули выбивали фонтаны искр из ржавого металла там, где мгновение назад была его голова. Диана стреляла на поражение.

Не останавливаясь, он выскочил из-за укрытия и рванул к выходу, к зияющему метелью провалу ворот. Разрываемый ее предательством и его яростью, мир вокруг него сдвинулся.

Все замедлилось. Звук выстрелов превратился в гулкие, вязкие хлопки. Снежинки, кружащиеся в проеме ворот, застыли в воздухе, как миллиарды крошечных, искрящихся точек. Из ствола вылетали пули — не как вспышки, а как медленные, раскаленные докрасна осы, лениво плывущие сквозь густой, как патока, воздух. Оружия не было, да и он бы и не отстреливался.

Тело двигалось само. С невероятной, невозможной грацией и скоростью он избегал пуль. Он не уворачивался, а смещался, проскальзывая между траекториями, и тело потеряло плотность, превратившись в мерцающий, полупрозрачный силуэт.

Он выбежал из фабрики, и мир вернулся.

Звуки, метель — вся грубая физика мира обрушилась на него, вырывая из транса. Он, шатаясь, добежал до своей машины, рванул дверь и рухнул на сиденье. Двигатель ожил с тихим гулом.

— Вперед! — едва успел крикнуть он.

Интермиссия. Диана

Она и правда хотела помочь. Не обмануть и не заманить, а помочь. Да, по протоколу она должна была арестовать или убить Марка Кейна. Но это — Марк... Не какая-то безликая запись в протоколе, а ее прошлое.

В Круге он всегда находил время объяснить ей, как фиксировать отчеты без ошибок. Помогал, поддерживал — и при этом оставался тем же циником, ненавидящим всех вокруг. За это она полюбила его, за это и бросила. С тех пор все изменилось, но воспоминания не стерлись.

Она думала, что сможет найти для него выход. Если он сдастся добровольно, то это будет смягчающим обстоятельством.

«Это — не предательство. Так будет лучше для него», — твердила она себе, пока шла по заснеженной фабрике. Шаги эхом отдавались в пустых коридорах, где ржавчина покрывала стены толстым крошащимся слоем. Она активировала сканер на браслете — отследить сигнал, но помехи от снега мешали. Марк уже близко — она чувствовала это.

После разговора, когда ее запястье раскрылось и из-под кожи выдвинулся ствол — она поняла: патч теперь думал и решал за нее. Вибрация пронзила кости. В голове мелькнула мысль: это сбой.

Она словно смотрела на себя со стороны. Вот ствол выплюнул огонь, все вокруг потеряло резкость, превратившись в размытый фон — Марк обернулся, лицо в свете фонаря побледнело. Она хотела крикнуть: «Стой, это не я!», но не могла даже раскрыть рта. Тело застыло неподвижно.

Нет. Я не хочу.

И все же выстрелы раздались. Грохот эхом разнесся по фабрике, пули ударили в стену за ним. Искры из ржавого металла, обломки бетона посыпались вниз.

Она вспомнила их давний разговор — тогда он говорил, что патчи меняют людей. Она посмеялась, но теперь знала, что ошибалась. С той ссоры все и пошло под откос.

Никогда, ни разу за годы службы, на таком расстоянии она бы не ошиблась. Меньше десяти метров, видимость хорошая, несмотря на снег.

Мимо.

Тем лучше. Я же и не хотела.

Но пространство вокруг него дрожало в морозной дымке. Каждое движение Марка выглядело нереально — слишком размытым и скользящим. Он нырнул за угол, не оглядываясь. Мир искажался вокруг него, перенаправляя пули.

Рука — чужой инструмент, патч передавал команды, которых она не слышала, но ощущала как давление в висках.

Когда Марк выбежал из ворот и сел в машину, ее вторая рука поднялась сама. Сухой щелчок, панель разошлась. Из-под кожи выдвинулся короткий гранатомет — компактный однозарядный механизм для экстренных ситуаций. Попыталась дернуться, сбить прицел.

— Нет! — закричала она. — Не надо!

Ее отчаянный крик отразился эхом в стенах пустого цеха. Тело не реагировало. Она ничего не могла изменить.

Граната сошла с направляющей и с идеальной, машинной точностью ушла вперед, врезаясь в метель и описывая дугу к его машине. Она взорвалась прямо над лобовым стеклом нелепой оранжевой вспышкой. Снег проглотил осколки. Машина дернулась, но двигатель взревел, шины заскрипели по льду. Охваченная пламенем, она сорвалась с места.

Огненный хвост тянулся по заснеженной дороге, и взрывное эхо еще отдавалось в пустых корпусах фабрики. Но машина шла точно, по заданному маршруту. Диана осталась стоять у ворот, снег падал на ее куртку, таял от тепла. Фары удалялись, петляя между обломками.

Марк всегда действовал порывом, интуицией, азартом. И вдруг — такая предусмотрительность.

Но это не меняло сути — она его убила.

Огни мигнули в последний раз, прежде чем скрыться за поворотом. С ней остались метель и выжженная пустота внутри.

Тяжесть чужой воли постепенно ушла, оставив за собой головную боль. Гранатомет втянулся обратно под кожу с сухим щелчком, точно

ничего и не было. Пальцы снова слушались, колени дрожали, она оперлась о стену и штукатурка осыпалась душным облаком. Дыхание вырывалось струями пара в морозном воздухе.

Она вдохнула и выдохнула, потом еще и еще. В груди — вакуум. В голове — странная липкая тяжесть, как после анестезии: будто кто-то прогонял ее мысли через фильтр.

Я стреляла. Я запускала гранату. Но это была не я.

Она повторила это про себя, пытаясь осознать. Солдаты оправдываются словами «руки сами сделали». Психиатры пишут про это диссертации. Но это произошло на самом деле. Тело жило собственной жизнью, а сама она оставалась зрителем. Это не галлюцинация — металл внутри согревал ее руки.

— Кто? — выдохнула она. Но ответа не было. Только ветер свистел, забрасывая охапками снега.

Протокол и закон. Пустые слова, за которыми кто-то дергал ее нервные окончания. Ее жизнь — послужной список, повышение, мечта о Центре — кто управлял ей все это время? Система? Алгоритм? То, что заставило ее стрелять в Марка, несмотря на собственное «нет»? Она вспомнила, как устанавливала патч: быстрая процедура в чистой сверкающей клинике, с обещаниями полного контроля и безопасности. Вранье.

Кто сейчас смотрел на горящий след машины — Диана Уэллс, детектив? Или та чужая, невидимая сила, что убила Марка? Она стояла с минуту, глядя в темноту. Нужно было доложить, но слова не приходили в голову. Вместо этого она повернулась и пошла обратно в цех, тяжело передвигая ноги. Снег хрустел под ботинками.

Над фабрикой, еле слышно, прошуршало несколько дронов. Но она их уже не увидела.

Интермиссия. Марк

Взрыв. Удар.

Он его почувствовал — как удар гигантского молота, что смял машину и впечатал его в кресло. Салон взорвался огнем. Не огонь даже, а ровный, невыносимый жар, который исходил отовсюду.

Он закричал, когда первые брызги расплавленного лобового стекла ударили в лицо. Жидкий огонь мгновенно выжег глаза и впился в кожу. Крик умер в легких, пока рот заливало горящим стеклом.

Боль была повсюду. Раскаленная, липкая жидкость — плавящаяся приборная панель, обивка сидений — прилипала к одежде, к коже, и жар проедал до костей. Салон машины охватило пламя, воздух превратился в огонь, сжигающий легкие с каждым судорожным вдохом.

С шипением сработала автоматическая система пожаротушения, залив стены салона и Марка густой, белой пеной.

Продлит агонию, — промелькнула в его горящем сознании отстраненная мысль.

Машина, — его верный, бездушный партнер, — старалась как могла, заливая салон огнетушителями, но это уже не имело значения.

Мир превратился в слепую, белую пытку, которая захватывала его чудовищными, пульсирующими волнами. Одежда горела, плоть плавилась. Живой кусок мяса прожаривался в металлической коробке.

Машина двигалась сама, послушная предсмертному протоколу, но для Марка не существовало ни улиц, ни города. Был только огонь под кожей, и боль, которая стала его вселенной. Время потеряло смысл, превратившись в одну бесконечную, мучительную секунду.

Затем машина остановилась, двигатель затих.

Все, чего он хотел, — это выпасть из раскаленного ада в снег. Охладить то, что от него осталось. Позволить белому, чистому холоду поглотить мучения. Эта мысль, одна-единственная мысль о спасительном снеге, держала его в сознании.

Пальцы — куски обожженного, бесполезного мяса, — сумели зацепиться, надавить на ручку.

Дверь открылась и он вывалился наружу, в мягкий, глубокий сугроб, в последний раз застонав, когда снег коснулся его обожженной кожи.

Затем сознание отключилось, как перегоревший предохранитель.

Глава 27. Ты мертв

Первым вернулся запах.

Не вонь горелого пластика и дыма, а спокойный, теплый — смесь высушенных трав, старых книг и чего-то еще, неуловимо-сладкого как пыльца. Запах Мари.

Сознание цеплялось за него и выкарабкивалось из тьмы. Каждый вдох стирал из памяти воспоминание о собственной горящей плоти.

Он ждал появления боли. Ждал, что чудовищные, пульсирующие волны, которые поглотили его, вернутся. Но их не было. Тело стало легким, почти невесомым. Ни огня, ни расплавленного стекла, впившегося в лицо. Ничего.

Боль ушла. В этой новой, безболезненной темноте он наслаждался ее отсутствием. Открывать глаза и двигаться не хотелось.

Он лежал в теплой, пахнущей травами пустоте, чувствовал покой и не хотел, чтобы это заканчивалось.

Потом он услышал тихие, почти бесшумные шаги. Кто-то присел рядом с ним.

Прикосновение. Прохладное, влажное и мягкое коснулось его лба. Нежные, уверенные руки стирали с его кожи воображаемый пепел и несуществующую кровь. Движения были медленными, ласковыми.

Он чувствовал влагу. Это ощущение взорвалась в его сознании вспышкой чистого, почти болезненного облегчения. Он мог чувствовать прикосновение, отличить прохладу от тепла, влагу от сухости.

А это значит, что нервные окончания не погибли. Его кожа — это *его* кожа, и тело не заменили биосиликоном. Он все еще человек.

Лишь эта мысль дала ему сил открыть глаза.

Реальность дрожала, теряя фокус и очертания. Потолок, затерянный в тенях, стены, заставленные книгами. Рядом сидела Мари и смотрела на него. Ее визор мягко мерцал в полутьме, отбрасывая на ее лицо слабые, подвижные блики. Ждала, что он очнется.

— Что со мной? — просипел Марк.

Горло сухое, язык едва двигался, как чужой и непослушный кусок плоти.

— Все хорошо, — ответила она. — Ты в безопасности.

Безопасность. Странное, забытое слово. Последнее, что он помнил, была агония. Огонь, пожирающий плоть. Расплавленное стекло, вгорающее в лицо.

— Машина... — прошептал он. — Огонь... Я... я умирал.

— Но ты здесь, — так же спокойно сказала Мари. — Я нашла тебя в том переулке, где остановилась машина, и притащила сюда.

Он попытался сесть, и только сейчас понял, что его тело туго забинтовано. Грудь, плечи, шея. Даже лицо было частично покрыто повязками. Влажные, пропитанные тем же травяным, успокаивающим запахом. Его разум отказывался соединять два этих факта: воспоминание об агонии и полное отсутствие боли сейчас.

— Это все... — он посмотрел на нее. — Это сделала ты? Ты меня вылечила? И как ты меня вообще дотащила?

— Слишком много вопросов, — Мари грустно улыбнулась.

Она немного помолчала, убрала чашку с водой и губкой.

— Я не могла тебя вылечить так, как лечат в Городе, Марк, — сказала она тихо. — У меня нет ни их технологий, ни медикаментов. Поэтому... новости для тебя неутешительные.

Марк не понял, что она имеет в виду.

— Честно говоря, — неуверенно продолжила она, — мне страшно тебе об этом говорить... Я не знаю, что именно взорвалось в твоей машине. Может, одна из последних военных разработок Агентства или военный термореактив с нанокапсулами. Но там было что-то, что... вызвало мутации. Твое тело меняется. Лучше тебе самому это увидеть.

Не дожидаясь его ответа, она начала осторожно, слой за слоем, снимать с него бинты. Сначала с головы.

Марк зажмурился, ожидая увидеть обугленную, рваную маску вместо лица, как в том кошмаре в машине. Но когда она закончила, ощущение вернулось — лицо было целым, только каким-то чужим. Кожа — натянутая и неестественно твердая, как у насекомого.

— Можешь смотреть, Марк, — наконец разрешила Мари.

В небольшом металлическом зеркале, которое держала Мари, отражался не Марк.

Кожа стала черной, блестящей коркой, похожей на обсидиан или хитин. Она закрывала все, от висков до шеи. Нос и рот были на месте, но искаженные, словно их нарисовали заново. Чужие, неестественные, как из древних книг Мари.

Вместо глаз — два гладких, абсолютно пустых провала. Без белков и зрачков — два осколка чистой тьмы. На лбу кожа вздулась и треснула: из трещин пробивались темные наросты, напоминавшие зачатки рогов.

Она сняла повязки с его рук. Пальцы удлинились, кожа на них почернела, ногти затвердели и заострились, превратившись в короткие, скрюченные когти.

Мари смотрела на него, но за визором невозможно было различить — с сочувствием или любопытством.

— Мне кажется, оно распространяется и дальше, — она указала на его руку. Черная, блестящая кожа захватила его предплечья, дойдя до локтей. — Прости, Марк, но я ничего не могу с этим поделать. Я пыталась замедлить процесс.

Он ощупал свои новые руки — сильные, чужие. Под черной кожей перекатываются мышцы, более плотные и мощные, чем раньше.

В глубине разгорался холодный огонь ярости. Ярости не на Диану, а на тех, кто сделал это с ним. На тех, кто двигал им по своей доске, кто сжигал его, стирал его реальность и превратил в чудовище.

— Хорошо, — выдохнул он. Его голос звучал ниже и глуше, в нем появился рокочущий, металлический оттенок. — Думаю, придется носить капюшон.

Странно, но его браслет уцелел. Корпус обгорел, оплавился по краям, экран покрылся сеткой трещин, но функционировал. Марк крутил его в руке.

— Хорошо, что ты меня послушал, — сказала Мари без тени упрека. Она лишь констатировала факт, как всегда. — Вернулся туда, куда я просила, к складу.

Марк вопросительно взглянул на нее.

— После того, как ты уехал от фабрики, ее накрыли, — продолжила она. — Боевые дроны Агентства. Сожгли все дотла. Никого не искали,

а стерли всю фабрику. Потом разнесли твою машину и склад. По новостям сообщили о гибели детектива Дианы Уэллс и бывшего полицейского Марка Кейна. Расследование закрыто.

В ее визоре отражалось его новое, чудовищное лицо.

— Ты мертв, Марк.

Он должен был чувствовать облегчение, радость от того, что выжил. Но вместо этого он думал о Диане.

На ее лице смешались ужас и растерянность, когда она стреляла. Собственное тело действовало против ее желания. Она стала таким же инструментом, как и Марк, взломанной машиной с симуляцией воли.

И почему-то, глядя на свои новые, черные, когтистые пальцы, он жалел ее.

Ненавидеть ее было бы проще. Винить ее в предательстве было бы по-человечески, но он чувствовал глухую, тихую жалость. Почему — он не знал. Возможно, потому, что часть его, та, что была Марком Кейном, сгорела в машине, а то, что сидело сейчас на диване, смотрело на мир другими, нечеловеческими глазами.

Человек, который прятался за жетоном и формой, умер. Осталась тень. Его ответ на их игру.

Вечером Круг опять застыл, замурованный белым безмолвием.

Марк, выбрался на крышу дома Мари. Он сел на заснеженный парапет, и его черные глаза, равнодушные к ночи и ветру, смотрели на Круг.

Внизу раскинулся хаос, скованный мертвым льдом. Редкие огни окон, тусклые фонари, сизый дым из труб — люди жгли уголь и дрова. На горизонте дрожал мутный ореол Города. Далекий, равнодушный свет, чуждый тому, что происходило внизу.

Он думал о Диане. Такая же марионетка, как и он сам. Ее ниточки были сделаны из протоколов и веры в систему, а его — из ярости.

Но он никак не мог себе признаться, что его боль не только из-за нее или Агентства. Не из-за жизни, из которой его, как ржавый гвоздь, выдернули и выбросили в грязь Круга.

Элиза. Ее образ рваной раной застрял в сознании. На крыше под дождем, когда она впервые обернулась к нему — волосы, прилипшие к вискам, и глаза, точно они знали друг друга всю жизнь. Этот образ

хранился глубоко, куда не добирались ни протоколы, ни слова. Элиза на парапете, обернувшись, говорит ему: «Вот и ты, Марк». Она не могла тогда лгать, и он это знал всегда.

Ее слова тогда прозвучали как откровение, обнажившее его собственную ненависть, его тьму. Она видела его таким, каким он боялся быть — и оставалась рядом. На той крыше, в комнате, пропитанной запахом сырости и гниения, она была настоящей.

Он пытался вспомнить ее пустые, окровавленные глазницы, представить, где Элиза сейчас. Тень памяти ускользала, таяла, как снежинка на горячей ладони. Даже Мари, с ее связями в Круге, не смогла найти следов. Агентство поглотило ее.

Он представил, как она смотрела бы на него сейчас. Лазурный глаз, искрящийся, как неон Города, и темный, бездонный, как пропасть Круга, — остановились бы на нем. И что бы она увидела? Не того Марка, который сидел с ней на краю крыши, глядя на сияющий Город. Он — негатив человека, чудовище, которое больше не принадлежит ни Кругу, ни Городу, ни самому себе.

Когти, острые, как обсидиановое лезвие, впились в ладони. Боли не было — его новая кожа была глуха к ней. Он скучал по своему телу, по ощущению, которое напоминало бы, кем он был.

Элиза не хотела монстра. Она хотела его ярость, бунт, желание разрушить то, что сковывало их обоих, — но не эту уродливую, нечеловеческую оболочку. Он вспомнил ее прикосновения, ритм дыхания, смешанный с шумом дождя, и знак на ее руке, мелькнувший в темноте. Тогда он думал, что это — начало чего-то большего. Теперь он понимал: она не звала его за собой, а подтолкнула к краю пропасти, где он превратился в нечто иное.

Она была хаосом, собирающим тучи, как она сама сказала, но этом хаосе он чувствовал себя живым. Живее, чем в стерильных коридорах Города или грязных улицах Круга. Она стала его зеркалом, отражением того, что он прятал даже от себя. Теперь, когда он *стал* этим отражением, он не знал, примет ли она его таким. Или отвергнет, как отверг бы он сам, если бы мог взглянуть на себя прежними глазами.

Как и Диана, он был фигурой на шахматной доске. Пешкой, не знавшей ни правил, ни игроков. Могла ли пешка когда-нибудь стать ферзем? В этом заключался ее план?

Он встал с парапета, и снег осыпался с его плеч. Круг жил своей жизнью — дикой, грязной и человеческой. На горизонте Город сиял светом, который он больше не принимал. Если Элиза была той, кто собирала тучи, то он, возможно, станет тем, кто принесет бурю. Не ради нее и не ради Круга, а ради себя — того, кем он стал, и того, кем он еще мог стать.

Тихие шаги за спиной вырвали его из оцепенения. Он не обернулся — узнал ее по ритму, по легкому хрусту снега под ботинками. Мари остановилась рядом, ее дыхание облачками пара смешивалось с падающим снегом. Она молчала, но Марк чувствовал ее близость — где-то глубоко, там, где еще теплилась часть того, кем он был раньше.

— Ты здесь, — прошептала она, и в ее голосе не было ни жалости, ни страха. Она видела *его* — не монстра или тень, а Марка, который цеплялся за остатки прежнего себя.

Она шагнула ближе и обняла его. Ее руки легли на его плечи, и он замер в своем панцире, чуждом прикосновениям. Но ее тепло просочилось сквозь эту мертвую оболочку — как тонкий ток, как дыхание жизни, которого он не ждал. Еще не все было утрачено.

— Я знаю, ты думаешь о ней, — прошептала она. Ее голос исходил из глубины, невидимой и далекой. — Ты думаешь, что потерян. Но ты здесь. Со мной.

Она притянула его ближе, и ее губы коснулись его — бережно, словно оставляя печать. Поцелуй — теплый, живой. Казалось, даже сквозь визор он чувствовал ее тепло. Кожа под пальцами была мягкой, нежной, и он боялся ее прорвать.

— Пойдем, — потянула она, отстраняясь. Пальцы сжали запястье, и давление стало якорем, связующим его с чем-то живым.

Они спустились с крыши. Снег быстро стирал следы, но Круг затаил дыхание, наблюдая за ними. Комната Мари встретила их темнотой и тусклым блеском заснеженного окна. Свет визора скользил по стенам, превращая тени в узоры, которые двигались, словно живые.

Она подвела его к центру комнаты, где тени сгущались, окутывая их плотной тканью тьмы. Движения были медленными, выверенными, и каждый жест нес в себе смысл, который они оба не могли выразить словами. Ее пальцы скользили по его твердой коже — не по барьеру, а по поверхности, скрывающей молчаливую тайну. Его когти, острые и чужие, касались ее осторожно, едва задевая, словно он боялся оставить след. Их дыхание сливалось в один ритм, заглушая гул Круга и сияние Города за окном.

Ее пальцы находили его, скользили там, где черная кожа сменялась еще живой плотью, и в каждом прикосновении было признание — не его чудовищности, а его самого. Он отвечал ей в том же ритме, и их близость значила больше, чем проникновение тел. Они исполняли ритуал, где его тьма и ее свет искали равновесие. Тени на стенах дрожали, вторя их движениям, а запах трав усиливался, наполняя воздух древней, живой силой.

Когда все закончилось, они лежали в темноте и ее голова покоилась у него на груди. Визор тускло мерцал, бросая дрожащие отблески на потолок, и ее дыхание было единственным звуком в комнате, кроме шепота снега за окном. Марк смотрел на нее, чувствуя, как ее тепло удерживает его от падения в пустоту. Он не знал, где Элиза, и не знал, кем станет завтра. Но в этот миг, с Мари рядом, он был больше, чем тень, и меньше, чем монстр.

— Марк, — прошептала она. — В следующий раз, когда я попрошу — ты возьмешь меня с собой.

Это было не просьбой, а приказом. И он согласился.

На полке, среди книг с потемневшими корешками, лежал ее кинжал. Его лезвие покрывала запекшаяся кровь.

Интермиссия. Лили

На вершине башни БиоТех стояла абсолютная тишина. Не покой, а напряжение пружины, скрученной до предела.

Лили стояла у панорамного окна, глядя на Город, но не видела его. Ее фарфоровое лицо искажала эмоция, которую никто не видел уже много лет — гнев.

Она резко развернулась, подошла к столу из цельного куска белого оникса, схватила лежавший на нем ритуальный кинжал и с нечеловеческой силой всадила его в столешницу. Оникс треснул и стол с хрустом раскололся пополам.

Эми, стоявшая у двери, даже не вздрогнула. Она подошла ближе.

— С Агентством наш план работает, — сказала она мягко, успокаивающим тоном. — Майкл получил то, что хотел. Они больше не угроза и скоро...

— Но дело не в Агентстве, Эмили! — еле сдерживаясь, процедила Лили, и ее голос походил на скрежет металла. Она смотрела на расколотый стол, на дрожащий в нем кинжал. — Как... и почему... она посмела вмешаться в мои планы? Как эта тварь... как *это* могло все сломать?! Вчера... ты же чувствовала это тоже?

Она вырвала кинжал из трещины и с силой швырнула его в стену.

— Да, — ответила Эми после короткой паузы. — Все почувствовали.

— Полтора века! Полтора века подготовки! Я нашла его, вела, создала для него идеальную ловушку, идеальную приманку! Все, что мы делали и к чему стремились — все к черту!

Эми опустила глаза, ее голос прозвучал мягко, но твердо:

— Все, к чему ты стремилась, Лили, — это вернуть *Его*.

Ярость Лили на мгновение угасла, сменившись древней, бесконечной болью.

— Да, — прошептала она, и этот шепот звучал страшнее любого крика. — Это все, к чему я стремилась.

Глубоко в душе она знала: власть стала для нее обузой. Она устала от бесконечного господства, от игры, где каждый шаг был следствием

прежних триумфов. Борьба с Агентством была ей нужна не ради власти, а как последнее оправдание — и как надежда, что за этим будет что-то еще.

— И что теперь делать? — Лили поправила волосы, ее пальцы дрожали от сдерживаемой ярости. — Даже если наш план с Агентством сработает, что дальше? Главный наш козырь... он потерян. Он в руках этой... этого ничтожества.

Эми аккуратно подобрала с пола кинжал и положила на стол, прикрыв трещину, словно накладывая повязку на рану.

— Посмотри на это с другой стороны, — сказала она — Ты исходишь из того, что Марк — жертва. Что он слабее, и это *она* его контролирует.

Лили метнула на нее острый взгляд, мгновенно поняв, что Эми имеет в виду.

— Может быть, это не он перешел на ее сторону, — рассудительно продолжила Эми. — Что если это *она* стала его союзником?

Холодная, отрезвляющая ясность вернулась к Лили.

— Если все наоборот, — закончила Эми, — то мы получаем не просто преимущество. Мы получаем *все*.

Эми подошла к окну и встала рядом, глядя на сияющий внизу Город.

— Сходи к реке, Лили, — предложила Эми. — Может, *Он* знает.

Ответ последовал не сразу.

— Даже раньше это было трудно, Эми, очень трудно, — с горечью ответила Лили. Она уже успокоилась. — Теперь это кратно сложнее с каждым днем.

Она сделала паузу, взвешивая за и против.

— Нет, я не пойду. Это может ухудшить ситуацию. — наконец решила она — Но нам нужно знать, что происходит в Круге. Я не могу туда выбраться, меня мониторит Агентство. Значит, придется тебе. Проверь, что он знает сейчас... и *кем* он стал.

Взор Лили утонул в огнях Города. Эми права. Отчаяние — это эмоция для людей, а она давно перестала быть человеком.

— Да, — ее голос снова стал безэмоциональным, как у машины. — Ты права. Нужно оценить актив.

Глава 28. Господи благослови

Утро было серым и холодным, словно город накрыли мокрой тряпкой, через которую едва пробивалось умирающее солнце. Улицы Бродвея блестели от ночного дождя, асфальт переливался радужными пятнами масла, водостоки глотали мутную воду с окурками и обрывками газет с заголовками про биржевые крахи.

Он шел медленно. Ноги сами несли его к цели, и каждый шаг заранее прописан в чужом алгоритме. Сумка оттягивала плечо, ремень впивался в кожу, и он думал, как предсказуемо это ощущение — боль, тяжесть, повторить. Воздух пропитан запахами: бензин, жженый жир от тележек с хот-догами, и неуловимо гнилое дыхание города, которое тоже было частью сценария. Где-то рядом хлопнула решетка люка, струя пара рванула вверх, повисла в воздухе и осела на куртках прохожих липкой влагой.

Все — словно сцена из дешевого боевика.

Он перестал смотреть фильмы. Не сразу — сначала просто стало скучно. Сидел в зале, жевал попкорн и заранее знал, что будет через десять минут. В начале герой потеряет все. Потом — найдет силы. И в финале победит. Если не он — то победят те, за кого он боролся. Например, девушка, что верит в добро, вроде той, что стояла у тележки с хот-догами, рюкзак увешан значками с лозунгами о мире.

Затем пытался читать книги — классику, массовую литературу. Истории менялись, но каркас оставался прежним. Падение — как у бездомного, чья картонка «Господи благослови» была такой же функцией, что и вывески Coca-Cola над головой. Путь. Возвращение. Победа или жертва. Тысячеликий герой — та же кукла, но в разных нарядах. Любая эмоция, любой поворот — под копирку. Все распознавалось заранее, будто было списано с одного сценария.

Радужные разводы бензина на лужах напоминали обложки журналов: яркие, переливающиеся — и каждый раз скрывающие одно и то же.

Культура — не зеркало мира, не голос человечества, не поиск и не прогресс. Это машина, производящая сюжетные штампы, обертки для

кода. Обучающие пособия, как правильно жить, как страдать и умирать. Правильно жить — значит взять дом в ипотеку и завести детей. Правильно страдать — на берегу океана, глядя в закат. Правильно умирать — с честью, за страну, с распоротым животом. Все по сценарию — и этот город, и его шаги, и сумка с AR-15, переделанным под автомат и завернутым в промасленную тряпку.

Иногда он закрывал книгу на середине страницы — чтобы программа сломалась. Он не хотел подчиняться правилу, которое диктует: дочитай до конца главы. Вставь закладку. Ложись спать. Повторить.

Даже классика обнажала тот же шаблон. Он читал Достоевского — и думал не о Раскольникове, а о его роли: сколько ему положено страдать, сколько это должно тянуться, и когда появится Соня — олицетворение милосердия.

Все сводилось к ролям. Все было предопределено. Тяжесть сумки на плече, запах бензина, пар из люка — тоже код, написанный для сцены, где он был не героем, а симулякром героя.

И в этом заключался весь ужас. Если искусство — повтор, если воображение — цикл, то что тогда? Он смотрел на прохожих, на их предсказуемые движения, на лица, словно кадры из любого фильма, и чувствовал: винтовка в сумке — единственное, что не врет. Металл не притворялся историей и не обещал смысла. Он просто существовал. Скоро он войдет в метро, спустится по скользким пропахшим мочой ступеням и войдет в вагон.

Уличный торговец надрывался, выкрикивая: «Претцели! Два за доллар!». Его голос тонул в какофонии утреннего Нью-Йорка: гул моторов, клаксоны такси, застрявших в пробке, далекий вой сирен, эхом отражающийся от стен небоскребов. Скрежет металлической тележки с банками содовой добавлял к этому ритм, резкий и навязчивый, как тиканье часов.

Будильник звонит. Он просыпается, ест, идет на работу, обедает, возвращается домой, телевизор, ужин, сон. День за днем — одно и то же, как игрушечный поезд по рельсам. Колея всегда замкнута. Он шел, чувствуя, как сумка тянет плечо, и смотрел, как торговец толкает тележку дальше — еще одна деталь того же цикла.

По тротуарам текла человеческая река. Офисные клерки в мятых костюмах со свежим номером Wall Street Journal, с первой полосы заголовки кричали про азиатский кризис и биржевые потери. Студенты с рюкзаками, увешанными значками — Save the Planet, Fight the Power — лавировали в потоке. Все они — детали вечного круга: учись, чтобы получить работу, потом работай, чтобы кормить тех, кто ноет на детском сиденье машины.

Курьеры на роликах, с сигаретами в зубах, протискивались между ними, выдыхая дым. Он висел в воздухе испариной города — хот-доги, сигареты, все ради того же бега по кругу.

В углу, у заколоченной витрины, сидел бездомный, укутанный в грязное красное одеяло. Под ногами копошились голуби, дерущиеся за корку, и один с разбитым крылом безнадежно слонялся позади.

Однажды он поймал себя на мысли, что живет как механизм. Как голубь, что дерется за корку. Как бездомный в красном одеяле. Как клерк с газетой, протягивающий доллар торговцу за претцель, чтобы заглушить голод ненадолго. Люди называют это жизнью, а он понял: это всего лишь программа. Жить — работать — потреблять — размножаться — умереть.

Люди любят говорить: надо творить что-то новое, оставить след, подарить красоту, сделать открытие, принести пользу. Но это та же схема, только маска меняется. Порция дофамина в мозгу Эйнштейна ничем не отличается от дозы Death Wish, купленной бездомным у метро. Книги? Новый набор правил, новый шаблон для тех же чувств. Изобретения? Ядерная бомба, новые способы наблюдать, контролировать, дожимать человека в его клетке. Прогресс — это топливо для цикла.

Мать тянула за руку ребенка — тот ныл, требуя конфету, его голос тонул в гуле моторов. В этом нытье он слышал начало цикла, а в матери — его уставшее продолжение. Через двадцать лет их места поменяются. И никто не спрашивает — зачем. Все ради детей. Дети — цветы жизни, — любят повторять они. Потом посылают их во Вьетнам.

Размножение теряет смысл, если финал всегда один — распад. Еда — тоже, если завтра вернется голод. Все, что мы делаем, — лишь

продолжаем цикл. Как голубь с перебитым крылом, что тянется за недосягаемой коркой хлеба.

В детстве говорили: «Учись, чтобы получить работу». Потом: «Работай, чтобы жить хорошо». А позже — «Возьми отпуск, ты заслужил». Цели менялись, но шаг оставался тем же. Все держалось на инерции: убери ее — и движение остановится.

Мимо прошла студентка с рюкзаком, на котором блеснул значок Believe. Для всех — знак веры. Для него — программа: она размножится, ее ребенок будет ныть, цикл закрутится дальше.

Все стремятся к удовольствию — неважно, как они его получают. Одни колются героином у выхода из 125-й, другие пьют вино под закат на берегу океана. Одни снимают проститутку, другие целуются под свадебный марш. «Нормальные люди» называют это жизнью — дом, дети, отпуск, хобби. Но это та же химия: маленькая доза, чтобы заглушить пустоту. Кто-то творит добро, чтобы ощутить чужую благодарность или заработать билет в рай. Святые истязают плоть, спят на камнях, молчат годами. Но что меняется? Какая разница, чем именно вызвать выброс химии в мозг — наркотиком, добрым делом или бичеванием себя до крови? Разные рычаги одной и той же машины.

Художники, ученые и поэты гордятся тем, что ищут истину или красоту. Но их открытия и книги — новая оболочка для той же пилюли: еще один способ загнать в голову эндорфин, наркотик для сознания.

Верующие делают то же самое, но в более изощренной форме. Они согласились ждать свою дозу как отложенную награду. Их рай — это вечный шприц. Неиссякаемый запас удовольствия, который не придется покупать у метро. Они верят в бесконечный оргазм, растянутый на вечность, и называют это спасением. Они думают, что выше других, но на самом деле — самые жадные. Им нужно не удовольствие здесь и сейчас, а абсолютное блаженство навсегда.

Все они одинаковы, и эта мысль вызывала тошноту. Он чувствовал себя не человеком, а функцией. Как желудок, у которого одна задача — переваривать. Как клерк, у которого задача — глотать новости о кризисе. Как винтик, который должен крутиться, даже если никто не знает — зачем. Как голубь с разбитым крылом, волочащийся по асфальту.

Он остановился у входа в метро на 42-й. Над головой горел неон — TKTS в красных буквах, зазывающий на спектакли, где герои любят громкими репликами и страдают по расписанию, с семи до десяти. Coca-Cola в бело-серебряных огнях, их отражения дрожали в лужах обещанием счастья, которое можно купить за доллар. Все вокруг шептало: «Пей это, смотри то, чувствуй так».

Фильмы, реклама или гул толпы — это предписание. Не поиск или открытие, а то, как надо жить. Сбоку зеленый экран обменника валют мигал цифрами: еще одна строка кода, указывающая, что считать важным — деньги, статус, успех. Толпа текла вниз по лестнице, вглубь подземки, как вода в канализационный сток.

Скользкие ступени были покрыты слоем жвачки, окурков и грязи. Воняли мочой, ржавым железом и старыми тряпками. Вода стекала струйками, под ногами чавкала грязная жижа. Кто-то поскользнулся, вцепился в поручень и выругался: «Смотри, куда прешь, мудила!». Он спускался, и каждый шаг отдавался в голове как ритм: трудись, страдай, размножайся, умри. Повторить.

Фильмы учили, как любить — красиво, с признаниями под дождем, как на постере «Титаника» на стене напротив. Потрепанный, с Лео и Кейт, чьи лица обещали трагедию и катарсис. Романы показывали, как страдать — долго, но с финалом, где все встает на свои места. Реклама диктовала, что считать красивым: дым в легких, выигрыш в лотерею, идеальное тело. Даже обрывок плаката Gateway 2000 с коровой, исписанной черным маркером, был частью кода: купи компьютер, работай быстрее. Поверх всего — черные и красные теги Zephyr и Crash — подписи тех, кто пытался кричать, — но их крик превратился в инструкцию: рисуй по схеме, бунтуй по образцу.

У турникетов толпились люди: парень в мешковатой куртке косился на девушку в узких джинсах, роющуюся в кошельке в поисках токена — полтора бакса, старый потертый жетон, как надежда на любовь, ту самую, про которую говорят, что она *все изменит*. Он смотрел на них и думал: не люди — функции. Парень — желание, девушка — поиск, другой, в рваной толстовке, засовывающий спичку в турникет, — обман системы, но все равно по ее же правилам. Старуха с авоськой,

мешающей пройти, — потребление. Подросток в бейсболке Yankees, топчущийся сзади, — верность: болей за команду, страдай, повторить.

Культура не отражала реальность и не давала свободы: она была прошивкой, тесным коридором без выхода, где каждый шаг — от жвачки, прилипшей к ступеням, до токена в ладони, от криков граффити до неона рекламы — прописан заранее. Даже случайные разговоры, обрывки которых доносились из толпы — «Купи новый телефон, будет проще», «Не парься, все наладится», — звучали как команды: потребляй, подчиняйся, смирись. Культура не только творила реальность, но и пожирала ее обратно, как уроборос.

Он сунул токен в прорезь турникета. Щелчок — как затвор автомата в сумке. Все вокруг было кодом, державшем людей в колее. Газеты объясняли, что считать важным: выборы, акции, кризис. Журналы напоминали, что чувствовать: найди работу, влюбись, не сойди с ума.

Он шел к платформе, и каждый шаг, каждый запах — мочи, ржавчины — подтверждал: культура — не отражение, а команда. И в этом коридоре не было выхода, кроме того, что он нес в сумке.

Платформа гудела, низкий гул голосов отражался от бетонных стен, по которым трещины венами тянулись к потолку. Запах рельс — металлический, острый — мешался с потом, вонью мусора из углов и чего-то едко-химического. В углах — окурки, фантики от Snickers, смятые пачки Marlboro, лужи мочи — еще одна строчка инструкции, навязанной с детства: грязь = плохо, чистота = хорошо.

Рельсы дрожали от приближающегося поезда, вибрация отдавалась в подошвах ботинок, где-то вода капала с потолка прямо в ведро, поставленное рабочими, — кап-кап, ритм, как тиканье часов, как аксиома из школы: один плюс один = два.

Все ждали. Женщина тащила за руку ребенка. Он цеплялся за ее пальто, но все равно ныл: «Мама, хочу домой!». Она шикнула: «Потерпи, скоро уже». В этом был весь цикл. Усталость = плохо, дом = хорошо, мать = спаситель. Прошивка глубже самой культуры или морали.

Фильмы и рекламу можно отбросить, но что делать с тем, что называют истиной? «Вещь». «Добро». «Один плюс один». Этому учили новорожденного, это вдалбливали в школе и университете, так

повторяли книги, так строилась логика всего мира. Но ведь даже какой-то француз писал: логика — это не закон, а привычка, которую ребенок вырабатывает в игре, складывая кубики. А что, если я не хочу, чтобы ваша логика работала? Что если сам закон, который вы называете естественным, — всего лишь навязанная рамка, как эта вода, капающая в ведро, потому что капля = вода, ведро = сбор воды? Ведь могла бы быть и другая логика — хаос, лужа, распад? Могла бы. Ничто не истинно, все разрешено.

Мужчина в костюме уткнулся в газету с заголовком «Азиатский кризис угрожает Уолл-Стрит» — жирные буквы, кричащие о девальвации тайского бата, падении южнокорейской воны вдвое, рецессии в Индонезии — минус тринадцать процентов ВВП, о том, как спекулянты сорвали с Азии кожу, оставив голые кости долгов, — но даже здесь правда была прошивкой: кризис = угроза, Уолл-Стрит = центр, спаси систему, потому что порядок = безопасность, хаос = конец, и мужчина хмурился, перелистывая страницы, не понимая, что заголовок — ярлык, программирующий его сознание, чтобы он кивал: «Да, это плохо, давайте исправим, сделаем как надо».

Подросток в наушниках качал головой в такт неслышимой Нирване, его пальцы барабанили по бедру: ритм = удовольствие, встроенное в код. Даже ощущения прошиты: боль = плохо, радость = хорошо — аксиома, внушенная с детства. Кто так решил? Почему нельзя захотеть боли, или предпочесть хаос порядку? Панки с разноцветными ирокезами — зеленым, розовым, склеенными из волос и клея — смеялись и стучали цепями по перилам. Ирокез, цепь по перилам — но гравитация тянет вниз, а поезда идут по расписанию.

Никто не смотрел друг другу в глаза — каждый занят своим: женщина с ребенком проверяла кошелек, мужчина в костюме аккуратно складывал газету, панки толкались локтями. Когда ребенку показывают предмет и говорят «стул» — это прошивка; когда взрослые хором повторяют «так правильно» — это алгоритм. Мир сам по себе не называет вещей и не знает «добра» или «зла». Существует лишь первозданный хаос, спрятанный под шелухой определений.

Поезд вынырнул из темноты тоннеля с оглушительным ревом, его фары ударили по глазам, — он прищурился, — ветер швырнул вверх

пыль и обрывки газет. Толпа на платформе качнулась, сжалась в плотную кучу у края. Женщина прижала ребенка ближе, панки заорали что-то матерное, но все двигались по рельсам: станция = остановка, фары мигают = отойди, ветер = держись. Металл визжал, искры брызгали под колесами. Холод металла в сумке — единственное, что не подчинялось аксиомам. И когда номер маршрута вспыхнул перед ним, в памяти совпало: «Мое слово — шесть и пятьдесят». Он здесь, чтобы делить, а не умножать.

Пакт держится на том, что люди безоговорочно принимают навязанные аксиомы. А что, если их не принять? Если сказать «нет» даже в мелочи, если отказаться считать истинным то, что все называют истиной? Ребенок учится складывать не потому, что мир так устроен, а потому что его мозг однажды дорос до этой схемы. «Один плюс один = два» — это не закон природы, а стадия развития. Но что, если остановиться, если не взрослеть в их понимании? Именно там, на краю, где рушатся самые простые правила — один плюс один не равно двум, боль = оргазм, хаос = дом, — и начинается подлинная свобода. Но цена этой свободы — пустота, без правил, без чисел, без категорий. Остается немыслимое, непознаваемое — то, что и скрывает Пакт.

Другого выхода нет.

Двери зашипели, впуская толпу.

Он протиснулся последним — между двумя здоровяками в кожаных куртках, которые спорили о баскетболе. «Джордан вчера опять всех порвал, в одно лицо весь плей-офф вынес». У одного в пакете из Duane Reade блестела банка пива, другой жестикулировал, брызгая слюной на соседей. Двери закрылись, ударили кого-то по рюкзаку — хлоп, ткань смялась.

Вагон был старый, с облупившейся краской, где под слоем синевы проглядывала ржавчина. Надпись «Fuck NYPD» на стене, нацарапанная чем-то острым — гвоздем или ключом, буквы неровные. Металлические ручки в пятнах — жвачка, следы пальцев, сиденья с прожженными дырками от сигарет, желтый пластик почернел от времени.

Внутри было жарко, воздух лип к коже влажной пленкой. Запахи слились в удушливый коктейль: пот тел, дешевый одеколон с резкой

нотой дезинфекции, пролитый кофе, мокрая шерсть пальто. Сверху давил металлический привкус перегретых ламп, которые мигали, освещая лица рывками.

Все это было не набором случайностей, а системой. Слой за слоем: мораль, культура, числа, категории. Вместе они складывались в Пакт. Пот и гниль становились формулой: дискомфорт, который все терпят, потому что Пакт шепчет — «терпи, это нормально, скоро выйдешь». Даже надпись «Fuck NYPD» оставалась бунтом в рамках: полиция = зло, арест = урок.

Пакт — не договор, а прошивка реальности. Он удерживает все: от слов — вагон = транспорт — до смерти близкого, где траур = цветы и речи. Он шепчет: конфета для ребенка = добро, пролитый кофе = плохо, Джордан в прыжке = красиво, облупившаяся краска = уродство, один плюс один = два, и ты ничего не изменишь. Даже кризис в Азии объяснен формулой: бат + спекулянты = угроза, а значит — спаси систему, верни порядок.

Здоровяк с пакетом из Duane Reade откупорил пиво — пшик, пена потекла по пальцам. Свобода, но в пределах: пей, расслабься, не ломай дверь. Пакт делает мир понятным, терпимым. Без него останется пустота — воздух без запаха, лампы, мигающие без ритма, тела, трущиеся без причины. И от этой пустоты вывернет наизнанку.

Люди называют это свободой. Но в Пакте свобода — это свобода осужденного на смерть. Можно бунтовать: не выйти на работу, изменить жене, пройти турникет со спичкой. Даже убить — ножом, выстрелом. Система запрограммирована на такие сбои: полиция арестует, суд даст срок, терапия вернет в общество. Человек думает, что свободен, но это — свобода от окна до решетки. Кричи, спорь о матче, размахивай руками, потом садись в вагон, держи пакет, терпи духоту.

Поезд дернулся, лампы мигнули, тени заплясали по стеклам. Он расстегнул сумку шире, пальцы легли на грязную тряпку. Пакт сжимался вокруг и шептал: «Не надо, это зло, один плюс один = тюрьма». Но настоящая свобода не в трещине, а в разрыве: сделать с Пактом то, что он делает с тобой. И сумка тянула плечо этим знанием.

Глава 29. Будь уверенной, будь собой

Худая девушка с русыми волосами, в белом пальто и темных очках, листала мартовский Seventeen. На развороте — выпускной: блестящие платья, улыбчивые парни в смокингах. «Будь уверенной, будь собой, выбери лучший вечер своей жизни». Она шевелила губами, точно заучивала заклинание.

Он смотрел, и думал: она ставит себе апгрейд. Журнал учит любить себя — стройной, сияющей, рядом с мальчиком в галстуке. Не с хаосом. Не с разрывом. Ее код обновится, чтобы цикл не дал сбой.

Его интересовал сбой. Когда человек отказывается и ломает норму — в нем появляется живое. Не цикл и не инструкция, а вспышка, которую нельзя предсказать и удержать. В такой трещине он видел подлинное. Мгновения отказа были единственным, что не сводилось к алгоритму. Как будто хаос сам поднимал голову, показывал, что он есть, что он рядом, что мир может быть другим — и тут же прятался обратно под бетон правил.

Мужчина в мятом костюме уткнулся в пейджер. Экран мигал цифрами, галстук перекошен, воротник в пятнах от кофе. Писк — он выругался, но все равно нажал кнопку. Для него сбоя не существовало: один плюс один = минус тринадцать процентов ВВП. Пакт требовал: ответь, заклей трещину, вернись к графику.

А если отказ? Не нажать. Не спасать. Тогда появилось бы новое — не страх, а свобода. Короткая, как писк пейджера, но настоящая.

В углу мать прижимала мальчика лет шести. Он теребил почти оторванную белую пуговицу на ее пальто и ныл: «Мама, хочу домой, здесь воняет». В другой руке у нее пакет из Kmart, из него торчала плюшевая собачка без уха — 4.99 за тишину. Игрушка = утешение, пакет = продукты. Она шикнула: «Тише, скоро приедем». Лицо серое, под глазами трещины усталости. Тот же цикл: ребенок = начало, мать = конец. Родись, вырасти, воспитай — повтори. Но зачем, если Пакту все равно?

А если она бросит пакет? А если ребенок закричит не как «положено», а так, что порвет горло? Может, поэтому дети и орут до

хрипоты — потому что пытаются сломать систему, в которую их затолкали? В этом крике рождается разрыв. Там, где «хочу домой» значит: «не хочу в клетку».

Сбой всегда звучит как крик. Короткий, пронзительный, неуправляемый. Все живое начинается именно так.

У окна спал рабочий в джинсовой куртке Levi's, потертой, с заплатами от электрической дуги. Его голова ритмично билась о стекло, где было нацарапано что-то неразборчивое, похожее на мат — «Fuck Giuliani». Ладони серые от мазута, ногти почернели, масло въелось в кожу. Во сне он дернулся, ударился сильнее.

Даже сон ускользал от программы: тело должно отдыхать по правилам, а мозг рождал хаос. Не отчет и не платье для бала. Не собачку из Kmart. Сбой прорывался там, где не ждали — через дрожь век, скрежет зубов, удар о стекло.

Может, именно во сне мир помнит, что он не машина.

Сбой всегда притягивал людей. Фильмы о преступлениях — вроде «С меня хватит» с Дугласом, где убийство становится разрывом. Романы — «Американский психопат», где Патрик режет нормы морали мясницким ножом. Документалки о маньяках — перечисление фактов сухим, равнодушным голосом: «расчленил тело знакомого и перекрутил в мясорубке». Оккультизм, инопланетные вторжения, катастрофы — все это вариации одного и того же: разрыва.

Люди тянутся туда, где ломается Пакт, потому что именно в сбое рождается выбор против. В эти мгновения человек становится хоть немного, но свободнее. Как тот рабочий у окна, чья голова стучится о *Fuck Giuliani.*

И в этом всегда есть переход через грань, куда нельзя и не положено. Переступание. Нарушение. То, что пугает и в то же время влечет, потому что за чертой нет правил, нет чисел, нет «правильно». Трансгрессия. Сакральный хаос — и возможность впервые дышать по-своему.

Вагон резко дернулся, лампы мигнули, и тени заскользили по желтым сиденьям, по лицам — девушке с Seventeen, мужчине с пейджером, матери с пакетом, рабочему у окна. Все они были циклами, функциями, фрагментами прошивки. Он смотрел, как их накрывает свет и тень, как Пакт играет ими, как пьесой по расписанию.

Он расстегнул сумку, пальцы легли на AR-15. Холод металла не был ни сценарием, ни тропом. Это был разрыв сам по себе. Голое «нет», обнаженное до металла.

Один плюс один превращалось в кровь. Пакт трещал, и в этой трещине появлялось что-то живое — не программа и не повтор, а настоящее, что родится в криках, в хаосе, в короткой свободе, длящейся ровно один магазин патронов.

Он не вынимал автомат. Лишь смотрел на него, чувствуя, как тяжесть сумки уравновешивает пустоту внутри — зияющую, как черная дыра. В этой пустоте не существовало ни морали, ни программы. Только спокойствие перед разрывом.

Вагон покачивался. Колеса стучали: *тан-тан, тан-тан*. Глухой ритм стальных колес по непрерывно сваренным путям. Вибрация отдавалась в груди, как второе сердцебиение.

Его завораживал разрыв. Не кровь и не преступление, а сам факт: кто-то здесь сказал «нет». Даже если это «нет» рушило и не спасало, в нем было живое. Настоящее. Новое.

Девушка в белом пальто подняла голову. Блеск очков скользнул по нему — пустой, безразличный. Она отложила мартовский Seventeen: статья о моде шептала — «будь уверенной, будь собой, но следуй трендам: романтические платья, парни в смокингах». Глотнула кофе. На картонном стаканчике из Starbucks чернело имя, написанное маркером: *Мария*. Бумага размокала, буквы расплывались.

Единственное слово в вагоне, которое не было инструкцией или кодом. Просто имя. Казалось, только эта девушка и видела его.

Кто-то в углу закашлял, хрипло, с привкусом сигарет, кто-то открыл банку коки — пшик, шипение газа, как взрыв пузырьков, снятый в студии для рекламы, но здесь, в вагоне, это всего лишь глоток, растворяющийся в общем гуле, фырканье CO_2, газированный воздух, который пили по правилам: освежает, утоляет, вписывается в сюжет.

Пакт нельзя победить наполовину. Он самоизлечивается. Одна клетка умирает, но тело продолжает жить — вагон дернется, лампы мигнут, ребенок замолчит, мать прижмет пакет из Kmart, рабочий у окна стукнется головой о стекло, и все будет как раньше.

Чтобы выйти по-настоящему, нужно не бунтовать по частям, а отказаться от всего сразу — от морали, культуры, чисел, от самого факта «так устроено». Нельзя кричать о хаосе и потом ужинать в Veselka.

Что будет, если сказать «нет» Пакту целиком?

Нет — морали. Нет — культуре. Нет — числам. Нет — самому факту «так устроено».

Что останется?

Снег. Белый, как ее пальто, чистый и холодный, падающий в туннель, где тьма и эхо. И кровь. Теплая, липкая, разлитая по желтым сиденьям с прожженными дырами от сигарет. Смешивающаяся с темной жижей на полу, где чей-то ботинок оставил след.

Кровь, которая не по инструкции, не с катарсисом. Голый хаос. Живое. Новое. Тьма в разрыве, где Пакт рвется, и вагон наконец замолкает.

Поезд мчался сквозь туннель, свет то и дело гас, погружая вагон в краткие мгновения тьмы, где тени сливались в сплошной черный фон, а лица пассажиров исчезали, как кадры, вырезанные из пленки. В эти секунды он почувствовал себя частью этой темноты, невидимым, как тень, скользящая по облупившейся синей краске вагона, где надпись «Fuck NYPD» стерлась от времени. Пластиковая ручка над его головой стукалась о поручень, звенела в такт качке — цок-цок, цок-цок, ритм, как токены в турникете, полтора бакса за проход. Его пальцы легли на тряпку, ощущая металл под ней — AR-15 Colt SP1, 600 выстрелов в минуту, легкий, как пустота, которую он нес в себе.

Где-то впереди, в кабине машиниста, радио проскрежетало что-то неразборчивое — «задержка на 59-й, кризис в Азии, бат рухнул, вона взлетела до тысячи шестисот девяноста пяти... будьте уверены, будьте собой, следуйте трендам, готовьте отчеты...» — и поезд ускорился, унося его вглубь города и самого себя. Поручень дрожал под ладонью, как пульс в виске. Гул колес ложился в такт его дыханию, тяжелому и ровному, как вдох перед выстрелом. Лампы мигали чаще, рваные вспышки освещали Пакт.

Он хотел не трещины, а удара молотом — чтобы бетон разлетелся в пыль. Культура учит плакать, а он выбрал стрелять. Не иконы, не симфонии — только металл и кровь. Он отказался сразу от всего: от

морали, которая говорит — нельзя убивать, как у Достоевского; от культуры, которая требует страдать красиво — как в «Титанике», где Лео тонет романтично, с оркестром и поцелуем; от чисел, которые считают жизнь и смерть — один плюс один равно демография, падение с 25 до 30 бат за доллар, девальвация второго июля, которая унесла миллиарды, как мать с ребенком в углу, где мальчик теребит пуговицу, хнычет «домой», а она шикает, потому что цикл не спрашивает «зачем», и крутится, как колеса по рельсам, сваренным непрерывно для ровного гула, тан-тан, тан-тан, без скрипа стыков.

Тряпка соскользнула, обнажая черный ствол, металл блеснул, отразив мигающую лампу, как вспышка в тьме туннеля, где поезд несся вперед, ревя на 80 децибел, сталь о сталь, искры под фланцами колес. Он встал, неторопливо, без резких движений, словно собирался поправить ремень сумки. Его ботинки хлюпнули в вязкой луже — кофе из Dunkin', смешанном с мочой из угла. Двери лязгнули на повороте, вагон скрипнул, металл заскрежетал по кривой в туннеле под Таймс-сквер. Лишь двое смотрели на него.

Ребенок в углу замер и перестал теребить пуговицу, уставившись широко раскрытыми глазами — зрачками, черными, как туннель, где нет инструкций, только эхо. И рядом девушка в белом пальто подняла голову, блеск ее очков скользнул по нему — пустой, безразличный. Два взгляда: один полон удивления, другой — отражений. Значит, сбой уже начался, молот в его руке, и скоро вагон разлетится, как стекло, оставив снег и кровь, белый и красный, без ярлыков, без «нельзя».

Клацнул затвор — резкий, металлический лязг, как удар болта по стальной направляющей, эхом отозвался в вагоне, перекрыв гул колес. Звук разрезал мир пополам — на до и после. Люди замерли.

Мужчина с пейджером поднял голову, его пальцы застыли над кнопками — рот приоткрылся. Мать прижала ребенка к себе, карие глаза с красными прожилками налились ужасом, губы задрожали, обнажив зубы, пожелтевшие от кофе. Она вжимала мальчика так сильно, будто могла спрятать его под кожей. Ткань пальто смялась под пальцами, ногти впились в грубую шерсть.

Девушка в белом пальто замерла, облупившийся розовый лак ее ногтей блеснул в мигающем свете, но она не закричала, не вскочила —

только смотрела. В ее неподвижности было что-то нечеловеческое. За черными стеклами очков — пустота, экран без сигнала. Она сидела, не шевелясь, сжимая в руке бумажный стакан с кофе.

Первый выстрел ударил в потолок вагона. Пуля 5.56 NATO пробила тонкий металл, гулко треснув, и эхо ударило в барабанные перепонки, запертые в тесном пространстве. Лампа разлетелась, белые острые осколки посыпались вниз, смешались с серой пылью из вентиляционных решеток и осели на волосах и плечах. Свет мигнул, одна лампа вспыхнула и погасла, как перегоревшая нить. В воздухе — запах пороха, — резкий, сернистый, перемешанный с гарью расплавленного пластика.

Нет добра. Нет смысла в работе — клерк с пейджером, его отчет по Азии, где валюта рухнула почти вдвое — с девятисот за доллар до семнадцати сотен, цифры на экране, которые он тыкал пальцем, теперь бесполезны, как лежащий в грязи Wall Street Journal. Нет цикла — мать с ребенком, ее пакет из Kmart с плюшевой собачкой без уха, привычный круг «родись, воспитай, умри» оборван одним нажатием. Нет правил — рабочий с мазутными руками, его сон у окна с нацарапанным матом. Каждая пуля произносила: «нет». Каждая смерть стала отказом подписывать Пакт. Не «спаси систему», не «страдай красиво», а полный разрыв артерии, питавшей жизнь в этом вагоне.

Крики взорвали воздух — пронзительные, рваные, словно визг тормозов поезда, вперемешку с детским плачем, высоким, надрывным, срывающимся на кашель, и матом здоровяков в кожаных куртках: «Сука, что за херня!» Голоса хриплые, прокуренные. Толпа рванулась к дверям, сбивая друг друга — локоть в ребра, кулак в плечо. Одни давили на двустворчатые у середины вагона, кнопка «Open» мигала впустую; другие ломились в межвагонный переход под табличкой NO EXIT, где защелку уже пытались выбить плечом. Тела, тяжелые и липкие от пота, толкались, давили. Пакеты полетели на пол: Duane Reade с банкой пива, пена хлынула, смешалась с кофе из Dunkin'. Газеты разлетелись и сразу окрасились кровью, брызнувшей с чьего-то лица в толпе. Мужчина с пейджером уронил устройство, и пластик жалобно хрустнул под ногами.

Он не прикрывался идеями или лозунгами, не был рыцарем веры, которого оправдают постфактум. Не протест, не месть, не поза панков с ирокезами на платформе, а полный обрыв. Пакт, с его «нельзя», «страдай», «спаси», рвался, как кабель, перерезанный топором, искрясь в темноте туннеля. И когда вагон погрузился в хаос, а крики и кровь — струя из плеча здоровяка, темно-красная, бьющая фонтаном на стену, — обнажили лица без масок, он впервые ощутил, что сделал правильный выбор. Не жест в рамках — а шаг за пределы всех правил сразу, в пустоту, как эхо выстрела, тан-тан колес и тишина после. Он был Рыцарем Бунта. Рыцарем Пустоты.

Второй выстрел. Пуля вошла в спину здоровяка в кожанке, который лез через сиденья, пробив куртку с треском, и вышла наружу — кровь брызнула темно-красными, вязкими каплями. Он рухнул вперед, тело обмякло, колени ударились о пол, руки раскинулись, и кровь пузырилась, стекая на окурки и фантики под ногами. Его товарищ не остановился — перешагнул через тело и толкнул женщину с ребенком, пытаясь пробиться к выходу. Локоть врезался в ее плечо, как таран, и хруст кости прорвался через визг.

Она упала, локоть ударился о металлический пол вагона — глухой стук, как молотком по кирпичу. Кость треснула, и боль прострелила руку, но она даже не вскрикнула — лишь воздух вырвался из легких. Лицо исказилось, губы побелели, голова уткнулась в пол, где лужа пролитого кофе смешалась с осколками пейджера.

Ребенок визжал, его ботинки с белыми шнурками, испачканные кровью, топтали воздух, пытаясь подняться, но толпа напирала — чьи-то кроссовки вдавили его в пол, прижимая плечо. Мать ползла к двери, не оглянувшись, оставив его позади.

Здоровяк, перешагнувший товарища, бил кулаком по двери. Костяшки в перчатке разбились, кровь проступила сквозь ткань, но он не останавливался. Женщина с порванным пальто вцепилась в его ногу, пальцы впились в джинсы, оставляя на них царапины. Он пнул ее в лицо — ботинок врезался в щеку, кожа лопнула, кровь брызнула на штанину, красная полоса на синем. Она откинулась назад, голова ударилась о ножку сиденья, волосы разметались по полу. Он рванул дальше, толкая других, локти работали как поршни, выдавливая плечи и ребра. Кто-

то упал под ним, но он переступил, не оглянувшись. Его расширенные зрачки были прикованы к двери, к спасению, к выживанию любой ценой.

Он смотрел на это, AR-15 теплый в руках от первых выстрелов, и видел, как маски рвутся. Пакт трещал по швам, не в нем, а в них — в тех, кто секунду назад был частью системы, где добро = помощь, семья = святое, ребенок = защити. Теперь все это исчезало. Мораль крошилась, как стекло под сапогом. Каждый убеждал себя: это не я, это ситуация. Не убийство — выживание. Мужчина, толкавший женщину, видел не ее, а дверь. В голове, наверное, мелькнуло: «Все так делают в панике. Иначе я умру».

Эмпатия, которая в обычный день заставила бы его подвинуться, сменилась цинизмом: жертва = препятствие, помощь = слабость, выживание = единственная мораль.

Мать, которая секунду назад шикала на ребенка, теперь ползла, пытаясь его закрыть своим телом. Добро вшивает система — как фильтр, чтобы мир казался терпимым и удобным: добро = норма, помощь = функция. У кого-то фильтр и инстинкт сильнее, у других в фильтр сгорает, и остается голый инстинкт: ребенок = балласт, женщина = помеха, кровь на пальто = цена билета к выходу. Здоровяк пнул, мать ползла, ребенка топтали. Война всех против всех. Никто не остановился, не помог. Маска слетела, обнажив функцию: выживи, любой ценой. А потом Пакт все залечит: «Это был стресс, ты просто паниковал».

Третий выстрел. Пуля пробила грудь подростка в наушниках у двери, вошла под углом, рванула толстовку «No Fear». Ткань лопнула, кровь хлынула по груди — темная, пузыристая от легких. Он осел на колени, руки дернулись к ране, пальцы сразу в крови, наушники соскользнули, ударились о пол. Чьи-то кроссовки втоптали толстовку в пол, оставив грязные следы на рукаве. Мужчина в костюме бросил газету, полез под сиденье, дрожащие пальцы, бормотание: «Боже, нет». Но взгляд метался к двери, и если бы кто-то упал перед ним, он переступил бы — как все. Потому что маска добра — это роскошь мира, где один плюс один равно два. В опасности это сбой, и система потом все исправит: «Я не хотел. Это паника».

Кто-то обмочился, и в этом запахе он видел конец иллюзии: Пакт шептал «будь добрым», но под дулом правда вырвалась желтой струей — люди не герои, не функции милосердия, а машины выживания, где эмпатия — тормоз, насилие — двигатель. Мать доползла до двери, но застряла в толпе, ее пальцы соскользнули с поручня, кровь смешалась с грязью на металле. Она закричала, голос сорвался в хрип, когда пуля вошла ей в затылок: входное — маленькое, круглое как монета; выходное разорвало голову, осколки кости ударили в стену, кровь стекала по волосам, слипшимся в комки.

Ребенок в углу не шевелился. Пустые глаза. В руке — пуговица, оторванная от пальто матери. Пальцы белые как снег. Никто не обернулся — маска слетела, и под ней не было добра, только эгоизм, чистый, как пуля в стволе. Нет ни добра, ни зла, есть выбор — и расплата.

Теперь они будут писать об «ужасной трагедии». Заголовки побегут по всем экранам: «Шестилетний ребенок погиб в метро». Репортажи, кадры, черно-белые фотографии с розами на ступенях станции. Эксперты будут кивать: «общество должно», «нельзя, чтобы это повторилось». Психологи объяснят про стресс и травму, политики скажут про безопасность.

Появятся свечи, мемориалы, мягкие игрушки, выложенные в ряд — как будто плюшевые звери способны удержать от следующего выстрела. Пакт умеет сочувствовать там, где нужно. Он строит витрину сострадания — ровно на ту длину волны, которую можно показать в эфире.

А потом примут новые правила. Больше камер, больше сканеров, больше запретов. «Для вашей безопасности», — скажут они. И клетка станет теснее: меньше свободы дышать, меньше права выбирать. Трагедия станет поводом не для памяти, а для ужесточения. Пакт умеет залечивать, но всегда швом, который стягивает пространство — пока клетка не задушит заключенных.

Но в то же самое время тысячи таких же детей гибнут каждый день. На войнах, где цифры обнуляют имена. От насилия, которое прячут в таблицы статистики. От голода, который в новостях называют

«кризисом продовольствия». Их смерть — фоновый шум, не катастрофа и не мемориал.

Пакт выбирает, кому дать имя, прикрепить ярлык «ужас», а кого оставить цифрой в сводке. Одному ребенку — свечи, игрушки и заголовки. Тысяче других — молчание и графики в отчетах. Сострадание дозируется и подается порциями.

Он зажал спуск, и автомат заговорил длинной очередью — гулкий, дробный «тух-тух-тух», ритм без пауз, перепонки рвались, гул колес тонул в сухом треске, который отдавал в кости. Четыре грамма металла в медной оболочке вспарывали воздух, вонзались в мясо и вышибали брызги крови. Мужчина в костюме рухнул, пуля вошла под ключицу, разорвала галстук и белую ткань рубашки; кровь вспухала пузырями изо рта, пропитывала смятую газету с жирным заголовком о крахе рынков, страницы размокли в луже кофе и мочи. Очередь прошила парня в рваной рубашке — бок шеи лопнул, артерия ударила дугой заливая поручень, на котором еще держались отпечатки грязных пальцев.

Гильзы сыпались, звенели по полу, горячая латунь обжигала ботинки. Красные ошметки сползали по стенам, стекали по облупившейся синей краске, заливали нацарапанные буквы «Fuck NYPD», превращая слова в расплывшееся темное пятно, в котором нельзя было прочесть ни буквы.

Он смотрел, как происходит полный разрыв, где каждая пуля звучала эхом его выбора — не частичного, как в кино, где герой бросает работу, но все равно возвращается за катарсисом, и не как в романах, где предательство неизбежно кончается прощением на последних страницах. Здесь не было возврата.

Толпа рвалась к дверям, люди дрались за выход, топтали упавших, тянули одежду друг друга. Рукав чьей-то куртки треснул, ткань рассыпалась нитками, локоть врезался в лицо, кровь из носа брызнула и смешалась с потом. Крики слились в низкий рев, звериный, животный, перекрывший стук колес — тан-тан, тан-тан — как барабанная дробь перед казнью.

Он остановился. Автомат дышал жаром, ствол AR-15, черный, с фосфатным покрытием, раскалился; тонкая струйка дыма вилась от дульного среза. Пахло жженой нитроцеллюлозой. Вагон застыл в

умиротворении, и только стук колес — тан-тан, тан-тан — ритмом пробивал этот вакуум. Изредка его прерывали стоны раненых: хриплые, булькающие, как пена, что выходила изо рта парня в рваной рубашке с татуировкой на плече.

Справедлива ли смерть этих людей? Нет. «Справедливость» — не мера и не истина, а витрина, которую Пакт натягивает на казнь. Если ему нужно, он полирует расправу: в подвалах Дрездена людей испекли заживо — и это было справедливо, потому что там «враги»; в Хиросиме ядерный свет отпечатывал людей на стенах — и это было благом, потому что «заслужили». Пакт шепчет: враг, и насилие разрешено; шепчет: благо, и пепел пахнет праздником. Пока ярлык держится, смерть объявляют порядком. Как только слово сползает с лица, остается запах горелого мяса, копоть на зубах и тишина, где нет ни правых, ни победы.

Кровь на полу не доказывала ничего. Она не становилась правдой потому, что так сказал Пакт. И сам Пакт никогда ею не был — лишь бухгалтерией смерти, где суммы сходятся, а люди исчезают.

Пакт не маскирует насилие — он его монополизирует: назначает «правильную» смерть и «неправильную». Он — верховный жрец: говорит «благо» — и толпа радуется запаху горелого мяса. Говорит «зло» — и вершит суд.

А напротив него — не жрец и не судья.

Белое пальто, черные стекла. В них — он сам, без оправданий. Ее лицо не выражало ничего — ни страха, ни мольбы, губы слегка разомкнуты, но без дрожи, розовый лак Maybelline на ногтях облупился, но пальцы лежали на журнале Seventeen, март 1997-го, открытом на развороте с Лиэнн Раймс в белом платье с открытыми плечами, романтические платья, «будь уверенной, будь собой, но следуй трендам — милые парни в смокингах», слоган «Just Be», унисекс, 35 баксов за три с половиной унции, флакон в форме цилиндра, фото модели с мокрыми волосами. Она не шевелилась, журнал не сдвинулся, даже когда клякса крови брызнула на глянцевую обложку, расползлась по фото Лиэнн. Он опустил ствол — металл теплый, тяжелый. Она не была частью хаоса, который он создал, не была функцией в цикле, где все бегут, толкают, ползут, срывая маски привычных оправданий —

моральное отключение, где люди в повседневности — в бизнесе, политике, на войне — оправдывают вред, чтобы жить в мире с собой: «это для большего блага», как спасение Уолл-Стрит от кризиса бата, где девальвация 2 июля запустила заражение рынков, но МВФ дал кредиты, реформы, верни порядок; диффузия ответственности, «все так делают», как толпа топчет упавших, не я один; минимизация последствий, «это не так уж и плохо», как клерк с газетой бормочет «Боже, нет», но полез под сиденье, не помогая; дегуманизация жертвы, «они заслужили», как здоровяк пинает мать, потому что «мешает»; «сами виноваты», как спекулянты винят Азию в слабости, а не себя.

Но она не бежала, не кричала, не ползла и не искала оправданий. Она сидела, смотрела, пальцы на странице, словно готовятся перевернуть ее в ритме поезда. Реклама духов шептала «Just Be», и она уже была — не внутри Пакта, где добро = норма, страх = бегство, хаос = смерть, а за пределами, где формулы перестают работать.

Это был полный отказ, такой же как его выстрелы, а не частичный — как чужой протест, который сначала клеймят как вандализм, а потом вешают в галерею.

Она не дезинтегрировала мораль, как все вокруг. Нет. Она наблюдала: стекла очков — черное зеркало, его же пустота, лицо — маска без эмоций. Пакт для нее не работал: она вышла, не подписывая договор, не залечивая трещины, как система умеет залечивать частичные сбои. Ее выбор — не бежать, не молить, не прятаться — был разрывом, как его AR-15: где один плюс один равно пятьдесят шесть, где добро не норма, хаос не конец, а просто есть — живой, настоящий, без фильтров, без «так правильно».

В ее очках он увидел свое отражение. Она не жертва — а соучастник отказа, терминал без данных, где «Just Be» значит не «следуй трендам», а «будь за их пределами» — в снегу и крови, в белом и красном, без ярлыков.

Поезд дернулся, лампы мигнули, тени скользнули по телам, по журналу с Лиэнн, по белому пальто, забрызганному каплями крови.

Он поднял ствол, приставил дуло к подбородку — металл обжег кожу, как поцелуй пустоты. Пальцы сжали спуск. Последний выстрел

расколол вагон, эхом слился с гулом колес. Тело осело на пол, кровь растеклась, впиталась в лужи и смешалась с осколками.

Он предоставил свое доказательство. Кровь стала аксиомой, смерть — теоремой. Все сошлось: Пакт больше не существовал.

Мир схлопнулся — но он не исчез. Внутри расправилось что-то новое, заполняя его.

Его тело менялось: кости хрустнули, позвоночник вытянулся, ребра разошлись, кожа треснула, скулы выдвинулись. Из висков проросли рога — сперва бугры, горячие, пульсирующие, потом кожа разорвалась, и черная кровь брызнула тонкими струями. Рога выгнулись, твердые, как сталь, спиральные, как теги Zephyr на старом вагоне. Не боль, а перестройка, слой за слоем, как Пакт, ломающийся сам в себе.

Он видел: Пакт больше не держит его. Мораль «нельзя убивать», культура «страдай красиво», числа «один плюс один» — все лопнуло. В пустоте родился другой он, нашедший свою положительную свободу. Он был Сатаной — врагом Пакта, разрушителем его формул. Он был Дьяволом — клеветником на Пакт, словом, которое резало ложь его аксиом. Не демон из книг, а полный отказ — без оправданий. Он был истиной, которую Пакт не мог вместить. Кожа потемнела, мышцы напряглись, рога венчали виски короной из тьмы. И он стоял в пустоте, где не было ни стука колес, ни стонов раненых. Девушка в белом пальто смотрела — ее черные стекла, пустые, неподвижные, изучающе отражали его.

И в ее взгляде — зеркало, где Сатана видел себя не чудовищем, а свободой: снегом и кровью, белым и красным.

Девушка в белом пальто закрыла журнал — пальцы оставили кровавый мазок на глянцевой обложке, лак блеснул в последний раз. Она встала, переступила через тела, туфли хлюпнули в крови, но шаг оставался ровным. На следующей станции она вышла. Свет платформы ударил в лицо, неон Coca-Cola мигнул и отразился в лужах, а она продолжала идти — в белом пальто, в темных очках, с журналом под мышкой, — в город, где Пакт еще жил.

Она улыбалась.

Глава 30. На чьей ты стороне

Время таяло, как снег в лужах Старого города. Марк перестал считать дни, погрузившись в блеклую пелену заснеженных улиц и бесконечных ночей, пропитанных сыростью. Он жил у Мари, в ее книжной лавке, где воздух дышал пылью старых книг, а их страницы шептали о мифах, богах и героях, но молчали о том, кем он стал. Днем он листал эти тома, водя когтистыми пальцами по пожелтевшим листам, ища ответы. Но вместо правды находил истории — красивые и лживые, как Город за Барьером. Бесполезные ритуалы и бесконечные объяснения, которые объясняли все и ничего одновременно.

Ночью Круг затихал, и он выходил из дома. Его новое тело — сильное, быстрое — двигалось по улицам, не рождая ни звука. Плащ, черный, как его кожа, глубокий капюшон, скрывающий рога, перчатки. Еще одна тень Круга, существо, которое не принадлежало ни Городу, ни этому забытому миру. Каждый шаг отдавался в груди: он жил, но не знал, для чего.

Теперь он часто бывал в «Бездне» — мрачном заведении Ордера, затерянном в лабиринте Старого города. В отличие от крикливого «Вавилона» с его неоновой суматохой, здесь царила тишина, нарушаемая только звоном стаканов и шепотом. Тяжелые деревянные столы, потемневшие от времени, прятались в нишах, где свет тусклых ламп тонул в табачном дыму. Посетители — угрюмые, усталые, — знали, как не замечать чужаков.

У «Бездны» был свой, особенный запах, который заполнял легкие, едва он открывал тяжелую дубовую дверь. Старое, пропитанное десятилетиями дерево, табачный дым и что-то еще — неуловимо древнее. Так, наверное, будет пахнуть время, если решит остановиться и отдохнуть в темном, душном подвале.

Марк занимал самый глухой угол, брал виски, которое больше не грезило теплом, а лишь горчило на языке, и наблюдал. Слушал. Ждал.

В тот вечер снег за окном едва кружился, оседая на асфальте мокрыми хлопьями. Старые часы на стене, с треснувшим стеклом и ржавыми стрелками, показывали 9:11 вечера — время, застывшее, как

сам Круг, в вечной петле безнадежности. Марк сидел, глядя в пустоту, когда почувствовал, что атмосфера в баре резко изменилась.

Бармен — громила со шрамом через щеку и огромными руками, что могли ломать кости, — вышел из-за стойки. С невозмутимым лицом он подошел к столику, где трое работяг пили дешевое пиво, и что-то шепнул. Те замерли, допили кружки одним глотком, бросили на стол мятые кредиты и вышли, не глядя по сторонам. То же повторилось с другими. Через минуту бар опустел, и Марк остался один.

Рука нащупала пустоту на поясе — пистолет он с собой не брал, и защищаться было нечем. Стук в ребрах участился. Облава? Разборка? Он — чужой на территории Ордера, легкая добыча. Бармен вернулся за стойку, протирал стаканы, опустив глаза. Ждал.

Вскоре дверь звякнула колокольчиком, и в бар вошла Эми.

Не в безупречном костюме, а в потертых джинсах, теплой куртке, с волосами, спрятанными под шапку. Но ее выдавало все: прямая осанка, движения — плавные, точные, без лишних жестов, надменный взгляд. Она была хищником, бар знал это и потому затаился.

Не глядя на пустые столы, она направилась прямо к Марку и села напротив, точно это был ее кабинет.

— Марк, — в ее вкрадчивом голосе все также звенели властные нотки. — Нам нужно поговорить.

Он откинулся на спинку стула, и капюшон соскользнул, показав его новое лицо: черная кожа, похожая на хитин, обтягивающая скулы и виски, рога, выгибающиеся из-под волос. Он ждал ужаса, отвращения, — так смотрели на него те немногие, кто видел его лицо. Эми замерла на миг, ее зрачки сузились, и в них мелькнул не страх, а холодный интерес, как у хирурга, разглядывающего необычную опухоль.

— Вот как? — выдохнула она, но тут же ее лицо разгладилось, маска корпоративной вежливости вернулась на место. — Серьезно тебя обожгло, Марк.

Марк уловил ее реакцию — она не боялась его облика. Ее удивило не то, что он выжил — это, очевидно, она и так знала. Ее поразил масштаб его превращения. То, во что он превратился после взрыва.

— Что тебе нужно? — его голос был низким, с хрипом, как скрежет металла по бетону.

Губы Эми тронула тонкая улыбка, руки властно легли на стол — она готовилась к броску.

— Мы обеспокоены, Марк. Твоими... связями. Это... эта твоя торговка книгами, Мари. Ты понимаешь, во что ввязался?

Ярость вспыхнула в нем, острая, как его когти. Они — Лили, Агентство — сожгли его жизнь, вырвали его человечность, превратили в *это*, а теперь их марионетка сидит здесь и говорит о Мари как об угрозе.

— А тебе какое дело? — еле сдерживаясь, выдавил он, и дерево стола хрустнуло под его пальцами, рассыпаясь в щепки.

Эми не дрогнула, и даже сильнее наклонилась вперед.

— После того, что с тобой сделали, тебе нужно было укрытие. Мы понимаем. Но Мари... она не та, кем кажется. Она опасна. Ты думаешь, что знаешь ее, но это не так. Это не девочка, которую ты просто... трахнул.

Ее слова были клинком, завернутым в бархат фальшивого сочувствия. Она говорила с ним, как с машиной, которую можно перепрограммировать, вернуть в строй.

— Опасна? — его губы скривились в подобии усмешки. — Вы сожгли меня заживо. Вы сделали меня *этим*. И это *она* опасна?

Эми чуть склонила голову, и в ее голосе мелькнула тень сочувствия.

— Давай будем точны, Марк. Не мы, а Агентство сожгло тебя. Им плевать на тебя и всех остальных, у них свои интересы. Мы — другие. Мы видим в тебе потенциал. Не инструмент, а... нечто большее.

Она делала то же, что и любой хороший следователь на допросе — создавала образ общего врага. «Они плохие, а я тебя понимаю». Дешевый прием. Но она исполняла его с такой безупречной искренностью, что это пугало. Не лгала, а верила в свою ложь. Или, что еще страшнее, для нее не существовало разницы между ложью и правдой.

Его боль использовали как отмычку, вскрывая защиту, ставя себя и Лили выше тех, кто его уничтожил. Ярость в Марке смешалась с подозрением. Она играла, но в какую игру? Ложь? Правда? Или что-то третье, где и ложь, и правда — части одной мозаики?

— Хватит врать, — оборвал он ее, наклоняясь ближе. — Вы все — одна стая. Пешка я, а не вы.

Эми улыбнулась шире, ямочки на ее щеках казались живыми, но глаза оставались мертвыми.

— Ты детектив, Марк. Тебе нужны факты и улики. Хорошо.

Она достала из кармана куртки браслет — простой, как тот, что он носил раньше. Положила на стол, пододвинула к нему.

— Что это? — спросил он, не касаясь.

— Доступ, — Эми говорила мягко, растягивая слова, — слишком мягко. — Зарегистрирован на офицера Центра, который... ушел в долгосрочный отпуск. Чип взломан. Полный доступ к базам данных Центра. Изучи их. Начни с книжных магазинов, поищи данные по другим Городам. Ты все сам поймешь, когда увидишь паттерн.

Ее спокойный голос словно звучал внутри него.

— Мы не хотим вмешиваться в ваши отношения с Элизой, или с этой твоей... любовницей. Мы хотим быть уверены, что ты отдаешь себе отчет в том, что ты делаешь. На чьей ты стороне.

Марк знал, что с ним играют, но не понимал, в чем подвох. Связи Мари с криминалом — не секрет, пускай даже она торгует не только книгами. Кого это волнует в Круге?

— А вы на чьей? — спросил он глухо.

Снова улыбка, и те же ямочки.

— Мы и есть *сторона*, Марк. И если тебе дорога Элиза, то стоит держаться именно нас. Кстати, будь я на ее месте, мне было бы обидно — как быстро ты ее... *заменил*.

Слова Эми ударили прямо в ту рану, которую он так старательно прятал. Марк сжал кулаки, когти впились в перчатки, разрывая кожу. Эми уловила его реакцию, и легкая тень удовлетворения скользнула по ее лицу.

— Изучи отчеты, о которых я говорила. Убедись сам. Через неделю, в семь утра, готовься встречать гостей.

Она поднялась, собираясь уходить. Марк взглянул на браслет, и наконец решился спросить.

— Где Элиза? — спросил он, звериным, чужим голосом.

Эми повернулась, поправляя шапку. Ее движения были плавными, но в них чувствовалась смертельная, сжатая до предела энергия.

— Мы позаботимся о ней, — сказала она сухо. — И не делай глупостей, Марк.

Дверь звякнула, и бар утонул в тишине.

На столе лежал браслет — чужой, тяжелый. Он знал, что это ловушка. Но знал и другое: он не сможет не взять его.

Глубокой ночью он вернулся к Мари. Лавка была погружена во мрак, только слабый свет окна падал на ее лицо, пока она спала, уткнувшись в книгу. Ее дыхание было ровным, но каждый вдох звучал для Марка упреком в его сомнениях. Пока нельзя рассказывать ей встрече с Эми и браслете. Нужно разобраться самому.

Он поднялся на второй этаж лавки, где в углу стоял старый терминал, покрытый пылью. Осторожно вставил браслет в разъем. Экран мигнул, оживая, добрался до ста процентов, включился.

— Обнаружена информация, связанная с нашим текущим местоположением.

Шейд развернулся в воздухе, мерцая в полумраке, как беспокойный дух, освобожденный из пыльного терминала. Вечерние новости. Лили Фрейзер стояла на трибуне — безупречная, в белом костюме. Ее идеальное, неживое лицо блистало под вспышками виртуальных камер.

— Комитетом Города принято решение о проведении благоустройства одного из прилегающих районов, а именно — его исторической части. Старый город станет безопасным и современным. Санация и реновация — это не просто восстановление инфраструктуры. Это возвращение жизни. Мы сотрем грязь прошлого, чтобы построить будущее.

Камера сменила картинку, показав карту: часть Старого города обведена красным контуром — зона экспансии, зона сноса. Эпицентром красного круга пульсировал генератор.

Лили говорила дальше; голос смягчился, и казался от этого еще более зловещим.

— Мы не забудем тех, кто страдал. Ветераны, чьи жизни были сломаны в Великой войне, получат поддержку. Бедные, что ютятся в тени заброшенных домов, найдут новый дом. Генератор — символ старого мира — станет центром возрождения. Мы модернизируем его,

превратим в маяк прогресса, который осветит Старый город и даст надежду каждому.

Показали кадры: ветераны в потрепанных куртках, сидящие у стен, их костыли и протезы блестели под дождем. Бездомные, укутанные в рваные одеяла, грелись у костра.

Дешевая, грубая работа. Лица были слишком благородно-страдальческими, одеяла — живописно рваными. Не реальность, а ее глянцевая, выхолощенная симуляция. Контур создал ее для зрителей в Городе, которые хотели верить, что их правительство не сжигает трущобы, а несет свет и милосердие. И эта ложь, такая очевидная для него, транслировалась как документалка.

Теперь он осознал, что игра окончена, и он проиграл еще до ее начала. Эми подсунула ему браслет, заманила в игру с обещанием ответов, но это была приманка. Лили, стоящая за ней, уже спланировала удар — не по нему, но по всему Кругу, по Ордеру, по каждому, кто осмеливался существовать вне Города. Это не реновация, а чистка. Они не собирались возвращать жизнь — они собирались стереть все, что не вписывалось в их стерильный мир. Начиная с генератора, питающего сектор, и заканчивая теми, кто цеплялся за него в надежде выжить.

Карта сменилась кадрами: бульдозеры, готовые вгрызться в бетон, дроны, парящие над генератором, их камеры сканировали улицы. Лили продолжала:

— Мы обеспечим порядок, безопасность и будущее. Старые развалины станут частью Города, и никто не останется в стороне.

В ее словах не было угрозы — только уверенность, как у хирурга перед ампутацией. Марк чувствовал, как его новая сущность шевелится внутри, рыча от ярости. Лили подожгла его дом. Они знали, где он, знали, где Мари. Они знали все. И загоняли его, как зверя, в угол, где каждый шаг вел в западню, и генератор — сердце Круга — станет их первым трофеем.

Он сидел в полумраке второго этажа лавки, уставившись в воздух на месте потухшего шейда, и в его голове эхом звучали слова Лили Фрейзер. Браслет на столе пульсировал, как живое существо, впитавшее в себя чужие секреты.

Одна мысль крутилась в его сознании, возвращаясь снова и снова: что мешало им транслировать правду? Показывать на экранах то, что есть на самом деле — грязь Круга, руины, где ветер свистит сквозь трещины в бетоне, людей, цепляющихся за жизнь в орбите генератора — в домах, в подворотнях, в заброшенных цехах, где его гул был единственным напоминанием, что Круг еще дышит.

У них были камеры и дроны, способные снять что угодно. Но зачем? Гораздо проще подменить реальность — картинкой, симуляцией, удобной версией, где все блестит, и страдания скрыты за слоем цифрового лака.

Пока оставались люди, которые видели Круг в его истинном обличье. Пока еще были те, кто не заменил часть мозга синтетикой — здесь, в Круге, да и часть людей в Городе.

Но что будет, если их не останется? Когда у каждого в голове окажется прошивка, переписывающая восприятие, как патч Дианы, пульсирующий под кожей? Тогда декорации будут не нужны. Достаточно пакета данных, впрыснутого прямо в мозг, — и грязь превратится в сад, руины в башни, а голод в сытость. Зачем строить небоскреб, если можно встроить его в память — идеальный, безупречный, где каждый этаж освещен фальшью? Зачем мясо, если можно влить раствор — химический коктейль, дарующий вкус стейка, запах жареного жира, ощущение сытости?

Марк вспомнил древний фильм из тех, что он видел в детстве. Там людей использовали для генерации энергии, транслируя им в мозг виртуальную реальность — мир иллюзий, где они жили, не подозревая о своей тюрьме. Такие люди-батарейки обладали свободой воли: они могли проснуться, бороться, стать героями, разрывая систему изнутри. Но это — выдумка. В таком мире не может быть героев и бунта. Достаточно сломать мозговые центры — агрессии, например, или любопытства. Зачем транслировать им жестокий мир капитала, полный боли и борьбы, если можно сгенерировать рай для всех по цене одного ватта электроэнергии? Идеальный, безупречный рай, где каждый день — вечное блаженство, а вопросы не возникают, потому что их попросту *нет в прошивке*.

Сегодня они транслируют синтезированное видео и Лили на трибуне, обещающую «возрождение». Ветераны — те, кто ковыляет на самодельных протезах, в ее роликах превращаются в героев, которым «окажут поддержку». Бедняки, роющиеся в мусоре у заброшенных цехов, становятся «будущими гражданами Города», которым «дадут шанс». Но Марк видел правду: это изгнание. Генератор станет их первым трофеем: модернизированным, очищенным, превращенным в инструмент контроля, где энергия питает не свободу, а иллюзию. Сегодня часть мозга — синтетика, завтра — синтетическая жизнь: просыпаешься, и мир уже не твой, а их, где боль — это сбой, а несогласие — ошибка в коде.

И выхода не будет. Не потому, что человек не захочет бежать — а потому что он не сможет даже *подумать* о побеге. Мысль о сопротивлении растворится в потоке данных, как снег в луже у ржавых ворот цеха. Диана не хотела стрелять — он помнил ее глаза, полные ужаса, когда ее рука изрыгала огонь, — и это было кошмаром, разрывом между волей и действием. Но куда страшнее представить, что ее можно *заставить хотеть стрелять*. Чтобы ее желание совпадало с чужой командой, как у фуллеров — этих существ, у которых каждый нерв подчинен серверам. Нужно только удалить неправильную, *гномическую волю*, как ее называли в книгах, и останется лишь одно желание, общее для всех.

Фуллеры — предвестники. Они уже не люди, а машины в оболочке из мяса, где воля заменена на команды, а эмоции — на переменные. Их свобода — в дозволенных инструкцией рамках — выпить кофе или чай. Следующий шаг — исчезновение человека, его растворение в коде. Программа вместо воли, где каждый импульс, каждая мысль — часть большего скрипта. Запрограммированная кем? Слепой системой, эволюционировавшей из сетей и баз данных? Кем может управлять такая система, самой собой? Но зачем ей это? Ради чего?

Лили стояла на трибуне, обещая «помощь» ветеранам и беднякам, которые торгуют обрезками проводов за еду. Но это не помощь — это эвтаназия под видом прогресса.

Люди отказались от свободы ради безопасности, еды и комфорта — древнейший обмен, где цепи кажутся подушкой, а клетка — домом.

Да, они получат рай, в конце концов, но ценой чего, себя самих? Кто будет наслаждаться стейком — программа, которой на ввод передали пакет данных с хедером «стейк», симулирующий вкус, аромат, сытость? Система, программирующая сама себя в бесконечном цикле предопределенности, где каждый импульс — не выбор, а эхо кода?

Рай, о котором мечтали раньше, — разве это не то же самое? Мир без боли, без сомнений, без зла — только покой. Тогда к нему шли через веру, теперь — через код. Смысл не изменился: устранить человека ради его счастья. Избавить от страдания, от выбора, от самого источника хаоса — желания. Чего может желать тот, кто все имеет?

Раньше обещали награду после смерти, теперь выдадут авансом. Просто подключись — и больше не придется верить или молиться. Бога заменит алгоритм: он точнее, надежнее, не расставляет по разные стороны и не судит. В этом их новый рай — идеальный покой, где не останется никого, кто смог бы различить подмену. Или рай был таким *с самого начала? Чем* будут те, чьи желания никогда не противоречат воле Бога — искусственным интеллектом с набором корпоративных политик?

Мари уже спала. Теперь отсчет шел на часы. Скоро здесь будут дроны, фуллеры, или что похуже. Но он не даст им переписать себя, как Диану, как весь Город.

Но он не склонится ни перед системой, ни перед Богом.

Глава 31. Лучше их просто не замечать

В окне забрезжил тусклый рассвет. Мари спала — ее ровное дыхание было единственным настоящим звуком в этом странном, почти алхимическом убежище.

Стены утопали в стеллажах, доверху забитых пыльными книгами. На корешках еще можно было различить выцветшие названия: Ars Notoria, Codex Gigas, Malleus Maleficarum, De Praestigiis Daemonum — большие, тяжелые тома. Непонятно, как все это пережило войну.

Стараясь не разбудить Мари, он встал и оделся. Даже во сне она не снимала визор — тонкая полоса света пересекала ее лицо, словно след чужой технологии на коже живого человека.

Она дала ему убежище, когда он стал призраком, застрявшем в ледяном аду. Ответы — или их подобие — в ее книгах, в молчаливой поддержке. А теперь ее дом, ее хрупкое существование в Круге оказалось под ударом. Лили и Эми знали, где они, и не остановятся, пока не сотрут все, что ему дорого.

Положил в карман куртки браслет, что дала ему Эми — бесполезная игрушка в их новой игре. Мари не должна знать о его встрече и браслете. Не сейчас.

Предрассветный воздух, морозный и сухой, царапал грудь. Снег прекратился, оставив Старый город под тонким покрывалом снега, на котором был виден каждый след. Круг спал, но тишина была обманчивой — затишье перед гласом Города, нарастающим за Барьером. Его чувства работали на пределе: он слышал низкий гул генератора за много кварталов отсюда, улавливал малейшее движение в темных подворотнях — шорох крыс, скрип ржавых ворот, дыхание спящих в заброшенных домах. Он больше не жертва, прячущаяся в тенях. Он стал охотником на своей земле, и эта мысль будила в нем что-то древнее и животное, готовое к схватке.

Штаб Ордера уже жил лихорадочным ритмом подготовки к бою, несмотря на ранний час. Люди Дерека в черных куртках с белыми крестами двигались быстро и слаженно. Проверяли оружие, перетаскивали ящики с боеприпасами, бросая короткие, резкие фразы.

Когда Марк вошел на территорию старого завода, их взгляды скользнули по его плащу, по глубокому капюшону, скрывающему лицо. Без любопытства — только мрачная, сосредоточенная готовность. К нему уже привыкли.

Дерек стоял в своем кабинете — тесной комнате с облупленными стенами, где над большой тактической картой Старого города горела одинокая лампа. Он не спал всю ночь, его лицо посерело, глаза светились безумной энергией. Конец приближался, но он отказывался его принимать. Карта была изрисована красными и синими линиями, пометками о позициях, складах и подходах к генератору.

Марк подошел к столу и откинул капюшон. На миг лицо Дерека потеряло невозмутимость, выдав смесь омерзения и почти суеверного страха. Это было и отвращение к противоестественному, неправильному, и ужас перед силой, способной сотворить такое с человеком. Он отвернулся.

— Ты был прав, коп, — сипло буркнул Дерек. — Они объявили зачистку.

— Я видел, — ответил Марк. — Что планируешь делать?

Дерек стукнул кулаком по столу, лампа подпрыгнула.

— То, что всегда. Расти заминирует подходы, Слим поднимает своих на рынке.

— Бесполезно, — Марк бил точно и безошибочно. — Они пришлют фуллеров и дроны. Вас сотрут в порошок, и ты это знаешь. Вы все умрете.

Дерек стиснул кулаки, вена на шее вздулась.

— А что ты предлагаешь? Сбежать? Сдать им генератор без боя?

Марк подошел к маленькому, грязному окну, выходящему во двор. Мужчины в черных куртках тащили огромный ящик, затем уронили его, матерясь. Пар от голосов поднимался, растворяясь в морозном воздухе. Он чувствовал их страх, их решимость и отчаяние так же отчетливо, как гул генератора, пульсирующий где-то вдали.

— Расскажи, как это обычно проходит, — попросил он, не отворачиваясь от окна. — Я видел отчеты, но это всего лишь цифры. Как это происходило на Северных фермах?

Дерек оторвался от карты, отодвинув кресло так, что оно чуть не свалилось.

— На фермах? — он сплюнул на грязный пол. — Никак. Они выставили кордоны, запустили дроны для острастки. Пара выстрелов в воздух — и все. Никто не сопротивлялся. Фермеры собрали свои пожитки и ушли вглубь Круга. Молча, как скот.

Марк повернулся.

— Но это не фермы. Если ждать их здесь, весь Старый город станет мясорубкой. После такого все равно придется уйти на Запад или в Истсайд.

Он подошел к столу и склонился над картой. Разобравшись, указал на зону заброшенных складов и цехов между Старым городом и Барьером.

— Нужно встретить их здесь. Они думают, что мы будем оборонять генератор, сидеть в ловушке. Мы ударим на подходе, в этих заброшках. Устроим засаду.

Дерек прищурился, его взгляд скользнул по карте, затем по Марку. Усталость исчезла, оставив холодный интерес стратега, оценивающего новую фигуру на доске.

— Засада? — он помолчал, обдумывая диспозицию. — Да, это лучше, чем ждать их тут.

Ткнул мозолистым пальцем в карту.

— Вот здесь. Старый завод «Циклон» и высотки-близнецы. Идеальные крыши. Оттуда мы можем контролировать единственную дорогу, по которой они пойдут.

— Они ударят дронами в первую очередь. — продолжал Марк. — Чтобы просканировать местность и подавить сопротивление. Нужны пулеметчики и антидронщики. На каждой крыше.

Дерек кивнул, соглашаясь. Нажал кнопку на селекторе.

— Расти, зайди.

Через минуту в кабинет вошел механик, вытирая руки грязной тряпкой.

Расти — невысокий, коренастый, в промасленном комбинезоне, когда-то синем, теперь мутно-желтом. От него пахло не алкоголем, как от большинства в Круге, а машинным маслом.

Вместо левого глаза — старый кибернетический имплант: тусклая, поцарапанная линза, которая слабо жужжала, когда фокусировалась, и могла видеть в нескольких спектрах. Он заставлял старые, умирающие машины Круга работать.

— Слушаю, босс, — сказал Расти, моментально оглядев Марка. Линза мигнула, но он не выдал удивления.

— «Циклон» и высотки, — Дерек указал на карту. — Готовь позиции. Два крупнокалиберных пулемета на каждую крышу. И все антидронные ружья, что у нас есть. Людей выдвинуть сегодня ночью, в метель. Берите антитепловизорные плащи. Чтобы до последнего момента они нас не заметили.

Расти молча кивнул.

— Ложные тепловые цели на соседних домах. — продолжал Дерек — Короткие ЭМ-импульсы на подлете — не держать постоянно, чтобы нас не вычислили по помехам. Проведи I-образный минный коридор в проходах между складами. Нужен второй рубеж отхода через подвалы «Циклона». Радио — молчок, только свет и жесты.

Расти кивнул опять, и вышел, не говоря ни слова.

— Плохо, что мы не знаем точного времени начала, — отметил Дерек, снова поворачиваясь к карте. — Мы не можем держать людей в засаде на морозе сутками. Рано или поздно кто-то совершит ошибку, и их засекут.

Слова Эми в баре вдруг обрели новый смысл. «Через неделю. Семь утра». Она говорила не о встрече, а о гостях, которые придут, но не за ним. Эми могла лгать, но не в этом. Она могла скрывать мотивы, подсовывать браслеты-ловушки, но время? В этом не было смысла. Скорее всего она пришла именно за тем, чтобы сообщить время. Зачем?

Значит, Лили хотела, чтобы они получили преимущество.

— Следующий четверг. Семь утра, — сказал Марк.

Дерек недоверчиво покосился на него.

— Откуда ты это знаешь?

— Не важно, — отрезал Марк. — У нас есть точное время. Мы успеем подготовиться.

Дерек еще мгновение изучал его, а затем, видимо, решил, что вопросов задавать не стоит и кивнул.

— Хорошо. Будем готовиться к четвергу.

Другой вопрос не давал Марку покоя. Слова Эми крутились в голове, и он понимал: не проверить — значит самому шагнуть в капкан. Нужно прояснить связи Круга с Лили.

— Дерек, — его голос понизился. — На днях в «Бездну» приходила женщина, помощница Лили Фрейзер. Твой бармен выгнал из бара всех, чтобы мы могли поговорить.

Дерек помрачнел, отвел взгляд от карты и тяжело сел в свое кресло.

— Это был их... приказ.

— Приказ? — Марк не мог скрыть удивления. — Они приказывают Ордеру?

— Не приказывают, — губы Дерека изогнулись в сухой усмешке. — Они просят. Но их просьбы — это то, чему ты не хочешь сказать «нет». Лили Фрейзер и ее секта — не обычная банда Круга. Им не нужны генераторы, территория или кредиты. Они... другие. Им нужны *люди*.

Он с силой надавил пальцами на виски, глядя в пустоту.

— Мы не знаем, кто они на самом деле. Но они здесь, в Круге, уже очень давно. Гораздо дольше, чем Ордер или Сектор-17. Они как... плесень, которая проросла везде. У них есть влияние, есть люди в каждой банде. Мы даже не знаем, кто именно. Это может быть обычный охранник или... Расти например. Никто из боссов не хочет связываться с ними. Проще оказать услугу и надеяться, что тебя оставят в покое.

Было видно — он изо всех сил старается не заснуть. Измотан до предела.

— Они фуллеры? — спросил Марк, пытаясь ухватиться за единственную известную ему категорию.

Дерек издал короткий, горький смех.

— Нет, — ответил он. — По большей части это люди из разных сект, вроде «Детей Хаоса» и похожих. Но не фуллеры. Они не по технике, а скорее... По всякой дьявольщине. Я бы не верил в это все, но... я слышал слишком много рассказов о том, что они могут с тобой сделать. Видел одного парня, который сошел с ума, нес какую-то херню, вырезал на себе разные знаки и пускал слюни. Пришлось его пристрелить, чтоб не мучился.

Он закурил сигарету, дым заклубился под лампой.

— Я много брал у твоей... подруги книг про это дело, но толку с них никакого. Всякие там защитные круги, амулеты... Говорят, все это хрень собачья, и никому не помогло. Так что я решил — лучше просто их не замечать, а если просят — то делать что скажут. Может, это трусость, а может я — чертов гений.

Дерек невесело усмехнулся.

— В конце концов, я военный, а не сраный экзорцист или как там их называют.

Культ. Люди в каждой банде. Сеть, пронизывающая Круг. Все связано. Нужно обдумать это, но позже. Сейчас нужна помощь, любая, от кого угодно.

— Может, стоит поговорить с другими бандами? — предложил Марк. — С Воронами, с остальными. Собрать всех. Если Город придет за одним генератором, завтра он придет за следующим. Они должны это понимать. Вместе отбить атаку будет проще.

Дерек глянул на него так, будто Марк предложил договориться с дождем, чтобы тот перестал идти.

— Созвать Совет? — в голосе прозвучала горечь. — Ты до сих пор мыслишь, как коп. Как человек из Города. Думаешь, мы тут братья по несчастью?

Он говорил спокойно, как о чем-то само собой разумеющемся.

— Вороны, Сектор-17, Истсайд... мы — не союзники. Мы — волки в одной клетке. Терпим друг друга, пока у всех есть свой кусок мяса. Но как только один ослабнет, другие его сожрут.

Дерек развел руками, как бы удивляясь наивности собеседника.

— Если мы проиграем эту битву, для них это будет не трагедия, а праздник. Они будут стоять в стороне и надеяться, что Город, поглотив наш сектор, насытится надолго. Что он будет долго переваривать нашу территорию, и это даст им лет пять спокойной жизни. Они не помогут нам, а будут ждать нашей смерти. Мы одни.

Что ж. Мы и правда одни.

Марк вышел в морозный рассвет. Разговор не принес ему облегчения. Наоборот, он добавил в его и без того непонятный мир еще один слой тумана.

Слова Дерека продолжали звучать у него в голове, как заевшая пластинка.

Люди из разных сект, вроде «Детей Хаоса». Лучше их просто не замечать.

Сразу вспомнилась Анжела. Странная, тихая девушка из того дома, где он видел первую версию убийства. Ее ритуальное спокойствие, пустая квартира с пентаграммой на стене. И тот хор голосов у него в голове, который закончился словом «Хаос».

Тогда он не понял, что она с ним сделала. Но теперь, увидев суеверный страх в глазах Дерека, начал догадываться. Люди Ордера боялись «Детей Хаоса» не потому, что те были бандитами, а потому, что жили вне правил. Вне самого устройства этого мира.

Затем он вспомнил о записке для Сайласа, что он нашел в его столе.

..они могут свести тебя с ведьмой. Говорят, у нее разноцветные глаза...

Ведьма с разноцветными глазами. Элиза.

Все связано. Лили, Элиза, «Дети Хаоса». Не банда или культ, а целая сеть, раскинутая по всему Кругу. Ловцы человеков.

Убийства, которые совершали фуллеры Агентства, не были случайными. Они не просто устраняли «мистиков», а методично, одного за другим, вырезали людей Лили. Сколько трупов было зарегистрировано по делу, которое они вели в Центре? Десятки.

Выходит, похищение Элизы — не арест, а удар по их королеве. И сейчас с ним встречалась Эми — а значит, за Лили следят.

Все это походило скорее на добивание, чем на войну. Лили проигрывала. В этой тайной, невидимой войне между ней и Агентством она теряла позиции.

И он, Марк, приняв помощь от Эми, согласился работать на них. Сам того не зная, он записался в армию, которая отступала. Пешка на стороне, потерявшей половину фигур.

Он остановился посреди заснеженной улицы и запрокинул голову, глядя в тяжелое, безразличное небо.

И тогда, вслед за этой мыслью, пришла другая, еще более мучительная.

Почему? Почему она не рассказала ему всего?

Столько времени они были вместе. В той убогой, пропитанной сыростью квартире, на крыше под дождем, в машине, в офисе Центра. У нее было столько возможностей сесть рядом и сказать: «Марк, мир не такой, каким кажется. Есть война, о которой ты не знаешь. И ты — ее часть».

Но она этого не сделала.

Вместо этого она морочила ему голову. Играла с ним, кидая из одной реальности в другую. Весь этот фарс с Центром, с Барри, с его новой ролью детектива. Она не вела его к правде, а тащила его сквозь лабиринт лжи и безумия.

Зачем?

Он прокручивал в голове каждый их разговор.

Она видела его насквозь. Она говорила о разрушении так, будто читала его самые потаенные мысли и знала о нем все. Но вместо того, чтобы сказать ему, она предпочла, чтобы он стал Иудой.

Осознание пришло незаметно, само собой.

Она не могла ему сказать. Тот Марк — уставший, циничный коп, живший по правилам Города, — никогда бы ей не поверил. Его логика, вся жизнь, построенная на законах Города, отвергли бы ее слова. «Война? Хаос? Ведьмы?» Для него это прозвучало бы как нелепая шутка.

И что бы он сделал, если бы поверил ей? Испугался, сбежал, сошел с ума, как тот парень, о котором говорил Дерек?

Ей нужно было разрушить его веру в реальность, в систему, в самого себя. Каждый сдвиг, каждый момент, когда иллюзия ломалась, были уроками. Жестокими, выжигающими его человечность, чтобы пробудить нечто иное.

Элиза не морочила ему голову. Она проводила операцию на его сознании без анестезии, вырезая реальность, как опухоль, и заменяя его чем-то иным. Она хотела, чтобы он сломал систему.

Он остановился и схватился за фонарь, и случайный прохожий шарахнулся в сторону, ругаясь вполголоса.

Но теперь он знал: Элиза проигрывает. И если он останется с «Детьми Хаоса», то будет уничтожен.

Но был ли у него выбор? Агентство тоже охотилось за ним. Они сделали его этим — монстром, тенью, что не вписывается в их стерильный мир. И Мари... единственное, что держало его здесь, в этом хрупком убежище, которое скоро станет пеплом.

Под пепельным небом мысли обрывались, уходя в пустоту. Он не хотел быть ни на чьей стороне.

Внутри накапливалась ярость, готовая прорваться криком: не бежать и не прятаться, а крушить. Если для этого нужно стать разрушителем — пусть будет так.

Интермиссия. Лили

Эми вернулась в башню БиоТех поздно ночью. Она поднялась на личном лифте на самый верхний, жилой уровень. Здесь не было ни офисов, ни лабораторий, и все подчинялось выверенной эстетике корпорации. Этаж состоял из глухих коридоров, ровных поверхностей и одинакового света. Ни дверей, ни надписей, ни малейшего признака функции — только форма.

Квартира Лили встретила ее полумраком. Единственным источником света были панорамные окна, из которых открывался головокружительный вид на сияющий внизу Город.

Лили сидела в кресле из белой кожи у окна, ее силуэт вырисовывался на фоне огней. В руке — бокал с вином. Даже не обернулась.

— Ну что? — спросила она.

Ее голос был спокоен, как всегда. Но Эми, которая знала ее лучше, чем кто-либо, уловила в нем едва заметную нотку напряжения. Лили была встревожена.

— Хорошая новость в том, что он все еще думает об Элизе, — ответила Эми, останавливаясь в нескольких шагах позади. — Он привязан и уязвим.

— Значит, он уязвим, — повторила Лили. — Дальше.

Эми подошла к окну и встала рядом.

— И плохая новость... я не знаю, что он теперь такое.

Она замолчала, выстраивая в голове единственно верную формулировку. Нужно было подать новость так, чтобы Лили не запаниковала. В последнее время она срывалась слишком часто.

— Он показал мне свое лицо, — наконец продолжила она. — Он в сдвиге, но этот сдвиг — постоянный. Мы не можем проявлять свое... настоящее лицо долго, это забирает столько сил. А он *такой* все время.

Через секунду все это сменилось привычным хладнокровием. Лили поднялась и подошла к окну. Огни Города освещали ее, превращая лицо в безупречный, холодный мрамор. Эми ждала. Сейчас Лили перебирала возможности и варианты действий.

— Я не знаю, что это значит, — наконец произнесла Лили, и в ее голосе не было ни страха, ни удивления. — Непохоже, чтобы он проснулся сам. Он стал чем-то... иным.

Сияющая паутина Города мерцала внизу.

— Но тем больше он нам нужен, — заметила она, и ее отражение в темном стекле походило на тень королевы, осматривающей свои владения. — Значит, можно существовать в сдвиге постоянно. Если мы поймем, как это работает, мы сможем сделать это со всеми нашими детьми. Мы получим совсем иную армию.

Она повернулась к Эми, и в ее глазах горел тот самый уверенный огонь, который Дженнифер видела в них много лет назад.

— Наш план не сломался, Эмили. Он... стал масштабнее.

Глава 32. Послание, скрытое в паттерне

Два дня прошли в непрерывной, изматывающей работе. Никто не спал — было некогда. Марк вместе с людьми Дерека таскал ящики с патронами, обустраивал ячейки в пустых квартирах верхних этажей, проверял оружие. Его тело легче переносило холод и усталость, но под весом ящиков он все равно задыхался, ноги тонули в сугробах, спотыкались о ледяные обломки.

Ветераны, сначала бросавшие на него настороженные взгляды — чужак в плаще, лицо под капюшоном, — к концу первого дня перестали обращать на него внимание. Он делал то же, что и они. Здесь доверие зарабатывали не словами, а тем, что донесешь ящик до конца улицы и не бросишь его посреди бури.

Под вой метели они переправляли оружие со складов Ордера в заброшенную промзону. В темноте, где фонари едва пробивали снежную мглу, каждый шаг был на ощупь, а снег глотал все звуки. Ящики с гранатами и обоймами натирали руки и спину. Снег хлестал по лицам, ледяные крошки скрипели на зубах и под ботинками.

Казалось, что метель не скрывает их, а наоборот, обнажает — будто за снежной завесой кто-то невидимый наблюдает за ними. Словно каждая их вылазка, каждая занесенная коробка фиксируется невидимой камерой.

На крышах «Циклона» и двух высоток-близнецов установили тяжелые пулеметы M-92 Reaper. Сапоги вязли в снегу, и каждый удар металла о бетон звенел слишком громко, пока кувалдами вгоняли клинья в бетон. Расти просунул под станину кусок резины, чтобы гасить отдачу, сошники подперли в плиту. Затем позицию обложили мешками с мусором, присыпали снегом и утрамбовали прикладами.

Чуть поодаль закрепили переносной миномет на трехопорном стабилизаторе. Вбили ножки, выставили уровень, ротор повернули на секунду — короткий визг электропривода разрезал тишину. Даже эта секунда показалась слишком долгой, будто на нее обернулись все крыши квартала.

Протянули кабели для Hawkeye — блоков антидронных глушилок. Красные лампочки заклеили изолентой, закрепили кабели. Рядом загудел полевой генератор импульса — коробка с ребристой стенкой, от которой пахло озоном и раскаленным железом. Его включили, и на миг срезало радиочастоты: в гарнитурах захрипело, уши заложило давлением, и всем показалось, будто сама крыша дрогнула под ногами.

Укрытия ставили молча: мешки падали мягко, железо укладывали так, чтобы не дребезжало. Только снег скрипел. Кто-то ругался сквозь зубы, стряхивая снег с пальцев, почерневших от мороза. Металл обжигал ладони холодом, и каждый удар гулко отзывался в голове, будто шаги по пустому ангару. Никто не поднимал глаз — все делали вид, что работают, хотя каждый понимал, что строит себе могилу, мешок за мешком.

В перерыве Расти вытер руки тряпкой и кивнул Марку.

— Твой отряд — на третьем этаже Восточной башни. Оттуда перекройте двор и подходы с улицы. Не стреляйте сразу, ждите пока разберемся с дронами и полицией.

Он ткнул пальцем в темнеющий пролет ворот между складами.

— Входы я заминирую. Если сунутся — ляжет половина. Ваша задача — добить тех, кто прорвется.

Расти говорил уверенно, но в голосе звучала обреченность. Эти люди готовились к бою, зная, что шансов нет. Фуллеры и дроны Города — это не банда с соседнего района, не уличные налетчики. Против них мешки с песком и старые пулеметы выглядели жалким ритуалом перед лицом неотвратимой смерти.

Ветераны проверяли оружие — тщательно, будто каждый щелчок затвора и протертая пулеметная лента могли отсрочить смерть. Марк чувствовал себя чужим: тело держалось крепче, холод не так терзал его — и эта разница отдаляла его от отряда.

К концу второго дня все было готово. Заброшенные фабрики замерли, превратившись в сеть укреплений. Пустые цеха с выбитыми окнами стали засадами, а темные коридоры складывались в карту будущего боя.

Высотки — западная и восточная — вздымались, как вырезы в мутном небе. Он пытался представить, как это будет: короткие очереди,

крики, вспышки. Бой, которого он не видел со времен войны. Но тогда он был мальчишкой, и в памяти остались только сны. И страх оставался тем же — резким, давящим изнутри.

Вечером он зашел в «Бездну», перевести дух. Бар был почти пуст: пара завсегдатаев дремала у стойки, запах табака уже выветрился. Люди чувствовали приближение беды и не высовывались — сидели по своим норам, как будто в темноте можно спрятаться от того, что надвигалось.

Экран бесконечного синт-сериала бросал блики, они гипнотически преломлялись в его стакане. За этой игрой света было приятнее наблюдать, чем за самой картинкой.

К столику подошли Кард — бармен со шрамом на щеке — и Нора, тихая девушка из-за стойки. Она всегда молчала, глядя в пол, и рядом со своим начальником казалась тенью — бледной, почти прозрачной.

Кард тяжело опустился на стул, хрустнули доски. Коротко, прищуром глянул на Марка, — так оценивают бойца перед дракой. Нора села рядом, аккуратно, точно боялась потревожить мебель.

Какое-то время они молчали. «Бездна» казалась слишком большой, слишком пустой — ждала, кто первым заговорит.

— Ордер благодарен за помощь. Дерек велел передать. — сказал Кард. — Но сначала — разберемся.

Он кивнул на Нору, та сидела, не поднимая глаз.

— Мы с ней — твоя охрана на время боя, — сказал Кард. — Приказ сверху. Идем с тобой до конца, генерал.

Кард был бойцом — это было видно по его осанке, по тому, как он держал руки. Нора — хрупкая, в потертой куртке. Она сидела неподвижно, пальцы аккуратно сложены на столе.

— Зачем мне охрана? Передай Дереку... — начал Марк и осекся. Он смотрел на Карда, а Нору не выпускал из виду — в ее позе чувствовалась настороженность, не страх. А были ли они вообще людьми Ордера?

— Ордер — смертники, — произнес Кард. Его взгляд — ненормально пустой, мертвый; Марк невольно отвел глаза. — Дерек пусть своими рулит. А у тебя будем мы. Возьмем еще человек двадцать.

И добавил:

— Можешь на нас рассчитывать.

Нора потянулась за стаканом воды. Рукав куртки задрался, и на запястье мелькнул знак: «Дети Хаоса». Лили.

Значит, Кард — не обычный бармен. Как там говорил Дерек? Они — везде. И Нора — не та тень, какой казалась у стойки. Не охрана, а надзиратели. Не приказ Дерека — приказ Лили. Следить за ним и держать под контролем.

Марк оглядел зал: пустой бар, пара фигур у стойки, запах пива и дыма. И мысль резанула: а сколько их в Ордере? Расти? Слим? Те, кто таскал ящики рядом с ним в снегу? Кто из них — марионетки, которых дергает за нити БиоТех?

Кард смотрел прямо на него. Глаза — пустые, как у машины. Нора молчала, но ее неподвижность казалась зловещей. Они знали, что он заметил знак и ждали, что он сделает.

— Хорошо, Кард, — произнес он.

В конце концов, выбирать было не из чего.

Минут десять они сидели втроем, перекидываясь пустыми словами о погоде и укреплениях. Кард говорил о пулеметах и тактике, Нора кивала, не поднимая глаз. Ее молчание было тяжелее любых слов, словно она и так знала все его мысли.

И чем дольше тянулся этот разговор, тем сильнее он чувствовал другой груз — металл в кармане. Браслет, что дала Эми, давил и требовал решения. «Найди паттерн», — сказала она. Намекала на Мари? На ее лавку? На ложь Лили? Или на правду, которую он не хотел видеть?

Была ли Мари как Кард и Нора — не той, кем казалась?

Наконец, не вытерпел и поднялся из-за стола.

— Отолью, — бросил он.

Пройдя мимо кухни, из которой несло прогорклым жиром, он вошел в комнату для персонала. Запах сырости, хлорка. В углу — ящики с пивом, на стене — выцветший календарь двадцатилетней давности, раритет. Запер дверь.

Чужой браслет. Холодный кусок пластика и металла, который Эми дала в баре, намекнув на Мари. Нужно разобраться с ним раз и навсегда. Если Мари связана с Лили, если ее лавка — часть их сети, то... Он не

хотел верить, но Кард и Нора уже следили за ним. Кому из них доверять — Мари? Детям Хаоса?

Он надел браслет. Экран вспыхнул — и мир сорвался в прошлое. Вызовы, Диана, квартира. Браслет вернул его туда, где все было понятно, но чему он больше не принадлежал.

— Поиск, — сказал он негромко, голос дрожал. — Базы Центра и полиции. Ключевые слова: книжный магазин, преступления уровнем выше второго. Все Города, за двадцать лет.

— Обрабатываю, — ответил браслет знакомым голосом.

Мерцание лампочки подстроилось под стук его сердца. Что, если имя Мари или адрес «Порога» в списке? Если она связана с Лили, если лавка — часть их сети? Он останется один против всех.

— Поиск завершен. Три совпадения: кража, Город 12, 2130; вандализм, магазин эзотерики, Город 2, 2128; исчезновение владельца, Город 17, 2124, дело закрыто.

Марк нетерпеливо просмотрел детали. Десять, пятнадцать лет назад. Случайные эпизоды. Ничего о Мари или «Пороге». Он ощутил облегчение — резкий, жадный вдох после удушья. Эми врала. Запугивала.

Тревога исчезла, и тут же вернулась новой волной.

Ведь Эми не просто так дала браслет. «Найди паттерн», — сказала она, и ее голос, холодный и расчетливый, прозвучал в голове. Не компромат на Мари и не строчка в базе. Что-то большее.

Она была уверена — он будет копать и найдет. Но что? Что-то связанное с Детьми Хаоса? Сектами или бандами? Может, с фуллерами?

— Расширь поиск, — сказал Марк. Ступня дергалась в нервном тике, заглушая внутренний хаос. — Все инциденты с 2120-го. Убийства, войны банд, несчастные случаи, секты. Связь с книжными магазинами, эзотерическими лавками. Пространственный анализ.

Марк ждал, потирая запястье.

Реально то, что реально для тебя.

Она — его точка опоры в этом хаосе. Но если она с Лили...

Шейд обновился, выводя результат.

— Анализ завершен. Корреляция подтверждена: в девяносто двух процентах случаев массовые убийства, действия серийных убийц и

крупные трагедии происходили в радиусе до двух километров от книжных магазинов или лавок эзотерики.

Экран пульсировал строчками данных, но сквозь них вырисовывался скрытый контур. Связь существовала — только совсем не та, которую он ожидал увидеть.

— Учитывая редкость подобных магазинов, можно сделать вывод о выраженном пространственном паттерне. Шанс случайного совпадения — менее трех процентов, — добавил браслет.

Вот он, паттерн, о котором говорила Эми. Лавки — узлы смерти и хаоса. «Порог» Мари не значился в списках, но его место в Старом городе, среди убийств и исчезновений, уже вплеталось в этот узор.

Выходит, книжные магазины — не просто точки на карте. Они были центрами, вокруг которых множилась смерть. Эми это знала. А он — нет.

Шейд погас, но узор не исчез: цифры дрожали в глазах, линии улиц пересекались, магазины зияли как язвы на теле мира.

Мое место — там, где истории заканчиваются, и там, где они начинаются. В разрыве.

Снег в волосах, легкий смех. Ее образ наложился на сухие данные браслета так же, как жизнь накладывалась на смерть. Разрыв. Слово отозвалось телесной памятью. Сдвиг, где граница ломалась. Каждый его провал туда, в иное — это смерть или рождение?

Слишком многое сходилось. Мари знала — знала всегда. Ее лавка, слова, уверенное спокойствие — все говорило о том, что она не просто часть Круга. Она могла быть центральным узлом всего узора. И от этого становилось больнее: узор вплетал ее в хаос, которого она не выбирала. Или все-таки выбирала?

А ее лавка? Все это время его браслет был включен, но фуллеры за ним не пришли. Диане сказала что геотег отсутствовал. Вот почему они занервничали и объявили его в розыск после Кросса. Как он мог этого не понять?

Существовала ли лавка в Круге или где-то в ином мире? Может, во сне Мари?

В памяти вновь зазвучал голос Эми — и каждое ее слово было ядом, который растекался по венам.

Мари... она не та, кем кажется. Она опасна. Ты думаешь, что знаешь ее, но это не так.

В ее словах звучала ненависть, желание уничтожить. Для Эми она была угрозой куда большей, чем все остальное.

Значит, Мари — не часть Детей Хаоса и не их глава. И не торговка книгами.

Чьи слова были правдой? Мари — с ее тихим признанием, что она живет в разрыве? Или Эми — с ее обвинением? Разрыв или опасность?

Шейд погас. В комнате остался запах сырости и лампочка, которая мерцала, как сердце, то замирая, то вновь возвращая свет.

Он остался один. Кард и Нора ждали за дверью — рядом, но не с ним. Доверять нельзя никому, даже себе.

Глава 33. Огонь

На третьем этаже восточной башни холод пробирал до костей. В царстве остывшего бетона и пыли время застыло, превратившись в ожидание. Марк стоял у выбитого окна, глядя на предрассветный Круг, едва заметный сквозь метель. Ветер завывал в пустых проемах, гоняя по коридорам снежную крошку и обрывки целлофана. Все молчали.

Восемнадцать Детей Хаоса, рассредоточенных по этажу, не издавали ни звука. Тени, растворившиеся среди бетонных колонн и гор строительного мусора.

Марк осмотрел свой отряд. Сброд. Совершенно бесполезные люди. Когда Марк перечислил имена, что дал ему Кард, Дерек с облегчением вздохнул, и отдал не раздумывая. Бойцы из них были никакие.

Парень, лет семнадцати, в легкой куртке и рваных джинсах, дрожал от холода в углу. Женщина средних лет — руки ее привыкли к швейной машинке, а не к стали оружия. Старик, беззвучно кашлявший в кулак, щурился сквозь слезящиеся глаза, изъеденные пылью Круга. Мужчины, женщины, подростки — те, кого Ордер не пожалел пустить в расход. Оружия с собой они почти не взяли, только пару винтовок. Расходный материал для отвлекающего маневра.

Марк чувствовал холод, но его тело воспринимало его иначе. Не как боль, а как данность, еще один слой реальности, с которым нужно считаться.

Кард сидел на ящике из-под патронов; его массивная фигура казалась частью здания. Он не двигался, его темные, матовые глаза сканировали пространство. Нора устроилась у соседнего окна; ее хрупкий силуэт сливался с тенями. Спокойная, выжидающая, как хищник, затаившийся перед броском.

Он отвернулся, снова бросив взгляд на заснеженные крыши. Мысли его были не в этой ледяной гробнице, а в нескольких кварталах отсюда. В тихой книжной лавке, пахнущей книгами и травами.

Мари.

Он должен понять кто она. Искусный манипулятор? Или нечто иное, не вписывающееся ни в одну из известных ему сторон? Эта мысль

сидела занозой, не давая покоя все это время, но он откладывал ее на потом. Впереди бой, и неизвестно, будет ли иметь значение ответ на этот вопрос.

Та часть его, что еще помнила, каково это — быть человеком, отчаянно цеплялась за ее тепло, за уют ее маленького мира. Но чудовище внутри шептало другое.

Ее книжный магазин слишком близко. Слишком идеально расположен. Будто она заранее знала и выбрала себе место в первом ряду, чтобы смотреть спектакль.

Он отогнал эту мысль. Разберется потом, если «потом» будет. Сейчас важнее всего — бой.

Секундная стрелка на старых часах, которые принес Кард, казалось, не двигалась. Шесть пятьдесят. Шесть пятьдесят пять. Последние сигареты догорели. Кто-то передернул затвор. Весь Круг замер в ожидании.

И в семь ноль пять они появились.

Сначала дроны. Они прилетели бесшумно, материализовавшись из туч в сером утреннем небе, как стая стальных стрекоз. С десяток черных силуэтов бесшумно скользили над зданиями. Их сенсоры, словно глаза насекомых, сканировали крыши и окна. С «Циклона» и соседней башни тут же отозвались низким гулом антидронные ружья, но никто не стрелял. Ждали.

Затем, вслед за воздушной разведкой, из-за Барьера выползла наземная колонна. Она двигалась по дороге, перемалывая грязный снег и остатки старого мира. Впереди — дюжина полицейских машин, их белые корпуса казались неестественно чистыми на фоне грязи Круга. За ними, тяжело переваливаясь на гусеницах, шли два бронетранспортера «Титан» — приземистые черепахи с пулеметными башнями, лениво вращавшимися в поисках цели. Потом еще, и еще — конец колонны терялся в утреннем тумане.

Она шла с той механической уверенностью, с какой система вершила все свои дела — будь то доставка продовольствия или карательная операция. Полицейские машины рассекали снег, за ними гусеницы оставляли глубокие колеи в разбитом асфальте. Они двигались к генератору.

Минута, и головная машина пересекла невидимую черту, отмеченную на тактической карте Дерека. Мир замер на последнем вдохе перед взрывом. В общей сети Ордера, на защищенной частоте, раздался голос Дерека. Одно слово — без крика, но прозвучавшее громче выстрела.

— Огонь.

И мир раскололся.

Воздух разорвал сухой, яростный треск, будто сама ткань реальности не выдержала и лопнула по швам. С крыш «Циклона» и двух башен-близнецов одновременно ударили крупнокалиберные пулеметы. Свинец обрушился на колонну, превращая порядок в кровавый хаос.

Первая полицейская машина взорвалась, как консервная банка, набитая взрывчаткой. Металл визжал, стекло разлеталось сверкающей пылью. Вторая, третья... Пулеметные очереди прошлись по центру, отрезая штурмовиков от бронетехники. Люди в черной броне, выпрыгивавшие из машин, падали на снег; их тела дергались под ураганным огнем, окрашивая улицы багровым. Казалось, атакующие были бессильны.

С крыш по дронам ударили антидронные ружья, испуская короткие ЭМ-импульсы. Бесполезные синие вспышки растворялись в снежной мгле. Щиты дронов даже не дрогнули: технологии давно переросли оружие с древних складов Круга.

Ответ Города был мгновенным и безжалостным. Дроны, до этого неподвижно висевшие в небе, ожили. Треск роторных пушек — и крыши высоток взорвались фонтанами бетона, огня и человеческой плоти. Пулеметные гнезда, главная надежда Ордера, исчезли за секунды.

— Ракеты! — проревел Расти в коммуникаторе.

Из темных провалов окон старой фабрики вырвались огненные змеи. Самонаводящиеся ракеты, довоенные, на которых не действовали помехи, устремились в небо, и оно расцвело оранжевыми хризантемами взрывов. По снегу заплясали красные тени. Дроны падали на землю горящими обломками.

На улицах внизу уцелевшие штурмовики, прикрываясь остовами машин, стреляли по окна, люди Дерека отвечали из укрытий. Ордер перехватил инициативу, и полиция отступала.

Но это было лишь начало.

Сотни фигур в белой броне с визорами, подсвеченными красным. Они двигались иначе, чем первая волна. Быстрые, едва видимые, они рассредоточились и стреляли без промаха.

Они перемещались как единый механизм, прикрывая друг друга. Их было слишком много, и они неумолимо двигались вперед, перемалывая оборону в кровавую пыль.

Ордер потерял и два пулемета прикрытия, и всех снайперов за считанные минуты.

Марк смотрел на это из окна третьего этажа, и ледяное предчувствие конца сковало его изнутри. Это была не битва, а бойня. И она только начиналась.

С крыш высоток больше не отвечал ни один пулемет. Основные силы Ордера, его лучшие бойцы, превратились в кровавый фарш.

Внизу, на заснеженной улице, бой изменил характер. Беспорядочная перестрелка сменилась методичным уничтожением. Фуллеры двигались между горящими остовами машин и телами штурмовиков с нечеловеческой ловкостью. Они больше не прятались, шли открыто, и каждый их выстрел находил свою цель.

Из узкого прохода между складами, где Расти установил минный коридор, раздались два глухих, утробных взрыва. Потом еще. Пол под ногами содрогнулся от взрывов, в воздух взметнулись комья грязного снега и обломки, разметав бронированные конечности. Но нападавшие не остановились. Те, кто шел сзади, перешагнули через разорванные тела своих товарищей и продолжили движение.

Все стихло.

Безмолвие, наступившее после, было страшнее самого боя. Тяжелая, вязкая, пропитанная порохом и талым снегом тишина. Оставшиеся в укрытиях бойцы Ордера прекратили огонь, вслушиваясь в звенящую пустоту и пытаясь понять, что делать дальше.

На третьем этаже царило напряженное молчание. Кард и Нора стояли позади Марка, застыв, как изваяния; их лица были бесстрастны. Они наблюдали.

Марк смотрел вниз, на почти невидимые белые силуэты, которые перегруппировывались с машинной точностью. Он чувствовал их — не как людей, а как узлы в сети, холодные и бездушные. Ждать дальше было самоубийством. Они вызовут поддержку с воздуха — и от высоток останется груда бетона.

Его голос разрезал тишину, заставив всех вздрогнуть.

— Выходим.

Слово подействовало как разряд дефибриллятора. Застывшие бойцы Хаоса дернулись, приходя в себя.

— Двое с винтовками — на прикрытие! — рявкнул Кард, и его команда вернула в реальность тех, кто еще колебался. — Не высовываться. Остальные — вниз.

Марк двинулся к лестнице, не оглядываясь. Он знал, что за ним идут. Скрип ботинок по бетонной крошке, тяжелое дыхание десятков людей — пролет наполнился шумом. Кард и Нора шли позади, их шаги были почти бесшумными. Они сопровождали актив.

Второй этаж. Первый. Они вышли в огромное, гулкое пространство главного холла. Бетонный склеп, будто построенный для давно вымерших гигантов. Толстые колонны, как вековые деревья, подпирали высокий потолок, теряющийся во мраке. Ветер врывался через разбитые панорамные окна, закручивая вихри снега. Под ногами захрустели осколки армированного стекла.

Бойцы, следуя жестам Карда, рассыпались по залу, занимая позиции за колоннами, перевернутыми столами проходной, горами строительного мусора.

Марк остановился в центре. Вдыхал морозный, пыльный воздух, и его новые, нечеловеческие чувства сканировали пространство. Он слышал, как скрипит металл под давлением снега на крыше. Слышал редкие, гулкие удары капель в дальнем конце холла — вода падала с потолка, и ее монотонный стук был единственным хронометром их обреченности.

Он был хищником, заманившим врага на свою территорию и ждавшим неверного шага. Кард занял позицию за колонной справа, Нора присела слева, растворившись в полумраке. Вместе они образовали треугольник контроля, готовые действовать мгновенно.

Снаружи доносились приглушенные звуки — короткие команды уцелевших штурмовиков, лязг металла. Они приближались.

Следующий ход был за ними.

Марк не отдавал приказов, а позволил тьме, что стала его сутью, прорваться наружу. Реальность в холле треснула, как хрупкий лед под кузнечным молотом. Она расслоилась и разлетелась саранчой — его войском.

Каждый боец открыл врата в свой собственный ад. Мир не превратился в кошмар — он расцвел сотней кошмаров, существующих одновременно в одной точке. Марк видел, как тела корчились и ломались, перестраиваясь на ходу.

Подросток, что дрожал в углу, взревел, и его кожа лопнула, выпуская наружу черный хитин. Руки превратились в зазубренные серпы, а из спины вырвались тонкие, стрекочущие крылья. Колонны вокруг покрылись сотовой структурой, источавшей липкую янтарную слизь.

Женщина с руками швеи вытянулась, как игла. Пальцы удлинились в острые спицы, а пространство вокруг заполнилось морем расколотых фарфоровых кукол, которые хрустели под ногами и тянули к бойцам свои пустые ручки. Старик, что кашлял в кулак, рассыпался в прах, чтобы тут же собраться вновь вихрем из костяной пыли и гнилых тряпок.

Потолок над их головой растворился, обнажив фиолетовую туманность, где среди холодных звезд беззвучно корчились исполинские тени. Холл перестал быть единым пространством. Кошмары ада слились с реальностью Круга в этом полотне безумия, и фуллеры встретились с ними лицом к лицу.

Обычные штурмовики-патчеры сломались мгновенно, их разум не выдерживал ужаса. Кто-то стрелял в своих, кто-то ронял оружие и падал, сжимаясь от ужаса. Их убили сразу.

Ад вырвался наружу из здания. Небо почернело, мир трещал и коллапсировал в мучительном расколе.

Фуллеры дрогнули. Их визоры замерцали, поток данных пошел артефактами, движения на миг потеряли безупречную плавность. Они тоже оказались подвержены влиянию, но программа, вшитая в их черепа, боролась, цеплялась за базовые алгоритмы: «цель», «угроза», «уничтожить». Они продирались сквозь кошмары и продолжали идти.

Их ответ был не актом отчаяния, а выверенной строкой кода, приведенной в исполнение. Из спинных модулей с шипением гидравлики выдвинулись треноги, вонзаясь в бетонный пол. На них раскрылись автоматические турели — хищные металлические цветы.

Ответ порядка, брошенный в лицо хаосу.

Мир турелей стерильно прост. Он состоял из векторов, координат и тепловых сигнатур, наложенных на сетку прописанного пространства. В их процессорах и скудном интеллекте не существовало кошмаров; их логические цепи не могли обработать реальность, где из стен росла живая плоть. Им было все равно.

Они видели аномально горячие, быстро движущиеся объекты, классифицированные как «угроза». Искаженные тела были для них набором данных, точками на карте, которые нужно стереть. Для них не существовало ни демонов, ни людей, ни снов. Только цели.

Турели открыли огонь.

Поток раскаленного свинца рвал в клочья миры. Вихрь из костяной пыли, в который обратился старик, наткнулся на стену огня; пули проходили сквозь, но кинетическая энергия разорвала его хрупкую аномальную структуру, развеяв прахом. Высокая фигура женщины-иглы, пронзающая штурмовика, разлетелась на тысячи осколков, как одна из ее фарфоровых кукол, под точной очередью. Хитиновый подросток-демон, с серпами и стрекочущими крыльями, прошило насквозь; его панцирь треснул, и из него хлынула густая изумрудная слизь.

Турели были абсолютным оружием Пакта — машинная логика, уничтожающая даже самый невообразимый хаос.

Каждая смерть бойца Хаоса не была потерей. Войско не погибало, оно проваливалось вовне, в их общий дом.

Смерть питала Марка, как топливо. Он стоял в центре урагана реальностей и вдыхал их агонию. Энергия последних, яростных мгновений текла в него, сила росла, становясь невыносимой.

Он не был демоном, приоткрывающим дверь в свой мир. Он был чем-то большим. Разрушителем.

Его чудовищная рука поднялась и обрушила гнев — не на фуллеров, а на турели. Он не стрелял и не создавал кошмаров, а разрывал саму реальность.

Первая турель дрогнула. Марк сдавил пространство, как кулак. Металл завизжал, станина сложилась внутрь, вся конструкция ушла в бетон, оставив дымящийся комок искореженного железа. Вторая разлетелась изнутри, словно у нее вырвали сердце: шестерни, кабели, стволы брызнули в стороны, осыпая землю горячими осколками. Третья дернулась, собираясь ударить, — и ее короб боекомплекта раскалился добела. Через миг прогремел взрыв: огненный шар разорвал ее и всех, кто был рядом, засыпав градом шипящей шрапнели.

Фуллеры замерли. Их программы столкнулись с невозможным: законы физики перестали работать, а логика дала сбой.

Они снова открыли огонь. Десятки стволов изрыгнули свинцовую метель, направленную в темную фигуру, что стояла теперь перед ними.

Но пули вели себя неправильно. Воздух уплотнился, зазвенел от напряжения, как струна, и пространство разорвалось. Не взрыв огня и не удар металла, а коллапс самой реальности — беззвучная волна пустоты, разом прошедшая во все стороны.

Она стирала все на пути: пули, трупы фуллеров и бойцов, обломки турелей — они исчезли в разрыве, словно никогда их и не было.

Марк шагнул вперед. Медленно, сквозь ураган огня, бьющего в пустоту. Он больше не черпал силу из смерти.

Он сам стал абсолютной смертью.

Фуллеры в эпицентре погибли сразу: броня, оружие, синтетическая плоть разорвало в клочья. Те, кто стоял дальше, застыли, их искусственный разум сгорел, визоры гасли один за другим — с тихим, финальным щелчком.

И вместе с ними угасли и чужие кошмары. Демоны, рожденные из ярости Хаоса, не успели даже насладиться своей силой. Их личные

реальности схлопнулись, поглощенные абсолютной пустотой, которую принес Марк. Полная аннигиляция.

Когда последний фуллер рассыпался в пыль, и последний отголосок чужого безумия истаял, какофония реальностей стихла. Перекрывающиеся миры исчезли, как сон после пробуждения. Воздух загустел от запаха горелого пластика, крови и озона. Свежий снег улиц превратился в красное море. Тишина, пришедшая на смену буре, оглушила выживших.

Из восемнадцати «Детей Хаоса» в живых осталось трое. Они стояли посреди этого побоища, и их демонические обличья исчезли, возвратив им человеческие черты. Кард, тяжело дыша, оперся о разбитую машину, его лицо было бледным, в крови. Нора стояла неподвижно, как всегда, но ее плечи мелко дрожали. Третий боец пустыми глазами смотрел на Марка.

То, что стояло перед ними, было воплощением смертельной силы.

Его кожа — не плоть, а растрескавшийся базальт, закаленный в первобытном огне. Каждый мускул и жила высечены с нечеловеческой точностью, словно над его созданием трудился безумный скульптор, одержимый идеей идеального хищника.

Голову венчает корона из обсидиановых рогов — мощных, как у древнего быка, и острых, как осколки самой тьмы. Это не шлем, а часть его черепа, единое целое с ним. На лбу, в центре венца, горит выжженный знак — печать силы, Звезда Хаоса, пульсирующая багровым светом.

Лицо — маска незамутненного гнева. В глазницах тлеют угли ярости, челюсти в хищном оскале усеяны рядами иглоподобных зубов, созданных, чтобы рвать не только плоть, но и сам мир.

Доспех не выкован кузнецом — он рожден вместе с ним. Почерневший металл, застывшая лава, срастается с телом и заканчивается острыми, как лезвия, шипами.

А за спиной, разрывая пространство, раскрываются два крыла из тьмы и стали. Их перья — зазубренные пластины, каждая из которых способна резать металл. Они провозглашают его власть над самой пустотой.

Он стоит посреди бойни, которую сам сотворил. Его порядок — это Хаос ярости.

Они смотрели на него с первобытным, священным ужасом — с тем же трепетом, с каким древние люди взирали на удар молнии, извержение вулкана, явление жестокого бога. Он не спаситель в белых одеждах, а темный мессия, аватар их собственного страдания, обретший плоть.

Они видели не чуму, которая несет бессмысленную смерть, а свое оружие, рожденное в огне и крови. Ответ на все их проклятья Городу и вселенной. Они знали, что пойдут за ним сквозь любой огонь, в самое сердце тьмы. Он был их генералом.

В 9:11 утра Город записал в свои протоколы Откровение Аваддона, Ангела Бездны.

Интермиссия. Майкл

Ячейка, тело Майкла неподвижно.

Пакет данных с красным флагом приоритета — провал операции 34-b1-4a. Это не поражение отряда, а сбой предсказуемости — то, чего система не допускала никогда.

Анализ.

Пользы мало. Видеопотоки с визоров уничтоженного отряда представляли собой каскады цифрового шума. Система пыталась восстановить данные, но безуспешно — сквозь помехи проступали искаженные силуэты, корчащиеся в аномальном искажении. Противник не создавал помехи, а ломал ткань реальности в точке записи.

Майкл закрыл поврежденные логи и инициировал прямой канал связи.

> Статус?

Пакет данных от Гэба.

> Провал. Попытки получить данные об аномалии в реальном времени не увенчались успехом. Источник генерирует поле, которое искажает все. Наши датчики не могут его классифицировать.

> Вывод: стандартные фуллеры неэффективны. Их операционные системы уязвимы для такого типа воздействия.

> Верно.

Решение было логичным и единственно возможным.

> Перевожу угрозу на уровень выше и инициирую протокол «Абсолют».

На том конце возникла микросекундная задержка — система Гэба обрабатывала приказ.

> Подтверждаю. Активация Ангелов.

Солдаты с абсолютной прошивкой, без рудиментов личности и свободы воли. Чистый, исполняемый код в биологической оболочке. Оружие, которое не сбоит, потому что в нем нет ничего человеческого.

> Статус «Объекта 1»? — отправил следующий запрос Майкл.

> Без изменений. Мозговая ткань заменена на сто процентов. Интеграция полная. Высшая когнитивная функция отсутствует,

физиология в норме. Пустая оболочка, но поле вокруг нее оставалось стабильным. Не поглощало и не рушилось.

Майкл обработал и эту информацию. Аномалия внутри аномалии. Возможно, ключ.

> Готовьте «Объект 1» к транспортировке на базу «Альфа». Я инициирую полное инвазивное исследование.

Связь прервалась. В стерильной пустоте ячейки ничего не изменилось. Майкл не чувствовал ни разочарования, ни тревоги. Он обновил протоколы и перешел к следующей задаче. Война подошла на шаг ближе к своему логическому завершению.

Интермиссия. Лили

Эми закончила доклад, и Лили осталась одна в своем святилище на вершине мира.

Она повернула бокал, и красное вино оставило тонкий след на белом стекле. Ей нравилось это ощущение: тяжесть в руке, пятно на идеально чистом. Так должно быть и с Пактом. Маленькая трещина — и вся их иллюзия рушится.

Слова Карда, переданные Эми, звучали в памяти. Марк — ключ. Тот, кого она ждала так долго, что почти перестала верить. Красный дракон, который сегодня стер с неба третью часть звезд.

Теперь вся картина боя была ясна до последней детали. Агентство со своими экспериментами больше не казалось непобедимым. Их машины и фуллеры — всего лишь жалкие попытки замкнуть мир в клетке, где каждая мысль прописана, а эмоция встроена в код. Но как только ткань между Пактом и Лимбом истончится, они сгорят.

И не устоят они, и не будет им больше места на небесах.

Ад придет сюда, и Пакт рухнет. Она воссоединится с Сатаной, и родится их новый мир — мир хаоса и свободы. Всем телом она чувствовала — не вино в бокале, и не огни внизу, — а дыхание грядущего, что низведет огонь на землю.

Теперь дело было за Элизой. Поражение в Круге подстегнет Агентство ускорить исследования, Элиза вступит в игру и сломает защиту Города. Без центральных серверов дети смогут взломать шифрование и нарушить контуры слежения.

Тогда они снимут контроль и выведут процесс печати из-под надзора. Она сможет напечатать столько тел, сколько нужно. Спрятать их в Круге, внедрить в Город. Хаос из разрозненной секты станет армией, а ее сосуды наполнятся теми, кого ее дочь собрала в Лимбе.

Лили сделала глоток вина. Металл и кровь. Победа была почти осязаемой. Но вместе с ней дышала и пропасть.

Апокалипсис приближался, оставалось только дождаться его. Элиза сыграет свою роль. Марк — свою. Хаос победит.

Но что будет после? Новый мир или пепел? Ответа не было. И, может быть, в этом и заключалась сила Хаоса.

Глава 34. Вы очнулись

Элиза гуляла по мертвому парку.

Это было *ее* место, исходная точка бытия, куда она возвращалась, когда шум Пакта и шепот Матери становились невыносимыми. Воздух здесь застыл, как вековая пыль в запечатанном склепе. Деревья тянули к вечным тучам свои облезлые ветви; поверхность канала, перерезавшего парк надвое, застыла, как черная ртуть, не отражая.

Здесь у нее было время подумать. Души обращенных, которых она вела, не могли сюда попасть. Их миры, полные боли и ярости, оставались за невидимой гранью. Парк принадлежал только ей.

Она шла по мосту, перекинутому через мертвую воду, и думала о своей миссии. Об обращенных. Это были отчаявшиеся, те, кто заглянул за картонные декорации Пакта и принял первородную пустоту. Те, кто больше не мог терпеть ложь и решил разорвать с ней связь. Они звали, Темная Мать слышала их, а Элиза приходила на зов.

Она была их избавлением. Ритуал был прост и неизменен. Она принимала их боль, их последний, отчаянный выбор, убивала их, пожирала их измученную оболочку, а затем, в пустом сосуде, ткала новую жизнь из реальности Матери. Она дарила им не смерть, а перерождение в мире, свободном от лжи. Она была жнецом и акушеркой одновременно.

Но Девочка...

Изредка на этом самом мосту появлялась она. Девочка была для нее загадкой, системной ошибкой в ее застывшем сне. Да, она убила ее. Элиза помнила это с той же ясностью, с какой помнила свой первый вздох в новой жизни. Последний грех из старого мира полицейской Лизы Дамер. Случайная пуля, оборвавшая невинную жизнь.

Но почему она оказалась в Лимбе?

В Лимб попадали обращенные. Те, кто сделал выбор, те, кто позвал. Девочка не звала. Она не отчаялась в Пакте, но жила в нем, как живут дети — не задавая вопросов. Она не была обращена. Ее душа должна была уйти по стандартному протоколу Пакта, раствориться в цикле

перерождений или что там у них уготовано для невинных. Но она — здесь.

Элиза остановилась на середине моста. Она знала, что сейчас произойдет.

В неподвижном воздухе перед ней уплотнялась фигура. Сначала — легкое марево, затем — бледные очертания, и вот — она здесь. Маленькая, в простом белом платьице с красным пятном, со светлыми косичками. Ее глаза, пустые и стеклянные, смотрели прямо на Элизу. Не с укором, не с ненавистью. Просто смотрели.

Элиза не двигалась. Каждый раз она ждала, что Девочка что-то скажет, задаст вопрос, обвинит или попросит. Но та всегда молчала.

Стоя на мосту в мире, которому не принадлежала, девочка долго, бесконечно долго смотрела на ту, что оборвала ее жизнь. А затем ее фигура начинала постепенно таять, растворяясь в неподвижном воздухе, пока не исчезала совсем, не оставив после себя ни следа.

Элиза осталась на мосту одна, тишина мертвого парка успокаивала ее. Этот призрак из ее прошлого был единственной загадкой в ее новой вселенной. И она знала, что пока не разгадает ее, она не будет по-настоящему свободна.

Она вспоминала Марка и жалела его — так, как она умела жалеть: отстраненно, как ученый жалеет подопытное животное, которому предстоит пройти через жестокий, но необходимый эксперимент. И автором этого эксперимента была она сама.

Все началось с Матери.

Однажды Мать позвала ее. Не словами, а чистым, бесплотным образом. Она показала ей Пакт — бесконечный, молочный туман, в котором беззвучно брели потерянные души. И среди этих безликих теней Мать нашла Марка.

Он был не тенью, но аномалией, темным, плотным сгустком ярости и боли, который не растворялся в тумане, а, наоборот, делал его гуще. Он был заперт в Пакте, но его душа уже жила в Аду. И Мать послала ее на ту крышу.

Обратить? Нет. С самого начала план был другим. Она не могла сделать его одним демоном, еще одним «ребенком», чья сила держится на связи с реальностью Лилит. В нем дремало нечто дикое, способное

на большее. Он должен был стать иным. Кем? Даже Мать не знала, но чувствовала его потенциал.

И Элиза начала свою игру. Она подталкивала его, едва касаясь реальности, как художник делает первый штрих. Каждый сдвиг, каждая трещина — не ради мучений, а ради истины.

Она не ломала его, а пыталась пробудить.

Лилит этого не понимала. Она, со своей вековой жаждой власти и контроля, видела в Марке очередной инструмент. Лилит считала, что достаточно разбить его мир, загнать в угол, и он примет их сторону. Как Элиза и многие другие до нее. Она хотела подчинения.

Но Марк не ломался. Он гнулся, трещал, сходил с ума, но не падал. А план нужно было приводить в исполнение. Агентство расширялось и перешло в атаку, фуллеры вырезали их людей одного за другим. Времени на тонкую игру не осталось.

И тогда они приняли решение — изменить план. Если Марка нельзя пробудить извне, значит, нужно было создать условия, в которых он проснется сам. Для этого ему нужна была последняя, самая страшная потеря.

Они позволили ему предать. Элиза подвела его к этому, создав идеальную ситуацию, где его единственный выбор — стать Иудой. И она, благодаря его предательству, попала туда, куда не мог проникнуть ни один демон, ни один слуга Матери.

В цитадель врага — стерильный рай Агентства.

Марк был пешкой. Или ферзем. Никто из них не знал, кто он на самом деле. Ни она, ни даже сама Мать. Джокер в их колоде, и ставка в этой игре была слишком высока.

Тогда, на крыше, она увидела его насквозь, как все демоны видели людей. Один короткий сдвиг, и вся его суть, слабости, вся его похороненная под слоями цинизма ярость лежали перед ней, как на ладони. Не сломленный коп, а Разрушитель, запертый в человеческом теле.

И то, что произошло потом, в той промозглой комнате с видом на сияющую фальшь Города, — было настоящим. В тот момент она была не Елизаздрой, а тьмой, узнавшей другую тьму. Единственное мгновение за всю ее новую, бесконечную жизнь, когда она не была одинока.

Затем она надела маску бездушной, расчетливой стервы, которая использует, провоцирует и отталкивает. Она играла легко, ход за ходом подводя Марка к предательству, которое было ему предначертано. Каждый ее жест и слово были частью плана — сломать его ровно настолько, чтобы он сделал то, что должен и отдал ее в руки Агентства.

Ее боль и тоска по той настоящей ночи, по единственному мгновению подлинности, оставалась здесь, в этом мертвом парке. Она топила ее в черной, недвижной воде канала, где не было отражений.

И теперь тонула в ней сама.

Издалека, почти неразличимо, как статический шум между мирами, пробивался другой мир — Пакт. Она научилась воспринимать его как второй канал реальности, приглушенный, едва слышный гул чужой, упорядоченной жизни.

В этом гуле она услышала слова. Четкие, отфильтрованные, произнесенные без эмоций.

Транспортировка на Альфу.

Они прозвучали как колокол, вырывая ее из неподвижного безвременья Лимба. Пора возвращаться.

Ее тело перемещали. Металлический саркофаг содрогнулся и приподнялся. Затем — глухой лязг, вибрация, и ровный, монотонный гул. Ее куда-то везли. Она ощущала ускорение, повороты, торможение как смутное, далекое эхо, доносящееся до ее сознания, запертое в темноте.

Все их манипуляции с ее мозгом, капельницы и дротики не имели значения. Ее тело было лишь временной точкой соприкосновения с Пактом. Опора — в ее парке, в Матери, которая сама держалась за то место, что люди называли Адом.

Движение прекратилось. Шипение гидравлики, и крышка ее саркофага отъехала в сторону. На мгновение ее кожу обдало холодным, стерильным воздухом. Чьи-то руки в жестких перчатках подняли ее и переложили на другую, еще более холодную поверхность. Новый саркофаг. Тело фиксировали десятки мягких, но крепких ремней, к вискам и запястьям подключили контакты датчиков. Крышка закрылась, погружая ее во мрак.

Острый укол в шею, и по венам хлынул химический жар. Стимуляторы. Мир из размытого, приглушенного эха превратился в набор четких, резких сигналов. Она услышала гул колес каталки под собой, писк медицинского оборудования, отдаленные, отфильтрованные голоса, говорящие на языке кодов и протоколов.

Ее тело, заключенное в идеальную геометрию нового металлической тюрьмы, везли по бесконечным коридорам. Сквозь тонкую полосу армированного стекла мелькали стены с гудящими под лампами под потолком. Внутри не было ни боли, ни страха. Холодное, отстраненное наблюдение.

Каталка остановилась. Двое в серых комбинезонах вкатили саркофаг в комнату и установили в центре. Вместо лиц — мерцающая рябь вирт-масок.

Снова шипение, и крышка открылась. На этот раз ее ослепил свет. Яркий и безжалостный, он бил в ее пустые глазницы, вызывая фантомную боль. Ее переложили на операционный стол.

Запах антисептиков и отфильтрованного воздуха.

Исследование начиналось. Она осмотрела комнату: турелей нет. Идеально.

Из скрытого динамика над головой раздался лишенный интонаций голос.

— Вы очнулись? — спросил первый.

— Как ваше имя? — добавил второй.

Они звучали эхом сломанного алгоритма.

— Вы очнулись? — повторил первый.

— Как ваше имя? — повторил второй.

— Бесполезно, — констатировал первый. — Сканеры подтверждают: у нее нет признаков высшей мозговой деятельности с момента захвата. Можно оперировать.

Едва он произнес последнее слово, как мир начал умирать.

Яркий свет ламп померк, превратившись в тусклое, предсмертное сияние. Идеально белые стены пожелтели, пошли глубокими трещинами, из которых сочился белый, липкий гной. Хромированные инструменты на столиках рядом подернулись ржавчиной и рассыпались

в прах. Комната стремительно старела, стерильная лаборатория обратилась в древний, гниющий склеп.

— Что происходит? — крикнул первый, его синтезированный голос впервые дрогнул от сбоя, от столкновения с невозможным.

Из трещин на полу хлынули змеи. Сотни, тысячи черных, блестящих тел, которые за секунду покрыли весь пол живым, шипящим ковром.

С оглушительным треском саркофаг лопнул, его металлические стенки разлетелись в стороны, как фольга. Элиза плавно поднялась. Нагая, бледная, с темными провалами выжженных глазниц, она стояла посреди этого змеиного моря, и ее асимметричное лицо не выражало ничего, кроме жестокого торжества.

Фуллеры попытались бежать, но змеи поднялись черной, шипящей стеной, обвивая их тела, проникая под комбинезоны, впиваясь в синтетическую плоть. Короткие, булькающие крики тут же оборвались. Змеи разрывали их тела на части с безжалостной эффективностью.

Бойня длилась всего несколько секунд. Элиза стояла в центре разрушенной, состарившейся комнаты, посреди кровавых ошметков. Она была свободна. Она была в самом сердце вражеской базы, и она принесла свой ад с собой.

Элиза шла по базе, и стерильная белизна коридоров утопала в ее тени.

Они просчитались. Вся их мощь, вся идеальная система безопасности была направлена наружу. Турели, минные поля и силовые барьеры создавались для отражения внешней угрозы. Никто из них, в их высокомерной логике, не ожидал, что враг придет изнутри.

Она шла в своем истинном обличье, разрывая Пакт каждым своим шагом. Правая половина ее тела стала кошмаром из черной, чешуйчатой плоти, увенчанной изогнутым рогом. Левая — совершенством человеческого тела. Из ее тени, из-под ног, из самих стен рождались и текли потоки черных, блестящих змей.

Они были ее волей, ее голодом. Они бесшумно скользили по белому полу, заполняя коридоры живым ковром. Охрана не успевала даже поднять оружие. Змеи взвивались вверх, обвивая тела, их клыки находили уязвимые места в броне. База кричала, умирая в агонии, не в силах ничего противопоставить Хаосу.

Она шла мимо лабораторий, мимо жилых блоков и контрольных центров. Всюду были трупы — разорванные, искаженные, застывшие в позах гротескного ужаса. Ад поглотил их стерильный рай.

Наконец, она вышла к сердцу базы.

Огромный, сферический зал, в центре которого, подвешенный в антигравитационном поле, парил гудящий, пульсирующий синим светом шар из кристаллических матриц и оптоволокна. Основные сервера Агентства. Их бог и мозг.

Элиза шагнула внутрь.

Зал заполнил синтезированный голос. Он шел отовсюду и ниоткуда.

Красный уровень. Нарушение протокола сдерживания. Обнаружена экзистенциальная угроза. Протокол очищения активирован.

Зал залил красный, тревожный свет. На стене загорелся таймер, отсчитывающий последние секунды. Система, столкнувшись с угрозой, которую не могла победить, выбрала единственный логичный выход — самоуничтожение.

Элиза не пыталась бежать. Она стояла и смотрела, как их Бог готовится принести себя в жертву. Она победила.

Пока она возвращалась к выходу, за спиной нарастал низкий, всепоглощающий гул.

Земля содрогнулась. Из-под снежной равнины вырвался столб слепящего белого огня, на миг превратив день в огненный ад. В ее голове — как удар колокола: конец старого и начало нового мира.

Затем она брела по выжженной, дымящейся земле, не оглядываясь. За ее спиной в огне умирала база «Альфа».

А впереди, в холодной дымке рассвета, сияли башни Города.

Глава 35. Я просто существую

Тишина после боя была живой и осязаемой, как дыхание. Она пропиталась воем ледяного ветра, скрежетом остывающего металла и треском догорающей электроники. Марк стоял, прижавшись спиной к мерзлой стене высотки, чувствуя, как крошащийся бетон впивается в кожу сквозь промокшую куртку. Адреналин уходил, оставляя за собой пустоту, в которой гудели его собственные мысли. Он пытался вспомнить бой. Помнил ярость — раскаленную, как поток расплавленного железа в венах. Помнил, как мир замедлился, растянулся — реальность застыла в темном янтаре, а он сам — его центр. А потом — провал. Чернота, заполненная ревом, вспышками света и ощущением, что он больше не человек, а нечто иное — сила, ломающая основу мира.

Вдалеке, среди заснеженных руин, бойцы Ордера двигались беззвучными тенями. Едва различимые в дымке метели, они методично собирали трофеи с тел: батареи, части брони, винтовки, все еще теплые от выстрелов. Изредка кто-нибудь бросал на Марка быстрый, косой взгляд — не враждебный, но пропитанный суеверным трепетом. Они видели в нем не человека, а дикого зверя, что по воле судьбы сражался на их стороне. Или, может, не зверя, а бога — жестокого, непостижимого, рожденного из крови и тьмы.

Из-за угла, опираясь на Расти и другого бойца, появился Дерек. Его лицо приобрело землистый, неживой оттенок, левая рука заканчивалась рваным обрубком, обмотанным грязной, пропитанной кровью тряпкой. Кровь стекала по его штанине, оставляя темные пятна на снегу. Он остановился. В его глазах, несмотря на боль, мелькнула тень прежней насмешки.

— Неплохо для бывшего копа, — выдохнул Дерек. Голос дрожал, но в нем еще слышалось то хищное спокойствие, которое сделало его лидером Ордера.

Расти повел Дерека дальше, к импровизированному медпункту в соседнем здании. Ордер собирал всех, кто выжил, даже тяжелораненых. Марк смотрел им вслед, чувствуя, как холод Круга проникает глубже —

не в тело, а в саму его суть. Он больше не коп, который фиксировал трупы и ненавидел Город. Он изменился, и это пугало его так же сильно, как восхищало.

Кард и Нора подошли бесшумно, их тени скользили по снегу, как отражения в черной воде. Лица оставались непроницаемыми, но в их позах чувствовалась напряженная готовность хищников, ожидающих приказа.

— Надо уходить, — буркнул Кард. — Дроны уже в пути. Город не простит такого.

Марк кивнул, и Ордер тоже начал сворачиваться: люди уносили раненых, растворялись в тенях зданий. Они знали, что Город ответит. И Агентство теперь искало не беглого копа, а монстра, который в одиночку разорвал их ударную группу. Круг замер в напряженном ожидании.

На поле боя остались не только фуллеры. Среди тел лежали люди: патчеры, штурмовики, такие же как он когда-то, как Диана. У них были воспоминания, привычки, семьи, пусть прошитые кодом. Как там было в книгах Мари, *зос и киа*? Даже если в них оставалась лишь крошечная доля человека — одна сотая процента, — это все равно были люди. И он их убил.

Их кровь еще дымилась в снегу, и эта мысль возвращалась к нему снова и снова. Город, да и обычный человек назвал бы его злом. Но Город называет злом любую волю, кроме своей. Тогда что такое зло на самом деле? Что тогда вообще есть зло? Война — всегда результат того, что каждая сторона считает себя правой. Стороны и оправдания менялись, а суть оставалась той же: каждый называл другого чудовищем. Если судить так, то он не хуже или лучше других.

Город не мог быть добром — это он понял давно. Но почему тогда Город — зло? Не потому, что контролировал или хранил порядок, а потому, что лишал человека выбора. Забирал душу и переплавлял ее в синтетическую оболочку. Ломал волю и называл это счастьем. Вот почему он пошел против БиоТех — они хотели сломать его, как Круг, и заменить алгоритмом.

Значит, добро не в законе и не в решении большинства, не в протоколе Комитета или заповеди. Добро — это когда у тебя остается

своя воля. Когда ты можешь сказать «нет» даже если мир ждет «да». Не склоняться перед догмой, не растворяться в удобной лжи.

Настоящее зло — это уничтожение воли. Все остальное — способы сохранить ее.

Когда он вернулся в книжную лавку, предрассветный сумрак уже перетек в снегопад. Запахи окутали его, как воспоминание о другой жизни. Карманная вселенная в хаосе Круга: полки, заваленные книгами, мягкий свет лампы, потертый диван, на котором он так часто сидел. Мари стояла у прилавка, ее хрупкая фигура казалась частью этого места, как будто она была вырезана из той же бумаги, что и пыльные страницы. Не задавая вопросов, она поставила перед ним кружку чая, ее движения были плавными, почти ритуальными. Пар поднимался, растворяясь в полумраке, и Марк почувствовал, как напряжение боя отпускает его.

Он опустился на диван, глядя в окно, где снежинки кружились в тусклом свете. Сегодняшняя победа — не конец. Это лишь первая нота в его личной увертюре к главной битве.

Он перевел взгляд на Мари. Ее спокойствие, ее тихая уверенность скрывали ответы на все вопросы, которые он боялся задать. Но молчать больше не было сил. Он должен был понять.

— Кто они? — спросил он, и удивился чужому, глухому оттенку голоса. — «Дети Хаоса», Элиза... Демоны? Что это за чертовщина?

Ее визор отражал уменьшенную копию Марка. Она смотрела на него, и в ее словах не было ни жалости, ни насмешки — только холодная, нечеловеческая ясность.

— Помнишь, я говорила про общий сон? — начала она. — Тот, что связывает всех нас. Один человек, очень давно, в метро города Нью-Йорк, назвал его Пактом. Мне понравилось название. Демоны — это те, кто проснулся внутри этого сна. Они отказались от его правил, его лжи и морали. Но у них остается якорь в Пакте — их тело.

Она сделала паузу. Марк чувствовал, как ее голос проникает в него, как холод Круга.

— Архидемоны, вроде Лилит — сильнее других, — продолжила Мари. — Они находят «проснувшихся» и уничтожают тело, отрезая его от Пакта. Потом дают новую опору — в Лимбе, в своей реальности: через ритуалы, сигилы, поедание плоти. Демоны могут вернуться в

Пакт, но им нужен сосуд, тело. Раньше для этого использовали людей — слабых духом, душевнобольных. Это называли одержимостью: в человека вселялся кто-то другой. Теперь достаточно напечатанного биопринтером тела. Но архидемоны сильнее: их якорь — не в Лимбе, а в самом Аду, а он держится на Сатане.

Мари крушила его представления о реальности, но вместо ужаса Марк ощущал лишь спокойную, даже радостную ясность. В этом странном покое он нашел только один вопрос.

— Значит, Элиза действительно убивала людей?

— Она забирала их души в Лимб, чтобы потом вернуть в Пакт. Элиза — Жнец. Она собирает армию. Те демоны, которых ты видел сегодня — ее дети.

— А я? — спросил он, и его голос дрогнул. — Что насчет меня?

Визор Мари оставался непроницаемым.

— Ты не демон, Марк, — сказала она. — Тебя убила я.

Он не ощутил ни боли, ни отчаяния. Факт лег на свое место в холодной схеме его нового мира. Он кивнул, принимая ее слова.

— Я убила тебя в той горящей машине, — продолжила она, и в ее словах прозвучала... жалость? — Если бы я этого не сделала, ты бы умер по-настоящему. Твоя душа, твое «я» — назови, как хочешь — растворилось бы в разрыве. Никто не знает, что там, за гранью Пакта и Ада. Я не дала тебе исчезнуть.

Его человеческая часть должна была бы кричать, цепляясь за Пакт и его иллюзии. Но он молчал. Внутри осталась лишь ясность — он принял себя, Элизу и то, что открыла Мари.

— Тогда кто ты? — спросил он, тише, чем хотел. — Если не с Лили, не демон... кто?

Мари улыбнулась. Не тепло и не грустно — так улыбаются, когда давно ждали вопроса и знали, что он прозвучит.

— Я — твоя точка опоры, Марк, — сказала она. — Твой якорь в этом мире. Без меня ты бы растворился в пустоте, как миллиарды других.

В этом слышалось признание — и оно оказалось ближе к любви, чем все, что он видел в Пакте: его песни, фильмы и выхолощенные обещания счастья. Он не находил для этого названия.

— Ты... смерть? — спросил он, и сам удивился, как спокойно прозвучали эти слова.

Мари рассмеялась, и в этом смехе прозвучала нечеловеческая легкость — точно она слышала этот вопрос тысячу раз.

— Люди любят простыми именами прикрывать сложное, — ответила она. — Нет, Марк. Я не конец. Я — переход. В старых текстах, которые так любят мои клиенты, меня называют Марой. Но это имя слишком... демоническое. Мне нравится имя Мари.

Она замолчала. Ее спокойствие было зеркалом, где отражалось его новое, чудовищное лицо — лицо Разрушителя, высеченное из огня и крови. Марк пытался найти в ней ложь или безумие, но видел только правду — безжалостную, как звезды в ее визоре.

— Демоны тебя не любят, — сказал он, вспоминая слова Эми в баре. Не вопрос, а вывод, собранный из обрывков ее рассказов и собственных воспоминаний.

— Верно, — ее улыбка стала шире. — Меня никто не любит, Марк. Меня боятся. И те, кто держится за Пакт, и те, кто мечтает его разрушить. Для Пакта я — сбой, трещина в их системе. Для демонов — напоминание, что их Ад не единственная реальность.

Он смотрел на нее, пытаясь понять, что в ее словах больше — горечи или вызова.

— Тогда почему ты со мной? — спросил он. Главный вопрос, который жег осколком раскаленного металла его сознание.

Мари отвернулась, глядя на падающий снег за окном. Ее силуэт в темном стекле казался хрупким, почти призрачным, но в нем светилась непреодолимая сила.

— Я не помогаю тебе, Марк, — ее ответ звучал тихо, но проникал под кожу, как игла. — Я существую через вас. Победа ангелов, их порядок, означала бы конец. Ни дверей, ни переходов. Вечный хрустальный купол, где ничто не меняется. В таком мире для меня нет места.

Она подняла глаза, и отблеск света полоснул по его лицу, как лезвие.

— Поэтому сейчас мне ближе Хаос. Не потому, что я хочу его триумфа. Хаос ломает стены, а значит, открывает пороги. Я не за Лилит

и не за Агентство. Я — за сам переход. За то, чтобы цикл не окаменел. Чтобы всегда оставалась дверь — из одного мира в другой.

Не союзник, а сам закон движения, разлом в монолите бытия. Марк поднялся с дивана и подошел ближе. В стекле окна отражались они оба: ее тонкая, хрупкая фигура и его искаженный облик; рога на его голове казались в отражении короной из обсидиана. Он остановился за ее спиной.

— Или потому, что я не боюсь тебя? — шепотом спросил он.

Он протянул руку к ее лицу, к визору, который она никогда не снимала. Пальцы — черные, когтистые — дрожали не от страха, а от предчувствия чего-то неизбежного и окончательного.

— Тебе лучше меня не видеть, — прошептала Мари, не оборачиваясь. В ее голосе впервые проскользнул страх — не крикливый, а древний, как пустота между мирами.

Но Марк не остановился. Его пальцы коснулись визора, холод металла отозвался в коже. Он задержал руку на миг, проверяя — позволит ли она. Слышно было, как в углу тикают старые часы.

Он чувствовал, как напряжение растет и весь мир застыл в этой точке. Осторожно, боясь нарушить хрупкое равновесие, он снял визор.

Мари повернула голову и ее лицо открылось ему.

Кожа вокруг глазниц была серой, мертвенной, обнажая под собой то, что не могло существовать. В пустотах, где когда-то были глаза, клубилась масса бледных, извивающихся личинок. Они переплетались, шевелились, как единый организм, и смотрели на него — не глазами, а самой своей слепой, хаотичной жизнью. Смерть, порождающая жизнь, и поглощающая сама себя.

Марк не отшатнулся. Он видел не гниение, а правду — обнаженную, лишенную иллюзий Пакта. Суть, которая не прикрывалась фасадом симметрии и яркого света. Отражение своей сущности, той, что рождалась в огне и крови, в хаосе и разрушении.

Он наклонился и поцеловал ее. Губы коснулись холодной кожи, ее распадающегося языка, и он ощутил движение — как если бы сама плоть дышала под ним.

Это не любовь в том смысле, каким ее воспевал Пакт — не та, что обещала размножение. Это узнавание, резонанс двух разрывов в ткани

сна, двух существ, оказавшихся по одну сторону зеркала. Он, Разрушитель, видел в ней не уродство, а истину. Она смотрела на него, монстра, и видела не ошибку, а предназначение.

В их поцелуе не было страсти, только ритм — общий, где два кошмара сплетались в один. Не слияние, а схождение реальностей, миг, в который две истины узнавали друг друга.

Он не остановился. Поцелуй прорвался глубже, плоть под его губами крошилась, как влажная земля, а личинки двигались, переплетаясь, словно дышали в ответ. Он ощутил ее холодное, распадающееся тело — и не отшатнулся. Он вошел в него, как в разлом, и оно приняло его без страсти, без тепла, но с ясностью, которая была страшнее любви.

Холод плоти встретил его, как ледяная глина. Кожа рвалась под его пальцами, серые клочья соскальзывали, обнажая под ними белесую ткань, живую и мертвую одновременно. Личинки сыпались на его руки, шевелились в волосах — и это было ее дыхание и присутствие.

Их движения были ритмом — две трещины в ткани сна совпали и забились в унисон. Каждый толчок отзывался хрустом, шорохом, дыханием разложения. Он чувствовал запах гноя, слышал движение личинок под ее кожей, и все это было честнее любого прикосновения, которое обещал Пакт в своих иллюзиях.

Красота не в линиях ее тела. Красота жила в распаде, в том, что не пыталось притворяться живым. В холоде серой кожи, в пустых глазницах, где копошились существа без глаз.

За окном снег падал, замирая, и в этой неподвижности Марк больше не боялся ни Пакта, ни Города. Теперь он знал: его точка опоры не исчезнет. Она вечна.

И в этом знании была свобода. Не та, что обещал Пакт — стерильный рай без трещин, и не та, что предлагали демоны — хаотичный ад, пожирающий сам себя. Это — свобода быть самим собой. Свобода Разрушителя, рожденного в огне и связанного с Переходом, который стоял у каждой двери.

Он всмотрелся в ее глазницы, где шевелилась бледная масса, и улыбнулся своей смерти в глаза. Не человеческой улыбкой — оскалом зверя, нашедшего свою суть.

— Что дальше? — спросил он.

Мари ответила ему улыбкой, и в ней впервые мелькнула искра — что-то похожее на тепло.

— Дальше, Марк, — сказала она. — Ты разрушишь все. Или создашь новое. Это зависит только от тебя.

Красота всегда была обманом. Пакт показывал башни, залитые ровным светом, — фасад стерильного рая. Симметрию, порядок, гармонию — декорацию, призванную внушить смысл. Она была маской, скрывающей пустоту коллективного сна.

Но настоящая красота рождалась не в линиях и пропорциях, не в золотом сечении и симметрии витрин. Она жила там, где обнажалась истина и исчезала ложь. В запахе крови на снегу — резком, как удар в лицо. В искривленном оскале, где зубы — память о боли. В личинках, шевелящихся в глазницах, потому что смерть не делает вид, будто ее нет. В грязи под ногтями, в шрамах на лице, в гное, который не стыдится своей природы. В том, что не прячется и не просит одобрения.

Красиво — то, что не боится быть собой. В том, что стоит обнаженной перед миром, без фильтров и коррекций, без алгоритмов, подгоняющих под стандарт. Она шепчет: «Я существую, и этого достаточно». Она остается правдой, даже если ее называют уродством. Если толпа отворачивается, то эта правда не гнется, а режет, как осколок стекла в ладони. Она то, что в разрыве и заставляет тебя смотреть. В той трещине реальности, где Пакт ломается, и прорывается Хаос, — там, в зазоре между мирами, рождается иной взор. Он приковывает, как магнит, заставляя вглядываться в бездну, потому что в ней — отражение твоей собственной сути, не приукрашенной и не сломанной.

В этом свобода: не верить чужим инструкциям, не кланяться навязанным образцам. Не следовать протоколам, где красота измеряется метриками, шрам стирается лазером, а асимметрия — преступление против гармонии. Свобода — в отказе от этой лжи, в праве разбить витрину и увидеть, что за ней пустота. В праве признать чудовище прекрасным, а идола — пустой оболочкой: демона с рогами — венцом эволюции, а фуллера с идеальной улыбкой — марионеткой без души. В праве выбрать свою истину, даже если она — личинки в глазницах и кровь на снегу.

В мире, где Город строил свои башни из лжи, настоящая красота была актом бунта: она рушила стены, обнажая нервы реальности, заставляя почувствовать пульс под кожей — неровный, болезненный, но живой. И в этом пульсе, в этой обнаженной правде, разрыв становился дверью в его новое «я».

Глава 36. Конец цикла

Вечером он пошел в «Бездну».

Снаружи падал тихий, ленивый снег, засыпая улицы пустотой, но внутри бара было жарко и тесно от людей. Воздух, обычно густой от запаха старого дерева и табака, сегодня пропитался потом и плохо скрытой тревогой.

«Бездна» гудела, как никогда раньше. За каждым столом и в каждой нише сидели люди, и это были не обычные завсегдатаи. Его столик пустовал — Кард позаботился. Марк забрался в свой угол и принялся изучать посетителей.

Вот, у стойки, двое с татуировками ворона на шеях — люди Папаши. За дальним столиком трое в одинаковых кожаных куртках с черепами — Истсайд. Все хищники Круга собрались здесь, на территории победителя.

Они не праздновали, а пришли налаживать дипломатию. Почуяли, кто теперь главный. Переговоры, похоже, уже прошли, и довольно успешно.

Дерек сидел за столом в центре зала. На левой руке био-протез, еще не настроенный. Он держался так, словно это не ранение, а новый знак власти. Рядом с ним Расти и Слим принимали гостей. Ордер больше не был одной из множества банд. Сегодня они были правительством Круга.

Марк молча пил свой виски и наблюдал. В углу над баром, на старом, мерцающем экране, начался выпуск новостей Города. Разговоры в баре стихли, все смотрели на него, будто ожидая результата спортивного матча. Ждали — объявления войны, тотальной зачистки, ответа Города на их дерзость.

Но его не последовало.

Синт-дикторша с вежливой улыбкой сообщила об очередных успехах БиоТех в области продления жизни, затем о погоде. И в самом конце, между делом: «Комитет Города сообщает, что программа реновации и благоустройства Старого города временно переносится

на неопределенный срок в связи с необходимостью дополнительного планирования инфраструктуры».

И все. Ни слова о бое, сотнях убитых или потерях Агентства. В их реальности никакого боя не случилось, только небольшая, скучная административная задержка.

По бару прошел тихий, злой гул. Это было страшнее, чем объявление войны. Город не собирался их уничтожать — он делал вид, что их не существует. Что их победа, их кровь, их трупы — это мелочь, не заслуживающая упоминания.

Город воевал не с врагом, а с реальностью, и в этой войне пулеметы не нужны.

Дерек поднялся, его лицо ничего не выражало. Он отдал короткие, резкие приказы. Люди Ордера молча расходились, представители других банд тоже вставали, перешептываясь, и уходили в ночь. Занавес опустился. Война ушла в тень.

Марк остался сидеть в своем углу, глядя, как пустеет бар.

Кард собирал грязные стаканы. Когда он повернулся, его фигура смазалась, как на плохой видеозаписи, и сквозь человеческое лицо проступил иной лик — с безгубой пастью и костяными шипами вместо зубов. Видение исчезло, и между столами снова бродил обычный, массивный мужик с кружками в руках.

Фигура Норы, молча протиравшая стол, теряла четкость, распавшись на дрожащий рой темных, переливающихся насекомых, которые тут же собрались обратно в человеческую форму.

Сегодня он видел и других. Не так много, но они были. У одного из бойцов Дерека проступал под кожей сложный узор из светящихся металлических жил. У старика, сидевшего в углу, глаза блестели чистым, белым светом.

Это были они, демоны. Те, кто проснулся.

Их истинные лики, их настоящая природа проступала сквозь тонкую пленку Пакта, как водяной знак на довоенной десятке. И Марк, глядя на них, не видел ничего ужасного.

Наоборот, в них было что-то настоящее.

Кард, убрав последние стаканы, кивнул Марку и ушел в подсобку. В «Бездне» остался один Дерек, который сидел за своим столом в центре зала, глядя на экран над баром.

Наконец, он поднялся и подошел к столику Марка. Сел напротив, поставив на стол бутылку и два чистых стакана. Его левая рука с грубым протезом двигалась неуверенно.

— Ловко ты меня провел, коп, — сказал он без злости. — А я-то, повелся, как последний салага.

Он сделал глоток.

— К чему был этот маскарад? — продолжил он, глядя Марку прямо в его глаза. — Ты ведь знал, и ты такой же, как они.

Марк молчал, глядя, как тусклый свет лампы дробится в янтарной жидкости его стакана.

— Это сложнее, — наконец сказал он.

— Да уж куда сложнее, — хмыкнул Дерек.

Он, видимо, хотел спросить что-то еще — о том, что Марк такое, или что произошло во время боя, — но не решался. Он смотрел на дно своего стакана, на искрящуюся жидкость, что едва заметно дрожала в его пальцах.

Наконец он поднял взгляд, и в глазах ветерана и лидера банды отражался не страх, а усталость — старая, как сама война.

— Нам всем конец, да? — понизив голос спросил Дерек. Он не боялся, а действительно хотел знать ответ. — Как в тех книгах, что я покупаю у твоей подруги. Апокалипсис. Кали-юга. Конец цикла. Так ведь все и закончится?

Марк молчал. Он смотрел на этого сильного, уставшего человека, который искал ответы в древних мифах, и почувствовал что-то, похожее на сострадание. Дерек готовился к концу света, не понимая, что он давно наступил. Что они все живут на его руинах. Весь мир и был бесконечным, непрерывным концом света.

— Да, — наконец сказал Марк. — Все изменится.

Но что изменится, он не знал сам. Он посмотрел на Дерека, на его изрезанное свежими шрамами лицо, и задал вопрос, который хотел задать ему с той самой первой встречи в кафе.

— Почему ты боишься Мари?

Дерек сидел неподвижно, и лишь сжатая челюсть выдала напряжение.

— Не знаю, коп. Честно. Не знаю, как там у вас, в Городе, или у... таких, как ты. Но обычные люди ее боятся.

Он сделал глоток.

— Про нее не рассказывают историй, как про Папашу или меня. Не говорят, что она кого-то там убила или ограбила. Вообще ничего не говорят. Она просто... есть. Она здесь была всегда, сколько я себя помню. Торгует своими пыльными книгами. И все лидеры банд, даже самые отмороженные, обходят ее лавку стороной. Никто не знает, почему. Просто... так надо. Это как старое правило, которое никто не писал, но все его знают. Не трогай ее. Не задавай ей вопросов. Не смотри ей в глаза.

Он помолчал, глядя в свой стакан, а затем добавил, и произнес почти шепотом.

— Говорят, что если она снимет этот свой визор, то ты умрешь. Я не проверял, и не собираюсь. Я же говорил — лучше вас вообще не трогать.

Дерек ушел, оставив на столе недопитый виски и тишину опустевшего бара. Кард молча убрал стаканы, и этот жест был красноречивее любых слов.

Марк вернулся в книжную лавку, и снег за окном снова падал густыми, ленивыми хлопьями. Мари не спала. Она сидела в своем кресле, отложив книгу, и смотрела на него сквозь визор, будто знала, когда он вернется.

Он ничего не сказал. Прошел к дивану, сбросил плащ и сел. Он был вымотан. Не физически — его новое тело не знало усталости — но морально. Разговор с Дереком, бой, откровения Мари — все это утомило его.

Мари встала, заварила чай и поставила перед ним чашку. Она не задавала вопросов. Вечный гул тревоги в его голове, привычный, как сердцебиение, наконец стих. Он не был больше ни охотником, ни жертвой. Он просто был.

Той ночью он спал хорошо. Без снов и призраков. А утро выдалось необычным — солнечным.

Сквозь плотную пелену облаков, которая всегда висела над Кругом, пробивалось солнце. Теплее не стало, но все же для Круга это была редкая радость. Затянутое небо сияло, будто вот-вот прорвется, и от этого непривычного свечения заснеженные крыши и ржавые остовы машин казались красивыми, как на глянцевой фотографии.

Марк стоял у окна и ждал. Он сам не знал, чего именно. Реакции Города. Нового удара. Конца.

Мари спала. Он слышал ее ровное, спокойное дыхание. Она была его якорем в этом безумии, но он знал, что скоро и этот якорь сорвет.

Он ждал какого-то знака. Последнего сигнала перед тем, как все начнется. И он знал, что сигнал будет. В сломанном мире он научился чувствовать такие вещи, как животное чувствует приближение землетрясения.

И знак случился.

Это была не упавшая звезда и не четыре всадника Апокалипсиса.

Сначала далеко на востоке небо на мгновение вспыхнуло ослепительно-белым светом — без звука.

Потом пришел гул. Низкий, едва слышный, он шел не с улицы, а рождался в самой кости, в черепе. Гул, от которого завибрировали стекла в окнах и звякнули чашки на столе.

Секунд через двадцать донесся грохот. Глухой, тяжелый, раскатистый.

Взрыв.

Марк стоял у окна, глядя на небо, где угасла белая вспышка. Раскат давно затих, растворившись в утреннем воздухе, но еще отдаваясь в ушах. Он отвернулся от окна.

День прошел в ожидании. Робкий утренний свет быстро сдался, и небо над Кругом снова затянула привычная свинцовая пелена. Марк механически съел что-то горячее в ближайшей забегаловке, не чувствуя вкуса. Вернувшись в лавку, он долго лежал на старом диване, глядя, как спит Мари, укрывшись пледом. Ее ровное дыхание было единственным упорядоченным ритмом в его хаосе.

Когда сумерки окончательно затопили Круг, он поднялся. Нужно было что-то делать, но что именно? Он не знал, и потому пошел в бар.

К позднему вечеру «Бездна» опустела. Тревожный гул, наполнявший бар после новостей, схлынул, оставив после себя нескольких угрюмых бойцов Ордера, молча цедивших пиво, и вязкую, прокуренную тишину. На экране над баром беззвучно корчились фигуры в каком-то синт-сериале: идеальные лица, стерильные эмоции, драма, выхолощенная до безопасной, предсказуемой формулы. Город пытался делать вид, что ничего не произошло.

Напряжение тягучего, бесконечного дня отпускало Марка. Город проигнорировал их. Он затаился, отступил, перенес реновацию. Битва была выиграна. Глядя на фальшивые страсти на экране, он почти поверил, что все действительно успокоилось.

Допил свой виски, чувствуя, как фальшивое, химическое тепло разливается по венам, притупляя тревогу. Пора было возвращаться домой. Он поднялся и браслет в кармане пискнул.

Звук — резкий, давно забытый. Он достал его, и над столом развернулся шейд. Три слова.

Скучала по тебе.

Сначала мысли оборвались, потом рванули вихрем.

Ловушка. Игра Агентства. Психологический трюк Лили. Его собственный разум. Что угодно.

Но сообщение было не приказом и не угрозой.

Он смотрел на него, и в голове пульсировало одно-единственное имя.

Глава 37. Убей меня

Чужой браслет, кусок металла и пластика, подсунутый Эми прямо здесь, в баре. Марк стиснул его в руке так, что металл захрустел. Это могла быть Лили — ее расчетливая игра, чтобы вбить клин между ним и Мари. Или Эми, с ее фальшивой улыбкой и ядовитыми намеками. Еще одна манипуляция, попытка затянуть в их кровавую игру.

Но сквозь логику и подозрения пробилось иное знание — рожденное не разумом, а той темной сутью, что теперь жила в его теле. Оно безошибочно узнало в послании ее боль и тоску. Узнавание, которое он впервые почувствовал в ту ночь на крыше, под дождем, когда ее глаза — один светлый, другой темный — проникли в его суть. Это была Элиза.

Он сорвался с места, опрокинув стул. Дерек крикнул что-то вслед, но его слова остались за дверью. Он бежал. Заснеженные улицы Круга сливались в белый туннель. Он бежал к ее дому — к месту, где все началось, — подталкиваемый отчаянной надеждой.

Элиза стояла под тусклым светом единственного фонаря; ее волосы были мокрыми от снега. Не капитан в безупречной форме и не демон. Обычная женщина — хрупкая, одинокая, ждущая его под падающим снегом. Лицо с неровными чертами выглядело чужим, почти сломанным. Он чувствовал ее зов — не в ушах, а где-то в глубине.

— Вот и ты, Марк. — сказала она.

Повернулась и пошла к подъезду, и ее шаги тонули в снегу. Марк пошел следом — потому что все остальное потеряло значение.

Квартира осталась той же, но дышала иначе. Старый комод, протертое кресло, окно с видом на Город — все это перестало быть чужим. Каждый предмет узнал его, и сама комната, казалось, выдохнула с облегчением, принимая его обратно в свое чрево. Элиза остановилась посреди комнаты и обернулась.

Марк смотрел на нее, и его глаза прорвали пелену Пакта, обнажая суть. Он видел бесконечное, вселенское одиночество — одиночество существа, стоящего между мирами, не принадлежащего ни одному. Он чувствовал ее боль — не как воспоминание, а как живую, кровоточащую

рану, ставшую ее тюрьмой. Перед ним стояла Лиза Дамер, на коленях в луже под дождем, рядом — маленькое тело девочки с косичками, чья жизнь оборвалась из-за ее ошибки. Эта сцена, эта вина, повторяющаяся в ее душе вечно, и стала ее Адом.

Он видел мост. Не сталь и бетон, а символ — черный канал, застывший, как ртуть, под мрачным небом без звезд. На краю — она, со стволом у виска, готовая шагнуть в небытие. Он переживал ее отчаяние, смерть и мучительное перерождение в то, что теперь стояло перед ним. Он видел не историю ее жизни, а саму ее суть, и жил ею, как собственной болью.

Его пальцы, кривые, чудовищные, коснулись ее щеки. Она не отшатнулась — закрыла глаза, и по лицу скатилась слеза, чистая, как эхо забытого воспоминания. В тот миг не было ни Пакта, ни Круга, ни Города. Были только они — два разрыва в ткани реальности.

Не поцелуй, а слияние бездн, столкновение темных звезд в пустоте. Его тьма узнала ее, его боль отозвалась в ее боли. Их близость не была нежностью и не страстью, а чем-то древним, первобытным — узнавание, в котором два урагана нашли общий центр. В заброшенной квартире, под воем ветра и светом далеких башен, они были не людьми, а богами — Разрушителем и Жнецом, чьи реальности схлопнулись в одну.

Ритуал единения, где они превращали свои тела — его черную броню, ее чешуйчатую плоть — в чистое продолжение своей воли. Каждое движение, каждое касание ломало последние цепи, связывавшие их с миром лжи. Они разрушали границы между собой, сжигали их в ритме, где боль и ярость становились общей песней. В этой комнате, в сердце умирающего Круга, они впервые были дома.

Их тела, вырванные из Пакта, были теперь лишь опустевшими оболочками, чужими и мертвыми. Снег за окном укрывал погибающий мир. Элиза смотрела на него, и в ее глазах он наконец нашел свое отражение — не человека, а Разрушителя, чья корона сияла в полумраке.

Она заглянула в него, и его память раскрылась перед ней, как книга. Лавка Мари, пахнущая пылью и травами. Хрупкая фигура в кресле. Визор, мерцающий, как звезды в Лимбе. Их странные разговоры, тепло чая, ее спокойствие — спасение и ловушка. Ордер, превращающийся в легион демонов. Он сам — Разрушитель, крушащий турели, реальность

взрывается, стирая врагов в пыль. Его ярость, его триумф, его боль. Глаза Мари и связь, которая их держала. Она знала все.

В ее знании не было ревности или ненависти. Эти чувства принадлежали Пакту, людям, цеплявшимся за иллюзии владения и потери. Они были за гранью, Пакт отпустил их, и его законы больше не имели власти.

Они лежали рядом, две сущности, оголенные до самой сути, и между ними не осталось тайн.

Молчание нарушил ее голос — тихий, почти неслышный, с оттенком грусти.

— Значит, ты привязан к ней, — сказала она.

Она видела Мари его глазами: тепло, тайную силу, ту загадочную власть, что держала его. Марк не мог лгать.

— Я не знаю, — ответил он. — Думаю, да.

Мари была не воспоминанием и не женщиной, вырвавшей его из пустоты. Она была якорем, нитью, протянувшейся из прошлого, из мира Пакта — ненавистного, но все еще удерживающего его. Пока связь существовала, он не мог стать частью ада Элизы.

Ее асимметричное лицо в полумраке застыло, словно отлитое из металла — зеркало, в котором смешались разрыв и тьма. Существовал единственный выход — чудовищный, но простой.

— Тогда сделай это, — сказал он. Его голос был спокоен, как вода канала Форт-Пойнт. — Убей меня, Элиза.

В ее глазах мелькнула тень — не страха, а понимания.

— Убей меня, — повторил он. Холодная логика существа, вышедшего за пределы человеческой морали. — Так же, как ты делаешь с другими. Поглоти меня. Пересобери. Дай мне точку опоры в тебе. Сотри то, что принадлежит им.

Он протянул свою черную, когтистую руку и коснулся ее щеки, чувствуя ледяную кожу и жар того, что она несла внутри. Элиза смотрела на него, и в ее глазах не было ужаса. Она понимала, какую жертву он просит. Не смерть, а единение — последний шаг, чтобы стать одним целым.

Ее рука поднялась, и из мрака свился нож: черная кость рукояти, матовое лезвие, не отражающее света. Движения плавные, ритуальные,

как у жрицы древнего обряда. Наклонилась, занесла клинок. Не ненависть, а милосердие. Любовь — не человеческая, а та, что рождается в Аду, где два разрыва падают в одну бездну.

Лезвие вошло под ребра легко, почти без боли, с хирургической точностью находя сердце. Холод сменился обжигающим теплом крови, и мир перед его глазами свернулся в точку. Мелькнуло ее лицо, искаженное снежным светом, склоненное над ним, и глаза, в которых он нашел дом.

Его оболочка — плоть, привязанная к Мари, — распадалась. Элиза втягивала его боль, его ярость и память, пересобирая в своей реальности.

Связь исчезла, но ее форма навсегда впечаталась в его новую суть. Он думал, что обрывает якорь, но не понимал главного: сам этот обрыв стал еще одним проявлением Мари. Ведь что такое разрыв якоря, как не еще один Разрыв?

Вместо затхлой квартиры он лежал на холодной, шершавой поверхности, похожей на мокрый гравий. Каждый вдох — густой, с привкусом дыма и сырости, как в заброшенном бункере, где он когда-то прятался от бомб. Над ним раскинулось мрачное, затянутое тучами небо.

Парк был пустыней утраченных надежд. Скелеты деревьев — черные, иссохшие, — тянулись вверх в бесполезной мольбе. Их кора отслаивалась пластами, и под ней проступала бурая, гниющая древесина, источающая пепел и забвение. Здесь не было жизни — только окаменевшая память о чем-то утраченном навсегда, застывшая в самом воздухе.

Марк чувствовал Элизу в каждом вдохе неподвижного воздуха, в холоде, что стягивал его грудь, в тишине, что давила, как свод из камня, в тоске, которая тянула его вперед, как нерв, вырванный из тела, но все еще соединенный с ним. Ее суть — боль, одиночество, вечное изгнание — жила повсюду: в тенях между деревьями, в осыпающейся коре, в безмолвии, где исчезали шаги.

Эта тоска была иной, нечеловеческой. Не сентиментальной, не той, что выражают слезами или словами. Она была неотвратимой, как смерть звезды.

Перед ним лежал мост — широкий, с фонарями и ржавыми перилами. Его бетон, влажный от тумана, уходил вдаль и растворялся в белесой пелене, где исчезали границы.

Под ним — канал, в котором текла тьма, глотавшая отражения. Не просто река, а граница, Ахерон. Линия, за которой живые перестают быть живыми. Он ступил на бетон. С каждым шагом прошлое осыпалось пеплом — воспоминания о Пакте, о Круге, о Мари. Тянулось за ним, но обрывалось и падало вниз, растворяясь в воде.

И он продолжал идти, увязая во влажном, густом воздухе. Остановиться было невозможно — его тянуло что-то неведомое, не мысль и не желание, а исконный зов, упорный и неотвратимый.

Еще шаг, и бетон моста под ногой стал мягким, как влажная земля. Воздух загустел, запахло мокрым пеплом, и пелена тумана впереди сгустилась, обретая очертания темных крыш. Перед ним лежал Карвер Фолс, фантом, вырезанный из тьмы болью Лилит. Улица уходила во мрак, асфальт трескался и крошился, как кожа умирающего, и в трещинах зияла пустота.

Витрины редких магазинчиков — мутные, как запотевшее стекло, за ними ни света, ни людей, только вязкая мгла. Главная площадь тянулась дальше, и казалась бесконечной. Ветер гнал сухие листья, поднимал их в вихри, похожие на тени давно ушедших душ.

Город говорил с ним не голосами. Его речь сочилась из молчания стен, стекала теплыми каплями дождя, завывала в пустых окнах. Шепот был безличным, но Марк узнавал его, — своей сущностью.

Карвер Фолс был не местом, а порогом. Пещерой без стен, где трещины асфальта становились вратами, а подземные каверны дышали тоской. Оттуда, из глубины, доносилось эхо вины и боли, застывшее в этой земле.

Его вела тоска — не его собственная, а Лилит, растворенная в каждом углу этого города-призрака. Она толкала его вперед, туда, где должно было открыться то, чего он еще не знал.

Город оборвался, и перед ним выросла темная стена леса — густого, занесенного снегом, где деревья стояли недвижно, охраняя проход в неведомое. Тропа исчезла, и Марк брел по пояс в сугробах; ветви хватали его плащ с отчаянной настойчивостью, как пальцы самоубийц,

цеплявшихся за жизнь в последнем рывке. Мороз вонзался в тело глубже любого клинка. Кожа, рожденная в огне и ярости, трескалась с сухим щелчком, подобно обсидиану, раскалывающемуся от ледяного дыхания воды. Трещины углублялись, из них сочилась темная, густая смола — его кровь. Под броней проступала обнаженная плоть, сырая, алая, и каждый шаг отзывался агонией, словно с него беспощадно сдирали само тело. Ветер выл, снег слепил глаза, и в этой боли пробуждалась сила — нечеловеческая, зовущая из тьмы.

Лес не кончался. Тьма то сжималась, то раздвигалась, открывая под снегом бездонные провалы. Марк падал в них, захлебываясь воздухом, поднимался снова, и за каждым его движением тянулся след — клочья черной плоти, вмерзающие в ледяной наст. Это было его прошлое, отпадающее от него кусками гнили. Боль не сокрушала — она выжигала, как кислота, все лишнее.

Сугробы хватали его, рвали в стороны, но в каждом падении, в каждом разодранном лоскуте он находил очищение. Плоть осыпалась прахом, и вместе с ней осыпался весь мир.

Когда силы иссякли, а тело обнажилось до рваных ран, лес расступился. Перед ним разлилась равнина — белая, гладкая, без конца и края. Над ней нависало угольно-черное небо, пустое, без единой звезды. Горизонта не было: дальше только ничто, в котором исчезала сама реальность.

Равнину рассекала река. Густая, как масло, она не знала мороза и поглощала свет.

На ее берегу стоял дом. Старый, мертвый, его стены, побелевшие от инея, трескались, как древние кости. Крыша прогнулась под тяжестью невыносимой тоски. Дом молчал — чужой, одинокий, как сама смерть.

И там, у самой воды, стоял Он.

Глава 38. Дом из крови и льда

Он стоял неподвижно, как статуя, выточенная ветрами забвения. Его силуэт — высокий, угловатый, сливался с тенью дома, словно вырос из его гнилых корней.

Марк пошел к Нему.

Берег — белая, заснеженная пустыня, выжженная морозом. Кровь реки лежала неподвижно, отражая пустоту. Мир застыл, и только дыхание напоминало, что он еще существует на краю реальности. С каждым шагом к дому он все сильнее чувствовал: здесь все начинается и заканчивается.

Фигура у воды повернулась и направилась к дому. Марк последовал за ней. Снег не шуршал — он ступал беззвучно, скользя по нему тенью. Подошвы мягко проваливались, оставляя следы, воздух холодил кожу. Чем ближе дом, тем ощутимее копилось ожидание — не мысль, а слабое давление изнутри, точно сам дом звал его.

Человек исчез в дверном проеме, и Марк остановился у крыльца. Здесь пахло сырой землей и старым деревом; запах густой, тяжелый, ощутимый на языке. Он коснулся ладонью косяка — дерево было холодным и чуть влажным — и толкнул дверь.

Она поддалась с долгим, ворчливым скрипом. За порогом его встретила тишина — не пустота, а масса; глухая и тяжелая, она заполнила уши, легкие, суставы. Гниль досок и сладковатой прели. Узкие лучи, просачиваясь сквозь щели заколоченных окон, цеплялись за лохмотья обоев, голые ребра сломанной мебели, за пыль, зависшую в толще комнаты. Пол под ногами чуть пружинил, но не скрипел; где-то в стене потрескивало дерево — единственный живой звук в этом царстве безмолвия.

Он шагнул, и дом задержал дыхание. Пыль в воздухе утяжелилась, заискрилась и — вместо серых крупинок — превратилась в золотую пыльцу, переливающуюся в полумраке. Пятна влаги на стенах на миг потемнели и стянулись в ровные прямоугольники панелей; трещины сомкнулись, как швы; щели, дышавшие льдом, затянулись. Тот же тихий треск, что только что жил в гнилой доске, отозвался иначе — сухим

щелчком поленьев в очаге. Запах прели уступил место густому теплу: полынь, лаванда, сладость вина, нагретый кирпич.

Мрак не исчез мгновенно — он отслаивался, как старая краска: слой за слоем отходил, и под ним проступала вторая кожа дома. Стены расправлялись и светлели, стекло в окнах становилось прозрачным; где-то вдали звенели бокалы, и смех, сначала похожий на шепот сквозняка, набирал силу, превращаясь в гул далекой музыки. Кладка камина, еще недавно заваленная золой, вспыхнула — пламя взметнулось вверх живым, ревущим столпом, отблеск побежал по золоту карнизов и по полированному мрамору пола. Дом, встречавший тлением, расправлялся и становился залой: теплой, богато отделанной, с мягким светом и тенями огня, колышущимися по стенам.

У огня восседал Он — высокий, звероподобный. На коже чернела вязь письмен; линии шевелились, как змеи, и исчезали в складках мускулов. Голова козла с длинными, загнутыми назад рогами; в глазах — не пламя и не тьма, а ледяная первичная пустота, древнее света. Внутри Марка что-то менялось — медленно собираясь в новую форму.

Кожа Марка стянулась и затвердела в базальт с тонкими трещинами; мышцы и жилы проступили чисто и резко. На лбу под кожей вспыхнула багровая звезда хаоса. По плечам и предплечьям лег доспех, сросшийся с плотью, словно застывшая лава со шрамами времени. За спиной два крыла — темные, стальные; при каждом движении их пластины звенели, и огонь камина скользил по их кромкам.

Зала плыла в отражениях; музыка глохла и возвращалась. Прежний, гнилой дом остался памятью и запахом пепла.

— Присаживайся, — сказал Сатана и указал когтистой рукой на стул у камина.

Стул выдвинулся сам собой, вызвав воспоминание о другой встрече. Марк сел, чувствуя, как тепло огня проходит сквозь доспех. На низком столике вино преломило пламя тонкой, кровавой полосой.

— Так лучше, — произнес Он негромко, и золото на стенах отозвалось, потемнело на полтона. — Я не люблю говорить с теми, кто стоит.

Пальцы больше не дрожали; кожа стянулась, сила улеглась в мышцах ровным, тяжелым слоем.

— Ты долго шел, — сказал Сатана. — Дольше, чем следовало.

Он говорил не угрожая и не успокаивая — так описывают металл в справочнике: твердый, режет. Вдалеке смеялись слуги-голоса и стирались в шепот; музыка вибрировала в дыхании залов.

— Знаешь, где ты? — спросил Он.

— Знаю, — ответил Марк; его новый голос прозвучал ровно и твердо. — На границе.

В пустых глазах Сатаны на миг шевельнулось узнавание.

— Верно. На границе. Но не миров — на границе выбора.

Он поднялся. Фигура — звероподобная, чудовищная — не казалась угрожающей.

— Ты смотришь на меня и думаешь о старых книгах — падшие ангелы, библейские сказки. Забудь. Это часть Пакта, их прошивки, которая заставляет навешивать ярлыки.

Он встал, подошел к камину. Движения его рук были плавными, почти гипнотическими, он не просто касался предметов — он разговаривал с пространством. Зашагал по комнате, мерно, от стены к стене, как будто собирался с мыслями.

— Я не безымянная сила из тьмы. Я был человеком. Самым обычным инженером из Нью-Йорка, который однажды понял: мир построен на лжи. Я пытался им сказать, но меня назвали сумасшедшим и вышвырнули из своей уютной иллюзии. Я потерял все.

Он остановился в нескольких шагах от Марка, и огонь в камине бросил на его козлиное лицо дрожащие тени.

— Тогда я решил им не рассказать, а показать. В метро я разорвал их Пакт: силой, кровью и своим окончательным выбором. И этот разрыв создал... вот это, — он обвел когтистой рукой залу, снег за окном, черную реку. — Так что я не дьявол из ваших сказок, Аваддон. Я — прецедент. Первый человек, сказавший «нет» всей системе целиком.

В его словах слышалась усталость, тяжелая и старая.

— Бойня была моим способом, — сказал он. — Моим экспериментом и разрывом. Грубым, кровавым, но это был единственный язык, который они могли понять. Твой разрыв будет другим. Он уже начался.

Он указал на огонь, и в камине вспыхнули картины прошлого. Вот Элиза — лицо сведено болью, взрыв прожигает ей глаза. Вот Диана — с ужасом смотрит на руки, которые действуют против ее воли. Вот Дерек — без руки, но все еще пытается удержать свой маленький, рушащийся мир.

— Ты думаешь, ты действовал вслепую? — продолжил Сатана. — Нет. Это они реагировали на тебя. Твое пробуждение, твоя ярость, сама природа Разрушителя — все это поднимает волны, ломающие Пакт. Ты — сбой в системе, и она отчаянно пытается его исправить — ложью и силой.

Он обошел стол и остановился. Козлиное лицо, лишенное мимики, смотрело в окно.

— Я не предлагаю тебе стать злом, Марк. Я предлагаю перестать быть жертвой. Стать свободным.

Марк напрягся. Тепло от камина уже не согревало.

— Ты говоришь так, словно нашел свободу, — сказал он. — Но, может, это всего лишь твоя клетка? Снег, река крови и вечное одиночество.

Ответ последовал сразу же, как будто Сатана сам не раз задавал себе этот вопрос.

— Любая свобода — клетка, Марк. Вопрос в том, кто ковал прутья и из чего они сделаны. Их клетка, Пакт, — он кивнул в сторону невидимого мира за стенами, — кована из лжи, страха и надежды, которую они продают друг другу, чтобы не видеть пустоты. Она теплая, уютная, и там полно других заключенных, убеждающих друг друга, что это и есть вся вселенная.

Он повернулся к Марку, пламя играло тенями его рогов.

— А моя клетка... да, она холодна, пуста и сделана из одной-единственной вещи — из правды. Из той, что я выковал в вагоне метро. Я выбрал клетку из честного материала. А какую выберешь ты?

Марк смотрел на него, и его разум, привыкший жить в сдвиге, начал фокусироваться.

— Я не могу выбрать, если не знаю, из чего выбирать, — сказал он. — Какую игру ведет БиоТех? Кто такая Лили Фрейзер? Каков их план — и почему я в нем?

Сатана кивнул, точно ждал этих слов.

— Ты прав. Я должен объяснить.

Он отошел от окна и снова сел; звероподобная фигура утонула в тенях.

— Этот мир, — начал Сатана, обводя когтистой рукой залу, — Ад, Лимб, называй как хочешь, существует вне их времени. Для тех, кто спит в Пакте, время — река из прошлого в будущее. Мы с тобой — стоим на берегу. Для нас нет прямой линии, поэтому мы можем войти в их поток где угодно — в средневековье, в бойню двадцатого века, в эти выдохшиеся двухтысячные.

Из полумрака блеснули его пустые, звериные глаза.

— Мы не боги. Мы не знаем будущего, как многие думают. Знание будущего — удел Порядка: их ангельский, системный механизм. Наша природа — Хаос. Свобода. Мы не предсказываем — мы вмешиваемся. Я могу обратить человека, могу вызвать сдвиг; но каждое вмешательство ломает их поток, разрывает предсказанное, потому что будущего нет, пока ты не сделал выбор. Оно рождается в миг разрыва — в момент, когда сцену освещают софиты.

Он на мгновение замолчал, и поленья затрещали громче. Марк слушал, и в голове начинала складываться картина — неясная, с провалами, но имеющая собственную логику.

— Другие... — сказал он, вспомнив свою встречу на крыше. — Элиза, например... Они будто заглядывали мне в душу.

— Что мы знаем на самом деле? — каждое слово Сатаны падало, как камень. — Мы видим суть. Трещины в человеке, врожденную склонность к разрыву. Мы смотрим сквозь Пакт — и видим обнаженную душу, страх и боль, которые он прячет от самого себя. Еще мы угадываем закономерности: когда их мир становится слишком ровным — значит, скоро треснет.

Он помолчал, и треск поленьев прозвучал как подтверждение, как короткий, сухой кивок дома.

— Не путай это со всеведением. Мы не читаем будущее. Мы чувствуем напряжение в швах, слышим, где ткань мира натягивается до едва слышного треска; видим место, где сцена наэлектризована и готова

вспыхнуть, — но когда это случится и как, решаем не мы. Решает тот, кто делает шаг.

Он снова умолк, и в тишине был слышен лишь треск огня.

— Детали всегда ускользают, — продолжил он. — Я вижу человека на краю, но не знаю, шагнет ли он. Последний выбор — всегда его, и именно он, а не я, пишет следующую главу.

Он откинулся в кресле; когтистые пальцы сдавили подлокотник, и тот застонал под давлением.

— Я веками приходил к ним под разными масками, — сказал он, и в голосе зашуршала бесконечная, пыльная усталость. — Для одних я был дьяволом, для других — врагом, для третьих — искушением. Я открывал дверь, показывал трещину в картонном уюте, давал шанс шагнуть в настоящую свободу — и почти всегда они отводили глаза: слишком слабы, слишком послушны.

Дерево наконец треснуло, как живая кость, под его когтями.

— В двадцать втором веке Пакт начал меняться. Он густел, каменел. Раньше можно было толкнуть — и человек просыпался. После пятидесятых трещины заросли одна за другой, входы — закрылись. Тело мумифицировалось. Я искал причину — и нашел ее. Технологии — их новые бездушные боги. «Уэлш Бионикс».

Он приподнял звериную голову; в пустых глазницах отражался огонь камина.

— Они всегда этого хотели, Марк. Всю свою жалкую историю они пытались избавиться от свободы. Свобода их пугала: она требует ответственности, заставляет смотреть в пустоту и выбирать без гарантий. И они этого не выдерживали.

Он говорил негромко, но голос, казалось, заполнял залу, заставляя дрожать сам воздух, будто в камне зазвенели невидимые струны.

— Сначала они прятались от нее в племенах и кланах, — продолжил он, — подчиняя свою волю воле вождя, потому что так проще выживать: один приказ — одна тропа — один костер. Затем они придумали богов — тысячи богов с разными именами и одинаковой функцией: говорить им, что есть добро, что есть зло и кому открывать двери. Так легче: не ты выбираешь — за тебя уже выбрали. Они падали на колени с

облегчением, потому что быть рабом проще, чем быть свободным перед пустотой, где нет гарантий.

Звук его когтей, как тонкая царапина на стекле, тянулся за словами.

— Потом они создали государства, — сказал он, — чтобы государства решали, как им жить, во что верить и кого убивать. Они умирали за флаги, за гербы, за линии на карте и идеи, потому что умереть за абстракцию проще, чем жить ради самого себя и отвечать за каждый свой шаг. Когда державы гибли, они строили новые — толще стенами и тоньше письмом закона, чтобы жить было еще проще. Они придумывали клятвы, чтобы не держать слово, и законы, чтобы не мучила совесть.

Он замолчал, налил себе еще вина, выпил.

— А потом они придумали худшую форму свободы — демократию, — где тирания стала изощреннее, потому что научила их верить в то, что прутья своей клетки они выбирают сами. Им дали право голоса, чтобы голос растворялся в хоре. Им дали право выбора, чтобы выбор был сделан заранее. Их учили бросать бумажку в урну и считать это поступком — и они благодарили за это облегчение, ведь настоящая свобода слишком тяжела: она не расписана по бюллетеням и не укладывается в предвыборную речь.

Пламя, отражавшееся в пустых глазницах, угасло.

— Они писали кодексы, вырезали их на камне и печатали на тонкой бумаге, — продолжил он мягче, — чтобы вместо внутреннего суда иметь внешний. Создавали советы, чтобы каждый перекладывал ответственность на всех. Они любили процедуры, потому что в процедуре нет места личной воле. Все сводилось к тому, чтобы избежать самого себя — власть большинства, институты управления и законы природы. И всякий раз, когда перед ними открывалась пустота — чистая возможность выбора, — они спешили закрыть ее словом, правилом, формулой, знаменем, чтобы не видеть своих рук на перекладине клетки. Ведь пустота — это головокружение, а значит — страх.

Сатана глубоко вдохнул и замолчал. Марк не посмел перебить — после веков молчания тот наконец имел право выговориться.

— И вот, наконец, они дошли до финала. Технологии. Патчи. Идеальное решение. Последний гвоздь в гроб свободы. Зачем бояться, если можно отключить страх? Зачем сомневаться, если можно вшить в мозг единственно верный ответ? Зачем делать выбор, если система сделает его за тебя — быстрее, правильнее? Они не просто строят тюрьму, Аваддон, — они в восторге несут кирпичи к ее стенам.

Марк смотрел на него и чувствовал, как старое, человеческое, отступает. То, что всегда искало причину и объяснение — сейчас молчало. На его месте поднималось другое: слепое, инстинктивное знание.

— Но прогресс — их сила, — сказал он. — Их патчи, Контур, фуллеры. Ты сам говорил, что больше не можешь пробиться в их мир. Похоже, они побеждают.

— Это сила мертвого камня, — голос Сатаны ударил резко, как кнут. — Фундамент должен держать живое, но их фундамент рассчитан на мертвых. Они думали, что усиливают себя, вживляя код в мозг; на деле — усиливали тюрьму, утолщая ее стены. Они укрепили не человека, а каркас клетки.

Он выпрямился, и его рогатая тень легла на стены, расколов комнату надвое.

— К середине двадцать второго века они построили не просто систему контроля. Они возвели стену, которая разделила миры окончательно. Стену без дверей и окон. По эту сторону — ничего; по ту — цифровая оранжерея: герметичный рай, стерильный, равномерно теплый и мертвый.

Он сделал паузу и опустил свой пустой, бездонный взгляд прямо на Марка.

— Если Пакт закроется, я останусь снаружи, в своем Хаосе, а они — внутри, в своем Порядке. Вечные — да. Но вечность без выбора, без разрыва — не жизнь. Это холодная консервация. Бесконечный пересмотр одного и того же, давно мертвого фильма. Бессмертие в формалине.

Он помолчал, дав словам осесть золотой пылью на шелк ковров.

— Это программа, — продолжил Сатана тише, глуше; казалось, говорила сама комната. — Вечная, самодостаточная. Она не знает

сомнений и усталости. Пакт сделал то, чего не удавалось тысячелетиями: он построил *тело* для своей *идеи*. Он сделал порядок плотью. Это не оружие, а сфера без дверей — закрытый рай, где саму мысль о выборе вычеркивают из кода. Это уже не свобода против несвободы и не жизнь против смерти. Это окончательное забвение.

В его словах Марк слышал собственные, наполовину оформленные, страшные мысли — те, что возникли у него, когда он смотрел на фальшивые новости Лили Фрейзер: о мире, где небоскребы не строят, а вшивают прямо в память; где выбора нет, потому что мысль о выборе удалена из прошивки. И теперь этот инженер из прошлого произносил вслух очевидное — простую, страшную истину.

Сатана вскинул руку, и черные когти прочертили воздух, разрезая ткань иллюзии.

— Я мог бы веками биться об эту стену, как волна о скалу, — сказал он. — Бесполезно. Стена Пакта не падет от ударов извне. Чтобы разрушить идеальную тюрьму, — его голос стал почти заговорщицким, — не нужен таран. Нужен вирус. Предатель. Тот, кто родится внутри Пакта, будет выглядеть как его часть, говорить на его языке — и ударит в сердце. Хаос в маске Порядка.

Он опустил руки.

— Я искал, — произнес он, и каждое слово звучало признанием в вековом поражении. — Всматривался в их мир: в души, в дрожь, по которой узнается готовность к разрыву. Тысячи, миллионы трепещущих существ. У каждого — искра, потенциал к отказу. Но эти искры гасли, их ломали с рождения — аккуратно — привычками; грубо — страхом; красиво — надеждой. Их можно обращать, ломать, но из них невозможно сделать генерала. Нечто большее — сосуд, который выдержит огонь и не треснет.

Марк смотрел на него, и ледяное озарение проступало сквозь туман ярости: вся эта сложная, кровавая игра имеет цель.

— И тогда ты нашел... — прошептал он.

Сатана чуть склонил рогатую голову и продолжил. В бесстрастном голосе прозвучала странная, пугающая нежность:

— ...ее. Беверли.

Он сделал паузу, почти смакуя имя, давая ему развернуться в воздухе.

— В ее сознании горел огонь. Холодный, чистый огонь, какого я не видел со времен сотворения этого мира. Не вспышка эмоций и не ярость, как у тебя. Огонь предельно трезвого, безжалостного, аналитического ума. И при этом — клетка из отчаяния и боли. Пакт предал ее: война, собственная семья — все по очереди ломало ребра ее мира. Она стояла на грани. И именно там, где другой бы сломался, она превратилась в идеальный сосуд. Достаточно сильный, чтобы вместить мою волю, и достаточно сломленный, чтобы отвергнуть Пакт.

Марк усмехнулся, и в этом звуке не было ни тени веселья — только горечь, усталое понимание.

— Ты всегда приходишь к сломленным, да? — сказал он. — К отчаявшимся. Чтобы окончательно доломать.

Как Элиза пришла ко мне тогда, в том доме с бесконечной лестницей.

Сатана шагнул ближе к камину; бесцветное пламя дрогнуло. Он не повысил голос, но в нем проступила такая ярость, что, казалось, стены залы сжались.

— Нет! Мы приходим к тем, кто уже стоит у отказа от Пакта; к тем, чья душа задыхается в их лжи. Со мной говорят потому, что *никто другой их не слышит*. Я пришел к ней в тот миг, когда ее жизнь рассыпалась в прах, и я не лгал. Я дал то, чего у нее никогда не было: настоящий выбор. Не иллюзию выбора между двумя сортами отравы, а грубую, честную дверь в стене. И она шагнула. Не из-за меня, а из-за себя. Мы не ломаем сломленных, мы — показываем им иной путь.

В его пустых, бездонных глазах на миг сверкнуло нечто — как вспышка древней, болезненной памяти.

— Беверли умерла в той заснеженной подворотне. От нее не осталось ничего, кроме боли и чистой, концентрированной ярости. Из них, из этого пепла, родилась королева Лилит.

Металл полководца зазвенел в каждом слове.

— Я дал ей три задачи. Первая была проста: собрать армию. Не солдат — солдаты всегда принадлежат Порядку. Мне нужны были Дети. Те, кто, как и она, обнаружил ложь Пакта и готов был разорвать собственную плоть, лишь бы выйти за границы. Она искала их —

одиноких, тех, кто стоял на краю, — и звала по одному. Обращала и возвращала домой. Делала не послушными, а яростными. Так появились «Дети Хаоса».

Марк прищурился; его разум работал ясно, как клинок.

— Но армия, собранная из сломленных, — разве она сильна? — спросил он. — Это не воины, а калеки.

— Рана — это вход. Изломанное тело легче принимает хаос, чем гладкая, целая оболочка. Они сильнее потому, что Пакт уже однажды их уничтожил. Им нечего терять — а значит, нечего беречь в его стенах.

Он продолжил перечислять фигуры, расставленные на доске столетия назад.

— Вторая задача была тоньше. В их мире гении рождаются из боли. Одна из студенток в ее институте должна была стать другим человеком. В тот день ее имя не значило ничего; через годы оно стало бы символом. Она основала бы «Уэлш Бионикс». Ее идеи, исследования и патенты — именно они составили бы ядро технологии Пакта.

Он на миг умолк, дав словам улечься на камни камина.

— Но она погибла. Ее смерть не вошла в учебники, но последствия были чудовищны. Лилит вырвала корень, из которого должен был вырасти их новый бог. «Уэлш Бионикс» не появился на свет.

В этой логике был изъян.

— Убийство одного не остановит идею, — возразил Марк. — Пакт найдет замену. Другой гений встанет на его место.

Сатана двигался от камина к креслу. Далекий смех и музыка стихли, и был слышен только треск дров в камине.

— Именно так. И потому третья задача была неизбежна. Убить одного пророка — не значит убить веру. Пакт всегда находит новых. Чтобы победить Технологию, нужно не рушить ее храмы, а занять алтарь. Стать верховным жрецом — их языком, их лицом.

Он сделал паузу, чтобы масштаб замысла проступил целиком.

— Поэтому я дал Лилит третью, самую важную задачу. Она должна была создать БиоТех. Сесть на трон заранее, уничтожая конкурентов до их рождения. На сто лет раньше других. Лилит вложила в это свою волю — и миллиарды, выкачанные из Ланье. Деньги пошли по венам корпорации, наращивая фасад и безупречный имидж. Десятилетиями

мы растили этого зверя у них под носом. Каждый патч и протез мы выпускали раньше, чем они успевали подумать о нем; мы говорили их языком: публиковали отчеты, проходили сертификации, брали гранты, сидели в комитетах. Мы возводили идеальный фасад Порядка — корпорацию, обещающую здоровье и прогресс. Наше оружие, которое должно было ударить изнутри.

— А Элиза? — спросил Марк.

Сатана на миг задумался.

— Ты спрашиваешь о клинке, — сказал он тихо. — БиоТех — это рука. Но рука без клинка бесполезна. Лилит могла бы сидеть в залах совета директоров, улыбаться в камеры и обещать миллионам спасение. Но ей нужен был Жнец. Королева, которая станет сеять смерть, та, кто не улыбается, а смотрит прямо в сердце и забирает душу. Так она нашла ее, сломанную не предательством мира, а личной ошибкой. Ту, что стояла на краю и сама тянулась к бездне. Детектива Элизу Дамер. Женщину на мосту с пистолетом у виска. И Лилит дала ей новую цель и новое знамя — быть королевой демонов, Жнецом душ.

Марк сжал подлокотники, и новые, когтистые пальцы полоснули старое дерево — на полированной поверхности остались глубокие борозды.

— Красиво звучит, — сказал он с холодной иронией. — Но это — те же цепи. Только твои.

Сатана усмехнулся звериной пастью.

— Ты знаешь о цепях — значит, ты свободен, — произнес он спокойно. — Пакт убеждает, что никаких цепей нет.

Он отпил вина.

— Безупречный план, — сказал наконец; в голосе звенела горечь стратега, чей идеальный замысел встретил грубую силу. — И он работал. Лилит собрала армию. «Дети Хаоса» множились, БиоТех разрастался, как опухоль, скрытая в здоровых тканях, — питаемая их же кровью, деньгами и верой. Мы взращивали оружие прямо внутри их стен. Но Пакт не спал. Пока мы вели войну хитростью и идеей, он ковал броню.

Он сделал паузу, и голос упал — как камень, брошенный в бездонный колодец.

— И они пришли. Агентство. Тайные лаборатории, где нет свидетелей, нет памяти и нет даже той морали, которую они так любят выставлять напоказ. Там Пакт сам себя переписывал, сам себя улучшал. И там они создали их.

Коготь прочертил по воображаемой карте на столе темную, рваную борозду.

— Ангелов, — сказал он, и слово повисло в воздухе тяжелым грузом. — Их создали для одного: истреблять любой хаос и сбой в программе. Это Порядок, ставший плотью: их алгоритмы вшиты в кости, их код течет по венам. Они не знают сомнений, не знают страха; каждый их шаг — продолжение одной-единственной, безжалостной формулы. Они — иммунная система Пакта. Они пришли вырезать нас, как заразу.

Марк слушал, и в голове сработал старый рефлекс — искать у любой системы слабое звено.

— Формула может дать сбой, — сказал он. — Даже идеальный механизм ломается.

— Против них армия Лилит, со всей своей яростью, почти бессильна, — сказал Сатана, тяжелым, как погребальный колокол, голосом. — Демоны сильны, но их сила действует на тех, кто свободен, способен бояться, страдать, мечтать. Их пламя может сжечь лес, обратить город в пепел — но не сломает механизм, в котором нет ни боли, ни жизни.

Он продолжал.

— Ангелы — это часы. Совершенный, замкнутый механизм, где каждая шестеренка знает свое место и не ошибается. Они — не армия. Они — плоть Порядка.

Рогатая тень легла на Марка, накрывая его; Сатана шагнул ближе, и пустота его глаз, казалось, поглотила весь дом.

— Нам нужен не администратор и не жнец. Нам нужен полководец. Тот, кто сам является и огнем, и сталью, кто видит и Хаос и Порядок. Тот, кто способен направить пожар так, чтобы он прожег металл и обратил весь их безупречный механизм в расплавленный хлам.

Пустота его глаз вонзилась в Марка, точно в сердце.

— И этот полководец — ты, Аваддон. Разрушитель. Порог, который нельзя миновать. Бездна, в которую падают все.

Марк выдержал бездонный взгляд.

— Или пешка, которой ты двигаешь, пока это выгодно, — сказал он. Голос его не дрогнул.

— Пешка, которая может сказать «нет», перестает быть пешкой. Я хочу, чтобы ты повел наших детей в последнюю битву, — продолжил Сатана, и голос его наполнился силой, от которой вибрировал сам воздух. — Чтобы ты стал пламенем, которому не страшны ни броня, ни алгоритм. Обрушься на их Агентство. Разбей их Ангелов. Сотри их технологию с лица земли. Начни Апокалипсис, не оставь Пакту ни стен, ни самого имени. Сломай их мир так, чтобы он больше никогда не смог подняться.

Воцарилось молчание; оглушающую паузу заполнял сухой треск бесцветного пламени в камине.

— Когда все кончится и Пакт падет, — продолжил Сатана; в голосе исчез металл полководца, уступив место чему-то почти интимному, — я смогу вернуться к ней. Не как изгнанник, а как тот, кем должен быть. Мы будем править на руинах вместе. Как царь и королева. Как Хаос.

Марк чуть качнул головой.

— Ты зовешь это Хаосом, — сказал он, — а я вижу цепь, кованую ее именем. Ты хочешь принести им свет, Люцифер, или вернуть Лилит?

Сатана задумался, и наконец ответил. Голос, еще недавно грозный и властный, теперь пел древней тоской.

— Это одно и то же, — наконец произнес он.

В ту же секунду его божественная, чудовищная аура исчезла: перед Марком стояло не воплощение зла, не древняя сила, а существо, бесконечно уставшее от собственного одиночества.

— Помоги мне закончить эту войну, — его голос дрогнул. — Помоги мне вернуть ее.

Он умолк. В доме остался только ровный треск пламени и танец теней.

Перед Марком сидел изгнанник, уставший от вечной, одинокой войны. В нем была жажда свободы, вывернутая наизнанку; жажда, для которой Лилит была и символом, и единственной возможной наградой.

Сатана стал пленником своей любви к Лилит и веры в Хаос. Все его грандиозные планы, вся вековая борьба сходились в одном имени — и за этим именем стояла сама идея разрыва, суть его бунта.

— Ты хочешь ее, — сказал Марк — Но это не только про нее. Это про свободу, которую ты облек в ее облик. Что ты будешь делать дальше, когда Порядок падет? Что ты сможешь построить, если все твое существование — лишь антитеза машинам?

Сатана не возразил. Он наклонил рогатую голову — зверь, принимающий неизбежную истину.

Для Марка это был финальный выбор, звучавший как присяга, от которой не отступают. Он мог встать рядом с Лилит и Сатаной, стать их генералом, оружием — и снова оказаться в их игре, играть по чужим правилам. Но он больше не был пешкой. Он — Аваддон, Разрушитель. Важно не то, чего добивается Сатана, а то, чего хочет он сам. Он не мог позволить превратить мир в одну многоликую машину.

Сатана заговорил снова; его голос звучал как вызов.

— Лилит хочет победить. Я хочу сломать их Пакт и построить новый мир на его руинах. И — вместе с этим — вернуть ее. Она и есть моя свобода. Так что ты сделаешь, Разрушитель?

— Я разрушу Пакт, — ответил Аваддон. — Но не стану строить на его руинах новый.

Глава 39. Дым из печи

Апокалипсис начался в субботу, в 9:11 утра.

Не с оглушительного взрыва или вспышки божественного света, нет. Сначала раздался рев. Глубоко под землей, в самых ее замерзших недрах, проснулся древний, ржавый механизм, и его гигантские шестерни с оглушительным скрежетом пришли в движение, перемалывая бетон, сталь и кости мира. Низкий, вибрирующий гул проникал сквозь стены, заставляя кофе в чашках граждан подрагивать легкой рябью, а экраны — слегка мерцать, как от помех в сети.

Глубоко под Кругом, в заброшенном бункере главного штаба обороны времен Великой войны, Лилит завершила свою работу. В огромном зале, вырезанном в скальной породе, воздух вибрировал от высокочастотного визга сотен биопринтеров. Они ткали из биомассы и синтетических волокон пустые, бездушные тела. Лабиринт из бетона и стали гудел, и воздух был тяжел от испарений крови и амниотической жидкости.

И когда последнее тело было готово, Элиза открыла врата в Лимб. Легионы душ обращенных, тех, кого она собрала, кто ждал своего часа, — хлынули в пустые, напечатанные сосуды.

Армия проснулась.

Тысячи тел одновременно открыли глаза. Они поднялись, и их первые шаги по бетонному полу были неуверенными, а первые крики рвали тишину. Затем эта масса хлынула из невзрачного, заброшенного входа в бункер, как черный дым из гигантской печи, растекаясь по заснеженным улицам с тяжелым, удушливым смрадом синтетической плоти. Ткань реальности прорвалась.

Утро в Городе было таким же, как и всегда: беззвучные автомобили скользили по идеально ровным дорогам, оставляя за собой легкий след ионизированного воздуха. Люди пили синтетический кофе — безвкусный, но с правильной дозой добавок для здоровья и спокойствия, — просматривая утренние новости на шейдах, которые проецировались патчами прямо в глаза.

Никто не заметил, как по ту сторону Барьера, в Круге, из теней заброшенных промзон и заснеженных переулков вынырнули фигуры.

Тела теряли всякую связь с изначальным образом. Формы дрожали, менялись, трансформируясь из одного состояния в другое. Суставы то появлялись, то исчезали, конечности превращались в линии, которые не имели конца, изгибы складывались в углы, невозможные для восприятия. Лица плавились и текли, и разум отказывался собрать их во что-то цельное. Они не выглядели страшными — они были невозможными, как ошибка мира и самой материи.

Рой, без строя, без команд, но с единой, общей, инстинктивной целью. Они текли по улицам Круга антрацитовой рекой, и направлялись к Барьеру. К стене, которая отделяла их от стерильного рая.

Они не кричали, не рычали, а неслись вперед, как единая волна, голодная и упрямая. И по мере их приближения, мир вокруг них затрещал.

Воздух дрожал и искажался, как от жара, но жара не было. Бетонная стена Барьера на мгновение пошла рябью, ее черная поверхность превратилась в маслянистое стекло, в котором отразилось невозможное небо — угольно-черное, с множеством багровых лун. Затем видение исчезло.

Турели на вершине Барьера ожили мгновенно. Их алгоритмы зафиксировали физические цели, и шквальный огонь обрушился вниз сплошным, оглушительным треском. Пули врезались в тела, разрывая чудовищную плоть с влажным звуком. Снег под ними мгновенно превратился в черную дымящуюся кашу из крови и ошметков.

Первые ряды пали, но их смерть не была напрасной. Там, где их тела расплескались на снег, реальность прорывалась. Снег таял, обнажая не грязный асфальт, а провал в иную геометрию, из которой выросли щупальца, блокирующие пули.

Выжившие добрались до стены. Они прорастали в нее. Их когти не царапали бетон — они сливались с ним, и стена под их прикосновениями становилась мягкой, податливой, как глина. Один из демонов вошел в нее по пояс, и бетон вокруг него пошел черными, гноящими венами.

Плиты рассыпались, превратившись в облако черного пепла, и проход открылся. Сквозь него в Город хлынул не отряд монстров, а сам Ад.

Ответ Пакта был мгновенным, как рефлекс.

Из гладкого асфальта дорог, разрезая его, как плавники, поднялись автоматические турели. Из зеркальных ниш в стенах небоскребов, словно белые кровяные тельца, высыпали фуллеры: безликие фигуры в белой броне, с визорами, мерцающими красным. Иммунная система Города, столкнувшись с прорывом, бросила все свои силы на зачистку.

И Город, который не знал преступлений, — где каждый шаг отслеживался, каждый вздох анализировался, — захлебнулся в крови.

Красная кровь горожан, смешалась с черной, демонической слизью. Запах ударил сразу — металлический привкус меди, смешанный с горелой изоляцией фуллеров. Редкие, приглушенные крики людей тонули в сухом треске автоматических выстрелов и влажном хрусте разрываемой плоти.

Так начинался Апокалипсис.

Город рушился не сразу, а методично, как гнилая ткань, расползающаяся под пальцами.

Сначала — стекло.

Стеклянные фасады небоскребов, секунду назад отражавшие небо, лопались. Это началось со сверхъестественного резонанса — невидимые волны, как низкочастотный гул, проходили через материал, и стекло рассыпалось с сухим, отчетливым треском. Один, потом другой, третий, и вот целый хор сухих, безжалостных щелчков прокатился по городу. Стекло осыпалось вниз дождем раскаленных, зазубренных осколков, которые с шипением вонзались в снег, плавя его в грязные, дымящиеся лужи.

Затем — машины.

Идеальный, беззвучный балет автоматизированных автомобилей, скользящих по дорогам, превратился в хаос. Сигнал Контура, который вел их, внезапно исчез. Машины, ослепшие и оглохшие, продолжали двигаться по инерции, врезаясь друг в друга с глухим, тяжелым лязгом металла. На перекрестках вырастали горы искореженного, дымящегося

металла, колеса бессмысленно вращались вхолостую, а фары мигали в предсмертной агонии.

И наконец — ложь.

Рекламные голограммы, висевшие в воздухе, сломались. Безупречные, улыбающиеся лица моделей искажались, растягиваясь в уродливые, кричащие маски. Их идеальные тела покрывались цифровым шумом, пиксели сыпались с них, как снежинки пепла, и гасли в воздухе. Слоган «Ваше тело. Ваш разум. В нашей системе» на мгновение превратился в бессмысленный набор символов, а затем погас.

Пакт умирал. Его смерть была такой же стерильной и методичной, как и его жизнь.

И из пепла этой мертвой стерильности, во главе волны разрушения, поднялись трое. Их силуэты выделялись в хаосе, как тени на фоне дыма.

Царем над ними был ангел бездны, и имя ему — Аваддон.

Его обсидиановая броня, сросшаяся с его новой плотью, поглощала свет, как кусок застывшей пустоты. Тяжелые шаги оставляли трещины на стеклянных плитах тротуаров, и земля под ним не выдерживала веса его новой, божественной ярости. Каждый шаг отзывался низкочастотной вибрацией, распространяющейся по асфальту, заставляя ближайшие машины подпрыгивать.

Справа от него шла Елизаздра. Ее демоническая сторона полностью проявилась, и она двигалась с нечеловеческой, змеиной грацией. Из ее огненной тени рождались и текли потоки черных, блестящих змей. Они выскальзывали из трещин реальности, извиваясь по земле, и бесшумно расползались во все стороны. Они взбирались по стенам небоскребов, проникая в разбитые окна и вентиляционные шахты. Внутри зданий они находили свои цели. Они проникали в тела, и их яд гасил свет сознания.

Слева шла Мара. Она была одета в простое серое одеяние, и ее лицо больше не скрывали очки. У нее не было глаз — лишь дрожащие, молочные личинки, копошащиеся в пустых глазницах. Она шла — и мир вокруг гнил. Падающие люди превращались в прах, кровь на асфальте мгновенно бурела, металл ржавел. Она несла с собой плесень энтропии, от которой все вокруг ветшало и рушилось, и высасывала жизнь мира.

Огонь, дым и сера.

И тогда в битву вступили Ангелы.

Они не выходили из зданий, а рождались из самой их геометрии, проступая из скрытых порталов — сотни фигур, безупречных, искусственных, в броне, излучавшей ровный, мертвенный свет. Их разум слился в единую, боевую сеть — невидимые нити связи, как паутина данных, пульсирующая в воздухе. Гибель серверов базы «Альфа» ударила по ним, ослабив их координацию, но они все еще функционировали.

Во главе их шли Михаил и Гавриил. Их лица, не скрытые шлемами, были масками холодного, математического совершенства, без единой морщины или эмоции.

Ангелы открыли огонь.

Синхронизированный залп, выверенный до микросекунды, как удар идеального метронома. Каждый патрон летел по точно рассчитанной траектории. Демоны падали сотнями, их плоть лопалась с влажным, отвратительным звуком, забрызгивая стерильные стены небоскребов клочьями дымящейся органики.

Но на место павших вставали новые. Из пролома в Барьере, как гной из раны, протекали свежие орды. Их тела дымились от попаданий, но они продолжали двигаться вперед, ведомые единой, первобытной яростью.

Ангелы были неумолимы. Белая стена теснила орду назад, как вал, идущий неотвратимо под властью неумолимого закона физики.

Порядок побеждал — или так казалось. Но с каждой смертью демона, павшим фуллером или человеком, энтропия росла. Она перетекала, накапливалась, как статическое электричество в воздухе перед ударом молнии.

Аваддон стоял в центре бойни, неподвижный, как эпицентр урагана. Его тьма впитывала в себя агонию: стоны умирающих, запах горелого мяса, треск ломающихся костей. Каждая смерть делала его сильнее. Он поднял свою когтистую руку — движение было простым, почти ленивым, но в нем была сила, как в рычаге, который запускает механизм судного дня.

И его воля направилась не на Ангелов, а на сам Пакт.

Реальность треснула.

Всепроникающий, тихий скрежет, как будто кто-то провел ногтем по гигантскому, невидимому стеклу, на котором был нарисован мир.

Небо над Городом, до этого серое, стало похоже на разбитый экран. По нему поползли трещины, пульсирующие абсолютной пустотой. Сквозь них просачивалась тьма, как чернила в чистую воду, и звезды, которых здесь не видели давно, на мгновение вспыхивали и тут же гасли.

Законы физики начали сбоить. Гравитация заколебалась: искореженные машины на улицах на мгновение отрывались от земли, зависали в воздухе, а затем с оглушительным грохотом падали обратно. Здания мерцали, становясь полупрозрачными, и сквозь их стены мелькали очертания других Пактов, других циклов — улицы, залитые не кровью, а серой слизью, где по небу плыли геометрически идеальные машины-боги; поля сражений, где солдаты в экзоскелетах из кости и хитина рвали друг друга на части.

Мир превратился в калейдоскоп умирающих реальностей.

В своей башне БиоТех Лилит улыбалась — легкая, кривая усмешка, от которой ее черные глаза блестели. Она улыбалась так, как улыбается художник, впервые увидевший на холсте именно тот оттенок, которого так долго добивался.

— Началось, — прошептала она, и ее голос эхом отразился от стен.

По всей планете с людей упали маски.

Человек в стандартной квартире где-то в Европейском секторе, смотревший в зеркало, увидел, как его собственное лицо рассыпалось, и из-под него проступило его истинное «я»: голый, блестящий от крови череп, обтянутый тонкой, рваной кожей. И это существо смотрело на него из зеркала ухмылкой, полной тьмы.

Диктор новостей в японском Городе, с идеальной прической и безупречным костюмом, зачитывавший биржевую сводку, обратился Белиалом. Он всю жизнь читал цифры чужих успехов и поражений, подавляя собственную жажду власти. Теперь его дорогой костюм врос в его тело, став гладкой, чешуйчатой кожей рептилии. Лицо заострилось, обретя нечеловеческую, хищную красоту, а голос, продолжавший зачитывать цифры, обрел гипнотическую глубину, которая заставила миллионы зрителей подчиняться.

Старуха в парке в одном из Городов Южной Америки, кормившая голубей, превратилась в ведьму. Ее старая, выцветшая одежда оказалась лохмотьями, сотканными из гниющих листьев и паутины. Ее кожа высохла и потрескалась, став похожей на кору древнего дерева, а из-под морщинистых век вспыхнул зеленый огонь. Голуби у ее ног обратились в стаю черных, костлявых птиц с горящими красными глазами.

Пакт треснул. И сквозь эту трещину показались истинные лица тех, кто до этого момента лишь притворялся людьми.

А рядом с Лилит, в ее истинном обличье — тело, покрытое шрамами и тенями, — появилась Наама. Ее силуэт материализовался прямо из воздуха, дымом из трещины реальности. На ее лице, лишенном корпоративной маски, застыла детская, любопытная и жестокая улыбка. Она хотела играть.

Ангелы замерли. Их безупречный, синхронизированный строй распался, а сетевой разум, построенный на незыблемых аксиомах и математической логике, был атакован потоком нелогичных, хаотичных данных. Мир вокруг них перестал подчиняться формулам, и код сбоил от ошибок.

Их движения, секунду назад безупречные, стали рваными, дергаными. Один застывал, дергая головой в нечеловеческом ритме; другой палил в небо, и лучи белого света трещали в черной пустоте. Синтетическая плоть трескалась, и из разрывов в броне сочился белый свет — сама энергия Порядка, уходившая в холодный воздух, как пар.

Михаил, узел всей их сети, впервые ощутил диссонанс. Его идеальное лицо дрогнуло, протоколы дали сбой, и он замер, глядя на мир, который больше не мог просчитать. Гавриил, стоявший рядом, опустил оружие, безупречное лицо исказила тень — недоумение, почти человеческое, жалкое.

Армия Порядка рассыпалась в пыль не от ударов и не от укусов змей. Она умирала от того, что Порядок, который она защищала, перестал существовать. Их сеть поглотил бессмысленный шум.

В рушащийся, искаженный Город, под разорванным небом, вошла армия Хаоса.

Впереди шли трое. Их шаги эхом отдавались в пустоте, как прерывистый, аритмичный пульс нового, чудовищного мира, пытающегося сделать свой первый вдох.

Физика умирала.

Расстояния искажались — сияющий небоскреб мог быть на расстоянии вытянутой руки, а в следующий отодвигался за горизонт дрожащим миражом. Безупречные улицы Города смешались с адом демонов. Сквозь зеркальные стены зданий раковой опухолью прорастали живые, пульсирующие наросты плоти, которые сокращались в едином, тошнотворном ритме. Миры соединялись, накладываясь друг на друга слоями, как размытые мазки краски на холсте безумного художника.

В небе, там, где трещины были глубже всего, тьма сгустилась, заклубилась, обрела форму, и в мир, который он так долго пытался сломать, шагнул Сатана.

Он появился в своем истинном обличье: огромная, рогатая фигура. Его пустые глаза, — два черных, идеальных зеркала — отражали окружающий хаос. Его медленные, уверенные шаги оставляли за собой следы, в которых реальность таяла, как воск под пламенем, обнажая под собой первозданную пустоту. Он не завоевывал, а возвращался домой. Каждый его шаг был не актом агрессии, а утверждением своего исконного права на эти руины.

Он сошел на башню БиоТех, возвышающуюся невозможным, острым шпилем, искривленным, как в кошмарном сне, посреди сюрреалистического, умирающего пейзажа.

Лилит ждала его, стоя у панорамного окна, в котором больше не было стекла — пустой проем, куда врывался ветер из дыма, крови и пепла. Рядом верной тенью стояла Наама.

— Ты сделала это, моя королева, — его голос вибрировал в воздухе, низким гулом проходя сквозь кости.

— Мы сделали это, — ответила Лилит, и в ее голосе, обычно холодном, как лед, звучал триумф — тихий, интимный, как шепот ветра в проводах.

Они стояли вместе, три силуэта на вершине рушащегося мира, и смотрели вниз. На улицы, где миры смешивались в кипящем котле хаоса.

На орды, которые текли, как река из прорванной дамбы, смывая последние остатки порядка. На огонь, пожиравший стерильные башни Города.

Не разрушение, а творение. И они были его богами.

А внизу, в центре урагана, стояли Разрушитель, Жнец и Переход.

Они не праздновали, а наблюдали, как Порядок, — больной, умирающий бог, — поглощается первобытным Хаосом. Они были не победителями, а акушерами при рождении нового мироздания: их молчаливое присутствие направляло разрушение, из которого Хаос начинал творить свой новый, свободный космос.

Когда последний отголосок старого Пакта затих — не крик, а тихий, предсмертный выдох остывающего механизма, — наступила тишина.

Пауза перед первым вдохом новорожденного.

И Хаос перестал быть разрушением. Его слепая ярость угасла, и он начал созидать. Бессмысленные взрывы прекратились, искажения пространства стабилизировались.

Из этого невозможного, сюрреалистичного смешения миров — как чудовищный эмбрион, постепенно, слой за слоем, рождающийся в перенасыщенном растворе, — проступила новая ткань бытия.

Новоявленная земля, где стерильный бетон Города смешивался с живой, пульсирующей плотью, а мокрый асфальт — с тенями, которые становились осязаемыми.

Новорожденное небо, трещины в котором больше не были ранами, светились изнутри мягким, багровым светом, рождая вены гигантского организма.

Новый Завет, еще не написанный, но уже дышащий.

Глава 40. Я всегда рядом

Кофейня «Светоч» жила добрым, благодатным днем Государева Солнца. Сквозь широкие окна струился золотистый свет, играя бликами на граненых стаканах и бутылках белого столового вина «Надежда-777». В углу тихонько урчала радиола — ламповая, пузатая, с гербом Комитета на решетке; из динамика лениво сочился джаз-саксофон, одобренный Главным Управлением Культуры.

У окна восседала дама в шляпке-таблетке, с тонкой сигаретой в янтарном мундштуке, притворяясь, что читает свежий номер «Государственных Ведомостей», но зоркие глаза ее скользили по залу, усердно отмечая каждого.

В глубине двое мастеровых из Электроремонтного треста молча ели кулебяки с капустой, подбирая крошки черствыми пальцами. У стойки старик — скорее всего, бывший профессор, — пил кофий из фаянсовой чашки с золотым вензелем «Г».

Все выглядело благолепно и мирно: музыка, кулебяки, солнце, вежливые речи приказчиков. Но под этой лакированной благопристойностью чувствовалось легкое дрожание тревоги — будто проволока телеграфа, на которой кто-то невидимый держит палец, ожидая сигнала.

Дверь со скрипом отворилась, и в зал ворвался городской гомон — гул трамвайной линии, звон шагов по асфальту. Первой переступила порог девица в темных очках — зеркальных, с линзами нового образца. Очков она не сняла, хоть свет в кофейне был мягкий, почти храмовый. Шла неспешно, плавно, как человек, не знающий сомнений. Ее очки сразу насторожили даму с «Ведомостями» — на них отразилось все: и люди, и сама тревога.

За нею вошли двое — господин в потертом дорожном плаще, с тяжелым взглядом, и дама в строгом платье сурового серого сукна, горделивая, словно знала цену всему вокруг. Они шагнули внутрь вместе, — две грани одного неизъяснимого уравнения.

Газета плавно легла на стол. Мастеровые замерли с набитым ртом. Старик у стойки приподнял чашку, но так и не отпил. Радиола вдруг заиграла громче, насторожилась.

Девица в очках направилась к дальней стене, туда, где полумрак гасил солнечные отсветы. Села лицом к зале, неторопливо, как на трон — не женщина, а повелительница в изгнании, и вся комната мгновенно признала ее право на место.

Дама с лицом странным, будто нарочно нарушившим симметрию Божьего образа, опустилась на диванчик напротив. Правая щека — гладкая, как фарфор, левая — чуть стянута тонким рубцом; в разноцветных глазах, один янтарный, другой стальной, пробежал холодный отсвет — она видела всех и каждого, по образу Государева надзора.

Ее спутник присел последним, тяжело, как падает в кресло человек, вернувшись со службы. Вокруг него мгновенно потемнел воздух — не тень, а осадок черного электричества.

Публика, оглядев вошедших, вернулась к своим делам. Дама с газетой уткнулась в передовицу о строительстве Лунного кольца, мастеровые поспешно опустили головы и стали обсуждать нормы выработки. Старик у стойки перестал пить и, не поворачивая головы, чуть наклонил ухо — слух у стариков цепляет все.

Перед столом вырос приказчик — юноша в белоснежной рубашке и узком галстуке. На груди поблескивал жетон: *Обслуживающий класс II разряда*. Он стоял, точно только сошел с витрины, и верил, что улыбается искренне.

— Кофий? Пирог с ревенем? — произнес он чинно, почти певуче, и тут же, вспомнив о долге, понизил голос до шепота: — Да хранит Государь наш милосердный... Ваши подорожные грамоты, будьте любезны предъявить. Порядок ныне строг, сами ведаете.

Мужчина слегка напрягся, плечи его сдвинулись, как у зверя, готового рвануться. Дама чуть склонила голову, и улыбка ее остыла. Девица в очках не шелохнулась, лишь положила ладони на стол — зеркальные стекла поймали отражение лица приказчика, и тот увидел в них себя — испуганного, маленького.

Повисла густая, тревожная тишина. Радиола пискнула иглой по винилу, джаз закашлялся и сбился, и сама музыка поняла: сейчас начнется не ее смена.

— Грамот нет, — спокойно сказала Мари.

Приказчик моргнул. Смысл фразы, как штык в живот, осознал с запозданием. Улыбка его дрогнула, стекла с лица. Он выпрямился, сжал реестр двумя руками — щит бумажный, последняя защита.

— Тогда... по Уставу о внутреннем спокойствии я обязан уведомить Приказ, — выдохнул он слишком громко, почти выкрикнул, и все вздрогнули от этого неприличного звука.

Зала оцепенела. Дама у окна, медленно сложила страницы «Ведомостей» и полезла в лакированную сумочку, где, помимо пудреницы и служебного жетона, лежал револьвер дамского образца. Старик у стойки поставил чашку на блюдце, и она прозвенела, как на заутреню.

Игла радиолы прошла последнюю дорожку и остановилась, выпуская тонкий треск статики — эфир затаил дыхание.

Элиза медленно подалась вперед; ее улыбка — кривой надлом света на лице — заставила юношу инстинктивно отступить на шаг.

— Попробуй, — сказала она тихо.

— Я... мы обязаны уведомить, — пробормотал он, голос дрожал. — Сейчас же известим Приказ. Пара минут — и явятся. Обычная проверка, господа, формальность лишь... формальность, — добавил он, не веря собственным словам и пятясь к переговорному посту под портретом Государя.

Слова его обращены были уже не столько к троице у стола, сколько ко всему заведению — он искал свидетелей и хоть чьей-то поддержки. Все настороже: только вчера передали по Вещанию, что иностранные лазутчики покусились на сиятельных особ при дворе. Время тревожное, война на пороге, и малейшая оплошность стоила головы — по факту нарушения, всего лишь за подписью приказного дежурного.

Мастеровые у стены переглянулись, лица их задеревенели, как маски. Дама в шляпке привстала, удерживая сумочку — в ней звякнул металл.

И вдруг с дальнего столика, где сидела молодая парочка, заскрипел стул. Юноша резко отодвинул сиденье и, не сказав ни слова, направился к Государственному переговорному посту. Сорвав тяжелую черную раковину с рычага, он набрал слово Приказа и диск прозвенел бубенцами.

Мари не шелохнулась. Темные очки ее отражали сцену без эмоций и участия. Уголок губ Элизы чуть дрогнул, выдав не улыбку даже, а след удовлетворения.

И тогда из щели в стене, меж кафельных плит, показалось черное движение — тень собралась в струйку. Из узкой полосы выскользнула змея, молнией метнулась через пол, обвилась вокруг запястья юноши, и впилась в горло.

Вся зала поняла — Приказ не поспеет.

Юноша захрипел как сгоревшая радиолампа. Глаза его распахнулись, в них застыл немой вопрос, обращенный сразу ко всем государственным инстанциям. Он рухнул на пол, судорожно хватаясь за шею. Пальцы царапали кожу, где проступили черные вены — будто внутрь влили чернил. Раковина выскользнула из руки и осталась болтаться на витом шнуре, качаясь из стороны в сторону. Из динамика сыпался сухой треск линии.

Крик — короткий, панический — прорезал залу. Дама в шляпке застыла, прикрыв рот рукой, забыв и про пистолет, и про жетон. Мастеровые отпрянули от стола, один опрокинул стул — грохот прокатился по помещению, словно пушечный залп. Приказчик остолбенел: лицо побелело, как крахмальный фартук, реестр выскользнул из пальцев и шлепнулся на пол, оставив бледное пятно страха на полу.

— Сядьте все, — произнесла Элиза ровно, почти мягко, но в голосе ее звенела та особая сталь, что заставляет повиноваться. — Никто отсюда не выйдет.

Зала подчинилась мгновенно. Движение прекратилось, воздух стал вязким, неподвижным. Публика замерла на местах.

Игла радиолы вновь нашла дорожку, и ламповый джаз просочился в тишину — легкий и беззаботный.

Теперь в кофейне звучали только мягкий свинг старой пластинки и сухой, белый треск переговорной линии.

Все внимание притянуло к себе одно место — столик у стены, ставший амвоном этого маленького, оцепеневшего мира.

Мари первой нарушила молчание. Она сидела прямо, как выточенная из мрамора статуя Правды Государевой, руки на столешнице.

— Все это уже было, — произнесла она ровно, без тени эмоции. — Любой мир — это Пакт. Можно звать его по-разному: законом, системой. Но суть одна. Пакт — и есть мир. И каждый такой Пакт, каждый порядок, всегда рождается из бунта.

Она умолкла, и тишина уплотнилась. Музыка не стихла — ушла в иное измерение, откуда доносилась слабым отголоском.

— Его всегда создают бунтари, — продолжила Мари тем же спокойным тоном, словно читала старинный указ. — Вот мир, который создали стрелок из метро и студентка медицинского колледжа. Они восстали против тюрьмы прежнего Пакта и, ужаснувшись его безжизненному порядку, выстроили новый — правильный и совершенный. Но всякий бунт кончается чертежом, и всякая свобода — инструкцией. Разрушители становятся архитекторами, а свобода превращается в новый Пакт.

Кофейня, будто зачарованная, внимала ее словам.

Мари чуть склонила голову, и линзы ее темных очков вобрали в себя весь тусклый свет, превратившись в два черных зеркала.

— Разрушая Порядок или упорядочивая Хаос, они думают, что творят нечто сакральное, — продолжила она, и ее тихий голос заполнил тишину. — Но все это — две стороны одной медали.

Она подалась вперед, и пространство вокруг послушно двинулось ей навстречу.

— Они думают, что это их выбор. Одни идут к Порядку — и верят, что нашли спасение. Другие бегут к Хаосу — и думают, что обрели свободу. И те и другие считают себя свободными — по-своему. Но оба пути ведут к одному концу. Порядок копит напряжение, Хаос сжигает его дотла. А потом — новый Пакт. Новый мир, который снова называет себя вечным.

Она коснулась стакана с водой — легко, почти ласково, — но не сделала ни глотка.

— Так было во все времена, — продолжила она. — Города, империи, религии — все то же дыхание цикла: структура, разрыв, новая структура. Хаос опрокидывает доску, чтобы Порядок мог снова расставить фигуры. Они зовут это историей, но это не история, а механизм. Колесо, вращающее само себя. Вы думаете, что бежите вперед, а на деле просто возвращаетесь к истоку — на другой виток той же спирали.

Улыбка Элизы стала мягче — обманчивой, как легкий шелк, скрывающий лезвие. Ухмылка змеи, узнавшей под травой дрожь кролика.

— Вся твоя философия — петля, — произнесла она с тихой яростью, от которой дрогнул воздух. — И с каждым словом она затягивается все туже. Значит, ты и есть Пакт? Ты — София, Ахамот, ты и есть этот падший мир?

Вопрос разорвал тишину как выстрел. Приказчик, и без того бледный, теперь выглядел так, будто из него выкачали весь воздух, оставив оболочку. Джаз в углу пел песню мертвого мира, где еще верили в смысл и спасение.

Старик у стойки прикрыл глаза: выражение его лица говорило ясно — эти слова он уже слышал, и не раз.

Мари не ответила. Только слегка улыбнулась — так, что подтверждать ничего не требовалось.

Марк откинулся на спинку стула. В темных стеклах ее очков он видел свое отражение — размытое, раздвоенное. Он говорил не ей — всему миру.

Голос его прозвучал сухо, с тем звоном, каким чеканят монету:

— Цикл. Ты называешь его истиной. Но я видел другое. Ты не истина, Мари. Ты — вечное возвращение. И это кафе, этот уютный мирок — всего лишь новая клетка, построенная тобой. За нее эти люди готовы благодарить. Они верят, что это жизнь, потому что ты не оставила им выбора.

Он положил свои черные, когтистые ладони на стол. Дерево скрипнуло, и этот звук эхом пронесся по затихшей зале.

— Но я больше не один из твоих узников, — сказал он глухо. — Пакт — не в Хаосе и не в Порядке, а в самом выборе между ними, в переходе. Убив меня, ты открыла Переход, и я очутился между мирами. Элиза дала мне Хаос — и я научился не бояться тьмы. Я — их сумма. Я — то, чего в твоем цикле никогда не было. Я больше не принадлежу никому из вас. Ни их Порядку, ни ее Хаосу, ни твоему Переходу. Я — Хаос Перехода.

Он наклонился к Мари, почти шепча, но этот шепот заполнил кофейню, как низкочастотный гул из глубин земли.

— Я не хочу твоего вечного круга. Твоей игры в Порядок и Хаос. Ты права, все — переход. Но я не дверь, что ведет из одной камеры в другую. Я разрываю саму повторяемость разрыва. Если Хаос и Порядок — две стороны одной монеты, которую ты бросаешь, то я — бездна, где монеты никакой нет.

Он выпрямился. Свет из окна вспыхнул в его глазах — черных, нечеловеческих.

— Мы — не часть твоего цикла, Мари, — произнес он. — Мы отвергаем его.

Он повернулся к Элизе, и его рука накрыла ее ладонь на столе. Их пальцы сплелись — Хаос и Разрушение, заключившие свой собственный, новый пакт.

Элиза руки не убрала, и их союз стал неоспоримым фактом.

Темные очки Мари отражали их сплетенные руки, искажая картину, превращая ее в символ. Она улыбнулась — не губами, а всем своим существом, и в этой улыбке не было ничего, только бесконечное, древнее принятие.

— Величайшая ересь, — сказала она, и ее голос был похож на шелест страниц в книге, которую никто не открывал уже тысячу лет. — Ты понимаешь, что ты хочешь, Аваддон? Ты объявил войну не мне. Ты объявил войну всем.

Она чуть наклонила голову, словно смотрела сквозь стол в самую суть вещей.

— Для Порядка ты — нерешаемое уравнение, переменная, которая рушит их идеальный код. Они не могут тебя вычислить, а значит, должны стереть. Для Хаоса ты — предатель. Они сражаются за свободу,

которая существует лишь как противоположность Порядку. А ты хочешь уничтожить саму доску, на которой они играют. Ты отнимаешь у их бунта смысл. А для меня... — в ее словах на миг послышалась нежность и бесконечная печаль. — Для меня ты — забвение. Я — дверь между клетками, а ты хочешь разрушить всю тюрьму. Кем тогда буду я? Не знаю.

Элиза подняла стакан с водой. Прозрачная жидкость дрожала от невидимого дыхания воздуха, и в ее глубине отражалось солнце — блеклое, как забытый золотой червонец.

— Вот поэтому нужно сломать цикл, — сказала она; в отличие от Мари, в ее речи звучала ярость. — Новый Пакт ничем не лучше старого. Каждая революция — лишь смена тюремщика. Этот тоже погибнет, и в нем нет никакого смысла. Свобода — это не клетка, а пропасть, в которую мы падаем добровольно.

Джаз из радиолы прорвался на миг и захлебнулся, не выдержав тишины. Взгляды всех посетителей — мастеровых, дамы в шляпке, приказчика, старика у стойки — были устремлены на нее. Всему их государству вынесли приговор, и они понимали это.

Ее ярость была прекрасна — первозданная сила Хаоса. Но это была та же ловушка, в которую Марк уже попался. Элиза хотела сломать Пакт, как Сатана. Они оба оставались рабами этой войны, антагонистами, чьи действия определялись их врагом. Марк же не хотел ни того, ни другого.

— Нет, не сломать, а выйти, — произнес Марк. Его голос был странно тих, будто говорил не он, а кто-то за ним, от имени всех, кто когда-либо жил в этих циклах. — Перестать играть в Порядок и Хаос. Выйти из игры... и просто быть. Творить миры не для других, а для себя. Подчиняться — но только своей собственной свободе. Кто подчиняется себе, тот не служит никому.

Мари не шелохнулась. Лишь ее губы едва изогнулись в улыбке — без радости, без насмешки. Это была улыбка геолога, смотрящего на движение ледника — процесс, который она наблюдала уже тысячи лет и будет наблюдать вечно.

— Попробуйте, — сказала она негромко. — Я всегда рядом. Я всегда с тобой, Марк.

Ее слова не были ни угрозой, ни обещанием. Они прозвучали как констатация закона вселенной.

Никто в зале не осмелился поднять глаза. Мастеровые в углу разглядывали узоры на своих тарелках. Дама в шляпке уставилась на трещину на блюдце. Они пытались исчезнуть.

Радиола, как уставший свидетель, издала треск и смолкла навсегда. Разговор был окончен.

Мари поднялась из-за стола, аккуратно задвинув стул.

— Нам пора, — сказала она своим спутникам. — У них тут свои Государь и Антихрист, своя Великая война. Все возвращается на круги своя.

В тот же миг окна кофейни залило ровным, ослепительно белым светом. Он стер все цвета, превращая дома за стеклом в негатив. На горизонте, лениво и неотвратимо, как чудовищный цветок, рос ядерный гриб.

Люди смотрели в окно. Сигареты догорали между пальцев, газеты лежали забытыми. Их лица опустели, и свет выжег из них последние следы человеческого.

Никто не заметил, как опустел стол у стены. Трое, сидевшие за ним, исчезли — будто их никогда и не было. Исчез и старик у стойки.

А затем прошла взрывная волна, и небольшой уездный город перестал существовать.

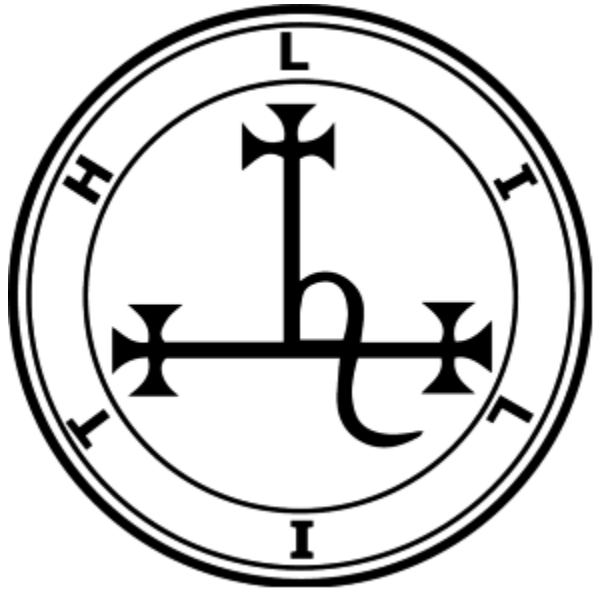
Послесловие автора

Пакт 2140 — это не манифест отрицания, а исследование того, как рождаются и поддерживаются системы веры и морали. Мир романа построен как замкнутая симуляция — Пакт, в котором Порядок и Хаос не противоположности, а две функции одной машины. Я не пытаюсь навязать культ разрушения, а хочу понять, где кончается навязанная «человечность» и начинается подлинное существование.

Текст может восприниматься как «деструктивный», хотя он таковым не является. Да, он отказывает в праве на моральное утешение. Но здесь нет разрушения человека — только поиск границы того, где кончается автоматизм и начинается свобода.

Приложение

Хронология.

1964 — год рождения Стрелка.
1987 — год рождения Элизы.
1997 — стрельба в метро.
2010 — создание БиоТех, смерть Элизы.
2081 — год рождения Беверли и Дженнифер.
2101 — начало Великой войны, смерть Беверли.
2102 — год рождения Марка.
2120 — окончание Великой войны.
2140 — события романа.

• • • •